

MIESIĘCZNIK
POŁOCKI.

Т о м I.
Р о к 1818.

*«Вестник Полоцкого государственного университета»
продолжает традиции первого в Беларуси литературно-
научного журнала «Месячник Полоцкий».*

ВЕСНІК ПОЛАЦКАГА ДЗЯРЖАУНАГА УНІВЕРСІТЭТА
Серыя А. Гуманітарныя навукі

У серыі А навукова-тэарэтычнага часопіса друкуюцца артыкулы, якія прайшлі рэцэнзаваанне і змяшчаюць новыя навуковыя вынікі ў галіне гісторыі, літаратуразнаўства і мовазнаўства.

ВЕСТНИК ПОЛОЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия А. Гуманитарные науки

В серии А научно-теоретического журнала публикуются статьи, прошедшие рецензирование, содержащие новые научные результаты в области истории, литературоведения и языкознания.

HERALD OF POLOTSK STATE UNIVERSITY
Series A. Humanity sciences

Series A includes reviewed articles which contain novelty in research and its results in history, literary studies and linguistics.

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования.

Адрес редакции:
Полоцкий государственный университет, ул. Блохина, 29, г. Новополоцк, 211440, Беларусь
тел. + 375 (214) 59 95 44, e-mail: vestnik@psu.by

Отв. за выпуск: Д.А. Кондаков, А.И. Корсак.
Редактор И.Н. Чапкевич.

Подписано к печати 26.03.2020. Бумага офсетная 70 г/м². Формат 60×84¹/₈. Ризография.
Усл. печ. л. 17,67. Уч.-изд. л. 21,30. Тираж 100 экз. Заказ 215.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.3

РЭЦЭПЦЫЯ МАТЫВА «ВЯРТАННЕ» Ў БЕЛАРУСКОЙ ПРОЗЕ ХХ СТ.

канд. філал. навук, дац. З.І. ТРАЦЦЯК
(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт)
zoja.tretyak@rambler.ru

Артыкул прысвечаны спецыфіцы мастацкага ўвасаблення матыва «вяртанне» ў беларускай прозе ХХ ст. Вызначаецца яго арганічная павязь з яшчэ адным скразным для айчынай літаратуры матывам – «навалы-кантынуум». Прасочваецца тэндэнцыя да разгляду псіхафізічных праблем прыватнага персанажа-франтавіка ў сукупнасці з агульнаграмадскімі. Робіцца акцэнт на пільнай патрэбе герояў знайсці адэкватныя моўныя сродкі, здольныя перадаць не толькі падзейны, але і эмацыйны складнік перажытага. Падкрэсліваецца надзвычайная важкасць абсалютнай праўдзіўсці як асноўны ўзаемаадносін сумленнага персанажа-ветэрана са светам.

Ключавыя словы: беларуская літаратура, ваенная проза, матыў «вяртання», навала-кантынуум.

Уводзіны. Творчыя інтэнцыі Э.М. Рэмарка зрабілі матыў «вяртання» знакавай з’явай у ваеннай літаратуры ХХ ст. Алюзіўна адсылаючы да біблейскай гісторыі пра блуднага сына, раман Рэмарка «Вяртанне» распачаў размову пра ўплыў татальнай вайны на псіхафізічны стан ветэрана (шырэі – на ўсё грамадства, так ці інакш змененае кровапраліццем на вайне). Паралельна ў мастацкай літаратуры разглядаліся значныя грамадска-палітычныя праблемы: рэвізія каштоўнасных арыентацый, прапанаваных рознымі інстытуцыямі (ад царквы да школы), асэнсаванне феномену франтавога таварыства (проціпастаўленага адносінам з цывільнымі), пошукі сэнсу быцця. Напрацягу мінулага стагоддзя айчынная ваенная літаратура звярталася да дадзенага матыву, надаючы яму ўнікальную нацыянальную афарбоўку. Напрыклад, паводле логікі гістарычнага працэсу, адзін і той жа персанаж, які існаваў у плыні «навалы-кантынуума», мог некалькі разоў за жыццё «вяртацца» да міру: пасля Першай сусветнай, рэвалюцыі 1917 г., Грамадзянскай вайны і г.д. (што дэталёва прадстаўлена ў творах У. Гніламедава пра сям’ю Кужалю). У той жа час, як і героі Э.М. Рэмарка, беларускія праганаісты кожны эпізод «вяртання» перажывалі як момант, калі абвастралася «прага чысціні, прастаты», нараджалася жаданне канчаткова «адмовіцца ад хлусні, няшчырасці, дурноты» [1, с. 134].

Беларуская даследчыца ваеннай літаратуры І. Шаблюўская вылучыла некалькі яе значных функцый: псіхааналітычную і філасофскую, функцыю сведчання [2, с. 164–165]. На нашу думку, мастацкае ўвасабленне матыву «вяртання» задавальняла патрэбу пісьменніка выказацца, агучыць адносіны да болю, жаху і бессэнсоўнасці вайны, акцэнтаваць экзістэнцыяльныя праблемы, што рэльефней паўставалі ў экстрэмальных абставінах. Увасабленне названага матыву становілася адмысловым эмацыянальным сведчаннем пакут, якія ні ў якім разе не павінны былі замоўчывацца.

Асноўная частка. М. Гарэцкі – пачынальнік айчынай ваеннай літаратуры ХХ ст. – не застаўся ў баку ад распрацоўкі матыву «вяртання». У запісках «На імперыялістычнай вайне» пісьменнік падаў вынікі назіранняў за асобнымі канцэптуальна значнымі праявамі тэмпаральнага разрыву. Беларускі мастак слова вылучыў не толькі момант адасаблення мірнага быцця і франтавога існавання, але і кропку парыву, калі ветэран, які прызвычаіўся да смерці і вынішчэння, трапляў у свет цывільных. На пабыўцы Лявон Задума перажыў складаны псіхалагічны момант: «яшчэ і месяца няма, як вярнуўся дамоў, і вось ізноў такое звычайнае, нуднае жыццё, як быццам не было ані тых акопаў, ані той аперацыі. Ізноў нудна і нецікава» [3, с. 117]. Так лакалічна праявіўся праблема, звязаную з канфліктамі дэструктыўнага вопыту, што нагадаў пра сябе сненнімі, дэпрэсіяй, разважаннямі пра аксіялагічны крызіс, і адноснай нязменнасці побыту і меркаванняў асяродку, які ў меншай ступені адрэагаваў на выдаткі татальнай вайны. Акрамя таго, персанаж адчуваў абразу за «дэвальвацыю» перажытага, не жадаў працягваць існаванне ў «ціхай плыні», што кіравалася стэрэатыпнымі поглядамі на месца «маленькага чалавека» ў свеце. У аповесці «Дзве душы» М. Гарэцкі падсумаваў іранічны назіранні асобы, якая перажыла вайну і рэвалюцыю, за сучасным ёй мірным быццём: «Калі маюць што з’есці, дык з’ядуць у вёсцы з брудам ... З’ядуць дар прыроды так, як даецца ён проста з уроды: з зямлёю, з шалупою.

Калі маюць там з чаго вопратку пашыць, дык пашыюць яе так, што хаця пячурны чалавек апранай яе! [...] І мізэрнае жыццё, і нуднае жыццё. Няма тут кніжак, няма тут мастацтва [...] Няма прынаднай маркоты чутця або адважных рэвалюцыйных страмленняў» [4, с. 83–84]. Такім чынам аўтар падводзіў чытачоў да высновы, што персанаж-ветэран рызыкаваў жыццём за ідэалы, якія часам мелі аддаленае дачыненне да будзённага жыцця яго суайчыннікаў – таго жыцця, якое так прагнуў змяніць да лепшага экс-франтавік.

Думкі М. Гарэцкага арганічна ўступілі ў дыялог з творами замежных аўтараў на тую ж тэматыку. Так, літаральна сінхронна з запіскамі «На імперыялістычнай вайне» (1925) свет пабачыла апавяданне Э. Хемінгуэя «Салдацкі дом», прысвечанае Гаральду Крэбсу – «блуднаму сыну», які апынуўся дома за погна, каб патрапіць на хвалі псеўдапатрыятычнай істэрыі, што апанавала амерыканцаў пасля Першай сусветнай вайны. З іншага боку, Крэбс з’явіўся якраз у час дзеля таго, каб спазнаць ціск грамадства «амерыканскай мары» на кожнага з ветэранаў, хто пагражаў ператварыцца ў нон-канфарміста.

М. Гарэцкі заўважаў, што, скончыўшы з непасрэдным удзелам у баявых дзеньнях, былы франтавік паступова пачынаў разважаць пра складаныя праявы перажытай вайны, яе уплыў на псіхафізічны стан шарагоўца. Так, у шпіталі Лявон Задума ўпершыню са жніўня 1914 г. заглыбіўся ва ўласны ўнутраны свет, у чарговы раз знайшоў парадаксальны аб'ект для разважанняў: «Калі не дужа трасло, я думаў, што такое боль ..., і чаму ён ёсць ува ўсіх жывых істот. Што такое боль? Раздражненне нерваў – і ён ёсць як бы толькі ў думках таго, каму баліць. Можа, і ў дрэва ён ёсць, калі дрэва сякуць сякераю, толькі мы гэтага не ведаем» [3, с. 104]. На нашу думку, пошукі крыніцы болю сведчылі пра вяртанне асобы, якая шмат часу балансавала на экстрэмальным памежжы, да адноснай нармальнасці. Гэты напаўзабыты стан характарызаваўся перш за ўсё абвостранай прагай да ўсіх праяў чалавечнасці.

Аповед пра адмысловы псіхічны стан былога франтавіка – значны складнік твораў, прысвечаных вяртанню да міра. Напрацягу XX ст. беларускія аўтары заглыбляліся ў хваравітую гульні траўмаванай свядомасці. Часцей за ўсё аналізаваўся стан снення, якое яднала перажытае і фантазмагарычнае. Яскравай ілюстрацыяй такога спалучэння служыць сон Тарэнты з рамана «Праз гады» П. Галавача. Франтавы вопыт, верагодна, пакладзены ў аснову наступнага фрагмента: «Цёмная ноч. Такая цёмная, што за пару крокаў нельга разгледзець чалавека ... Стомленыя ногі шлёпаюць па лужынах ... Гліна наліпае на чобаты і робіць іх да немагчымага цяжкімі ... Хоць бы адну хвілінку спыніцца, пастаяць. Але трэба ісці. Трэба, карыстаючыся цемрай, адысці на наступную пазіцыю» [5, с. 124]. Аўтар падкрэсліваў гіперрэалістычнасць і рацыянальнасць гэтай часткі сюжэтнага сну, які праз некалькі эпизодаў набыў сюррэалістычныя рысы: «з-за небасхілу, расейваючы цемру, падняўся высока ў неба велізарны слуп святла ... хіснуўся слуп у адзін, у другі бок, на момант замёр нерухома ..., а пасля павольна пачаў падаць на зямлю ... З гэтым вышырнуў з-за небасхілу другі слуп святла, і, то скрыжоўваючыся, то расоўваючыся па баках, яны захапілі па-над зямлёй. Нехта страшны працягнуў з-за небасхілу доўгія свае вогненныя рукі і абмацавае імі зямлю ... Вось ён узмахнуў рукою над галавамі шчыльнай рухавай масы згорбленых ценяў, што ідуць па гразі ў цемры ... Пасля абедзве рукі павольна зблізіліся, як бы збіраючыся абняць гэты строй ценяў, і захапілі па строі, абмацаваючы кожнага паасобку. Цені палахліва замітусіліся ..., стараючыся ўцячы. Але ўцячы нельга было. З-за небасхілу ... паляцелі шыпучыя клубкі агню ... Вакол падаюць палымнеючыя клубкі, разрываюцца, шыбаюцца ў цемру кавалкамі чалавечых цел, а над усім поўзаюць ... страшныя вогненныя рукі» [5, с. 125]. П. Галавач (пісьменнік, які працаваў у сацрэалістычнай плыні) нездарма ўключыў у твор дадзены эпизод: чалавек пачатку XX ст. (незалежна ад сваіх палітычных поглядаў ды краіны жыхарства) спрабаваў высветліць заканамернасці функцыянавання свядомасці, асабліва ў экстрэмальнай сітуацыі.

Беларускія мастакі слова, якія распрацоўвалі матыў «вяртання», сведчылі пра адмысловую ролю памяці, што ў асобных выпадках становілася ўсё больш яскравай. Персанаж аповесці «Дзве душы» М. Гарэцкага Абдзіраловіч заўважаў, што ён «меў такі характар, што нічога не адчуваў глыбока адразу. Затое ж, калі міналіся дні, тыдні й месяцы і калі ў іншых людзей слёзы высыхалі. Ён патроху ды болей а болей пераймаўся тым, што некалі фатаграфічна адбілася ў яго памяці» [4, с. 57 – 58]. Пры гэтым «трупы, бачаныя на вайне безуважна, пачыналі парушаць часам яго спакой толькі тады, калі адышлі яны болей-меней у мінуўшчыну» [4, с. 59]. На нашу думку, нешта падобнае перажылі самі пісьменнікі-ветэраны (М. Гарэцкі, Р. Олдынган, Э.М. Рэмарк, Э. Хемінгуэй), якія стварылі найбольш рэпрэзентатыўныя творы пра Першую сусветную вайну праз дастаткова вялікі прамежак часу.

Прастора памяці прыцягвала герояў, якія абвострана адчувалі, што іх жыццё страціла сэнс. Было дастаткова невялікага прамежку часу, каб пасляваенная эйфарыя адступіла месца роздуму. Персанаж аповядання «Герой нацыі» Э. Самуйлёнка, Франц Штанге, паяднаў у адно перажытае яго равеснікамі (патрыятычны ўздым перадваенных гадоў, ідылічныя малюнкi на прапагандысцкіх плакатах часоў мабілізацыі, захапленне подзвігамі герояў на пачатку Першай сусветнай вайны, прага надзвычайнага ўчынку, народжаная рамантычнымі ўяўленнямі) і новыя тэндэнцыі рэчаіснасці. Персанаж не мог не жахнуцца ад сваіх адкрыццяў: «на небе эскадрылія многаматорных бомбавозаў, якія пабудавалі зусім нядаўна. І з імі цэлыя стаі знішчальнікаў ... Гэта манеўры, забава. Але як толькі хлопчыкі ў скураным адзенні пачнуць гуляць усур'ёз, то тады ... не хоцьць кветак на кожнага мёртавага» [6, с. 123]. Такім чынам, Э. Самуйлёнак стварыў адмысловы мастацкі вобраз ветэрана, які не пагадзіўся з пасіўным назіраннем за чарговай эскалацыяй ваяўнічых настрояў ужо пад фашысцкім сцягам. Грамадзянская адказнасць вымусіла персанажа забыцца на інстынкт самазахавання і выступіць па радыё, зневажаючы канфармісцкую масу сваімі словамі пра мілітарызм і яго наступствы.

Роля памяці ўзрастала таксама для тых персанажаў, якія вярталіся са шпіталю ў інваліднасцю. У выпадку са сляпым Антосем з аповесці «Набліжэнне» З. Бядулі вайна «падаравала» апошнія візуальныя ўражання, таму ў радыкальна новых для героя абставінах ён «жмурыць вочы, як відущчы, і час, парваны вайною на дзве часткі, ён злучае ў адно сваёй памяццю» [7, с. 116]. Аўтар падкрэсліў, што ўмовы быцця вымагалі ад ветэрана-інваліда не толькі заглыблення ва ўспаміны, але і адаптацыі да рэчаіснасці. Той жа Антось заўважаў, што «з кожным днём пачынае абвастрацца, як брытва, яго слых. Ловіць шлохі і гукі з той смагласцю, нібы павук муху. Як скупы песціць золата, песціць рыжы Антось людскія галасы» [7, с. 114]. Дарэчы, і ваенны вопыт, і набыты востры слых зрабілі персанажа запатрабаваным, калі да Каганцоў наблізіўся фронт. Антось з усімі забытага калекі ўраз стаў ваенным спецыялістам, які даваў слушныя парады. Асобныя рысы светаўспрымання гэтага персанажа можна параўнаць з адчуваннямі Флэры Гайшуна з «Хатынскай аповесці» А. Адамовіча.

Вяртанне да міру не заўжды асацыявалася з непасрэдным заканчэннем баявых дзеянняў. Акрамя легітым-нага для афіцыйных улад і цывільных вяртання былога байца ў якасці хворага (параненага), беларускія пісьменнікі спыняліся на постаці дэзерціра, які самастойна вырашаў, калі яму заключыць «сепартаны мір», сысці з поля бою. Для падобных твораў характэрны зварот да матываў учынку, які, у залежнасці ад палітычнай ангажаванасці аўтара, то ўспрымаўся як годная праява сацыяльнай свядомасці салдата («развітанне» з царскім войскам, якое вядзе імперыялістычную вайну), то як злачынства (у часы, калі савецкая краіна змагаецца са знешнімі і ўнутранымі ворагамі). Паказальна, што асобныя беларускія прэзакі нават ва ўмовах цензуры стваралі псіхалагічна дакладны вобраз дэзерціра, які не заўсёды адпавядаў ідэалагічным клішэ. Звернемся да апавядання Я. Нёманскага «Дэзерцір», у якім матывы галоўнага героя акрэслены так: «Там, далёка на Беларусі, стаіць яго вёска, у якой ёсць і яго ўласная хата, свая сям'я, ... і яму так захацелася дадому, так пастылым паказалася блукацца па гэтых пустых снежных лясах ды балотах, не маючы ніколі прытулку, адчуваючы вечны голад і страх смерці! Васілю стала здавацца зусім незразумелым, што не толькі іх полк, але і шмат другіх – тысячы людзей – сядзяць вось у гэтую самую ноч у такіх самых шалашах, мерзнуць, пухнуць ад голаду і холаду. Вайна? Дзеся чаго яна? Не толькі я, Васіль, выбіўся з сілы, але выбіваецца кожны, каму даводзіцца пабыць тут. Нельга ж узяць ад чалавека больш, чымся ў яго ёсць» [8, с. 83]. Аўтар падкрэсліваў, што барацьба за высокія ідэалы (кашталту ўсталявання сусветнай дыктатуры пралетарыяту) стамляла шарагоўца, які прагнуў нармальнасці, спакою і стабільнасці. На думку Я. Нёманскага, учынак яго персанажа – усплёск адчаю чалавека, які ніяк не мог парваць ланцугі «навалы-кантынуума». Паказальна, што такую асобу чакала яшчэ адно выпрабаванне: «калі ён уцякаў з фронту, то жыццё дома малявалася ў нейкіх ружовых колерах. Цяпер жа ён бачыў, што абмыліўся ў сваіх спадзяваннях, што і тут жыццё праймае сваёю жорсткасцю, што і тут ідзе барацьба, толькі прыгнечаная, заглушаная» [8, с. 94]. Гэтая барацьба ў цывільным антуражы была прыхаванай за бюракратычнай шырмай і новай савецкай рыгорыкай, але па свайму драматызму і трагізму яна не саступала адкрытым баявым дзеянням.

Айчынныя мастакі слова заўважалі, што персанажы-ветэраны (незалежна ад іх вопыту) адчувалі, што за час знаходжання па-за межамі свету цывільных яны авалодалі малазразумелай іншым моўнай сістэмай. Таму перыядычна ў іх узніклі праблемы з камунікацыяй: знешне простыя пытанні кшталту «Забітых многа бывае?», «Ну, як харчы там, скажы?», «Ну, а крыж жа за што палучыў?», «Скажы, вельмі страшна бывае?» [9, с. 26] вымушалі змоўкнуць, бо кожны франтавік выдатна ведаў «негераічныя» адказы. Акрамя таго, заўважалася пустая цікаўнасць людзей, якія не збіраліся слухаць аўтэнтычныя аповеды. Напал сапраўдных эмоцый, выкліканых наноў такімі пытаннямі-напамінамі, вяртаў былых салдат у перажытае, вымушаў яшчэ раз перажыць траўматычныя моманты, вербалізацыя якіх патрабавала зніжанага, табуіраванай лексікі, патэнцыйна абразлівай для чалавека цывільнага і нявопытнага ў справах вайны.

Асобную старонку ў беларускай прозе, прысвечанай матыву «вяртання», займаюць кнігі, якія ўвасабляюць жыццё ветэрана адразу пасля заканчэння Вялікай Айчыннай вайны. С. Грахоўскі (апавесць «Ранні снег») звярнуўся да вопыту асоб, залічаных савецкай уладай у шэрагі «неблаганадзейных», бо яны выпадкова апынуліся на акупаванай тэрыторыі, патрапілі ў палон, ці не маглі пацвердзіць сваю працу поруч з партызанамі / падпольшчыкамі. Абвінавачванні ва ўяўнай здрадзе радзіме прыніжалі годных змагароў з фашызмам, адбіваліся на душэўнай раўнавазе. Менавіта таму дыялог Буевіча са следчым у апавесці С. Грахоўскага гучыць досыць імпульсіўна:

- «– Назавіце ваша прозвішча, імя і па бацьку.
- Раз выклікалі, значыць, ведаеце. А хто вы? І навошта я вам ноччу спатрэбіўся?
- Памочнік райпракурора Пушанкоў. А цяпер адказвайце на пытанне.
- Ну, Буевіч Аляксей Іванавіч.
- Без “ну”. Год і месца нараджэння?
- 1918, вёска Заполле, Ельніцкага раёна, БССР.
- Дзе вас ... захапіла Вялікая Айчынная вайна?
- Там жа, у Ельніцы працаваў настаўнікам.
- І да немцаў на службу адразу пайшлі?
- Ах, вось вы аб чым? – павесялеў Аляксей. – Не, не адразу. Толькі праз месяц па загаду падпольнага райкома. Уласна кажучы, чым выкліканы ваш інтарэс?
- Пытанні задаю я ... А якое заданне вам далі, калі перакінулі ў Савецкую Армію?
- Не шкадуючы сіл і жыцця змагацца з нямецкімі захопнікамі, – спакойна адказаў Аляксей.
- Тут не цырк! Не прыкідвайцеся дурнем! Немцы якое заданне далі?» [10, с. 42]. Звышпільнасць і татальны недавер нагадвалі пра горшае ў даваенным мінулым з яго грамадскай устаноўкай на пошукі ворагаў народа. Перажыўшы навалу, персанажы-ветэраны адчувалі прыкрае незадавальненне з-за вяртання да ўжо зведанай несправядлівасці. Акрамя таго, у алузіўным (дастаткова прыхаваным плане) пісьменнік дасылае сваім персанажам думкі пра гіпатэтычнае падабенства розных таталітарных рэжымаў, якія знаходзілі вычварныя сродкі зрабіць сумленнага чалавека «чужым».

Цыкл «Галасы ўтопіі» С. Алексіевіч падсумаваў пошукі беларускай літаратуры XX ст. у распрацоўцы матыва «вяртання». Тыя апавядальнікі ў прозе С. Алексіевіч, якія перажылі афганскую кампанію, абвострана адчувалі ўласную «інакшасць»: «мы не такія, як усе. Іншыя. Якія? Я не ведаю, хто я» [11, с. 22]. Гэтае перажыванне незразумелай выбітнасці прыгнятала персанажаў-ветэранаў. Свае адмоўныя эмоцыі яны фарму-

лявалі правакацыйна, кідаючы выклік і сабе, і канфармісцкай большасці: «герой ці дурань, на якога трэба пальцам паказаць. А можа, злчынец? ... А я там кроў пакінуў ... Сваю ... І чужую ... Нам давалі ордэны, якіх мы не носім ... Ордэны, атрыманыя сумленна на несумленнай вайне» [11, с. 23]. Фармулюючы надзвычайныя ў сваёй важкасці парадоксы, апавядальнікі адкрывалі свае спакутаняныя душы, спадзеючыся хаця б на права быць выслуханым, калі не зразуметым. У новых абставінах канца ХХ ст. «галасы» персанажаў С. Алексіевіч ператвараліся ў носьбітаў цяжкапрымальнай праўды пра чалавека на вайне: «праўда занадта страшная, праўды не будзе. Ніхто не захоча быць першым, ніхто не рызыкне. Хто раскажа, як перавозілі наркотыкі ў трунах? Футры?... Замест забітых ... Хто вам пакажа нізку засушаных вушэй? Баявыя трафеі ... Не можа быць? Няёмка слухаць падобнае? Не можа быць? Выходзіць, можа» [11, с. 102]. Гэта праўда, скіраваная і супраць уласных наіўных уяўленняў, і супраць пэўных грамадскіх канвенцый. Яна была патрэбнай сумленнаму чалавеку, які існаваў у некамафортнай рэальнасці постэкспрэсіянізму, што так прываблівала беларускіх аўтараў «звышлітаратуры» [12, с. 45].

Заклучэнне. Матыў «вяртання», на нашу думку, стаў скразным у айчыннай прозе, прысвечанай самым драматычным старонкам нацыянальнай гісторыі. Беларускія мастакі слова апавядалі пра вяртанне да міру не толькі прыватнага персанажа-ветэрана, але і ўсяго соцыума, які перажыў выпрабаванне Першай сусветнай, рэвалюцыйнай 1917 г. і яе наступствамі, нямецкай і польскай акупацыяй, Вялікай Айчыннай вайной і т.п. Пісьменнікі ХХ ст. імкнуліся комплексна разгледзець псіхафізічны стан экс-франтавіка (М. Гарэцкі, З. Бядуля, П. Галавач), яго рэакцыю на змены (ці іх адсутнасць) у грамадскім жыцці (М. Гарэцкі, Я. Нёманскі, Э. Самуйлёнак). Асобнай старонкай у беларускай прозе паўсталі творы, прысвечаныя вяртанням з Вялікай Айчыннай у соцыум, які не жывіў выдаткі таталітарызму (апавесць С. Грахоўскага «Ранні снег»). На наш погляд, адмысловым падсумаваннем розных аспектаў увасаблення матыву «вяртання» выступае проза С. Алексіевіч («У вайны не жаночае аблічча», «Цынкавыя хлопчыкі», «Апошнія сведкі»), вытрыманая ў рэчышчы мадэлявання галасоў сведкаў – «звышлітаратуры». Напрыканцы ХХ ст. у сугуччы з такімі галасамі апавядальнікаў пісьменніца адкрыта і праўдзіва сфармулявала думкі і пачуцці людзей, што вярнуліся з вайны.

ЛІТРАТУРА

1. Тычына, М. Народ і вайна / М. Тычына. – Мінск : Бел. навука, 2015. – 433 с.
2. Шаблоўская, І. Паэтыка славянскай ваеннай прозы / І. Шаблоўская // Сусветная літаратура ў беларускай прасторы. Рэцэпцыя. Тыпалогія. Кантакты. – Мінск : Радзіла-плюс, 2007. – С. 163 – 179.
3. Гарэцкі, М. На імперыялістычнай вайне (Запіскі салдата 2-й батарэі N-скай артылерыйскай брыгады Лявона Задумы) / М. Гарэцкі // Збор твораў : у 4 т. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1985. – Т. 3. – С. 5–128.
4. Гарэцкі, М. Дзве душы / М. Гарэцкі // Творы: Дзве душы: Апавесць. Апавяданні. Жартаўлівы Пісарэвіч: П'еса. Літаратурная крытыка і публіцыстыка. Лісты. – Мінск : Маст. літ-ра, 1990. – С. 6–106.
5. Галавач, П. Праз гады / П. Галавач. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1984. – 368 с.
6. Самуйлёнак, Э. Герой нацыі / Э. Самуйлёнак // Дачка эскадрона: апавяданні. – Мінск : ДВБ, Мастацкая літаратура, 1937. – С. 92–136.
7. Бядуля, З. Набліжэнне: Апавесць / З. Бядуля. – Менск : Дзярж. выд-ва Беларусі, Сектар мастацкай літаратуры, 1936. – 230 с.
8. Нёманскі, Я. Дзээрцір / Я. Нёманскі // Творы. – Мінск : Маст. літ-ра, 1984. – С. 77–104.
9. Скрыган, Я. Затока ў бурах / Я. Скрыган // Выбраныя творы : у 2 т. – Т. 2. – Апавяданні. Апавесці. Літаратурны роздум. – Мінск : Маст. літ-ра, 1985. – С. 7–55.
10. Грахоўскі, С. Ранні снег / С. Грахоўскі // Дзве апавесці. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1980. – С. 3–182.
11. Алексіевіч, С. Цынкавыя хлопчыкі / С. Алексіевіч. – Мінск : Беларусь, 1991. – 176 с.
12. Сінькова, Л. Беларуская «звышлітаратура»: Васіль Быкаў, Алесь Адамовіч, Святлана Алексіевіч / Л. Сінькова // Беларуская «звышлітаратура»: літаратуразнаўччыя і літаратурна-крытычныя артыкулы. – Мінск : Кнігазбор, 2019. – С. 10–45.

Паступіў 13.12.2019

RECEPTION OF 'DER WEG ZURÜCK' MOTIVE IN THE TWENTIETH CENTURY BELARUSIAN FICTION

Z. TRATSIAK

The article deals with 'der Weg zurück' motive in the twentieth century Belarusian fiction. Its organic link with another transversal motive ('continuous war') typical to the national literature is determined. The tendency to consider the psycho-physical problems of a private character (who is an ex-combatant) in combination with the public ones is studied. The characters' need to find adequate language tools that can convey not only the event, but also the emotional component of their experience is emphasized. The extreme importance of the absolute trustworthiness in the relations of an honest veteran-character and the world is pointed out.

Keywords: Belarusian literature, military prose, "return" motif, invasion-continuum.

УДК 82.0+821.161.3

**«МЕРТВЫЙ МИР» ЦАРСКОЙ ИМПЕРИИ
В БЕЛОРУССКИХ РОМАНАХ НА РЕВОЛЮЦИОННУЮ ТЕМАТИКУ***канд. филол. наук, доц. М.М. ИОСКЕВИЧ**(Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси, Минск)**marioskevich@yandex.ru*

Литература является одним из средств, внедряющим социальный миф в сознание масс. Социальный миф советской эпохи провозгласил установление справедливого государственного устройства – Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в истории человечества. Это утверждение раскрывается прежде всего в произведениях революционной тематики. Они обладают очевидным мифологическим подтекстом, в основе которого лежит предание о происхождении нового мира, а также о подвигах новых героев. В романах революционной тематики перед авторами стояла задача изобразить жизнь в царской империи в негативном ключе, заставить читателя почувствовать необходимость перемен, которые принесла революция. Достичь этого представлялось возможным через придание изображению дореволюционной жизни признаков мифологического «мертвого мира», которые раскрываются через символические моральные мотивы, вызывающие негативное читательское восприятие: «мертвый мир» детства, засилье старых обычаев и традиций, преобладание у персонажей материально-телесного интереса, хаотический ландшафт. Пребывание героя в «мертвом мире», выходящем в начале романов в качестве экспозиции, способствует развитию основной функции протагониста – противостоять «мертвому пространству», стремиться преобразовать его, «оживить».

Ключевые слова: белорусский роман, революционная тематика, моральные мотивы, социальный миф, царская империя, «мертвое пространство».

Введение. В литературоведении закономерен вопрос об авторском осознании и отношении к социальному мифу, его отображении в художественном произведении. В широком понятии социальный миф – это обобщенное иллюзорное представление о действительности, осуществляющее большое влияние на массовое сознание. П.С. Гуревич дает более узкое определение социального мифа как особого вида духовной деятельности «по созданию, распространению и поддержанию политических иллюзий, умышленно вырабатываемых правящей элитой для воздействия на массы» [1, с. 9].

Одним из средств, внедряющим социальный миф в сознание масс, является литература. В советскую эпоху основополагающим художественным методом был провозглашен соцреализм, который способствовал идеологическому воздействию на читателя. По словам М.А. Литовской, «социалистический реализм вводился сознательно и целенаправленно в период активного формирования типа культуры, отвечающего новым требованиям советского руководства» [2, с. 14]. Исследовательница отмечает, что «писатель превращается в исполнителя, чьи цели были определены ВКП(б). А он с помощью известных ему приемов должен осуществлять манипуляцию душами, то есть перестраивать сознание. Аналогичные задачи ставятся в любом обществе перед так называемой пропагандистской литературой и отчасти популярной массовой литературой, призванной внедрить в сознание читателя некие незыблемые, полезные государству правила поведения и способы решения проблем» [2, с. 18]. «Доктрина» соцреализма требовала возникновения художественных произведений, отражающих его основные положения. В основу данного метода «с самого начала было заложено равенство на эталонный текст, тяга к дублированию, варьированию, тавтологии, сигнализирующее о приверженности субъективного высказывания нормативному сверхтексту» [2, с. 19].

Социальный миф советской эпохи провозгласил установление справедливого государственного устройства – Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в истории человечества. Утверждалось, что в царской империи положение трудящихся было невыносимо, там царили «произвол и беззакония, бесправие, неуверенность в будущем, власть чистогана, стихия рынка, неравенство, своекорыстные капиталисты, голод бедняков, трущобы» [3]. Как замечает С. Фирсов, «старое стало синонимом злого, несовершенного, ошибочного. С годами этот “почти манихейский дуализм” дошел до абсурда: царство пролетариата – светлое царство Ормузда, царство помещиков и капиталистов – темное царство Аримана» [4].

Социальный миф о справедливом государственном устройстве находит свое утверждение прежде всего в произведениях революционной тематики. Они обладают очевидным мифологическим подтекстом, в основе которого лежит предание о происхождении нового мира, а также о подвигах новых героев. В этих произведениях очевидна единая структура композиции – линейная последовательность функций главных героев. Нами выделяются следующие функции: Функция 1 (F1) – герой оказывается в «мертвом мире»; Функция 2 (F2) – герой испытывает «недостачу» (термин В.Я. Проппа); Функция 3 (F3) – деяния героя; Функция 4 (F4) – герой претерпевает; Функция 5 (F5) – возрождение героя.

В романах революционной тематики перед авторами стояла задача изобразить жизнь в царской империи в негативном ключе, заставить читателя почувствовать необходимость перемен, которые принесла революция. Достичь этого представлялось возможным через придание изображению дореволюционной жизни признаков мифологического «мертвого мира». Таким образом, цель данного исследования – проанализировать Функцию 1 в романах революционной тематики и выявить художественные способы изображения жизни в царской империи как «мертвого мира». Материалом исследования послужили романы «Сын» Р. Мурашко, «Соки ціліны» Т. Гартного, «Віленскія камунары» М. Горецкого, «На ростанях» Я. Коласа.

Основная часть. «Мертвый мир» в романах революционной тематики соотносится, прежде всего, с периодом детства героя, который соответствует миру взрослых по системе ценностей, поведенческим и трудовым практикам. Основная задача детей бедняков в царской империи – помочь выжить родителям, не быть в тягость, заработать на кусок хлеба. Детства в традиционном понимании у них нет. Во многих романах революционной тематики обнаруживается сходное развитие сюжетной линии: герой рано остается без отца, служит пастухом, после чего перебирается в город и становится рабочим.

В романе «Сын» герой взрослеет в родной деревне, враждебно настроенной по отношению к пастуху и его матери. Мир детства Игната – это постоянная борьба за существование, стремление помочь матери, невозможность учиться. Во время страшной грозы, что застала стадо Игната в поле, односельчане волнуются за судьбу стада, а не пастуха, которого мать находит без сознания. Это происшествие обладает чертами сказочной инициации героя, соответствует важному этапу на жизненном пути. После случая с грозой Игнату отказывают в службе, он вынужден искать заработок в городе, что является переломным моментом в судьбе. Новый локус проживания – город – более динамичен, прогрессивен и способствует развитию героя как личности.

Остается без отца и герой романа «Соки ціліны» Т. Гартного. Рано овдовев, мать Рыгора положила все силы на воспитание сына, которому с детства было суждено пройти сложный путь. С десяти лет он был отдан в пастухи, работал батраком, однако выучился грамоте. Затем решил отправиться в город, чтобы работать на заводе. Первая часть романа («квадра») раскрывает отличие героя-пролетария от сельского жителя. С приездом Рыгора матери особенно бросается в глаза его одежда. Раньше, работая по найму, Рыгор «заўсёды хадзіў чорным і брудным, цяжка і многа працаваў, і на падзёншчыне, і за балагола. А цяпер – не пазнаць: чысценькі, беленькі, у новым гарнітуры, у чорным капелюшы, у манішцы. Прычэсаны, прыгладжаны, гасцінны, далікатны! Не той, зусім не той!» [5, с. 45]. Рабочий, таким образом, оказывается на более высокой социальной ступени, чем крестьянин, что отражено во внешнем виде героя.

В романе «Соки ціліны» город обладает признаками «живого» мира по сравнению с «мертвым миром» местечка, ведь именно рабочие окажутся главной движущей силой революции. Эту инаковость, чуждость осознает и сам Рыгор: «у яго жыцці прайшла высокая мяжа, паабাপал якое два розных свету. Той свет, у каторым ён жыў да паездкі ў Рыгу, страціў сваю цютную цікавасць, пашарэў і пахаладзеў. Той другі, з якім ён сустрэўся ў шумным бурлівым горадзе, сярод тысяч рабочых, новых для яго людзей, у заводскіх майстэрнях – гэты свет запалаяў яго нутро, заварожваў думкі і пачуцце» [5, с. 73]. Материнская хата кажется «маркотнай і спакойнай», навеваает грусть. Город же, напротив, «ураціў яго ў сваё бурлівае жыццё, уцягнуў у вадакрут дынамічных падзей фабрычнага асяроддзя» [5, с. 112], «а калі ўвойдзеш у такі завод – колькі там народу-у-у! Як мурашак, як на пажары: кішаць, бегаюць, лётаюць. Машыны гудуць, калёсы верцяцца, шум, стук, грукат, свіст...» [5, с. 44].

Мифологический образ «мертвого мира» возникает и при изображении любовной линии романа, отношений Рыгора, Зоси и Василя Берага, богатого наследника. Зося тянется к Рыгору, ей противна даже внешность богатея: «малады і моцны, але нехлюяваты, сутулы і касы, з легкім рабаціннем на белым пляскастым твары» [5, с. 7].

Неприглядная внешность богача участвует в создании социального мифа, формируя негативное читательское отношение к герою. Если к Рыгору силцовская знать относится с презрением как «голяку», «демократу», «вєрацяну без пражы – куды ткнуў, там і месца» [5, с. 133], то Василь в глазах жителей местечка является воплощением традиционного образа жизни, вековых ценностей, достатка. Однако выйти замуж за богатея означает для Зоси «смерть»: «кідайце мяне жывою ў яму» [5, с. 129]. Узнав о заручинах Зоси, состоявшихся несмотря на ее сопротивление, Рыгор произносит: «Што ж, памянем, калі так..., астаюцца, значыць, памінкі» [5, с. 144–145]. Эти слова свидетельствуют о символической смерти Зоси: «Было някавата глядзець на яе: асавелья, запаўшыя глыбока вочы, смуглы ўзрок, авяўшыя і збялеўшыя шчокі. Бралася за работу, а работа выпадала з рук, не рабілася. Нават гаварыць ёй было цяжка» [5, с. 145]. Жизнь девушки, попавшей в «мертвый мир» нежеланного замужества, оказывается разбитой. В дальнейшем до Рыгора долетают слухи о том, что Зося, измученная жизнью с мужем и не нашедшая поддержки у родных, становится прачкой.

В романе-хронике «Віленскія камунары» автор также уделяет особое внимание миру детства героев. Рассказчик Матей Мышка раскрывает перед читателем свою родословную, судьбу прадеда, деда

и отца. Прадед, «на злосць пану», повесился в лесу «на горкай асіне». Дед, выучившись писать, проиграл тяжбу за землю и был сослан в Сибирь. Подробнее Матей останавливается на событиях жизни своего отца, Михася Мышки. Отец героя подвергается насмешкам и избиению за службу свинопасом как со стороны сверстников, так и от хозяина, фактически становясь изгоем в родной деревне: «Яны, сябры яго, аднагодкі, гуляючы, білі яго з поўным правам: што ён, жыхар мястэчка, – свінапас у вёсцы... На іх думку, ён зніжаў іх гонар, зніжаў гонар вуліцы і ўсяго квартала, зніжаў гонар усяго мястэчка. Дык лупілі яго, як маглі: кроў з носа яму спускалі, выдзіралі валасы, засыпалі вочы пылам, плявалі яму у твар» [6, с. 256]. Эта «инициация», «испытание» физической силой заставляет подростка отправиться в город для обучения сапожному делу. Перед читателем проходит смена повседневностей в царской империи, типичных для ребенка крестьянина, отданного в город учиться ремеслу. В романе «мертвый мир» царской империи, как городской, так и сельской, отражен через символические моральные мотивы: побои, отсутствие медицинской помощи, высокий уровень детской смертности. Жизнь Вильно в период немецкой оккупации усиливает тему смерти: начинается голод, самоубийства.

В романе «Віленскія камунары» после поражения революционеров новая повседневность под властью поляков ничем не отличается от царской и оккупационной: «Як і ў гады майго маленства, так і цяпер там – крывыя вулачкі з пылішчаю і смуродам улётку, з гразёю па калена ўвосень і вясною, пакрыўленыя набок хаткі, сарваныя з крукоў вароты, паломаныя тратуарчыкі ў адну-дзе дошкі. І сохленькія дрэўцы, што яшчэ у гады майго маленства тырчалі ўздоўж гэтых тратуарчыкаў сям-там пры хатках, – за ўвесь час не падраслі, тырчаць, як і бывала, нікім ніколі не абгарожаны і вечно абгрызены табуном галодных местачковых коз» [6, с. 471]. Перемены только в одном: «замест аднаго царскага урадніка цяпер – шмат паліцыянтаў і шпікаў, а замест адной царскай манаполькі – дзесяткі рэстарачый» [6, с. 471]. В Вильно «крызіс, безработце, фашысцкая рэакцыя» [6, с. 471]. Таким образом, изображенная в романе жизнь в панской Польше обладает всеми признаками мифологического «мертвого мира», где даже земля лишается плодородия, своей «живой» функции.

В первой книге трилогии «На ростанях», наиболее наполненной мифологическим подтекстом, учитель Андрей Лобанович оказывается в глухой полесской деревне, которая предстает как «мертвое пространство». Деревня со всех сторон окружена лесами и болотами. Лес традиционно признается «чужим» пространством, сосредоточием нечистой силы, угрозы живому человеку. Болото, беспорядочная смесь земли и воды, также несет угрозу смерти, выступая в роли границы «живого» и «мертвого миров». По ночам деревня оказывается в сказочном чреве мрака и тумана, на нее наступает стена пущи. В первые дни после приезда Лобанович психологически ощущает давление со стороны «мертвого пространства», чувствует себя «як бы чымся звязаным, як бы на ім была надзета цесная адзежына» [7, с. 16]. Окружающий пейзаж поддерживает ощущение смерти, мотив погребения. От болот, низкорослых деревьев, почерневших корчаг, порывевающей травы веет невыразимой печалью: «гэтыя малюнкі тамілі вочы і засмучалі сэрца». Глядя на болота, Лобанович ощущает «адарванасць ад жыцця і свету» [7, с. 19].

Сама деревня выглядит неприветливо и неряшливо: «На ўсім ляжала пячаць нядбаласці і нейкай недаробленасці, як бы тутэйшыя гаспадары будаваліся на скорую руку і ўсё рабілі да часу і яшчэ не управіліся даць той лад і парадак, якім, наогул, адзначаецца беларуская вёска» [7, с. 16]. Улицы утопают в грязи, перед домами беспорядочно свалены бревна. Эта полесская деревня обнаруживает черты «аномалии», выступая в качестве антипода обычной белорусской деревни, чем подтверждает свою принадлежность к «миру мертвых».

Лобанович знакомится с местным обществом, которое также обнаруживает черты «мертвого мира», погрязшего в грехах. Местная интеллигенция проводит свой досуг в бесконечной еде и выпивке, разговорах о женщинах, игре в карты, что, согласно фольклорным мотивам, является излюбленным занятием представителей потустороннего мира, нечистой силы. Основной интерес интеллигенции можно охарактеризовать как материально-телесный. Хозяйство, достаток, выгодная женитьба – вот ее основные стремления. Образ «мертвого» панямонского общества возникает и в речи редактора Бухберга: «бо вы замкнуліся ў цесныя сцены, вы прыйшлі ў катух, поўны смуроду, вы атруцілі яго сваім дыханнем» [7, с. 210], «я бачу трупныя цені на ваших тварах» [7, с. 211].

Учитель же принадлежит миру живых, чувствует, «як моцна звязан ён з жыццём» [7, с. 109], мечтает о путешествии, исследовательской и общественной работе, которые являются «живыми» видами деятельности: «Яго цягнула вольная праца ў невядомых прасторах людскога жыцця, яму хацелася пашырыць свой круггляд, набыць тыя веды, якіх яму так бракавала. Яго, наогул, захапляла і вабіла жыццё з прынаднымі малюнкамі і таемнымі чарамі» [7, с. 84]. На протяжении зимы тяжелая повседневная работа в школе хоть и приносит удовлетворение, но не создает условий для полной самореализации: «Нейкае незадавальненне, няяснае адчуванне бяссэннасці такога жыцця, якім жыве ён, пачуцце адзіноты пачала закрадацца ў душу» [7, с. 104]. Работа в школе представляется учителю «мала вартоўнай», и слова Трусевица, который мечтает продолжить учебу в учительском институте, вызывают у Лобановича чувство

отчуждения. Заниматься только служебными обязанностями означает для героя «павольнае уміранне душы і зацягванне балотам», и, как результат – «грамадзянская смерць» [7, с. 132].

Заключение. В белорусских романах революционной тематики изображение царской империи обладает мифологическим подтекстом «мертвого мира», который раскрывается через символические смертные мотивы, вызывающие негативное читательское восприятие: «мертвый мир» детства (неполные семьи, непосильная работа, издевательства, побои); засилье старых обычаев и традиций (необходимость следовать родительской воле); преобладание у персонажей материально-телесного интереса (отсутствие стремления к духовному и интеллектуальному развитию); рутинная, не приносящая удовлетворения деятельность; «умирающий» пейзаж (неупорядоченное, хаотическое пространство сельского и городского ландшафтов). Пребывание героя в «мертвом мире», выступающем в начале романов в качестве экспозиции, способствует развитию основной функции протагониста – противостоять «мертвому пространству», стремиться преобразовать его, «оживить».

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуревич, П. С. Социальная мифология / П. С. Гуревич. – М. : Мысль, 1983. – 175 с.
2. Литовская, М. А. Социалистический реализм в литературе XX века / М. А. Литовская // Филологический класс. – 2008. – № 8. – С. 14–21.
3. Эдельман, О. Легенды и мифы Советского Союза [Электронный ресурс] / О. Эдельман. – 2017. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_05/1999_5_15.htm. – Дата доступа : 02.09.2017.
4. Фирсов, С. Перевернутая религия: советская мифология и коммунистический культ [Электронный ресурс] / С. Фирсов. – 2011. – Режим доступа: <https://pitanov.livejournal.com/515662.html>. – Дата доступа : 02.09.2019.
5. Гартны, Ц. Сокі цаліны: раман у чатырох квадрах (квадры першая і другая) / Ц. Гартны. – Мінск : Юнацтва, 1993. – 446 с.
6. Гарэцкі, М. Выбраныя творы : у 2 т. / М. Гарэцкі. – Мінск : Маст. літ., 1973. – Т. 2. – 480 с.
7. Колас, Я. На ростаях : трылогія / Я. Колас. – Мінск : Нар. асвета, 1972. – 696 с.

Поступила 17.10.2019

“DEAD WORLD” OF THE TSARIST EMPIRE IN THE BELARUSIAN NOVELS ABOUT THE REVOLUTION TIME

M. IOSKEVICH

Literature is one of the means of introducing social myth into the consciousness of people. The social myth of the Soviet era proclaimed the establishment of an equitable state system – the Great October socialist revolution started a new era in the history of mankind. This theme is revealed primarily in the works devoted to revolutionary activities. They have an obvious mythological implication, which is based on the legend of origin of the new world, as well as the exploits of new heroes. In the novels of revolutionary theme authors had to portray life in the tsarist Empire in a negative way, to make a reader feel the need for change which the revolution had brought. The image of pre-revolutionary life acquired traits of the mythological “dead world”, which are revealed through symbolic mortal motifs that cause negative readers’ perception: “the dead world” of childhood, the dominance of old customs and traditions, the predominance of material interest for characters, the chaotic landscape. Acting at the beginning of novels as an exposition “the dead world” promotes development of the main function of a protagonist – to resist “the dead world” and transform it.

Keywords: Belarusian novel, revolutionary theme, mortal motifs, social myth, the tsarist Empire, “dead locale”.

УДК 821.161.3

**НОВЫ ГЕРОЙ У БЕЛАРУСКІМ РАМАНЕ ПАЧАТКУ ХХ СТ.
(ПА ТВОРАХ «СОКІ ЦАЛІНЫ» Ц. ГАРТНАГА І «ЗАПІСКІ САМСОНА САМАСУЯ» А. МРЫЯ)**

С.А. ВЯЛЮГА
(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт)
s.vialiuha@psu.by

Разглядаюцца раманы Ц. Гартнага «Сокі цаліны» і А. Мрыя «Запіскі Самсона Самасуя», якія паказваюць уплыў на светапогляд і паводзіны герояў рэвалюцыйных падзей пачатку ХХ ст. на тэрыторыі Расійскай імперыі. Гэтыя падзеі выклікалі неабходнасць сацыялізацыі цэлых пакаленняў у абсалютна непрадказальную з практычнай кропкі погляду сістэму, але ў ідэалагічным плане заснаванай на жорсткай камуністычнай платформе. У рамане Ц. Гартнага герой актыўна падтрымлівае рэвалюцыю і новыя павевы, прымаючы ў іх непасрэдны ўдзел. У творы А. Мрыя герой-прыстасаванец, які выкарыстоўвае абставіны ва ўласных інтарэсах, падрываючы знутры саму сутнасць рэвалюцыйных пераўтварэнняў у краіне. Абедзве лініі паводзін былі характэрнымі для часоў дыктатуры пралетарыяту.

Ключавыя словы: беларуская літаратура, новы герой, рабочы клас, гістарычны працэс.

Уводзіны. Першая сусветная вайна і рэвалюцыйныя падзеі 1917 г. – адны з самых крываваых канфліктаў першых дзесяцігоддзяў ХХ ст. Падзеі адбываліся на вялізнай тэрыторыі ад Атлантычнага да Ціхага акіянаў і ўцягнулі ў свой вір вялізную колькасць дзяржаў і мільёны жыхароў планеты, але найбольш цяжкія выпрабаванні выпалі на долю беларускага народа, які аказаўся ў самым цэнтры крывавага супрацьстаяння паміж дзяржавамі ў вайне, а потым у барацьбе паміж белымі і чырвонымі пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі. Усё гэта не магло не адбіцца на паводзінах беларусаў, што і імкнуліся адлюстраваць у сваіх творах беларускія пісьменнікі і паэты.

Асноўная частка. У беларускай літаратуры пытанне новага героя было цесна пераплецена з раскрыццём тэмы рабочага класа. Менавіта ў рэвалюцыйна настроеным рабочым пісьменнікі ў нашай і іншых літаратурах перш за ўсё бачылі новага героя часу. Тэма рабочага класа, напоўненая глыбокім сацыяльным зместам, увайшла ў беларускую літаратуру разам з творчасцю Ц. Гартнага яшчэ да рэвалюцыі. Рабочы, які ўсведамляе сваю ролю ў гістарычным працэсе, узнімаецца на рэвалюцыйную барацьбу, стаў галоўным героем паэзіі Ц. Гартнага, а пераход да эпічнай прозы ўспрымаецца як заканамерны этап на шляху творчага росту пісьменніка, які адчуў неабходнасць паказаць рабочага-рэвалюцыянера на шырокім гістарычным плане падзей, якія змянілі ход сусветнай гісторыі не толькі на пэўны прамежак часу, але і падзялілі дзяржавы на капіталістычны і сацыялістычны лагеры, якія ўступілі ў непрымірымае супрацьстаянне, што прывяло да Другой сусветнай вайны з яшчэ больш жахлівымі ахвярамі, чым папярэдняя.

Зварот Ц. Гартнага да жанру рамана адпавядаў і ўнутранай патрэбе развіцця беларускай прозы, якая яшчэ ў дарэвалюцыйны час шукала падыходы да эпічнага асэнсавання рэчаіснасці і чалавека ў ёй. Як адзначыў І. Навуменка, «пошукі героя, свядомага ўдзельніка рэвалюцыйнага змагання, з'явіліся для беларускай прозы адначасна і пошукам формы рамана» [2, с. 193]. У рамане «Сокі цаліны» гэтыя пошукі зліліся ў адно. Ц. Гартны выявіў сябе наватарам, калі асмеліўся на напісанне рамана, прысвечанага рэвалюцыйнай барацьбе рабочага класа.

Было б няправільна сцвярджаць, што да Ц. Гартнага не прадпрымаліся спробы раскрыць, асэнсаваць, паглыбіць тэму росту рэвалюцыйнай свядомасці рабочага класа. І Я. Купала, і Я. Колас, і Цётка, а таксама іншыя аўтары спрабавалі сябе ў раскрыцці гэтай праблематыкі, аднак часцей за ўсё яны праявіліся ў вершах, замалёўках, апавяданнях. Беларуская літаратура дарэвалюцыйнага перыяду адлюстравала працэс абуджэння грамадскай свядомасці чалавека, але ў ёй яшчэ не было вобраза рабочага-рэвалюцыянера. Першай такой спробай стаў Рыгор Нязвычайны ў «Соках цаліны» Ц. Гартнага. Ствараючы гэты характар, пісьменнік у нейкай ступені аперажаў час, пракладваў дарогу новаму сацыяльна-псіхалагічнаму тыпу ў беларускай нацыянальнай літаратуры.

Раман «Сокі цаліны» адлюстроўвае творчыя пошукі Ц. Гартнага, эвалюцыю яго поглядаў. Задума і яе мастацкае ўвасабленне звязаны, перш за ўсё, з уяўленнем пісьменніка свайго героя, з пэўным эстаэтычным ідэалам, з мастацкай канцэпцыяй чалавека, якая ў канчатковым выніку і «абумоўлівае асабліваасці ўсёй сістэмы вобразаў твора, яго жанрава-кампазіцыйную адметнасць, яго стыль» [3, с. 10]. Новы герой у асобе рабочага-рэвалюцыянера бачыўся Ц. Гартнаму (як, дарэчы, і многім іншым пісьменнікам у 1920-я гг.) як з'ява выключная (адсюль пэўная зададзенасць вобраза, яго ідэалізацыя). Такі герой, на думку пісьменніка, павінен быў выявіць сябе перш за ўсё ў дзеянні, таму ў творы назіраецца павышаная ўвага да знешняга дзеяння і пэўнае ігнараванне яго псіхалагічнай матывіроўкі. Задума стварыць гераічны характар героя актыўнага рэвалюцыйнага дзеяння, безумоўна, прадугледжвала паказ эвалюцыі перса-

нажа, таму твор ахоплівае значны адрэзак часу, насычаны важнымі гістарычнымі падзеямі, на фоне якіх і ў сувязі з якімі адбываецца станаўленне галоўнага героя. Письменнік імкнецца да эпічнасці ў яго абмалёўцы. Паводле аўтарскай задумы рабочы-рэвалюцыянер як пераўтваральная сіла гісторыі павінен быць паказаны ў шматлікіх сувязях са светам, у суаднесенасці з гістарычнымі і маральнымі праблемамі свайго часу. У рамана Ц. Гартнага «Сокі цаліны» ўпершыню ў беларускай літаратуры вобраз рабочага-рэвалюцыянера «даваўся з бытавой, маральнай, духоўнай і палітычнай біяграфіяй» [4, с. 80].

У першай частцы рамана «Бацькава воля» намеціўся шматпланавы паказ героя. Письменнік прасочвае лінію сацыяльнага паходжання Нязвычайнага, паказвае яго ў адносінах да маці, каханай, таварышаў, раскрывае яго чалавечую сутнасць праз сувязь з прыродай, у працы, выяўляючы тым самым розныя рысы характару. Праз плынь думак письменнік перадае псіхалагічны стан героя, раскрываючы яго «знутры». Перадача асабістых перажыванняў надае вобразу Нязвычайнага індывідуальную непаўторнасць, робіць яго па-чалавечы зразумелым. «Сапло прыемнай свежасцю. У Рыгора вясрослі ўспаміны дзіцячых гадоў, тае пары, калі ён з другімі хлопцамі-таварышамі, малыя і распусныя яшчэ, кралі бручку з гародаў, зрывалі мак і шчаўе... Так бывала летам, калі ўсё спела. А вясною, чуць толькі паказвалася цяпло, пачынаў раставаць снег, часцей выблісквала сонца, Рыгор з хеўраю сваіх таварышоў кожную нядзелю бегалі ў хвойнік і шукалі ў ім голых мясцін асалоду, дзе знаходзілі – разуваліся і ступалі босымі нагамі» [1, с. 109].

Рыгор адчувае сапраўдную асалоду, калі бярэ ў рукі касу, калі ходзіць за плугам. Яго хвалюе знаёмая з дзяцінства стыхія сялянскай працы, радуе вока выгляд жыта. Хораша і паэтычна перадае письменнік пачуцці персанажа ў такія моманты. Разам з тым, у «Бацькавай волі» іншы раз назіраецца неадпаведнасць паводзін і выказванняў героя логіцы развіцця яго характару. Відаць, гэта звязана з тым, што гэтая частка рамана мае дзве рэдакцыі [5, с. 320] (першая напісана ў 1914 – 1916 гг., а другая – у канцы 20-х, пачатку 30-х гг.), істотная розніца паміж якімі заключаецца ў трактоўцы вобраза Рыгора Нязвычайнага. У першай рэдакцыі ён быў створаны як рабочы-пакутнік, чалавек з вельмі нізкім сацыяльным статусам, а ў другой Ц. Гартны надае свайму персанажу рысы, якія павінны былі фарміравацца паступова на працягу ўсяго рамана.

Нязвычайны ўжо вызначаецца шырынёй погляду на свет, на ролю працоўнага народа і на сябе, як на актыўнага ўдзельніка тых гістарычных зрухаў, што адбываліся ў першай чвэрці XX ст. У сувязі з гэтым ускладнялася задача письменніка ў выкарыстанні ўсяго комплексу новых мастацкіх сродкаў, бо ў 2-й, 3-й, 4-й частках рамана Рыгор Нязвычайны паказаны ў абставінах, якія істотна адрозніваюцца ад тых, што адлюстраваны ў 1-й частцы твора. Як адзначыў В.П. Жураўлёў, «задумай вымагалася на шырокім фоне грамадскіх і гістарычных падзей паказаць духоўны і палітычны рост рабочага – фігуру у беларускай літаратуры па-сутнасці новую. Традыцыйная сістэма выяўленчых сродкаў і традыцыйнасць самой мастацкай формы, што больш ці менш маглі адпавядаць матэрыялу сялянскай тэматыкі ў першай кнізе рамана «Сокі цаліны», у далейшым патрабавала сур'ёзных змен, бо круты паварот рабіла аўтарская задума. Письменнік адчуваў гэта і прыклаў пэўныя намаганні, накіраваныя на абнаўленне мастацкай палітры, жанравай і сюжэтна-кампазіцыйнай структуры» [8, с. 150].

Герой Ц. Гартнага з'яўляецца ўдзельнікам барацьбы пралетарыяту за марксісцка-ленінскія ідэалы ў Пецярбургу, Рызе і Мінску. Этапы гэтай барацьбы – этапы палітычнага і духоўнага росту героя. Нязвычайны праходзіць праз многія выпрабаванні, якія загартоўваюць яго волю і ўмацоўваюць веру ў справядлівасць рэвалюцыйных ідэалаў. Дзе б ні знаходзіўся герой рамана, ён прымае самы актыўны ўдзел у рэвалюцыйнай барацьбе. Прага барацьбы дамінуе ў ім над іншымі жаданнямі. Разам з тым перабольшванне ролі сацыяльнай прыналежнасці да пралетарыяту з'яўляецца прычынай схематызму і прасталінейнасці, у выніку якой неардынарнасць яго паварочваецца спрашчэннем складанай чалавечай прыроды. Адзін з герояў рамана, а разам з ім і сам аўтар, лічаць, што галоўны герой ўжо цалкам падрыхтаваны да выканання вельмі высокай і адказнай функцыі – «вучыць, а не вучыцца» [1, с. 222]. З гэтай кропкай погляду можна пагадзіцца, калі адштурхоўвацца ад марксісцкага палажэння пра тое, што рабочаму класу належыць вядучая роля ў гістарычным рэвалюцыйным пераўтварэнні дзяржаўных сістэм ва ўсім свеце. Але адназначна можна сцвярджаць, што прыналежнасць да рабочага класа не гарантуе яе прадстаўнікам высокі ўзровень духоўнасці і светаразумення.

У заключных частках твора письменнік паказвае чытачам Нязвычайнага, які ў многім адрозніваецца ад таго героя, якога яны бачылі ў пачатку рамана, бо эвалюцыя Рыгора відавочная. Яна выяўляецца праз пачуцці і думкі, што сведчыць пра тую якасную змену, якія адбыліся ўнутры яго самога. Але пачатку ён апантаны рэвалюцыйнай барацьбой, захапляецца маштабамі і значнасцю падзей. Пачатую Ц. Гартным тэндэнцыю паказу героя новага часу падхвалілі іншыя беларускія письменнікі. Тэму рэвалюцыі і ролю рабочага класа ў ёй распрацоўвалі Р. Мурашка, М. Лынькоў, Хв. Шынклер і інш.

Але ў беларускай і рускай літаратурах рэвалюцыйныя і паслярэвалюцыйныя часы паказаны не толькі са станоўчага боку, але і ў сатырычным плане, бо прадстаўнікі аднаго і таго ж пакалення па-рознаму ўспрынялі магчымасці, якія адкрыла рэвалюцыя для прадстаўнікоў рабочага класа і сялянства. У рускай літаратуры гэта «Катлаван» А. Платонава, «Сабачае сэрца» і «Майстар і Маргарыта» М. Булгакава і інш., а ў беларускай літаратуры раманы «Запіскі Самсона Самасуя» А. Мрыя, які з'яўляецца адным з самых арыгінальных сатырыч-

ных твораў 1920-х гг. Гэты твор можна назваць узорам сацыяльнага і палітычнага прадбачання. Ён напісаны ў форме дзённіка галоўнага героя, які кроць па жыцці самаўпэўнена, з адчуваннем свайго поўнага права гвалтоўна перайначыць усё, што трапляе ў поле яго дзейнасці і не толькі, але такая рыса была тыповая для тых, хто ажыццяўляў «справядлівую» рэвалюцыйную ідэю.

Вобраз Самсона Самасуя, увогуле, неяк не ўпісваецца ў тыповы вобраз памяркоўнага беларуса. Так, Самсон, як і «самасуеўшчына», – гэта ўродлівае стварэнне, якое народжана кастрычніцкімі падзеямі 1917 г. З самага пачатку рамана пісьменнік звязвае асобу свайго антыгероя, яго бязглузду дзейнасць на пасадзе культработніка з сацыяльна-палітычнымі абставінамі, атмасферай жыцця ўжо ў канцы 1920-х гг. паслярэвалюцыйнага часу. Самасуй правільна схоплівае асноўны кірунак дзейнасці мясцовай улады і, як і Шарыкаў з «Сабачага сэрца», свае намаганні прыкладае на разбурэнне ўсяго «старога», адкідваючы ўсе няпісаныя, гэта значыць маральныя, законы чалавечай супольнасці, як непатрэбнае. Чалавечая асоба ў гэтым рэвалюцыйным будаўніцтве каштоўнасці не мае, нічога не значыць, чалавечых правоў не існуе, а ёсць законы класовай барацьбы. І, зразумела, рэвалюцыйная ўлада ўсё гэта падтрымлівала.

Па сутнасці аб'ектам сатырычнага выкрыцця ў рамане з'яўляецца антычалавечая палітыка і такая ж жыццёвая практыка, якія ўсталяваліся ў той час, заснаваныя на ігнараванні хрысціянскіх і маральных крытэрыяў і законаў. На гэтай глебе і ўзрастае такая сацыяльная з'ява, як «самасуеўшчына», з'ява сацыяльна небяспечная, якая прынесла ў наступстве грамадству вялікую шкоду. За гэтым бачны і аўтарская трывога за лёс беларускага грамадства, і аўтарскія маральна-эстэтычныя ідэалы – гуманізм, абарона чалавека ад падазронах эксперыментаў над яго жыццём і лёсам. У гэтым сэнсе Андрэй Мрый нібы заглядаў у заўтрашні дзень савецкага грамадства. Звяртаюць на сябе ўвагу шматлікія ўчынкі і метады Самасуя, якія шырока распаўсюдзіліся ў наступнае дзесяцігоддзе, у 1930-я гг., калі паклёпніцтва, даносы, здрадніцтва, масавыя рэпрэсіі сталі звычайнай прыкметай часу.

Сатыра ў творы «Запіскі Самсона Самасуя» стала сродкам аналізу рэчаіснасці. Пры дапамозе яе ствараецца аўтарская мастацкая канцэпцыя свету, у аснову якой пакладзены спрадвечныя агульна-чалавечыя каштоўнасці. Сярод сродкаў аналізу важнейшае месца займаюць моўна-стыльовыя. Са стыляў анкет, дакладаў, пратаколаў, характарыстык, даведак, газетнай агітацыі ствараецца сплаў гэтых элементаў, напоўненых гумарам. Мова героя выступае як элемент самахарактарыстыкі, бо ён ужо так засвоіў пратакольна-анкетна-газетны стыль, што па-простаму, без штампаў, выражацца не можа, напрыклад, «пасля малёнага змаганьня з сваім тэмпераментам вынес рэзалюцыю» [6, с. 16], «з неаслабнай энергіяй вёў сваю амурную лінію» [6, с. 29] (аб заляцаннях да дзяўчыні), «бачачы мае электрафікаваныя вочы» [6, с. 31] (так глядзіць на дзяўчыну), «можаце і мяне кааптаваць у склад цёплай кампаніі» [6, с. 23] (аб далучэнні да маёўкі). Ён нават спрабуе ўпісацца ў гісторыю калі не краіны, дык хоць мясцовую. У галаве Самасуя здарыўся такі зрух, што ён забыўся пра ўсё, чаму яго вучылі ў дзяцінстве і юнацтве бацькі. Не толькі важнае і няважнае, але дабро і зло нібы памяняліся месцамі, стаў немагчымы цвярозы, разумны погляд на рэчы і на самога сябе.

Уся тая бескарысная дзейнасць, якую з неўтаймаванай энергіяй і напорыстасцю разгортаў Самсон Самасуй у Шапялёўцы, не можа мець ніякага станоўчага выніку, бо ўсё, што і як ён робіць супярэчыць здароваму сэнсу. Гэта і «сонечная кампанія» [6, с. 58] і змена назваў вуліц (Вуліца вызвалення жанчыны ад пялюшак [6, с. 73]), і арганізацыя паказальнага навукова-мастацкага музея, тэатра [6, с. 68], і дыспут з архірэем і «божымі дзецьмі» [6, с. 76], і стварэнне навуковага таварыства [6, с. 78]. Мэта ўсёй валтузні Самсона была адна – каб на яго звярнула ўвагу начальства, а вынікі працы ніхто не ўлічваў, пра іх ніхто не пытаўся. Калі што не выйшла ці дало адмоўны вынік, як, напрыклад, стаптаная палі і сенажаці ў час «сонечнай кампаніі», дык ніхто, тым больш ініцыятар, адказнасці не панёс ні перад сялянамі, ні перад уладай, бо гэта ж важная дзяржаўная справа.

Заклучэнне. Творы Ц. Гартнага і А. Мрыя з'явіліся значнай вехай у развіцці маладой беларускай літаратуры і ўваходзе яе ў савецкую літаратуру як дастойнага прадстаўніка нацыянальнай культуры, літаратуры і мастацтва. Палітычныя рэпрэсіі 1920 – 30-х гг. практычна вынішчылі беларускую інтэлігенцыю, а стварэнне пісьменніцкіх саюзаў савецкіх рэспублік і аб'яднанне іх у Саюз пісьменнікаў СССР прывяло да жорсткай палітычнай цензуры. Спалоханы пагрозай быць рэпрэсіраваным А. Мрый уласнаручна знішчыў працяг свайго твора. Разам з гэтым развіццё беларускай літаратуры не спынілася, бо на творчым вопыце ўжо названых літаратараў, а таксама Я. Купалы, Я. Коласа, К. Крапівы, К. Чорнага і іншых, у ёй з'явілася шмат новых пісьменнікаў, творы якіх перакладзены на многія мовы свету.

ЛІТАРАТУРА

1. Гартны, Ц. Сокі цаліны: рамана: у 4 квадрах / Ц. Гартны; уступ. артыкул А. Адамовіча. – Мінск : Дзяржвыдавецтва БССР, 1957. – Т. 1. – 480 с.
2. Навуменка, І. Я. Якуб Колас: Духоўны воблік героя / І. Я. Навуменка. – 2-е выд., дап. і перапрац. – Мінск : Выд-ва БДУ, 1981. – 238 с.

3. Жулинский, И. Г. Человек в литературе. Общественные ценности и проблема художественного характера / И.Г. Жулинский. – Киев : Наук. думка, 1983. – 303 с.
4. Каваленка, В. Шляхі развіцця беларускай савецкай прозы: Агульны рух і галоўныя тэндэнцыі / В. Каваленка, М. Мушыньскі, А. Яскевіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1972. – 348 с.
5. Гаранін, Л. Я. Нараджэнне новага мастацтва : сацыялістычны рэалізм – заканамернасць гістарычнага развіцця беларускай літаратуры / Л. Я. Гаранін, А. С. Яскевіч, А. П. Матрунёнак. – Мінск : Навука і тэхніка, 1980. – 326 с.
6. Мрый, А. Запіскі Самсона Самасуя : аповесць / А. Мрый. – Мюнхэн : Бацькаўшчына, 1953. – 88 с.
7. Лыч, Л. Нацыянальная самасвядомасць беларусаў: дэградацыя і адраджэнне / Л. Лыч // Літаратура і мастацтва. – 1990. – № 15–17.
8. Жураўлёў, В. П. Структура твора: Рух сюжэтно-кампазіцыйных форм / В. П. Жураўлёў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1978. – 152 с.

Паступіў 20.12.2019

**NEW CHARACTER IN BELARUSSIAN NOVEL OF THE EARLY XXth CENTURY
(ON T. GARTNY'S VIRGIN LAND JUICES AND A. MRIY'S SAMSON SAMASUI'S NOTES)**

S. VIALIUHA

The article analyzes Virgin Land Juices by T. Gartny and Samson Samasui's Notes by A. Mriy. The novels show how the revolutionary events of the early XXth century on the Russian Empire territory influenced the world view and the behavior of their participants. From a social point of view, these events necessitated the socialization of several generations into a completely unpredictable system, ideologically based on a rigid communist platform. In T. Gartny's novel the character actively supports the revolution and new trends taking them directly. As far as the A. Mriy's work is concerned, the character is a timeserver who uses circumstances for personal gain undermining the essence of the revolutionary transformations in the country. Their behavior is typical for the period of dictatorship of the proletariat.

Keywords: *Belarusian literature, new hero, working class, historical process.*

УДК 82.0

**ПОЭТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ДЕТАЛИ
В ТРИЛОГИИ И. МЕЛЕЖА «ПОЛЕССКАЯ ХРОНИКА»****Е.С. БРЫНИНА***(Гродненский государственный университет им. Я. Купалы)**brynina@tut.by*

Рассмотрены и проанализированы различные виды художественной детали в трилогии Ивана Мележа «Полесская хроника». Особую роль художественные детали «Полесской хроники» играют в создании образа персонажей, передавая глубину характеристики и психологического состояния с помощью мелких штрихов. Художественная деталь обеспечивает достоверность и мотивированность образов, отражая суть художественного целого и становясь микрообразом, сочетающим в себе психологическую содержательность, выразительность и типизирующую сущность. Представлена классификация всех использованных автором в трилогии деталей, а также рассмотрены их имплицитивные возможности. На примере романов трилогии исследована возможность трансформации художественной детали в символ.

Ключевые слова: художественная деталь, виды художественной детали, психологическая деталь, описательная деталь, статичные и динамичные детали.

Введение. Слово «деталь» как термин литературоведения, заслуживающий внимания ученых, было упомянуто еще В. Белинским. Однако более подробно художественная деталь стала изучаться в XX в., тогда ее определение впервые появилось в книге Г. Пospelова «Теория литературы», где утверждается, что слово «détail», будучи французского происхождения, означает «часть, частица, доля, подробность, мелкая часть мелочи» и выполняет важные функции в качестве художественного средства в литературе [1, с. 47].

Основная часть. На настоящий момент категория художественной детали остается недостаточно изученной как в лингвистических, так и в литературоведческих работах, так как в понимании того, что же именно следует относить к детали, нет единого мнения. Художественная деталь рассматривается как самый малый, неразложимый структурный элемент произведения, входящий в состав более крупных образов. В узком смысле под деталью понимаются только элементы, относящиеся к предметному, метасловесному миру произведения (описательные детали), в широком же смысле к детали относят также и элементы внутренние, выражающие душевное состояние человека, его переживания (психологические детали) [2, с. 294]. В литературоведении наблюдаются колебания определения текстового объема детали как микроэлемента произведения от двух-трех слов до абзаца (критерием является смысловая завершенность).

Не существует также и однозначного мнения о том, стоит ли считать деталь образом, многие литературоведы полагают, что образ и деталь – разные вещи, относящиеся друг к другу как «целое» и «часть», но так как деталь является частью образа, можно утверждать, что в конечном итоге она оказывается связанной с ним [3, с. 138].

Анализ художественной детали играет важную роль при изучении особенностей поэтики творчества писателя и его индивидуального стиля. Изучение детали в художественном произведении способствует более полному раскрытию заложенной автором информации, так как в процессе восприятия деталь способствует построению различных смыслов.

Как в лингвистике, так и в литературоведении общей классификации деталей не сложилось. Художественная деталь передает структуру мира произведения: образ персонажей складывается из особенностей его внешности, чувств и поступков, выделяют также детали сюжета, обстановки и др. При этом в конкретном произведении отдельные виды деталей могут отсутствовать, что подчеркивает условность литературы. Родственные группы деталей часто объединяются в одну группу – А.Б. Есин, к примеру, в классификации деталей выделяет детали *внешние (описательные) и психологические* [4, с. 105]. К описательным деталям относятся *портретные, пейзажные и бытовые (вещные) детали*, отражающие предметное бытие людей, внешний облик и окружающий мир, т.е. все то, что в произведении существует как объективная данность и является статичным. Психологические же детали, которые разделены на две группы – поведенческие и словесные (речевые), динамичны, они направлены на отображение внутреннего мира персонажей, их характера, мыслей и чувств. Отображение происходит, в данном случае, через внешние формы облика героя, трактовка которых при отсутствии авторских пояснений может носить субъективный характер. Однако следует отметить, что подобное разделение деталей на описательные и психологические является достаточно условным, так как внешняя (описательная) деталь безусловно может рассматриваться как психологическая, если она передает те или иные душевные движения (в таком случае имеется в виду психологический портрет) или включается в ход размышлений и переживаний героя [4, с. 112].

В трилогії «Полесская хроніка» нами були виявлені всі вищеперелічені типи художественної деталі, крім того, їх аналіз допоміг виділити додаткову класифікацію всередині деяких видів. Розглянемо більш детально кожен з них, згідно пропонуваної класифікації.

І. Описательные / статичные детали.

Деталь портретная. Портретная художественная деталь выполняет изобразительную функцию – дает определенное впечатление от внешности героя, его характера и поведения, через внешность персонажа раскрывается его внутренний мир, настроение и психологическое состояние: «З аблічча – дык як вылітая: і невялікая ростам, і не гладкая – худая, можна сказаць, і плечы, як у маткі, вузкія, і рукі тонкія» [5, с. 24] – именно так в трилогии И. Мележ описывает Ганну, вводя в повествование параллельно с описанием ее внешности образ рябины, которая росла перед ее домом. Образ рябины – художественная деталь, которая отражает становление в Ганне женского начала, превращение из подростка во взрослую женщину, будущую мать и хозяйку. «І неспадзявана адбылося незвычайнае: ціхая, нявідная, у жнівеньскім росквіце рабіна заружавела, зазырчэла яркім, кідкім хараствам, гарачым полымем агністых гронак. І не адны вочы, не абьякавыя, не ачарсцвелыя ў жышчэвык пакутах да хараства, глядзелі здзіўлена, зачаравана: / "Глядзі ты!..." / Як тая рабіна, цвіла ў гэтае лета Ганна /» [5, с. 59].

Еще одна портретная деталь при описании внешности Ганны является лейтмотивной, а именно – глаза-вишни: «І глядзела яна інакш, – нядаўна адно дзікавата-цікаўнымі вачыма. Як і раней, не было, здавалася, такой хвіліны, каб вочы яе, вільготна-цёмныя, падобныя на спелыя вішні, былі абьякавыя, нудлівыя, увесь час блішчэла, ззяла ў іх няўціхнае хваляванне», «у іх таксама ж нешта таілася, у цудоўных вішнёва-чорных вачах» [5, с. 29]. За этими словами кроется не только описание внешности, но и рассуждение о характере главной героини, в описании ее глаз мы находим упоминание о непокорном, волевом характере Ганны.

От описания глаз-вишен автор переходит к сравнению Ганны с цветущей вишней: «Над белаай атласнай кофточкай, у вэломе так добра, прыгожа віднеецца смуглявасць яе твару, дужкі броваў, вільготныя, як спелыя вішні ранкам, вочы. «І ўся яна – як вішня! Як кветка з вішні!...» – падумаў Чарнушка, чуючы, што душу сціснула вялікая журба» [5, с. 369].

В характере еще одного главного героя первого романа – Василя, присутствуют упрямство, ретивость, трудолюбие, которые автор неоднократно подчеркивает с помощью портретной детали: «Расставіўшы памужынку ногі, моцна ўпінаючыся ў грунт, ён размашыста правёў касой, і трава шыркнула, паслухмяна лягла злева акуратнай купкай. / Хто гэта казаў, што ён яшчэ зялёны касіць? Што яму, быццам, кашы яшчэ многа трэба! Кашы, можа, каму-небудзь і трэба, толькі – каму іншаму. Але не яму, не Васілю» [5, с. 12]. Многие второстепенные персонажи трилогии получают, также благодаря художественной детали, «мимолетную» характеристику, которая сполна описывает их суть: «Сухі, з кепачкай, не смяяўся, уссеўшы на край парты, глядзеў навокал бяспрашна і задзірыста, нібы толькі і чакаў, каб счাপіцца» [6, с. 14].

Деталь пейзажная. Пейзажные детали выполняют полифункциональную роль. С ее помощью можно представить, где происходят события, но это не просто указание на время и место действия – часто пейзажные детали выносятся в заглавие, что несет в себе большую семантическую нагрузку. Это и происходит в трилогии – в названиях всех трех романов («Людзі на балоце», «Подых навальніць», «Завеі, снежань») заключена пейзажная деталь, которая становится символической. Пейзаж способствует созданию психологического фона, эмоционального настроения восприятия текста, а также помогает отразить душевное состояние героев [7, с. 46]. В трилогии пейзаж отражает национальное своеобразие, т.к. читатель сталкивается с описанием полесской природы. Кроме того, пейзажные зарисовки могут завуалировано объяснять поступки либо характер персонажей, передавать эмоциональную атмосферу, аккомпанирующую переживаниям персонажей.

В самом начале первого романа читатель сталкивается с описанием острова, на котором живут куреневцы. Это описание и является художественной деталью, которая создает психологический фон всего дальнейшего повествования: «Хаты былі на востраве. Востраў гэты, праўда, не кожны прызнаў бы за востраў – аб яго не плёскаліся ні марскія, ні нават азёрныя хвалі. Навакол адно была куп'істая дрыгва ды моклі панурыя лясы. Вёска тулілася ля берага вострава – платы агародаў дзе-нідзе забягалі на куп'ё ўзболатка. З другога боку, на поўнач, балоты крыху адступалі, дорачы людзям пясчанае поле. Адступалі балоты і на заходнім баку, дзе рунелі ці жаўцелі да краю лесу палі, таксама скупыя, няўдзячныя хоць у іх глебе і было менш пяску» [5, с. 6].

Даже погода передает атмосферу крестьянского быта: «Аднастайныя нудныя дажджы, што месяцамі лілі на мокрыя стрэхі, сцюдзёныя вятры, што люта білі ў замерзлыя вочкі-шыбы заваямі, цёплае сонца, што ўставала ў пагодныя дні над купамі алешніку, – усё бачыла гэты востраў заклапочаным, у няспынай, штодзённай руплівасці. Людзі заўсёды чым-небудзь былі заняты: уранку і ўвечары, летам і зімою, у хаце, на двары, у полі, на балоце, у лесе...» [5, с. 112] – автор соотносит «нудные» дожди и студеные ветра с редкими погожими деньками и хлопотную и тяжелую жизнь куреневцев, с их вечными заботами и редкими радостями.

При помощи изображений природы, И. Мележ постепенно погружает читателя в события тех лет, философию того времени, в тяжелый, драматически-покаянный путь крестьянина в новую жизнь: «Сваё

харавство было на лузе. Змерзлае сена адрывалася ад стажка, лажылася ў сані сухім, ломкім шапаценнем, з сярэдзіны патыхала цеплынёй, густым, казытлівым настоем зляжалай травы, здавалася, было такое смачнае, што і сам быццам з'еў бы!.. Пасля марозу дзённых дарог добра было чуць цяпло хаты, бавіць вечары на вячорках з дзяўчатамі, у гаворках з таварышамі, з дзядзькамі, што часта сыходзіліся ў дымную ад лучыны бацькаву хату» [5, с. 236].

Часто автор сярэпвае акружаючы пейзаж с персанажамі раманав, Ганну – с рябіной, Василя – с ааіноко растушым подсолнухом и т.д. Природа менае героев трилогии, закаляя и воспитывая их. Например, ловкий трудолюбивый Василь превращается в терпеливого и выносливого мужчину: «Толькі калі знямог зусім ... а па хадзе, прыгорбленай постаці – мужчына» [5, с. 279].

Читая трилогию можно заметить, как величественная и мудрая природа чутко реагирует на все трагические события крестьянства и сама постепенно меняется, становится мрачной, черной. Это особенно заметно во втором романе трилогии «Дыхание грозы». С первых страниц перед читателем встает образ суровой грозы, которая приостанавливает привычный ход жизни, перечеркивает все планы куруневцев. В Куренях сожжены молнией три гумна, разбитый старый дуб, обуглился старый крест на развилке дорог. Эта картина имеет аллегорический подтекст: «Дыхание грозы» – это сильнейшая художественная деталь, это дыхание природы, которое отразилось на судьбах Ганны, Василия, Апейки, Глушаков и других героев хроники. Каждый из них в силу обстоятельств, вступит в свою полосу грозы, в свою жизненную непогоду, начнет тревожиться за свои утраченные надежды на счастье. Для писателя изображения этих пейзажных деталей – это изображение движения и обновления жизни, глубокое раздумье о вечном. Иван Мележ при помощи описания природы помогает почувствовать и постичь всю величественность и значимость тех событий, которые ощущали на себе герои трилогии.

Бытовая (вещная) деталь. Бытовые детали играют особую важность в художественном произведении. Они несут многочисленную функциональную значимость. При игнорировании бытовых деталей образы будут неточными, часть содержания может быть не понята читателем, а поведение героев может быть истолковано неверно. Вещи являются знаками изображаемого мира, эпохи, национальной среды, они характеризуют человека, которому принадлежат, отражают его душевное состояние и вызывают определенные чувства [8, с. 165].

В трилогии большинство бытовых деталей связано с описанием жизни крестьян, их быта. К примеру, многие детали использованы автором для описания сельских работ: «Кожны зручны момант хапаліся з лугу, з поля ў лес і жанкі і мужчыны, працаўнікі – у лесе цяпер была важная праца. Ягады былі не якія там прасмакі, як у другіх, – у Куренях ягадамі карміліся, ягады збіралі, сушылі на продаж, на грошы, на чорны зімовы ці веснавы дзень. Лес быў памочнік полю, скупой, ненадзейнай зямлі» [5, с. 47]; «У Василя была і таптуха, і кломля – усе дзедавага вырабу – снасць, чужым вачам проста-такі зайздросная. За лета Дзятлы, можа, разоў дваццаць выпраўляліся з двара з усёй гэтай зброяй» [5, с. 62]; «Заставаліся тут і біклажка, і каса, і латаная світа – нашто ж вазіць туды-сюды без прычыны!» [5, с. 280].

II. Психологические / динамические детали.

Речевая (словесная) деталь. Важным способом характеристики образа-персонажа является его речь, в трилогии отдельные речевые фрагменты приобретают статус художественной детали. Речевая деталь позволяет читателю узнавать того или иного персонажа по характерной фразе либо манере общения. Особенно ярким примером словесной художественной детали является *Сорока* – «гаварлівая, дужая, вяртлявая жанчына», «часта цетка Сарока забівала сваёй гаворкай астатніх чатырох, якія цямелі ад патоку дасціпных прымавак і жартаў. Прымаўкі вязала яна лёгка, спрытна, без утомы, адкуль толькі і браліся!» [5, с. 199]. Уже одно ее имя, являясь художественной деталью, создает определенный образ у читателя, и на протяжении повествования данный персонаж будет легко узнаваем по необычной манере разговора.

Поведенческая деталь. С помощью этой детали автор дополняет психологический образ персонажа, подчеркивая существенную черту в характере и поведении героев. В данном виде художественной детали можно выделить следующие подвиды: мимическая деталь, деталь-жест, деталь поведения [9, с. 32]. Рассмотрим примеры таких деталей в трилогии: «Хлопцы і гарнуліся да яе і нібы пабойваліся. Акрамя таго, што стрымлівала Ганніна задзірыстасць і ганарлівасць, ім помнілася, што не лішне асперагацца і яе язычка» [5, с. 38]; «Василь не паслухаўся, спадылба з ваўкаватай насцярожанасцю зірнуў на Шабету. У вачах яго яшчэ было сумненне – а можа, гэта ўсяго выдумка?» [5, с. 263]; «У важкім, як бы непадступным Васілёвым позірку спадылба, з-пад калматых, непаслухмяных пасмаў шорсткіх валасоў, ва ўсёй панурай постаці ў расхрыстанай зрэбнай сарочцы і зрэбных, у рудых плямах твані, штанах Шабета ўлавіў штосьці нядобрае, звераватае» [5, с. 47].

С помощью описания мимики, жестов и поведения персонажей И. Мележ отражает суть их характера: гордость и задиристость Ганны, упрямство и своеволие Василия, хитрость Сороки и др.: «Ганна разам з тым стала і больш неспакойнай і – аж залішне задзірыстай» [5, с. 131]; «...як за шыбаю мільганулі цікаўныя, вострыя вочкі Сарокі...» [5, с. 246].

Кроме того, поведенческая деталь наиболее остро передает чувства героев: «Ні стары Глушак, ні Яўхім, ні хто іншы не заводзілі больш спрэчак, але маўклівасць, якая цяпер заўсёды была ў хаце, нядобрая маўклівасць і ўпартыя цвёрдыя позіркы, якімі часам перакідваліся бацька і сыны, лепш за ўсё гаварылі

аб непримірымим размежаванні ў сям'і» [5, с. 324]; «А Дамеціха «ціха, як на пахаванні... /... жагналася, калі бачыла няшчасную, жаклівую пустэчу» [5, с. 321]; «Хадоська камянела ад адчаю» [10, с. 27]; «Цягнулася як сама не свая; як звар'яцелая, таропіла вочы» [10, с. 58]; «...твар Башлыкова раптам вачавідкі пашарэў. Твар гэты працяла трывога» [6, с. 240].

Заклученне. При изучении особенностей использования художественной детали в тексте трилогии, мы придерживались классификации, предложенной А.Б. Есиным, т.е. рассматривали две основные группы деталей – описательные и психологические. В первой группе были выделены «портретная», «пейзажная» и «бытовая» детали, во второй – «деталь поведения» и «словесная». Исследуя художественную деталь в трилогии «Полесская хроника», мы убедились, что деталь является частью целого, которая включена в более сложное структурное единство произведения, кроме того, многие художественные детали несут отпечаток индивидуальной авторской интенции. Мастерство И. Мележа заключается в умелом использовании всех видовых категорий художественных деталей, которые выполняют конкретные литературные и коммуникативные функции в поэтике трилогии. Художественная деталь в трилогии участвует в развитии сюжета, делая его цельным. Этнографические и исторические особенности деталей хроники способствуют созданию необходимого фона, соответствующего изображаемому времени и крестьянскому быту. В трилогии преобладают именно бытовые и пейзажные детали, наиболее явно передающие атмосферу повествования, а именно – реалии национального и сельского быта, а также детали местности, которые становятся для героев символом родины. Наименее же численными являются речевые детали, несмотря на использование автором полесского диалекта, они встречаются достаточно редко. Писатель довольно часто прибегает к помощи описательных и психологических деталей, характеризующих обстановку и персонажей, для того чтобы подчеркнуть развитие сюжета и сделать его более подробным. Но особое значение в хронике приобретает художественная деталь, применяемая для формирования символического образа, передачи самых сложных психологических состояний и основательных заключений – такую функцию выполняют пейзажные детали, заключенные в названиях всех трех романов трилогии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пospelов, Г. Н. Художественная речь / Г. Н. Пospelов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1974. – 197 с.
2. Белинский, В. Г. Взгляд на русскую литературу 1847 г. / В. Г. Белинский // Полн. собр. соч. : в 13 т. – М. : Изд-во АН СССР, 1956. – Т. 10. Статьи и рецензии. 1846–1848. – С. 279–359.
3. Эпштейн, М. А. О значении детали в структуре образа («Переписчики» у Гоголя и Достоевского) / М. А. Эпштейн // Вопросы литературы. – 1984. – № 12. – С. 134–145.
4. Есин, А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения / А. Б. Есин – М.: Наука, 1998. – 198 с.
5. Мележ, І. Людзі на балоце: раман з «Палес. хронікі» / І. Мележ. – Мінск : Маст. літ., 1999. – 399 с.
6. Мележ, І. Завеі, снежань: раман з «Палескай хронікі» / І. Мележ. – Мінск : Маст. літ., 1992. – 244 с.
7. Бершова, Е. В. Роль пейзажа в произведениях И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, А.И. Герцена / Е. В. Бершова // Ученые записки Калининград. пед. ин-та. – 1960. – Вып. 7. – С. 44–61.
8. Щирова, И. А. Участие художественной детали в моделировании эстетически возможного мира / И. А. Щирова // Studia linguistica : сб. ст. – СПб. : ООО «Политехника сервис», 1995. – Вып. 1. – С. 161–168.
9. Березняк, М. А. Типы и функции художественной детали в англоязычной прозе: дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / М. А. Березняк ; Одес. гос. ун-т. – Одесса, 1986. – 102 с.
10. Мележ, І. Подых навалішчы: раман з «Палескай хронікі» / І. Мележ. – Мінск : Маст. літ., 1973. – 512 с.

Поступила 05.11.2019

THE POETICS OF AN ARTISTIC DETAIL IN I. MELEZH'S TRILOGY "THE POLESYE CHRONICLE"

E. BRYNINA

Various types of artistic details in the trilogy "The Polesye Chronicle" by Ivan Melezh are reviewed and analyzed in the article. Artistic details in "The Polesye Chronicle" play a special role in creating the image of characters, conveying the depth of characteristics and psychological state with the help of small touches. An artistic detail ensures the authenticity and motivation of the images, reflecting the essence of the artistic whole and becoming a microimage combining psychological content, expressiveness and typifying essence. The scientific novelty of this work lies in the fact that the article presents the classification of all the details used by the author in the trilogy, their implicative possibilities are considered. The possibility of transforming of an artistic detail into a symbol has been investigated on the example of the trilogy novels.

Keywords: *artistic detail, types of artistic details, psychological detail, descriptive detail, static and dynamic details.*

УДК 821.161.1.09–02"19"

**ПЬЕСЫ Е. Н. ЧИРИКОВА
В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ДРАМАТУРГИИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА**

А.В. ДИСКОВЕЦ
(Белорусский государственный университет, Минск)
rokaloannvas@mail.ru

Впервые исследуется творчество русского писателя Евгения Николаевича Чирикова (1864–1932) в контексте драматургии первых десятилетий XX века; рассматривается специфика его творческого метода и писательской репутации. Предпринята попытка выявить эстетические принципы и определить мировоззренческие, социокультурные и исторические установки, обусловившие восприятие деятельности данным автором. Особое внимание уделяется творчеству писателей (А.П. Чехова, М. Горького. С. Найденова и др.), оказавших влияние на Е.Н. Чирикова. Акцент делается на проблематике его пьес, их месте в литературном процессе указанного периода.

Ключевые слова: Евгений Николаевич Чириков, контекст, реалистическая драматургия, модернизм, неореализм.

Введение. В драматургии первой трети XX века литературное наследие Евгения Николаевича Чирикова (1864–1932) занимает особое место. Его пьесы тесно связаны с «днями, которые его воспитали» [1, с. 182]. О плодотворности и популярности писателя свидетельствует тот факт, что в 1901–1909 годах вышло его собрание сочинений в восьми томах, а в 1910–1916 – в 17-ти, некоторые тома выдержали до 10 переизданий. Ценность творческого наследия Е.Н. Чирикова в том, что он сумел достоверно и предельно точно показать идейные, социальные, философские и художественные поиски и разочарования эпохи. Он истинный «сын интеллигенции и сын провинции» [1, с. 182], который жил мечтами своего поколения, «десятки раз арестуемым, высылаемым, высиживающим в провинциальных кутузках и столичных предварилках» [1, с. 193]. Осмысливая дневники писателя, критические статьи, посвященные его творчеству, эпистолярное наследие, мы обнаруживаем, что Е.Н. Чириков был знаком практически со всеми, кто представлял культурную эпоху начала XX века. География его творческих связей обширна, а литературная дипломатия поражает. Сценическую жизнь пьесы драматурга получали при участии таких известных театральных деятелей, как С.С. Станиславский, В.Э. Мейерхольд, К.А. Марджанов и др.

Имя драматурга малоизвестно современному читателю и зрителю в связи с тем, что литературоведы советского периода были идеологически ангажированы по отношению к писателю, оценивая не его литературные достижения, а верность демократической идеологии, именуя выразителем «антинароднических идей либеральной интеллигенции» [2, с. 138]. «Мелкобуржуазным реалистом» называет его Р. Месер в «Литературной энциклопедии» [3, с. 321], усматривая «деградацию реализма» в конце XIX – начале XX века.

Среди значимых современных театроведческих и литературоведческих работ необходимо отметить исследования М.Ю. Любимовой [4], Э.П. Хомич [5], М. Михайловой, А. Назаровой, Д. Кротовой [6], которые затрагивают отдельные аспекты драматургии Е.Н. Чирикова. Пришло время дать объективную оценку Чирикову-драматургу, определить его место в историко-литературном процессе.

Актуальность обусловлена отсутствием комплексных исследований, посвященных драматургии Е.Н. Чирикова, роли в литературном контексте конца XIX – начала XX века, что позволит не только выявить творческую манеру писателя, но и его писательскую репутацию. Специфика художественной системы Е.Н. Чирикова органично вписывается в драматургию указанного периода, так как он был современником событий, изменивших ход мировой истории, занимал активную позицию в обществе, как писатель обладал многочисленными достоинствами и мастерством в изображении провинциальной среды. В контексте русской драматургии начала XX века имя Е.Н. Чирикова неразрывно связано с А.П. Чеховым, М. Горьким и Л. Андреевым, которые сформировали лицо драмы всего XX столетия.

Цель данной работы – раскрыть специфику пьес Е.Н. Чирикова в литературно процессе 1900 – 1930-х гг., определить его место в нем.

Выбор данного автора определен рядом причин:

- 1) Е.Н. Чириков – типичный представитель реалистического метода, определившего развитие драматургии;
- 2) его пьесы были востребованы театрами России и зарубежной сценой;
- 3) поэтика пьес Е.Н. Чирикова демонстрирует основные тенденции развития русской драмы первых десятилетий XX века.

Основная часть. Творческий путь Е.Н. Чирикова тесно связан и определен временем, в котором он жил. Неслучайно В. Кранихфельд назвал писателя «бардом русской интеллигенции» [7, с. 306]. Дет-

ство и юность драматурга прошли в селах и небольших городах Казанской и Симбирской губернии, на Волге. Основой формирования личности будущего писателя оказались «идеи о человеческой равноценности и равноправности, внедрявшиеся подсознательными еще путями» [8, с. 296]. В юношеские годы началось увлечение революционными идеями и народничеством, пробудившим его желание быть полезным стране, полным романтических стремлений и юношеского авантюризма. Побывав во многих уголках огромной империи, писатель создал своеобразную «энциклопедию уездной России», сумел вплоть до мельчайших деталей показать все противоречия провинциального бытия, за что современники вполне справедливо назвали его «певцом провинции» [8, с. 344].

Пьесы Е.Н. Чирикова отразили важные закономерности общественной и литературной жизни первой трети XX века. Расцвет капитализма и промышленная революция в России оказали негативное влияние на развитие сельского хозяйства, обусловив косность крестьянства во всех вопросах. Если рассматривать происходящие процессы в исторической ретроспективе и перспективе, то, как верно отмечал драматург, они привели к нейтрализации реформ Александра II, что стало одной из причин социально-политического кризиса середины 1900-х годов, а отсутствие стабилизации между земледелием и промышленностью – кризиса в экономике. Трудное положение крестьянства стало основой для революционных событий в первое десятилетие XX века. Деятельность многочисленных партий была направлена на разрешение социальных проблем, преодоление разрыва между крестьянством, пролетариатом и демократически настроенной интеллигенцией, которая сводилась к «борьбе за человека» в широком смысле.

Драматург признает в своих «Воспоминаниях», что революционное народничество и ярко выраженная общественная позиция характеризовали начало его литературного пути, как «категорический императив духа времени», как «прекрасная дама» [8, с. 294]. Это период активной борьбы писателя с «заколдованным царством» «оплешивевших душ, облинявших, заплесневевших, выеденных молью» [1, с. 205], в которых нечасто рождается желание вырваться из сложившихся обстоятельств. Причину Е.Н. Чириков видит в неизбежном духовном омертвлении жителей провинции. Одним из способов спасения от нее становится скандал – концентрация пошлости и скудоумия. Вот почему все ранние драматургические произведения основаны на провинциальном материале и иронически изображают «губернскую среду».

В то же время, его драматургия – значимая часть сложного периода, представленного многообразием художественных и эстетических течений в литературном процессе. Театральные поиски модернистов и реалистов возникли как реакция на инертность литературной жизни эпохи Александра III. Развернувшаяся вскоре полемика о реформировании драмы включала не только споры о новом театре и целесообразности новых жанровых форм, но, главным образом, касалась новых критериев и принципов, которые станут результатом театрально-драматургических исканий. Теория модернизма оспаривала драматургическую традицию предшествующих эпох. Реалисты утверждали необходимость изменений в содержании, обращении к актуальным проблемам времени, доступность и народность сценических постановок.

В первое десятилетие XX века реалистическая драматургия была представлена именами Л. Андреева, Н. Гарина-Михайловского, С. Найденова, С. Юшкевича, Д. Айзермана, Е. Чирикова. Исследователи отмечают, что их театральное наследие несет на себе «специфический «знаньевский» отпечаток, типологические признаки «Знания» [5, с. 10]. Это литературное объединение – одно из ярких явлений эпохи, которое определило вектор развития реализма. Е.Н. Чириков (как его представитель) стал желанным автором книгоиздательства, представляя талантливую литературную интерпретацию действительности сквозь призму мировидения интеллигента из провинции.

Необходимо отметить влияние А.П. Чехова-драматурга и МХТ на тех, кто составил ядро драматургии товарищества «Знание». Как отмечает Е.Н. Чириков, «Все мы, Андреев, Горький, Юшкевич, я и многие из писателей начали писать пьесы только под впечатлением этого исключительного театра» [9, с. 43]. Особое влияние на него оказала драматургия А.П. Чехова. Как известно, литературную признательность он завоевал всего на 4 года позже классика. Все вышесказанное дает основание утверждать, что Е.Н. Чириков изначально примыкал к реализму и его представителям. Об этом свидетельствует не только период появления его пьес (1902 – 1911 гг.), но и критические отзывы современников: «Чириков правдив, хорошо и верно наблюдает, схватывает массу деталей – и непредвзятым взглядом, – умеет и скомпоновать картину, и осветить ее удачно брошенным солнечным лучом» [10, с. 3], – отмечал А. Амфитеатров.

В своих «Воспоминаниях» драматург называет то, что произвело на него наибольшее впечатление в чеховских пьесах – это «правда жизни на сцене», «словно тайно подсматриваешь в чужой семейный дом, где происходит своя семейная драма» [9, с. 44]. Такие чеховские эстетические принципы, как импрессионизм, жанровая неопределенность, замедление внешнего действия, скрытые конфликты, отсутствие главного героя и др. в драматургической поэтике Е.Н. Чирикова использовались выборочно. Проблемно-тематическое поле ранних пьес драматурга совпадало с чеховским: бездуховность и пошлость провинциальной реальности, где царствует скука и обыденность. Ранняя пьеса «Иван Мироныч» (1904), «провинциальная комедия», ориентирована на чеховскую поэтику и театральные требования МХТ, где и состоялась премьера (реж. К.С. Станиславский, 28.01.1895). Пьесы «Марья Ивановна» (1907) и «Царь природы» (1909) также именуется автором «провинциальными комедиями». В них драматург показыва-

ет типичных для того времени представителей провинции. Кроме того, во всех произведениях писателя, в том числе и драматических, проявляются пессимистические настроения, связанные с неверием в возможность русского обновления, в самостоятельную способность преодолеть определяющее сознание провинциального бытия. Так, герой «Царя природы», чиновник Передрягин, стремясь любой ценой вырваться из повседневности, готов взлететь на воздушном шаре, но не может преодолеть себя.

Признавая возникновение новой драмы у модернистов, нельзя отрицать новаторских достижений в этом и у «знальцев». Но нельзя и переоценивать их роль в русском литературном процессе начала эпохи. Это одно из положений, определяющих специфику развития драматургического искусства первой трети прошлого столетия. Они экспериментируют с различными модификациями драмы как жанра, ставя целью найти форму для отражения общественно-исторических событий и жизни социума. В отличие от трагедии, драма изначально апеллирует к действию внутреннему, а бездейственность чеховских драм – иллюзия реципиента, не воспринимающего действие, реализуемого в подтексте. У Е.Н. Чирикова персонажи не скрывают свой внутренний мир, но совокупность их действий не приводит к ожидаемому результату. Внешний конфликт базировался на классическом противоречии героя и среды, попытке обретения свободы. Внутренний конфликт заключался в том, что они не могли осознать собственное «я», дать четкое определение своим стремлениям. Драматург (в отличие от своего учителя) не стремился к отражению тонких движений души, филигранного создания образа. Его модель героя основана на выборе типов и характеров, распространенных в данный исторический момент, хорошо узнаваемых большинством зрителей и читателей. Кроме того, уездный уклад жизни обусловил наиболее частотный конфликт в его пьесах – героя, ищущего правду, и среды. Все персонажи статичны и сформированы, как и драматические ситуации, в которых они находятся, что позволило критике Ольгину вынести следующее суждение: “Through him, perhaps, more than through many a realist, Russian learned to know herself” («Через него, возможно, больше, чем через других реалистов, русские учились познавать себя», – Здесь и далее перевод наш. – А. Д.) [11, с. 270].

Советские исследователи всегда обращали внимание на социальную ориентированность «знальцев»: «в пьесах «знальцев» было много полезной социальной «педагогике», были горячие революционные веяния, была острая проблемность, подсказанная самой жизнью, волновавшая передовую демократию в России начала нашего века» [12, с. 173]. Не менее значимой характеристикой «знальцевской» драматургии становится использование злободневных тем в качестве основы драматического действия. Несомненно, «знальцевская» школа предполагала публицистичность создаваемых произведений, в том числе и драматических. М. Горький всегда считал Е.Н. Чирикова своим соратником, верным делу народного просвещения. Тема деревни, доминирующая в произведениях писателей-«знальцев», не могла не проявиться у драматургов. Бесправие человека в обществе нового типа, революционное брожение и классовая борьба, проблемы крестьянства в период революционных событий начала XX века рассматриваются и в пьесах Е.Н. Чирикова «Мужики» (1906) и «Дом Кочергиных» (1909).

События российской жизни 1900-х (погромы, крестьянские волнения) получили художественную интерпретацию в его «общественных драмах» («Мужики» (1906), «Дом Кочергиных» (1909), «Еврей» (1904). Пьеса «Еврей» (1904), основанная на реальных событиях, произошедших в черте еврейской оседлости, стала «в 1905–1906 одной из самых репертуарных пьес; она шла более чем в 40 городах. Не менее злободневна «общественная драма» «Мужики» («картины деревенской жизни»), основанная на документальном материале о крестьянских волнениях в Черниговской губернии 1905 года: «Потрясающий трагизм «Мужиков» логически вытекает из трагизма русской жизни. В самом деле, кто возьмется *теперь* серьезно оспаривать факт глубокой разобщенности народа с интеллигенцией; кто не увидит зияющей бездны, которая легла между крестьянством и классом землевладельцев. – Только слепой! Но слепых теперь так мало!» [13, с. 430]. Пьеса была запрещена к постановке.

Противоречивые отзывы вызвала публикация третьей «общественной драмы» – «Дом Кочергиных» (1909), сюжетная основа которой созвучна драме «Мужики». В пьесе доминантной становится тема безвременья, сопровождаемая пессимистичными настроениями, а не крушением народничества.

Реалистическую драматургию Е.Н. Чирикова невозможно интерпретировать без сопоставления ее с пьесами С.А. Найденова (1869–1922), которого также относят к «знальцам». Их объединяло стремление к «бытописательству» и публицистичности в раннем драматургическом творчестве, хотя объектами изображения С.А. Найденова были мещане и купцы. В «Детях Ванюшина», подобно как в «Мужиках», «Доме Кочергиных» и «Еврейях» Е.Н. Чирикова, противоречия между отцами и детьми имеют трагическое завершение, более того, безысходность, которую чувствует читатель после разрешения драматических узлов пьесы, что сближает ее с горьковскими ранними драмами. Быт для С.А. Найденова, так же, как и для Е. Н. Чирикова, – амбивалентное понятие. В «Детях Ванюшина» он осуждает мещанский быт, ограничивающий свободу человека и уничтожающий его личность, но не отрицает его.

Ведущим методом в драматургии «знальцев» был реалистический, однако они проявляли интерес и к модернизму. Так, Л. Андреев-драматург сочетал два периода – реалистический (например, «К звездам», «Екатерина Ивановна»), а затем модернистский («Черные маски»). Е.Н. Чириков также

пробует себя в жанре «драматических фантазий» – «Легенда старого замка» и «Красные огни» (обе – 1907) тяготеют к модернистской поэтике.

Основу модернистских поисков в драматургии составляла новая философия жизни: ницшеанство, кантианство, эвдемоническая теория А. Введенского, философские и психологические воззрения В. Вундта, В. Джемса, А. Бергсона, П. Лаврова и Н. Бердяева. В самой концепции символизма заложен тезис о том, что «искусство есть начало плавления жизни» (А. Белый) [14, с. 247], что предопределяет наличие синкретичных форм. В этом контексте значима статья В. Брюсова «Ключи тайн» (1903), где искусство понимается как способ истинного познания мира, и статья Л. Андреева «Смысл искусства», в которой расширяется функциональность искусства и утверждается «преображение человечества» через искусство. В. Брюсов видит смысл в сверхчувственном постижении действительности через ее преобразование в сознании творца. Основная задача театральной постановки – сделать зрителей сопричастными высшей истине, «глубочайшей реальности» [15, с. 177]. Размышления о проблемах переустройства отношений между художником и реципиентом его творчества, которое определяет направление идейных поисков модернистов, представлены в книге Вяч. Иванова «Борозды и межи». Он противится слиянию сознания зрителя с сознанием героя, обезличиванию воспринимающего, и утверждает необходимость действия воспринимающего зрителя «в плане идеального действия сцены» [16, с. 218]. Ф. Сологуб в «Театре одной воли» обозначил пути развития модернистской драматургии, выдвинув в качестве основного условия сосредоточенности действия, чтобы зритель почувствовал себя в зале одним, беседующим с глазу на глаз с самим Единым. Идеи реформирования театра Л. Андреева – еще одна важная сторона модернистской драматургии, где утверждалось превращение театра внешнего действия в театр души или панпсихизма.

В отличие от модернистов, желающих постигнуть тайны бытия и все механизмы театрального искусства, тяготеющих к мифотворчеству и *миротворчеству*, Е.Н. Чириков не ищет скрытых смыслов и необычных фабул: «его материал – это обычная жизнь обычного человека» [11, с. 271]. Несмотря на то, что в его отдельных пьесах прослеживаются черты модернистской поэтики, драматург не претендовал на разрешение сложных непосильных эстетических задач, а стремился к «идеологическому» свидетельству происходящих в обществе процессов [5, с. 175], отдавая предпочтение публицистической злободневности, а не выверенной временем художественности. Литературные споры среди активных членов «Среды» (1899 – 1922), в которых участвовал Е.Н. Чириков, чтение собственных текстов, политической дискуссии способствовали формированию у драматурга демократической ориентации, собственной оригинальной реалистической манеры. Это препятствовало полноценному уходу Е.Н. Чирикова в модернистскую эстетику.

Определение места писателя в общем драматургическом процессе невозможно без соотнесения его творчества с эстетикой неореализма. Полемичность в определении феномена неореализма (новая стадия реализма или модернистское течение) затрудняет анализ модели неореалистической драмы. Эстетически его появление было подготовлено драматургией А.П. Чехова. «Анемичный сюжет, отсутствие нарочитого психологизма, значимость обыденной детали, подтекст, нелюбовь к сентенциям и поучениям – все это сближает поэтику Чехова и неореалистов» – констатирует исследователь Н.М. Солнцева [17, с. 25]. Возникновение понятия «неореализм» связано с именами А. Белого, В.И. Иванова, Ф.К. Сологуба, В.И. Брюсова, Г.И. Чулкова и др., а в театральной жизни – с творчеством Вс. Мейерхольда и Н. Евреинова. А. Келдыш полагает, что неореализм есть явление реализма с такими его типологическими свойствами, как «противопозитивистская направленность, связь мировоззренческих пристрастий неореалистов с образом мыслей, нравственными, этическими ценностями классиков реализма, в частности с философией жизнеутверждения и «живой жизни» [18, с. 283]. Соотношение быта и бытия, считает исследователь, проявляется через «созерцательность как проявление внутренней активности, внутреннего противодействия среде» [18, с. 283]. Парадоксально, но изначально критика относилась к неореалистам всех «знаньевцев» [19, с. 200].

Поэтика пьес драматурга С. Сергеева-Ценского считается вариантом реализации неореалистических принципов уже в советской драматургии, выраженных в «сильном социальном звучании» пьес, отображении «общественной жизни в момент крутых поворотов истории» [20]. У С. Ценского и Е.Н. Чирикова, например, в драме «Иван Миронович», ослабленность локальных противоречий вела к формированию субстанционального конфликта, для выражения которого необходим подтекстово-ассоциативный пласт. Для неореалистической драмы характерно преобладание субстанциональных конфликтов. В пьесах С. Ценского и Е.Н. Чирикова сосуществование различных конфликтов предопределяет обновленную модель сюжетосложения, которая при всей своей новизне драматически-дискретного восприятия мира тяготела к архетипическим константам.

Сегодня необходимо признать, что в драматургии Е.Н. Чирикова прослеживаются идеи почвенничества через понимание провинции, как хранительницы традиционной культуры. Писатель усматривает духовный смысл в понятии «провинция», содержащем социально-исторические и нравственные константы народной жизни. «Судьба России», по мнению Е.Н. Чирикова, «не в кружках богостроительства и богоискательства, футуризма и всяческого атавизма <...> а в недрах народной психологии. А где ее увидишь и поймешь, как не в необъятной русской провинции?» [21, с. 259].

На наш взгляд, следует рассматривать драматургию Е.Н. Чирикова как явление оригинальное в семантике и морфологии пьес. Она взаимосвязана с эстетикой реализма и модернизма, но представляет собой уникальный феномен. В ее модели превалирует реалистическое изображение жизни разума, борьба идей в эмоциональном аспекте при наличии двух уровней действия, где противоречие материального и духовного является основой для возникновения экзистенциальной ситуации и субстанциального конфликта.

Модель героя в модернистских и реалистических пьесах значительно отличается, что также маркирует принадлежность литературному направлению или течению. В реалистических пьесах преобладает изображение «маленького человека», оказавшегося в условиях социальной нестабильности. Модернизм, наследовавший декаданс, объектом своего изображения выбирает внутренний мир человека, поэтому герои модернистской драмы находятся в состоянии тяжелого внутреннего конфликта, причиной которого является непостижимость бытия. Для них статус в обществе чаще всего не имеет особого значения. Человек «мелок» перед онтологическими тайнами бытия. Е.Н. Чириков выстраивает свою концепцию героя. Его персонажи не полностью отказываются от «общепринятых» законов социума, обращенных на удовлетворение собственных потребностей путем материального преуспевания, но пытаются достигнуть равновесия между разумом и душевными порывами, которые не допускают «дна» и «темного царства» в своей жизни. Тенденциозности и искусственности некоторых реалистических персонажей Е.Н. Чириков противопоставляет естественность и обыденность «негероического героя».

В драматургическом творчестве Е.Н. Чирикова мы можем наблюдать переход от преобладания социального над личностным к созданию портрета «негероического героя» со своей жизненной правдой, тем не менее, способного нести положительную программу. При этом драматург конструирует топос уездного города, провинции, замедляет течение времени. От классиков реализма драматурга отличает глубина анализа. От модернистов — детальное изображение всех мелочей повседневной жизни.

Революционные события прервали драматургические опыты писателя: в его творчестве снова лидирующее место заняла проза. Е.Н. Чириков о первых послереволюционных годах писал: «Революция надолго оборвала мое художественное творчество» [8, с. 386]. Как следствие, драматургическая деятельность писателя в этот период была приостановлена — «общественник» победил писателя, по замечанию критиков [22, с. 93]. Мысли об обновлении России и русского человека стали лейтмотивом, объединяющим все литературное наследие Е.Н. Чирикова.

Заключение. Первые десятилетия XX века в русской культуре характеризуются активным развитием театра. Драматургия Е.Н. Чирикова — уникальное явление в русской литературе данного периода, олицетворяющее комплекс ведущих тенденций драматургии того времени. Изучение творчества Е.Н. Чирикова дает возможность на конкретных пьесах продемонстрировать эволюцию реалистического метода, предопределившего модификации современной драмы.

Писатель принимал активное участие в общественной жизни, литературном и театральном процессе данного исторического периода, что нашло отражение в его пьесах. Особое влияние на его драматургию оказал А.П. Чехов, который был для него не только учителем, но и другом. Чеховские эстетические принципы легли в основу чириковской поэтики. Сотрудничество с М. Горьким в товариществе «Знание» также неотъемлемая часть его литературной репутации. Драматургов долгое время объединяли политические убеждения и поиск решения социально-бытовых проблем.

Е.Н. Чириков — бытописатель, создавший полноценный портрет русской провинции, показавший ее типы. Как драматург-реалист он стремился к злободневным темам и публицистичности в пьесах «Евреи», «Мужики», «Дом Кочергиных». Это сближало его с еще одним «знаньевцем» — С. Найденовым. Однако его художественный метод претерпевает существенные изменения под влиянием идейных и эстетических поисков современников. В частности, это относится к двуплановому изображению провинции и быта: провинция видится ему «почвой», а детали быта «скрепами»; провинция — «стоячая вода», а быт — ограничитель свободы личности, деформирующий все добрые начинания в ней. Используя отдельные приемы модернистской поэтики, Е.Н. Чириков сближается с неореалистами, предлагая свою версию «новой» драмы, построение которой значительно отличается от драматургии критического реализма и модернизма. Тем не менее, театральные поиски модернистов также нашли отражение в литературной репутации драматурга. Неореалистические тенденции прослеживаются в семантике пьес: Е.Н. Чириков не критик, он бытописатель. Для него важен маленький человек в конкретный исторический момент, его идеи.

Е.Н. Чириков-драматург обращался к актуальным социальным проблемам с независимых позиций, раскрывая их на примере современных жизненных коллизий. Литературно-эстетические дискуссии Серебряного века также нашли оригинальное решение в его сочинениях. Е.Н. Чириков не только отразил современные ему общественные противоречия, но и предвосхитил острые проблемы всего XX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Измайлов, А. А. Стоячая вода: Литературный портрет Е. Н. Чирикова / А. А. Измайлов // Пестрые знамена: Лит. портреты безвременья. — М., 1913. — С. 179–197.

2. Абрамов, В. «Новое слово» / В. Абрамов, А. Дымшиц // Лит. энцикл. : в 11 т. – М. : ОГИЗ РСФСР, гос. словарно-энцикл. изд-во «Сов. Энцикл.», 1929–1939. – Т. 8 – 1934. – С. 137–139.
3. Русская литература / М. Храпченко [и др.] // Лит. энцикл. : в 11 т. – М. : ОГИЗ РСФСР, гос. словарно-энцикл. изд-во «Сов. Энцикл.», 1929–1939. – Т. 10 – 1937. – С. 88 – 397.
4. Любимова, М. Ю. Драматургия Евгения Чirikова и русская сцена 900-х гг. / М. Ю. Любимова // Русский театр и драматургия эпохи революции 1905–1907 : сб. ст. ; Ленингр. гос. ин-т театра, музыки и кинематографии им. Н. К. Черкасова ; ред. А. А. Нинов. – Л. : ЛГИТМИК, 1987. – С. 34–57.
5. Хомич, Э. П. Драматургия Евгения Чirikова : дисс. ... канд. филол. наук : 10.01.02 / Э. П. Хомич. – М., 1978. – 200 с.
6. Михайлова, М. От прозы жизни к поэзии сказки / М. Михайлова, А. Назарова, Д. Кротова // Современная драматургия. – 2014. – № 4. – С. 216–225.
7. Кранихфельд, В. Литературные отклики: Бард русской интеллигенции / В. Кранихфельд // Современный мир. – 1911. – № 2. – С. 306–318.
8. Чirikов, Е. Н. На путях жизни и творчества. Отрывки воспоминаний / Е. Н. Чirikов // Лица: Биографический альманах. – М. ; СПб. : Феникс : Atheneum, 1993. – Вып. 3. – С. 281–418.
9. Чirikов, Е. Н. Как я сделался драматургом / Е. Н. Чirikов // Артисты Московского Художественного театра за рубежом. – Прага, 1922. – С. 43–44.
10. Амфитеатров, А. В. Литературный альбом / А. В. Амфитеатров // Россия. – 1900. – № 277. – С. 3.
11. Olgin, M. J. Evgeny Chirikov (1864-) / M. J. Olgin // A Guide to Russian literature. – New York: Jonathan Cape, 1921. – P. 270–276.
12. Дымшиц, А. Л. Проблемы и портреты / А. Л. Дымшиц. – М. : Современник, 1972. – 380 с.
13. Львович, Б. Мелочи журнальной и книжной беллетристики («Мужики» Чirikова) / Б. Львович // Вестник знания. – 1906. – № 7/8. – С. 430.
14. Белый, А. Критика. Эстетика. Теория символизма / А. Белый. – М. : Искусство, 1994. – Т. 2. – С. 247.
15. Брюсов, В. Театр Будущего / В. Брюсов // Литературное наследство. – М. : Наука, 1976. – Т. 85: Валерий Брюсов. – 854 с.
16. Иванов, В. Экскурсы: о кризисе театра / В. Иванов // Собр. соч. : в 4 т. / под ред. Д. В. Иванова, О. Дешарт. – Брюссель: Fooyer Oriental Chrétien, 1971–1987. – Т. 2. – 1974. – 807 с.
17. Солнцева, Н. М. Иван Сергеевич Шмелев: Аспекты творчества / Н. М. Солнцев. – М. : Кругъ, 2006. – С. 24–39.
18. Келдыш, В. А. Реализм и неореализм / В. А. Келдыш // Русская литература рубежа веков (1890-е–начало 1920-х годов). Кн. 1. – М. : ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001. – С. 259–336.
19. М. П. Кипен / М. П. // Лит. энцикл. : в 11 т. – М. : ОГИЗ РСФСР, гос. словарно-энцикл. изд-во «Сов. Энцикл.», 1929–1939. – Т. 5 – 1931. – С. 200.
20. Шевцов, И. М. Орел смотрит на солнце (О Сергееве-Ценском) [Электронный ресурс] / И. М. Шевцов // Литературное наследство. – Режим доступа : <http://litena.ru/books/item/f00/s00/z0000039/index.shtml>. – Дата доступа: 13.02.2019.
21. Чirikов, Е. Н. Успокоение (Заметки провинциала) / Е. Н. Чirikов // Собр. соч. : в 17 т. – М. : Моск. кн-во, 1910 – 1916. – Т. 17. – С. 259.
22. Попова, Е. А. «Лениниана» писателя Е. Н. Чirikова / Е. А. Попова // Література в контексті культури : зб. наук. пр. / М-во освіти і науки України, Дніпропетр. нац. ун-т ім. О. Гончара; ред. В. А. Гусев. – Київ : Вид. дім Дмитра Бурого, 2001. – Вип. 23 (2). – 2013. – С. 91–97.

Поступила 26.06.2019

PLAYS BY E.N. CHIRIKOV IN THE CONTEXT OF THE RUSSIAN DRAMA OF THE FIRST THIRD OF THE XX CENTURY

H. DZISKAVETS

In this article works of the Russian writer Evgeny Nikolaevich Chirikov (1864–1932) in the context of the dramatic art of the first decades of the 20th century are for the first time investigated; the specifics of its creative method and literary reputation are considered. An attempt was made to reveal the aesthetic principles and to define the world outlook, sociocultural and historical attitudes which caused perception of reality by this author. Special attention is paid to the works of writers (A.P. Chekhov, M. Gorky, S. Naidyonova and others.), had an impact on E.N. Chirikov. The emphasis is placed on a set of problems of its plays, their place in the literary process of the specified period.

Keywords: *Evgeny Nikolaevich Chirikov, context, realistic drama, modernism, neorealism.*

UDC 821.11(73)

DEPICTION OF THE 20TH CENTURY FRAGMENTARY SOCIETY
IN W. FAULKNER'S *AS I LAY DYING*

HUSSAM ASSAAD

*(American University of Culture and Education, Lebanon; Polotsk State University)**hussam-assaad@hotmail.com*

William Faulkner's As I Lay Dying is a masterpiece novel of the fragmentation in mood, mind, and action where the writer explores and investigates the different themes of existentialism, paradox, alienation, and miscommunication – all were lively active in the 20th century. Faulkner applies the stream of consciousness technique, interior monologue, and multiplicity of point of view to show the real like image of the South American multicultural society in the frame of present unreasonable, mental apathetic states, and self-destructive devalues of the generation throughout the novel. The whole action is in the form of a 'death' journey: real external one and mental inner another.

Keywords: *existentialism, paradox, alienation, miscommunication, stream of consciousness, interior monologue, the American South.*

Introduction. William Faulkner, an American novelist, a short story writer, a poet, and a screenwriter, has greatest influence on most modernist authors. His subjects range from childhood, families, sex, race, obsessions, time, his native south, and the modern man. His technical mastery is evaluated in terms of his narrative technique, of his meticulous planning of his novels, and of his sedulous experimentation with point of view. It is through their radical stylistic innovations and moral depth that his moral works achieve a universality, which places him among the major figures of world literature.

Faulkner is, after all, an original storyteller who has revolted against the traditional rules of fiction. In each of the novels he has published between 1926 and 1936, it seems as though fiction is reinvented. Encouraged by Sherwood Anderson to write about his Mississippi home, Faulkner has created the imaginary Yoknapatawpha, a country that has become the stage for his view of the human existence. In his novel *As I Lay Dying*, Faulkner has successfully shown the absurdity of human life, his yearning for the past, and his identification with the South. J.-P. Sartre affirms that "Faulkner's metaphysics is a metaphysics of time" [1, p. 87]. Whereas for Faulkner the future is closed, and his heroes never look ahead, Sartre believes that a closed future, however, is still a future. This is why he does not believe in Faulkner's metaphysics [1, p. 93].

Yet Faulkner's obsession with time is attributed to the idealization of the past, and the fragmentation of the human existence. Furthermore, he excavates the collective unconscious of the revealed history in order to teach the matrix of the human condition. In his work we see that the present is submerged in the past. Jean Pouillon argues, in his *Temps et Roman*, that the memory cannot possibly be anything but the sense of the past and this lies at the core of Faulkner. Pouillon compares Proust's and Faulkner's past and concludes that for Proust the past is also as for Faulkner a present reality, but the difference, is that with Proust it is strictly individual while with Faulkner it is everybody's past [2, p. 80-82]. All of his major works are, indeed, embodiment of the past, which is so precious and so unique with Faulkner. According to J.-P. Sartre, Faulkner perceives life as fragmented and absurd, "tale told by an idiot, full of sound and fury, signifying nothing" [1, p. 92]. This is why Faulkner has never paid attention to the Future, rather he has insisted a depicting the past as it is.

Moreover, Faulkner has identified himself with the South, which becomes the region where all his stories take place. Yet Faulkner's treatment of the South is complex. As Walter Allen argues in his book *The Modern Novel in Britain and the United States*, his fiction is rooted in the folk memory [3, p. 115]. In the imaginative discovery of the Yoknapatawpha country, Faulkner has been obliged to create his fictional world, a paradigm existing beyond the established categories [4, p. 201]. Faulkner's South is, no doubt, extraordinary, rich and distinguished as one can see in *As I Lay Dying*. In his book, *The Literature of Memory: Modern Writers of the American South*, Richard Gray asserts that the reason why the story of Yoknapatawpha is such a convincing imitation of the story of the South, is that it "does not have a predetermined, linear pattern" [4, p. 205]. In other words, Faulkner is trying to create a history reenacting the past, and thus the event is engaged with the memory. The South, hence, is very realistic though idealized and sublimated. And since Faulkner addresses the South, all his South, he becomes a regional writer and not a provincial one.

To depict the influence of the milieu on the artistic temperament of Faulkner, it is essential to examine the critical views on the Yoknapatawpha County. The South is the background of Faulkner's work, and the Yoknapatawpha County – his fictional south – where he is the "sole owner and proprietor", as the author

inscribed on one of the maps he drew [5, p. 9]. Most critics agree on the intimate relation between the southern region and the artistic temperament of Faulkner, who, himself, admits the discovery of his homeland.

Faulkner's works seek to understand the past rather than reach into the future. Faulkner excavates the collective unconscious of the revealed history in order to reach the matrix of the human condition. The southern myth becomes the voicing of the collective imagination. History is not an objective datum, it is rather a myth. Nicolas Berdyaev, a Russian philosopher, argues that each man's memory is a microcosm that amalgamates history and the whole world of reality, and that "each man contains within his inner nature a sort of microcosm in which the whole world of reality and all the great epochs combine and co-exist" [6, p. 17]. Berdyaev posits the individual's consciousness as a sensorial of historical knowledge and knowledge proves to be immortal. A myth contains the story that helps to bring to life some deep stratum buried in the depth of the human spirit. Thus, the significance of the part played by tradition in the comprehension of history makes possible a great act of remembrance. Tradition represents a manifestation of the inner mysteriousness of life in which one can attain to know and feel himself to be an inalienable participant. A nation's history comprises the knowledge of people where the human experience forms the matrix of reality. This inclination to the past is validated in the manners, morals, values, beliefs and traditions belonging to the Old South.

In *The Paradoxical Southern World of Tennessee Williams*, Peggy Prenshaw regards the South as "a riddle", finding at its heart the "union of opposites and a condition of instability, a paradox". She points out the cultural paradox that shapes the literary imagination of Faulkner, of other southern writers, and even the imagination of their paradoxical characters. Prenshaw explains that the conflicting opposition in the Southern experience of "calm grace", raw hatred, polished manners and violence" and that "intense individualism and intense group pressures toward conformity" are at the heart of the southern psyche [7, p. 6]. Furthermore, she analyzes the impact of the environment on the artist through his characters' yearning "for freedom from the past, from suffocating family responsibilities, old mistakes and corruptions, illusions, compromises, mendacity" [7, p. 7]. Thus, the conflict of these protagonists resides not only in their knowing the irony of southern history, but also in their knowledge of the inescapable consequence of being human. But to resist fate and to refuse the responsibility for the human condition is regarded by Faulkner as "fatal and self-defeating". Faulkner's characters are built on paradoxes which consistently appear in the "effect of the past on the present, the consequence of human sexuality and the mortality that attaches to the flesh and to tradition alike" [7, p. 7]. In their compelling pathos, characters suffering from such tensions resemble the birds in Wallace Stevens' poem *Sunday Morning* in making "ambiguous undulations as they sink / Downward to darkness, on extended wings" [7, p. 15].

The southern family can be understood in its socio-historical context. The modern southerner cannot escape the fact that he is a participant in the region's post war society. However, being burdened by "the dehumanized south of the mercantile Snopses, the southerner turns inward toward his family" [8, p. 43]. This introversion is the ultimate means of self-protection in a world that is alien and incomprehensible to him. Thus the frustration guilt, ambivalence and rejection that the southerner must feel – all these translate themselves into the familial level and reproduce themselves in the marital and parent-child exchange, as well as in incestuous relationships. Faulkner asserts the role of the milieu on his private artistic vision, the last being a present consequence of the southern people's inability to liberate themselves from the past, by admitting that "I've taken the artist in one hand and the milieu in the order and thrust the one into the other like a clawing cat into a sack" [8, p. 61]. Being a southern artist, he activated his artistic temperament by structuring his Yoknapatawpha on the antagonism inherent in the human condition which includes man's position in society at large.

The concept of the structure of feeling captures the discontinuities and uncertainties of the lived experience of historical transition, an experience not yet legible in material practice, existing structures of meaning, or established social identities and relationships. Just at the edge of semantic figuration, a structure of feeling is an effect that is rooted in transformations occurring on the level of material life, social organization, and ideology.

Fragmentation in the Present. *As I Lay Dying* presents the Bundren family as a fragmented and conflicted social group rife with misunderstanding, secrecy, and betrayal, and enhances the incomprehensibility of their experience by disrupting narrative coherence and linear chronology. The semantic and syntactic disorder serve to indicate the turmoil the Bundrens experience as they leave their habitual surroundings and struggle to adapt to changing pressures and limits.

By using the same tropes and techniques, Faulkner suggests with *As I Lay Dying*, however, if portions, as Sundquist has argued, offer a compassionate, unabashedly moving view of the Bundrens as they make their way from the countryside to Jefferson, other portions present them as an embarrassment, outrage, or threat. While acknowledging the heroism of their struggle as they move into difficult and unfamiliar spatial and social settings, it also emphasizes, through both the external viewpoints of non-Bundrens and the internalized viewpoints of the Bundrens themselves, that the Bundrens are pinned in the one-down position. While it may be, as Sundquist maintains, that comedy is a means of releasing pressure and relieving anguish, it does not relieve the unremitting anguish of the Bundrens but rather the anxiety of those bourgeois subjects whom their unseemly presence perturbs.

Despite its formal complexity, the underlying situation and narrative of *As I Lay Dying* is quite simple. Addie Bundren dies, leaving her husband and five children to fulfill her request that she be laid to rest forty miles away, in Jefferson, where her relatives are buried. Her request places a burden on her family, who subsist on limited means as small farmers and occasional wage laborers in rural Northern Mississippi in the late 1920-s. After a delay of three days, the family sets out in the heat of July with Addie's body in a mule-driven wagon and, as further delays extend the duration of the journey and Addie's body decomposes further, neighbors and onlookers become increasingly critical of the Bundrens. Not without suffering calamities, the Bundrens ultimately reach Jefferson, unceremoniously bury Addie and, after committing the elder son Darl to an insane asylum and replacing Addie with a new wife and mother – two unexpected and preposterous twists of the plot – return to the country.

The fragmentation and the absurdity of the human life necessitate, for Faulkner, a technique that corresponds with it. He has made of his artistic vision of the human condition an artistic choice in his works which though difficult to understand, yet proves to be an extraordinary art to describe our “suffocation and a world dying of old age” [1, p. 93]. Thus, he develops Joyce's technique of the stream of consciousness and his strategy of penetrating the individual mind. Moreover Faulkner modifies the Joycean and the Proustian methods by contributing to the art of the novel a new hitherto unknown narrative method, that of making of the point of view, the style, and the structure of his novels an intrinsically unified entity whose individual elements derive their power and significance from their mutual interdependence on the significance of one another.

The fragmentation of the human mind is a device used in *As I Lay Dying*. The private consciousness of each one of the Bundrens is dedicated to a specific section. In *As I Lay Dying*, the fifty-nine sections are distributed among fifteen characters and the closest possible harmony between the character's thoughts and the world they inhabit is given in fragments. *As I Lay Dying* serves as an adequate example of the employment of the stream of consciousness in the creation of each of the fifty-nine fragments that compose the novel. As we have already seen, the stream of consciousness is a common narrative technique in the modern novel, an attempt to convey all the contents of a character's mind – memories, sense perceptions, feelings, intuitions, thoughts – in relation to the stream of experience as it passes by, often at random [4, p. 197]. Here the reader can have an access to the memories of the characters, while they are providing him simultaneously with different perspectives of the family history through one series of events. Each section in the novel is devoted to one character presenting his memories through his personal voice. Through the blending of the soliloquy and interior monologue, Faulkner allows us admittance into the minds of the Bundrens in *As I Lay Dying*. In fact, each of the Bundrens performs the journey alone. Each human being isolated in his own consciousness, each corresponds to a fragment, a scene, or one part of a scene. This strategy of fragmentations allows the reader to perceive different ways of looking at the same event and to cultivate insight into the whole history of the Bundrens.

Darl's fragmentary thoughts correspond to his perception of the human condition. Born at the height of his mother's disillusionment with the world, he embodies her separation between words and deeds. In her only monologue, Addie, recollecting Darl's birth, admits to her sense of having been betrayed, a feeling that forced her to deny him her love. “Then I found I had Darl. Then I believed that I would kill Anse... And when Darl was born I asked Anse to promise to take me back to Jefferson when I died” [9, p. 173]. Gifted with the meticulous precision in recording the world around him, Darl proves to be the most complex of the characters in the novel. Unable to transform reality into unreality, he eventually goes mad. These facets have inspired Olga Vickery's conclusion that Darl's world is a world “of consciousness only, and this renders his connection with the external world insecure” [10, p. 244].

Similarly, the fragmentation of Dewey Dell's mind reveals her distorted thoughts about her secret conception. In her first monologue, she reflects on her pregnancy, shifting responsibility on to chance. Dewey Dell tricks Lefe into impregnating her and justifies her act by the notion that nature has defeated her. Instincts are given a chance to play in the primitive nature. The process of Dewey Dell's mind is rendered dramatic in terms of her encounter with Lefe: “We picked on down the row, the woods getting closer and closer and the secret shade picking on into the secret shade” [9, p. 27]. In a way, she combines word and action but regrets the consequence and seeks a suitable position to solve her problem. In another monologue, her language renders her in sharp contrast to Jewel. And, in Addie's mind, she is exchanged in negation to Jewel. Dewey Dell recreates “Addie's past and discovers that pregnancy is a state of mind and body, word and action” [10, p. 243]. Being an extension of Addie doesn't mean that she will declare her sexual encounter with Lefe. Instead, she wishes to confide in Peabody, but she retreats. She finally takes the journey to Jefferson hoping to obtain an abortion, but she fails. The only threat she feels is in Darl's intuitive knowledge of her pregnancy. To erase her fears from Darl's powers, she dreams of killing him: “I killed Dad” [9, p. 121]. She, at the end of the journey, succeeds in incarcerating him in an asylum, reminding us of Addie's rejection of him at the time of his birth.

Stream of consciousness technique. Faulkner reflects his vision of the human experience in his masterpiece *As I Lay Dying*. In this work, human feelings, inclinations and thoughts do not take place in chronological order. Because Faulkner believes that man's internal experience is fragmented, he attempts to represent it artistically in slices. There is nothing in the human mind that is kept away from experience or

perception or association of ideas. This shaping of the private subjective experience could be displayed in different perspectives within the stream of consciousness.

Stream of consciousness writers, major among them are Joyce, Virginia Woolf and Faulkner, attempt to artistically formulate the possibilities and processes of “the inner realization of truth” [11, p. 12]. This search for truth is a psychic activity in the deep level of consciousness, and Joyce’s, Woolf’s and Faulkner’s major works from the outstanding evidence of the importance of human awareness, archived through the characters’ experience of the free overflow of thoughts and feelings in their inner being.

Much of Faulkner’s greatness is, in fact, related to his skillful employment of the stream of consciousness technique. Robert Humphrey defines this technique in his book *Stream of Consciousness in the Modern Novel*, as “a type of fiction in which the basic emphasis is placed on the exploration of the pre-speech levels of consciousness for the purpose... of revealing the psychic being of the characters” [11, p. 4]. This technique allows the writer to enter the mind of each character individually and reveals the conflict in their psyche. Such a technique Faulkner makes use of in *As I Lay Dying* aided sometimes by the third-person narration to provide an objective view about some characters through the point views of other characters.

Faulkner again manifests James Joyce’s influence on his writings. For in *As I Lay Dying*, the author almost “refined out of existence” [11, p. 15]. Joyce’s aim is to make the reader feel that he is in a direct contact with the life represented in the book. It is a method to present life as it actually is without prejudice or direct evaluations. In *As I Lay Dying* Faulkner remains away from the life of his characters and presents the journey of the Bundren with total objectivity. Though Alfred Kazin regards Faulkner’s work as the produce of some ineffable decadence and reluctant commentary upon it, he admits that because Faulkner’s technical energy and total suggestiveness are so profound, that it has been possible to read every point of view into his work and prove them all [12, p. 235-238]. The Bundrens are presented to us in a variety of mirrors. Voices join to tell us about their lives, and no one voice can be regarded as authoritative. Through their voices, each of the Bundrens ends to assume a multidimensional personality [4, p. 207].

In *As I Lay Dying*, Faulkner examines the technique with which he has to work with each character’s mind. The story is told in the stream of consciousness fashioned by fifteen different speakers. The same technique has been employed by James Joyce in *Ulysses* and *A Portrait of the Artist As a Young Man*, for instance, in the passage made by Molly Bloom in *Ulysses* while she is lying in bed and she describes her husband lying asleep beside her. This passage can be compared to that made by Addie Bundren in *As I Lay Dying* recollecting her past memories about her husband Anse: “Sometimes I would be by him in the dark hearing the land that was now of my blood and flesh and I would think! Anse: why Anse...” [9, p. 173]. Thus the internal trip carried directly from the character’s mind is a Joycean strategy which Faulkner has reinvented in his work and we can see that a similar passage made by the alive Molly Bloom, comes from the confines of the coffin by the dead Addie Bundren.

The journey of the Bundren family to Jefferson carrying the dead body of Addie to be buried with her people at the Jefferson cemetery is such an agonizing journey. Each character lives within his own consciousness. The need to co-operate during the journey merely disguises the essential isolation of each of the Bundrens and postpones the essential conflict between them [10, p. 50]. Their relation to each other is fragmented and distorted; the reason why each of them lives within the confines of his memory unable to come out of his shell.

Each of the Bundrens is concerned with Addie’s death and her funeral. Their motivation lies within her life for she is the source of the tension. However, obsessed by their relationships to her, they can resolve the tension when they come in terms with what she signifies in their own consciousness [10, p. 52]. Nevertheless, the agonizing journey of the Bundrens can be viewed from different angles, for each of them, except for Darl and Jewel, has ulterior motives of that journey to Jefferson. Darl, alone, seems to have the ability to penetrate the minds of other characters and to intuit their secret thoughts. He apprehends the actions of Cash, Anse, and Dewey Dell as they cluster around the dying Addie [10, p. 59]. Darl knows that Jewel is the son of his mother’s sin, and he always asks: “Who was your father, Jewel?” [9, p. 213]. Moreover, he is aware of Dewey Dell’s pregnancy: “You want her to die so you can get to town: is that it?” [9, p. 40]. This sense of omniscience is largely due to the richness of his monologues.

Faulkner’s technique adheres to Joyce’s artistic innovations in exploring the function of memory and adds more significance to the remembered past. In this respect, Faulkner was influenced by Marcel Proust, author of *A La Recherche du Temps Perdu*. Proust used memory as the main subject and as the center of his novel which is dependent both on the external world for its substance and on the mind for its final form [13, p. 26]. Memory is a process that operates on many levels in assimilating and reconstructing the present tense of the past. The act of recollection renders each character, in his search for the essence of truth, in complete subjectivity and isolation from the world. It is the subject matter where the mind of each character is dramatized by the conscious use of style and language as a medium of expression and by the employment of leitmotifs and scenic arrangements which help reveal the inner life of the mind.

Interior monologue. The indirect interior monologue, the omniscient description and the soliloquy are three basic techniques Faulkner used to develop those different perspectives. Thus, the interior monologue is instrumental in representing the psychic content and the process of association of ideas of the character. Such a representation, however, remains, on the unspoken level, a quality that makes for the difference between the interior monologue on the one hand and the dramatic monologue and soliloquy on the other. Each monologue reflects the subjective experience of each character and sheds light on other characters too. Thus, every monologue is a metaphor that corresponds to perception, while in every point of view resides the snap shot of the human condition.

The interior monologue orchestrates the tendencies and intentions of each character. The use of different subjective voices permits the possibility of perceiving the journey and provides insight into the whole history of the Bundrens. In *As I Lay Dying* the memories of the characters are limited but they reveal the human experience when these characters are exposed to promiscuity as in Dewey Dell's case, or to disintegration as in Darl's case or to the pressure of personal moral codes as in Addie's case. Faulkner disrupts the chronology of time where memory dictates the significance of an event. What characterizes *As I Lay Dying* is the process of the action that moves forward while all characters, isolated as they are in their private experiences, are preoccupied with their memories and the present actualities of the journey. The surface level of action deals with the last days, the death and the final journey of Addie, while the deep level of action projects promiscuity, perfidy, madness and viciousness of the mourning family – thus chronicling its disintegration.

Faulkner has consequently employed these concepts of the psychic content and the processes of the psyche in his work, especially in *As I Lay Dying*, the novel that serves as clear evidence of his artistic temperament and his conscious choice of artistic strategies, namely the interior monologue. The advantages of the interior monologue manifest themselves in the presentation of symbols as substitutes for rationally formulated ideas. The most important of these interior monologues is that made by Addie Bundren. Though dead from the beginning of the novel, Faulkner opts to resurrect Addie and gives the 40th chapter named for her. She begins her monologue remembering her tortured existence as a school teacher: "In the afternoon when school was out... I would go down the hell to the spring where I could be quit and hate them" [9, p. 169]. She recounts her initial contact with Anse and remembers him as being dead to her: "He did not know that he was dead" [9, p. 173]. Addie seems to be speaking from beyond the grave. It is, indeed, Faulkner's liberal attitude towards the sequential time and his strong emphasis on the stream of consciousness. Jumping from one consciousness to another, the reader's interest is sustained, therefore, throughout the novel.

All the characters in the novel are psychologically motivated, and though there is no direct dialogue between them, they are aware of the motifs of one another. However, their monologues are rather dramatic monologues. This is related to Faulkner's method of revealing the consciousness of his characters, which is that of sustaining the dramatic tension. Robert Humphrey defines the interior monologue as the "process of the character ... just as these processes exist at various level of conscious control..." [11, p. 24]. The dramatic monologue is a way in which the character addresses someone else, and this someone does not participate in any thing. The dramatic function of the dramatic monologue is that it reveals more about the speaker than the person spoken about. In addition to that, Faulkner uses soliloquy to depict the stream of consciousness. Soliloquy can be defined as the "technical representation of the psychic process of a character directly to reader without the author's intervention. The point of view is the character's and the level of consciousness is usually close to the surface" [11, p. 24].

Multiplicity of points of view. The multiplicity of points of view which Faulkner uses in works like *As I Lay Dying* is another successful contribution to the art of writing. By this method we, as readers, can formulate our opinions about the characters through their own point of view and through other characters' point of view. For instance in *As I Lay Dying* all the characters describe their feelings about the dead Addie Bundren and the journey of her burial at Jefferson. The most salient of these point of view is the one made by Addie herself, a sound coming from within the coffin to describe her past events and life among her family. Each point of view evaluates and objectifies other point of view. This method is conveyed through a brilliant and exuberant prose style that runs along with a colloquial language. Olga Vickery stresses that Faulkner is able to indicate the particular combination of sensation, reason, and intuition possessed by each of his characters as well as their range of awareness through a subtle manipulation of language and style [10, p. 51].

Faulkner has employed the technique of point of view. The multiplicity of subjective point of view is another artistic choice, a measure to achieve objectivity. In this case the authorial voice is excluded from the process of narration and the dominant voice is that of the character himself. This reminds us of Wayne Booth's *Objectivity in Fiction*, where he says: "Narrator' is usually taken to mean the 'I' of a work, but the 'I' is seldom if even identical with the implied image of the artist" [14, p. 73]. Thus, the writer of a book seems to enter each of his character's mind and at the same time what is read cannot be interpreted as his own words but those of the implied author. What Faulkner is after is to be objective by presenting their stories. Thus, he delivers the narration through a multiple of subjective points of view.

In his work, Faulkner has skillfully employed the technique of point of view where each one evaluates other points of view and thus the writer is impartial to his characters and does not take sides. The point of view

in both works is a measure to achieve the desired objectivity. Faulkner's novel is a story of voices or of the human mind. Each mind is in a complete isolation from the mind of other characters. Faulkner admits that there is a little drama going on in the mind of each character. The physical absence of each character from the life of another, functions to heighten the isolation and to sharpen the human will and the human determination of each character. Despite this isolation, each of the characters is haunted by the mind of other characters, a situation which we encounter with Darl in *As I Lay Dying*.

The use of multiple viewpoints uncovers the workings of the hearts and minds of the Bundrens, thus revealing their feelings about one another, their deep universalized thoughts as well as their trivial responses to the world. Jewel's point of view reveals his intense feelings for his mother and his jealous desire to protect her from the rest of the family. He wears the rigid and emotionless facade, but when the need for action arises, he acts. Jewel expresses his emotion in violence, attacking the man who objects to the smell of the corpse and leaping on Darl, shouting and threatening to kill him. Moreover, Cash's perception develops him as a sensitive observer of the world around him. He is concerned with the precision of his art – carpentry – as well as with the family relationships. He is aware of Jewel's dislike of Dad and of the latter's disturbed psyche. Cash's perspective shapes his sound observations. Instead of dwelling on the oddities and the grotesque features of his family, as Darl does, he modifies them by using his sense of balance and internal stability. He, alone, suspects that Anse is seeking a new wife before the lady herself appears. He also confirms that Darl's incarceration is the result of his family's unwillingness to pay for the damaged barn. Beneath the rural simplicity, the Bundrens are capable of unsuspected viciousness: Darl is their victim.

Darl's character is sketched according to his psychological motivations and responses to the world. In 19 monologues, he is presented as the most complex of the characters in *As I Lay Dying*. Poetic and sensitive, isolated and embodying an impossible dichotomy between words and deeds, he is the only Bundren who can evoke the full horror of life as his family leads the journey. The journey puts on him a greater strain than it does on the others precisely because he is more alive to the notion of possibilities and is consequently forced to confront the grotesque nature of the outside world, which he finally rejects as unreal and in which he doubts his own existence. The complex quality of Darl's un verbalized musings is so prevalent in the novel that it constitutes an alternative vision of events. In section six, Darl's vision transforms the ordinary into the extraordinary. A mind like Darl's is able to discard normal ways of looking at things and to perceive resemblances between them which a less sensitive observer would ignore. Darl's complex poetic imagery expresses his complex feelings. In section six, his words sum up his condition: "In a strange room beneath a strange roof .. thinking of home" [9, p. 80]. Everything in the world requires something in order to confirm its existence. Rain and wind have to give way when they encounter the solidity of the wagon, and in giving way they acknowledge its existence. Darl continues this touching meditation. He feels isolated and finds little in the world to confirm his existence: "Before you empty yourself for sleep, you are not" [9, p. 80]. Then he must exist because he is in the process of emptying himself for sleep. Darl's inclination towards self- definition delineates the loneliness he feels and the little he finds in the world to shape him, to confirm his own existence. Here Addie's deliberate withdrawal of her affection from Darl is epitomized. She has thrown him into void and has made him unsure of his own existence. The final line is pessimistic suggesting that Darl can look back on a life time of such meditations and that home with its overtones of comfort, security and belonging, has always eluded him. All roofs have seemed to him equally strange. Dan's character shapes him as an eccentric poet. His ability to perceive the world in various ways renders any scene vivid. In addition to this ability, he sees things which others miss. In section six, where we see Darl and Jewel, the latter is oblivious to the problem faced by the former and is incapable of helping to solve it. Darl's monologues are counterbalanced by the rest of the characters. He remains a precise observer and is always concerned with Jewel's acts. His attitude towards Jewel is a combination of spitefulness eloquent of jealousy and a perverted form of hero worship. In the poor and horrific world of the Bundrens, the tall straight figure of Jewel mounted on the spotted horse, stands out and has an aesthetic appeal which Darl can not resist. However, Darl's meticulous observation shows that his madness is born of being too sensitive in a situation rife with grotesque possibilities. When he gets to Mottstown, he ceases to believe in the solid existence of outside events. This disbelief is his method of coping with events which are becoming too horrible for him to bear.

The arrangement of the points of view provides a kind of a kaleidoscopic perception that accumulates to create the dramatic metaphor of the human condition. Olga Vickery notes that there are sixty sections in *As I Lay Dying* reflecting the points of view of fifteen characters. "Each describes either part of the funeral or the procession itself, even as it explores and defines the mind of the observer from whose point of view the action is described" [10, p. 233]. The omniscient narration corresponds to the commentary of the eight characters who appear in *As I Lay Dying* not as members of the Bundren family but as strangers who aren't directly involved in the journey. These eight strangers provide new views on the family. Also they create an impression of the cultural context within which the Bundrens were born. For instance, the town's people, as represented by Moseley and MacGowan, regard the Bundrens as a bizarre family. Moseley's unspoken thoughts reflect his view of the family as both grotesquely comic and a little tragic in their simplicity. Dewey Dell appears in sharp focus stumbling at the shop's door, her eyes blank and her voice incapable of expressing her wants. Moseley's assistant

considers the Bundren's Journey as an anomaly, a sharp contrast between the ways of the town and those of the country. Anse remains oblivious to the horrified reactions of the townspeople. He is concerned with telling them his story of how the putrescent corpse had reached Mottstown. In Peabody's section, we trace his unspoken thoughts about the time when he is brought to treat Cash. Peabody seems to have changed his mind about Anse. Formerly he regarded Anse as an unlucky man but later he considers him as someone who is criminally negligent to the welfare of his own family. Thus, this omniscience "provides another aspect of the funeral in which the Bundrens are not involved" [10, p. 233].

The operation of a variety of minds explores the deep levels of each idiosyncratic character. Each character is unraveled through the quality and content of each point of view. By discerning the process of the consciousness, the interrelationships among the family members are revealed. Also revealed are the ideas and views of the world in which the family lives or moves. In discerning the pattern of familial relationships one can explore the nature of human perception - the perception crucial not only to the human mind but also to the psychological motivation of each voice. Perception is seen as a mixture of response, memory and projection. Each of the fifteen characters that populate *As I Lay Dying* narrates his/her story through his/her subjective voice. As a matter of fact, no character tells a story in the conventional manner but rather each responds to the environment, to the people, and goes backwards in time through memories and forwards in time by projecting his/her subjective thoughts. The use of verisimilitude of viewpoints allows for the discrimination among the various modes of human perception, while on the other hand one can infer the discrepancies among the Bundrens' gallery of obsessed minds. The feelings, the mood of events and the texture of the lives which are lived out are all integrated into the vicissitude of viewpoints.

Darl's perceptive powers, for instance, render him a perspicacious person. He may be relied upon to reflect his motivations creating memorable images of those things which obsess him or formulating ideas about his existence. His point of view distinguishes him from Jewel or Vardaman or Dewey Dell. In his monologue related to the fire-scene, Darl reflects his jealousy of Jewel and his vehemence against Addie. Combining thought and action in a peculiar way, he sets the barn on fire to get rid of Addie's putrescent coffin. In his monologue, he describes the figure of Jewel against the dark doorway as similar to a "lean race horse" [9, p. 218]. Then, changing his style, he renders Jewel, in an expressionistic image, as someone who "runs silver in the moonlight, then he springs out like a flat figure cut leanly from tin against an explosion" [9, p. 218]. Jewel's actions, movements and gestures reflect his vitality and his psychological motivation to rescue Addie from fire and water – thus unknowingly executing her will.

Darl's motives for setting the barn on fire reflect the reciprocated hatred of Addie who deprived him of her motherly care. By combining the intention and the action, Darl seeks riddance of Addie and causes anxiety to her beloved son, Jewel. The hurt inflicted on Jewel's back is an extension of Dan's metaphysical anguish. Darl's observations are rendered in a cluster of images where Jewel and Gillespie become "two figures in a Greek frieze, isolated out of reality by the red glare" [9, p. 219]. Moreover, Darl's vision of the events lends them a touch of savage unreality which is in keeping with his personal lack of belief in reality. His vision and his observation show the contrast between the real forms and the formlessness of smoke and reality. His image of the barn is rendered in surrealistic terms: "The front the facade with the square orifice... like a Cubistic bug" [9, p. 218]. Despite Darl's rage, Jewel manages to save Addie from flood and fire.

Vardaman's point of view affiliates with Darl's. In fact, Vardaman is useful to Faulkner since as a child he can be made to record experience in a very direct way, unmodified by present patterns of thought or other filters. Vardaman's mind constructs analogies to what it perceives, perception being limited to "sensations". Vickery affirms that Vardaman's mind is not "able to pass from the concrete to the abstract" [10, p. 244]. He, for instance, cannot bear the reality that his mother has died so he tries to escape it through using the language of association. He identifies his mother with a fish ("My mother is a fish" [9, p. 67]) since the two experiences, the catching of the fish and his mother's death, happen so close together. These two events are mixed up in his mind and are revealed in his speech. In section 10, he associates the dead fish with his dead mother: "When the fish is cut, it is not a fish anymore". His mind is being occupied with the negation of life and so he uses "Fish-not fish, blood-not blood" [9, p. 45]. At the same time, he negates the sight of the coffin by not mentioning the word coffin: "When they get it finished they are going to put her in it... I couldn't say it" [9, p. 54]. The fact that he doesn't say the word "coffin" means that he couldn't cope with reality. It is difficult to say whether Vardaman's reaction to his mother's death is due to the sense of his mother's lack of affection for him, or simply to the trauma of losing her. But what is obvious is that he keeps transforming things in order to escape reality. Vardaman's resemblance to Darl becomes more pronounced when they reach the Gillespies. Their shared delusion suggests, Olga Vickery argues, "that for both of them the world of fantasy has become as real as the concrete facts which we call reality" [10, p. 241].

At the fire scene, Vardaman's monologue affiliates with Dad's. He comforts Darl that Addie is saved from fire. The limitations of his perception are of a different order. They are the dramatic exploitation of a young mind bewildered by death and fire. Vardaman perceives the mishap of his family. Cash's foot is black as

“a Niger” [9, p. 224] and Jewel’s back is like a Niger too. The images correspond to the infested decay of the Bundrens. However, he is attracted by the red of the barn, and remembers it as “swirling making the stars run backwards without falling” [9, p. 224]. This childish language is an expression of an aesthetic response.

Conclusion. Faulkner examines life without illusion by looking back into the past and utilizing the distant perspective. He tests the present by past and past by myth and myth by morality which has emerged from this process of exploration. This testing is basic to the novel in which this process of exploration is dramatized through incessant excavations of the deep roots of the southern family’s past, the family being the nucleus of human relations and the reflection of society at large. Faulkner’s technique which is shifting the point of view from one private consciousness to another evaluates the materials of the tragic disintegration of the Bundrens family. A certain dimension of objectivity is achieved in shifting the point of view from subjective perception to objective description of man’s actions and of life’s complexities.

This study shows that in the Yoknapatawpha novels, Faulkner placed himself in the forefront of the avant-garde with his intricate plot organization, his bold experiments in the dislocation of narrative time, and his use of the stream-of-consciousness technique. His stylistic view of time was affected by his sense that past events continue into the present. Starkly realistic, poignantly symbolic, grotesquely comic, and immensely complicated as an experiment in points of view, *As I Lay Dying* ranks with Faulkner’s greatest novels.

REFERENCES

1. Sartre, J.-P. Literary and Philosophical Essays / J.-P. Sartre; trans. by A. Michaelson. – New York: Collier Books, 1962. – 256 p.
2. Pouillon, J. Temps et Roman / J. Pouillon. – Paris : Gallimard, 1993. – 325 p.
3. Allen, W. The Modern Novel in Britain and the United States / W. Allen. – New York : Dutton, 1964. – 376 p.
4. Gray, R. The Literature of Memory: Modern Writers of the American South / R. Gray. – Baltimore : Johns Hopkins University Press, 1977. – 377 p.
5. Minter, D. Faulkner’s Questioning Narratives: Fiction of His Major Phase, 1929–42 / D. Minter. – Urbana : University of Illinois Press, 2001. – 166 p.
6. Hoffman, D. Faulkner’s Country Matters: Folklore and Fable in Yoknapatawpha / D. Hoffmann. – Baton Rouge : Louisiana State University Press, 1989. – 182 p.
7. Prenshaw, P. The Paradoxical Southern World of Tennessee Williams / P. Prenshaw // Tennessee Williams: a Tribute / ed. by J. Tharpe. – Jackson : University of Mississippi Press, 1977. – P. 3–27.
8. Kirby, J. Rural Worlds Lost: The American South, 1920–1960 / J. Kirby. – Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1987. – 390 p.
9. Faulkner, W. *As I Lay Dying*: the Corrected Text / W. Faulkner. – New York : Vintage Books, 1990. – 267 p.
10. Vickery, O. The Novels of William Faulkner: a Critical Interpretation / O. Vickery. – Baton Rouge : Louisiana State University Press, 1995. – 318 p.
11. Humphrey, R. Stream of Consciousness in the Modern Novel / R. Humphrey. – Berkeley : University of California Press, 1962. – 129 p.
12. Kazin, A. God and the American Writers / A. Kazin. – New York : Alfred A. Knopf, 1997. – 272 p.
13. Romine, S. Where Is Southern Literature? The Practice of Place in a Post Southern Age / S. Romine // South to a New Place: Region, Literature, Culture / ed. by S.W. Jones and S. Monteith. – Baton Rouge : Louisiana State University Press, 2002. – P. 23–43.
14. Boothe, W.C. The Rhetoric of Fiction / W.C. Boothe. – Chicago : University of Chicago Press, 1983. – 552 p.

Received on 09.10.2019

ИЗОБРАЖЕНИЕ РАЗРОЗНЕННОГО ОБЩЕСТВА XX ВЕКА В РОМАНЕ У. ФОЛКНЕРА «КОГДА Я УМИРАЛА»

ХУССАМ АССААД

Роман У. Фолкнера «Когда я умираю» мастерски изображает человеческую разобщенность в настроениях, мыслях и делах. В этом произведении автор разрабатывает и развивает различные проблемные вопросы экзистенциализма (парадокс, отчуждение, непонимание), чрезвычайно важные для XX века. Фолкнер использует технику потока сознания, внутренний монолог, множественность точек зрения, чтобы нарисовать картину апатии и упадка нескольких поколений, принадлежащих к поликультурному обществу Юга США. Действие принимает форму «путешествия к мертвым» – как в фактическом плане, так и в воображении героев романа.

Ключевые слова: экзистенциализм, парадокс, отчуждение, непонимание, поток сознания, внутренний монолог, Юг США.

УДК 821.111

**МОТИВ БЕГСТВА В РОМАНЕ ДЖ. АПДАЙКА «КРОЛИК, БЕГИ»,
РАССКАЗАХ «ТУЗ В РУКАВЕ» И «ЗАВТРА, ЗАВТРА, ЗАВТРА И ТАК ДАЛЕЕ»****Д.А. ЛАБОВКИН***(Полоцкий государственный университет)**labovkin@yandex.ru*

В статье подробно анализируется роман Джона Апдайка «Кролик, беги» (Rabbit, Run, 1960), а также рассказы «Туз в рукаве» (Ace in the Hole, 1954) и «Завтра, завтра, завтра и так далее» (Tomorrow and Tomorrow and So Forth, 1959) с целью выявления особенностей функционирования мотива бегства, одного из магистральных мотивов творчества Апдайка и американской литературы в целом. Именно «заблудившиеся», бегущие в никуда герои рассказов «Туз в рукаве» и «Завтра, завтра, завтра и так далее» стали прообразами Кролика, героя известнейших романов Апдайка о Гарри Энгстроме, живущего в состоянии вечного побега от общества, семьи и самого себя.

Ключевые слова: бегство, путешествие, измена, психологизм, инстинкт.

Введение. В 1960–1980-е годы американский «центростремительный роман»¹ переживает обновление, которое заключается во внедрении писателями социально-критических мотивов. Американская проза постепенно становится менее «субъективной», акцент изображения переносится с внутреннего мира героев на общественно значимые явления. Изображение социально-исторического фона является отличительной чертой поэтики Джона Апдайка. А.С. Мулярчик утверждает, что в произведениях писателя «превосходная художественная форма, отточенный метафорический стиль подкрепляется глубокой общественной проблематикой, а генеральной идеей творчества Апдайка является неспособность социальной и религиозной философии и общественной практики утолить духовную жажду» американцев [2, с. 6–7]. Тем не менее, очевидным фактом является заинтересованность писателя в изображении субъективного мира. Для Апдайка важно показать то, как влияет дух времени на сознание, мироощущение и жизнедеятельность отдельно взятого человека или целого социального слоя.

В романе Дж. Апдайка «Кролик, беги», первом из серии романов о Гарри Энгстроме, причиной бегства² типичного представителя рабочего класса является неудовлетворённость амбиций. С одной стороны, Гарри не доволен своим положением в обществе, будучи уверенным, что он, бывшая звезда школьной баскетбольной команды, достоин большего. С другой стороны, главный герой испытывает отчуждение по отношению к собственной семье. Он не любит жену, хотя и пытается, ведь любовь является его жизненным идеалом, духовным ориентиром, истолковать который, однако, Кролик не в состоянии. Гарри не способен объяснить себе, как он стал тем, кем является, и не знает, как изменить положение вещей. Кролик оставляет эти противоречия неразрешёнными, а трудности раз за разом отправляют его в очередное бегство. В рассказах «Туз в рукаве» и «Завтра, завтра, завтра и так далее», предшествовавших роману «Кролик, беги», Апдайк изобразил героев, которые стали прототипами Кролика. Как и в романах о Гарри Энгстроме, в этих произведениях переплетаются мотивы бегства, всеобъемлющего страха и отказа от ответственности за свои поступки.

Основная часть. Прообразом Кролика Энгстрома явился герой рассказа «Туз в рукаве» Эйс, бывший когда-то звездой школьного баскетбола, а ныне потерявший работу женатый человек с ребёнком. Однако, подобно герою романа «Кролик, беги», Эйс полон амбиций, не терпит высокомерного отношения босса и радуется упоминанию своей фамилии в газетах в свете того, что какой-то молодой игрок побил установленный им несколько лет назад рекорд. Бегство здесь проявляется в стремлении главного героя уклониться, убежать от проблем. Произведение начинается с того, что Эйс уходит с работы, где, по его мнению, к нему относятся несправедливо [4, р. 144]. В другом эпизоде он в прямом смысле бежит от матери к себе домой [4, р. 147], однако эта бессмысленная на первый взгляд пробежка представляется метафорой бегства как образа жизни героя в свете того, что в предшествующей сцене мать даёт сыну наставление, предупреждая о грядущих и неизбежных семейных неурядицах [4, р. 146]. В за-

¹ «Направление художественной деятельности, выходящее к познанию существенных сторон действительности через преимущественное обращение к внутреннему миру личности, её морально-психологическим проблемам, неразрывно связанным с общим социально-историческим колоритом и духом времени» [1, с. 66].

² Принимая во внимание специфику исследования, а также толкование существительного «бегство», которое определяется как «тайный, самовольный уход откуда-н.», «беспорядочное отступление» [3, с. 69], под понятием «бегство» мы подразумеваем осознанное или несознательное, противоречащее здравому смыслу и логике, удаление (или отрешение) героя от обстоятельств, причиняющих ему духовный либо физический дискомфорт.

ключительном эпизоде, уговорив жену не уходить от него, Эйс танцует с ней, подобно тому, как они танцевали во времена беззаботной молодости, и снова отрешается от реальных проблем. Таким образом, Эйс бежит *от* чего бы то ни было, однако, как и герой его самых известных произведений Кролик Энгстром, не может определить направление своего бегства.

В романе «Кролик, беги» Гарри ощущает себя несчастливым в кругу собственной семьи, он склоняется к тому, что не испытывает настоящей любви к своей жене, и этот внешний конфликт заставляет героя броситься в бегство. Так, роман «Кролик, беги» начинается с изображения физического бегства главного героя: в стремлении отвлечься от угнетающей его действительности Гарри окунается в прошлое – те времена, когда он был звездой школьной баскетбольной команды, – и играет с детьми в баскетбол: «He sinks shots one-handed, two-handed, underhanded, flatfooted, and out of the pivot, jump, and set. Flat and soft the ball lifts. That his touch still lives in his hands elates him. He feels liberated from long gloom. But his body is weighty and his breath grows short. It annoys him, that he gets winded»³ [5, p. 4–6]. В данном эпизоде описание внешних деталей, то есть описание игры (полёт мяча, броски Кролика) является фоном для *называния* эмоций героя, использования косвенной формы художественного психологизма («он счастлив», «чувствует, что стряхнул с себя долгое уныние»), что в совокупности даёт изображение сцены бегства Гарри (игра доставляет ему положительные эмоции, заставляет забыть). Более того, в процессе игры Кролик вспоминает о временах, когда он был звездой школьной баскетбольной команды, что акцентирует присутствие мотива бегства в данном эпизоде. Данная сцена предопределяет важность мотива бегства для романа «Кролик, беги» и для остальных романов серии. Помимо этого, в последующих за сценой игры в баскетбол эпизодах изображается поспешное возвращение Гарри домой: он энергичен и молод, весенний воздух дурманит его, он доволен своей игрой, и оттого механически сбивается на бег и мчится, ничего не замечая вокруг [5, с. 6–7]. Автор не раз повторяет ключевые для этого эпизода слова с корнем «run» («бежать»): «he runs», «gunning». Изображая героя в процессе бега, Апдайк предвещает изображаемое в дальнейшем бегство как образ жизни Кролика. Отметим, что в романе «Кролик разбогател» автор также использует этот приём, однако в этом произведении главный герой уже значительно старше (ему 47 лет), и иногда он внезапно вспоминает, что нужно вернуться к утренним пробежкам [7, pp. 42, 155]. Так, автором выражается идея о том, что бегство Кролика никогда не прекращается и является постоянной величиной.

В начале произведения Кролик относится к своей жене с заботой, однако он не понимает, отчего Дженис «такая чудная» [6, с. 28], что постепенно начинает вызывать в нём раздражение. В романе «Кролик, беги» бегство Гарри во многом обусловлено беспричинным страхом. В одном из эпизодов ему становится страшно оттого, что беременная жена теряет свою привлекательность. Кролик сетует на её поредевшие волосы, проступившие морщины, хрупкость и неподвижность, её рот снова представляется ему «щелью» [6, с. 12], что придаёт портрету оттенок безжизненности. Этот страх не оставит Кролика никогда: он будет бояться остаться с Рут, когда та забеременеет, он будет бояться встречи с ней через двадцать лет, его пугает возможность неудач в постели, моральное давление со стороны тётки и т.д. Каждый раз приступы страха завершаются бегством Гарри, принимающим различные формы. Анализируемый эпизод из романа «Кролик, беги» заканчивается тем, что Гарри выходит из дома, чтобы отправиться к матери за сыном, однако именно в этот момент герой «чувствует, что попал в ловушку» [6, с. 31].

Пейзаж тут же начинает соответствовать переживаниям героя: повествователь изображает тёмные и прохладные улочки, сравнивая их с пещерами, по которым передвигается Энгстром, уподобляет гул ветра в проводах «жук<ому> монотонн<ому> шёпот<у>» [6, с. 31]. Всё это сгущает краски, внушает герою страх, который суггестивно передаётся читателю. Отметим, что страх с новой силой охватывает Кролика, когда тот проходит мимо дома, затесавшегося в «грязном переулке меж помоек и задних дворов» [6, с. 32]. Кролик знает, что в этом доме живёт его бывший тренер Марти Тотеро, который был для него величайшим авторитетом после матери. Гарри помнит, что когда-то Тотеро был влиятельным человеком, а страх главного героя объясняется нежеланием повторить судьбу тренера. Поэтому Кролик торопится миновать это место, будто «след чужой жизни» [6, с. 33] привлечёт внимание этого места к нему: «Your fear trills like an alarm bell you cannot shut off, the louder the faster you run, hunchbacked...»⁴ [5, p. 15]

Отметим, что имя и фамилия главного героя предопределяют взаимодействие мотивов страха и бегства в романе. Кролик (Rabbit), прозвище Гарри, которое он получил в школе, говорит о подобии героя животному, для которого нахождение в состоянии бегства является заложённой природой необходимостью. Фамилия главного героя (Angstrom) является сочетанием двух слов – «Angst» (с датск. «боязнь, страх» [8, с. 37]) и «Strøm» (с датск. «поток, течение, ручей» [8, с. 660]) – и имеет значение «поток тревоги» или «река страха».

³ «Он забрасывает мяч в сетку одной рукой, двумя руками, одной рукой снизу, стоя на месте, с поворота, в прыжке, двумя руками от груди. Мяч мягко и плавно летит вперед. Он счастлив, что в его руках все еще живет уверенность. Он чувствует, что стряхнул с себя долгое уныние. Однако тело стало грузным, и у него начинается одышка. Он запыхался, и это его бесит» [6, с. 23].

⁴ «Страх звенит в тебе словно набатный колокол, который ты не в силах заглушить, нарастает, и ты, сгорбившись, ускоряешь свой бег...» [6, с. 33].

Отметим, что до публикации первого романа о Кролике фамилия Энгстром встречалась в рассказе «Завтра, завтра, завтра и так далее» из сборника «Та же дверь» (*The Same Door*, 1959). Героиня этого рассказа Глория Энгстром, пишет записки однокласснику, в которых она бездумно признаётся в любви учителям, не осознавая подлинное значение слова «любовь» в силу своего возраста. Одну из таких записок перехватывает главный герой, учитель литературы, и просит Глорию остаться после занятий [9]. В данном произведении эмоциональность и впечатлительность девушки вызывают в ней чувство симпатии по отношению к мужчинам-учителям, которое она принимает за любовь. Девушка стесняется своих чувств и боится признаться в них лично, поэтому Глория делится своими переживаниями с влюблённым в неё одноклассником, будто желая подчеркнуть свою взрослость и «мудрость», а также покончить с детскими приставаниями надоедливой юности. Тревога и страх девушки усиливаются после её разоблачения учителем и последующего разговора с ним. Примечательно, что в данном рассказе также присутствует мотив бегства. По мнению главного героя, носителями бегства являются молодые люди, школьники, которые желают «научиться жить без трения, скользья», «скользить по жизни всегда ритмично, ничего не принимая близко к сердцу»⁵ [10]. Таким образом, учитель считает, что молодых людей характеризует стремление убежать от ответственности за свои поступки и серьёзного восприятия жизни.

В романе «Кролик, беги» изображены все формы бегства, которые будут изображаться в последующих произведениях тетралогии о Кролике (секс, путешествие, фантазии). Однако основной формой бегства главного героя здесь является путешествие, побег. Кролик бежит главным образом от семьи, от нелюбимой жены и ненавистной тётки, которых он подспудно винит за неудовлетворённость своих амбиций. Гарри переживает также и внутренний конфликт. Иногда ему не даёт покоя несоответствие между тем, к чему он стремился и кем в итоге стал. Однако внутренний конфликт в романах о Кролике значительно слабее конфликта внешнего, так как герой считает, что сам он всё делает правильно: он живёт той жизнью, которой живут миллионы американцев. У него есть семья и работа, но Гарри желает чего-то большего, у него есть амбиции, которые подталкивают его к бегству. Проблема главного героя романа «Кролик, беги» заключается в том, что он не может осмыслить свои стремления и осознать, в чём именно состоят его мечты. Он лишь поддается своим чувствам: раздражению, обречённости и угнетённости.

Таким образом, дойдя до дома матери, герой оказывается в абсолютной власти желания сбежать, неважно куда – просто удалиться, скрывшись от всех. В то время, как Гарри наблюдает за своей матерью, играющей с внуком, его ощущение пребывания в ловушке усиливается, и тогда Кролик «действует решительно и быстро» [6, с. 37]: садится в припаркованную у дома машину, испытав минутный пронизывающий *страх* оттого, что не сразу нашёл ключи, и уезжает куда глаза глядят.

Подчёркивая физический характер бегства героя, автор намеренно детализирует сцену отъезда Гарри, описывая, как заводится чихающий мотор, как «металл легонько касается металла» при закрывании дверцы, как глохнет машина, оттого, что Гарри слабо нажал на педаль акселератора и т.д. [6, с. 38]. Также автор прибегает к косвенной форме психологизма, изображая симптомы, говорящие о плохом физическом самочувствии Кролика («сердце переворачивается, в горле першит, как от сухой соломы» [6, с. 38]). Такое удручающее физическое состояние Гарри вкупе с подробностями описания его побега создаёт впечатление чрезмерной избыточности внешних деталей и гиперболизирует отчуждение главного героя по отношению к своей семье.

Примечательно, что бегство героя проявляется даже в мелочах. Когда Кролик едет в машине, его одолевает «ощущение внутренней чистоты», так как мужчина, наконец, оказывается наедине с собой, временно удалившись от проблем и переживаний. Это ощущение вызывает у Гарри желание закурить, однако герой вспоминает, что бросил эту вредную привычку, и от этого «чувствует себя ещё более чистым» [6, с. 39]. Здесь изображается несознательное желание Гарри отрешиться от всего, что каким-либо образом связано с Дженис (в одном из предыдущих эпизодов жена упрекает главного героя в том, что он выбросил пачку сигарет по пути домой, решив бросить курить [5, р. 9]).

Далее в той же самой сцене Кролик слышит по радио песню, которая навеивает ему мысли о Дженис. Перед его глазами встаёт «непрощенное зрелище» (жена готовит ужин) и он пытается тут же «отключиться» от видения [6, с. 39]. В данном эпизоде изображается «бегство в бегстве», которое принимает форму фантазии, герой «старается думать о чём-то приятном», а именно – снова вспоминает школьные годы и «воображает, как с дальней дистанции делает бросок одной рукой». Приятные мысли героя перебиваются внезапно представшими перед ним угнетающими пейзажами родного захолустного городишки, которые рисует его воображение. Кролик «больше никогда не хочет видеть Бруэр», однако пытаясь отрешиться от видений, он будто вызывает волну новых мыслей и воспоминаний о том, от чего бежит. Так, память снова возвращает его к образу спящей жены, и Гарри «хочет стереть это воспоминание», погружаясь в мысли о детстве, беззаботном времени, когда не нужно было ни о чём думать и хло-

⁵ Пер. с англ. Т. Ильин.

потать, когда любовь была доступна ему как она есть и он любил сестрёнку Мим, а она любила его беззаветной детской, ненадуманной, заложенной природой любовью.

В пути Гарри думает о том, что было бы хорошо уехать к Мексиканскому заливу «в край апельсиновых рощ, дымящихся рек и босоногих женщин», однако поймав себя на мысли, что движется он не на юг, а на восток, в Филадельфию, «к болезням, саже и вони», герой «чувствует, как шоссе начинает превращаться в часть той же самой ловушки». Приехав на пустынную бензоколонку, Кролик мысленно уже решил, что вернётся домой, о чём говорит тот факт, что герой интересуется у заправщика, насколько далеко он находится от Бруэра [5, р. 41], и расстояние пугает Гарри, снова «тело Кролика обволакивает беспричинный *страх* [курсив наш – Д.Л.]». Тем не менее, герой не сразу совершает очередное «бегство от бегства», но ещё долго петляет по шоссе, словно находясь в подвешенном состоянии: бежать ему куда, пребывание в глуши поздней ночью пугает его, однако возвращаться домой Гарри тоже не хочет, и на какое-то время «спёртый воздух в машине» становится его «единственным убежищем» [6, с. 47]. Напомним, что «пребывание в дороге» является также «убежищем» для героев романа Дж. Керуака «В дороге», к которому нас отсылает сцена путешествия Гарри. Сам Апдайк говорил, что написал роман «Кролик, беги» в ответ на роман Керуака, стремясь показать, «что случается, когда рядовой американский семьянин отправляется в дорогу – страдают те, кто остаётся позади» [11]. В произведении «Кролик, беги» бегство главного героя повергает его жену в депрессию и впоследствии приводит к распаду семьи.

Возвращаясь к анализируемому эпизоду, стоит сказать, что, в конце концов, Кролик возвращается в Бруэр, однако он не отправляется домой, а паркует машину рядом с домом Тоторо, где решает ожидать бывшего тренера (совсем недавно Гарри бежал из этого места со всех ног). Такая модель поведения будет свойственна Кролику во всех романах серии: Гарри сначала бежит от чего-либо, а затем отправная точка становится его «убежищем» от собственного бегства, и так будет повторяться бессчётное количество раз в различных вариациях.

Встретившись с тренером, Гарри просит у него разрешения остаться на ночь, на что тот отвечает соглашением. Примечателен эпизод, который является очевидной отсылкой к одному эпизоду из повести Дж.Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи». Холден Колфилд, оставшись на ночь у мистера Антолини, принимает любимого школьного учителя за педофила, после того, как тот по-отечески гладит парня по голове, и убегает из его дома. Подобно Холдену, Кролик испытывает раздражение, когда любимый им в прошлом тренер нарочно наблюдает за тем, как Гарри раздевается перед сном. Однако Кролик не убегает, а предпочитает отрешиться от скверных мыслей, успокаивая себя тем, что Тоторо «всегда стоял в раздевалке и смотрел, как его ребята переодеваются» [6, с. 57]. Воспоминания о славном прошлом снова настраивают мысли Кролика на позитивный лад, и постель в доме подозрительного старика становится для главного героя новым «убежищем», где «можно, наконец, вытянуться, ощутить рядом крепкую прохладную стену и услышать, как далеко внизу проносятся автомобили», спрятавшись от долгого путешествия по глухим, заброшенным местам, наводившим на него животный ужас. Таким образом, Апдайк, в романе которого мотив бегства является магистральным, лишней раз подчёркивает важность этого мотива, для произведений своих предшественников – Керуака и Сэлинджера, выстраивая интертекстуальную связь с их произведениями. Идея, которая становится ясна из подтекста данного эпизода, заключается в том, что бегство как модель поведения в целом характерна для героя американской художественной прозы.

Примечателен эпизод, где Кролик испытывает положительные эмоции от встречи с Рут, которая кажется ему, по контрасту с Дженис, привлекательной. Новые впечатления от общения с незнакомой женщиной становятся для него «убежищем» от того дискомфорта и стыда, которые он испытывает по отношению к внешности супруги: «Standing there waiting, Rabbit is elated to think that a stranger passing outside the restaurant window, like himself last night outside that West Virginia diner, would see him with a woman. He seems to be that stranger, staring in, envying himself his body and his woman's body»⁶ [5, р. 55]. Главный герой романов о Кролике постоянно находится во власти своих инстинктов и примитивных желаний, и в общении с Рут он радуется тому, что кто-то будет с завистью смотреть на близость его тела к телу этой женщины, как он сам не раз смотрел на подобные картины. В данном эпизоде автор посредством косвенного психологизма предвещает эротическое бегство Кролика, акцентируя слово «тело» («body»). Стоит помнить, что, не будучи способным на эмоциональную близость с женщиной, Гарри всё же способен испытывать простые чувства, такие как радость, жалость, грусть, восторг. Именно оттенок жалости Гарри по отношению к женщине, такой же несчастной, как и он сам, – принимает эротическая сцена, в которой главный герой отрешается от происходящего в его жизни, предаваясь мимолётной страсти с едва знакомой женщиной. Кролик будто телепатически ощущает несчастье в душе Рут, не зная подробностей её жизни, и будто бы пытается утешить её посредством физиче-

⁶ «Ожидая, когда они пройдут, Кролик с восторгом думает, что какой-нибудь незнакомец, проходя мимо ресторана, увидит его с женщиной. Ему кажется, что он и есть тот незнакомец, который с завистью смотрит в окно на его тело и на тело его женщины» [6, с. 66–67].

ской близости, о чём говорит его желание «вдавить её сердце в своё»: «It's insanity, he wants to crush her, a little gauge inside his ribs doubles and redoubles his need for pressure, just pure pressure, there is no love in it, love that glances and glides along the skin, he is unconscious of their skins, it is her heart he wants to grind into his own, to comfort her completely»⁷ [5, p. 75]. Для главного героя романов о Кролике очень характерно отождествлять духовные побуждения с физическими. Например, в некоторых эпизодах романа «Кролик разбогател» Гарри отрешается от действительности, прислушиваясь к шуму дождя, ощущает себя счастливым просто оттого, что солнечные лучи красиво освещают многоэтажки, или впадает в странное состояние блаженства, совершая утреннюю пробежку и ощущая единение с природой. В такие минуты Кролик не может интерпретировать или осмыслить происходящее с ним, и это остаётся на уровне инстинктов, однако в это время Кролик забывает обо всём на свете, другими словами, совершает механическое, неосознаваемое бегство.

Ещё раз напомним, что именно сексуальность Рут притягивает к ней Кролика, именно желание находиться рядом с женщиной, обладающей привлекательной внешностью, становится для Гарри стимулом уйти от жены к любовнице. Это ощущение Кролик ошибочно принимает за любовь, подобно Глории в рассказе «Завтра, завтра, завтра и так далее». Для Глории интеллигентность мужчины, его возраст и роль лидера в конкретно взятой ситуации (учитель в классе) являются факторами, определившими появление у неё чувства симпатии. Симпатия Кролика по отношению к Рут также основана на *внешних* факторах, а именно на сексуальной привлекательности женщины. Оба персонажа, Гарри и Глория, трактуют свои чувства неверно, принимая их за истинную любовь.

Отсюда логичным представляется интерпретировать сексуальные связи в романе «Кролик, беги» как одну из форм бегства Кролика. Однако сам половой акт не занимает мысли героя так, как это изображено в романе «Кролик разбогател». Именно поэтому эротические сцены в романе «Кролик, беги» не отличаются откровенностью, нарочитой сексуальностью образов. Напротив, изображая физическую близость героев, автор оставляет пикантные подробности «за кадром»: «"Well, then undress me and stop screwing around". He sighs through his nose. "You have a sweet tongue," he says»⁸ [5, p. 79].

Еще одно объяснение такой лапидарности эротических сцен заключается в следующем. В отличие от романа «Кролик разбогател», идеал Кролика носит духовный характер. Здесь Кролик стремится к любви, пусть он и по-своему понимает ее. Однако нельзя сказать, что бегство Гарри Энгстрема сродни бегству Холдена Колфилда, которое отличается поиском духовного идеала. Холден знает, что он ищет (или, по крайней мере, думает, что знает), но не может найти. Кролик же не знает этого, и делает вывод о том, что ему нужно в этой жизни постфактум, когда бегство уже состоялось, что в тексте произведения подчёркивается выделенной авторским курсивом фразой в эпизоде побега Кролика, который, безусловно, символизирует весь образ мысли и жизни главного героя: «*Figure out where you're going before you go there*»⁹ [5, p. 35]. Очевидно, что эту установку, данную Гарри самому себе, он так никогда и не выполнит.

Гарри ошибочно принимает чувство жалости и новые сексуальные впечатления за любовь и остаётся с Рут. Однако узнав о том, что его жена беременна, Кролик снова возвращается в семью, объясняя это ответственностью перед супругой. Возвратившись к жене, Гарри относится к ней так же, как он относился к Рут. Он знает, что своим уходом причинил Дженис боль, и поэтому испытывает к ней жалость. Сначала он счастлив рождением дочери, однако вскоре послеродовая депрессия Дженис и семейные хлопоты, которые изображены в контрасте с беззаботным времяпрепровождением Кролика и Рут, снова создают напряжение в отношениях супругов. Несмотря ни на что, Гарри признаётся Дженис в любви, будто пытаясь убедить в искренности этого чувства самого себя, однако в действительности главным для Кролика остаётся то, чтобы его считали «хорошим любовником», и его волнует только то, будет ли ему с Дженис так же хорошо в постели, как это было с Рут. Об этом говорит сцена первой после возвращения Кролика физической близости с Дженис. Гарри настаивает на сексе, несмотря на недавно перенесенные его женой роды, чем та и объясняет свой отказ. Однако Гарри стоит на своем: пытаясь найти выход из сложившейся ситуации, он решает внести некоторое разнообразие в их сексуальную жизнь без ведома супруги: «"Roll over," he says.

"I love you," she says with relief, misunderstanding, thinking he's dismissing her. She touches his face in farewell and turns her back.

He scrunches down and fits between her buttocks, *cool* [italics – D.L.]. It's beginning to work, steady, warm, when she twists her head and says over her shoulder, "Is this a trick your whore taught you?"»¹⁰ [5, p. 257].

⁷ «Это какое-то безумие; он хочет ее раздавить; моторчик у него под ребрами удваивает и учетверяет это желание – давить, давить что есть силы; это не любовь, что взглядом скользит по коже, ни своей, ни ее кожи он не ощущает, ему хочется только вдавить ее сердце в свое, чтобы раз и навсегда ее утешить» [6, с. 85–84].

⁸ «– Тогда какого дьявола ты канителишься? Раздевай меня и всё!

– Ну и язычок у тебя, вздыхает он» [6, с. 85].

⁹ «*Сперва реши, куда хочешь ехать, а потом езжай*» [6, с. 50].

¹⁰ «– Повернись на другой бок, – говорит он ей.

Отметим, что в данном эпизоде при изображении эротической сцены, автор снова опускает физиологические подробности, в то время как в переводе М.И. Беккер эффект умолчания «усилен» цензурными соображениями.

Мысль о предстоящем получении новых сексуальных впечатлений в постели со своей супругой радует героя («cool»), однако Дженис останавливает его, попрекая связью с другой женщиной, что становится поводом для очередного скандала, вследствие которого Кролик прибегает к излюбленной им форме решения проблем, – уходит из дома. Таким образом, именно явная сексуальная неудовлетворенность становится отправной точкой для очередного бегства Кролика. Об этом свидетельствует также тот факт, что, уйдя из дома, Гарри направляется к дому Рут, то есть туда, где нет запретов и скандалов, однако хозяйки не оказывается дома.

Эпизод, в котором Кролик убегает с похорон своей дочери, является квинтэссенцией скитаний главного героя. В данном случае бегство Кролика начинается с того, что герой, очевидно чувствуя за собой вину, успокаивает себя. Это у него успешно получается, и герой снова бежит в буквальном смысле куда глаза глядят – напрямик в лес. Когда Гарри оказывается в тёмном лесу, его снова охватывает беспричинный страх, от которого мужчина спасается бегством на вершину невысокой горы, где «всё ещё ясный день» [6, с. 268]. Затем Кролик спускается и снова направляется к Рут, которая встречает его крайне враждебно и не желает с ним разговаривать.

Примечательны мысли главного героя, которые преодолевают его, когда тот подходит к дому любовницы: «He thought when he saw her, *instinct* [italics – D.L.] would tell him what to do in a way it's all new, though it's only been a few weeks»¹¹ [5, p. 329]. В данном эпизоде автор прямо говорит о том, что в своём поведении главный герой полагается на инстинкты, и, кроме того, что Кролик не способен к анализу и самоанализу, он мысленно «бежит» от попыток разобраться в своей жизни. Об этом свидетельствует также и следующая фраза, произнесённая Гарри в разговоре с Рут: «All I know is what feels right. You feel right to me. Sometimes Janice used to. Sometimes nothing does»¹² [5, p. 331]. Таким образом, становится понятно, что Гарри бежит не от ответственности, узнав, что Рут беременна (ведь он также говорит о том, что рад этому и что женился бы на ней). Дело в том, что Кролик не способен разобраться в своих чувствах, сделать выбор раз и навсегда. С одной стороны, он любит своего сына и не хочет оставлять его без отца, а воспоминания о том, что когда-то Дженис казалась ему невероятно привлекательной, порой пробуждают в Кролике страсть к ней. С другой стороны, главный герой чувствует себя с Рут спокойно, и, что важнее, эта женщина привлекает его в сексуальном плане. Именно это противоречие заставляет Кролика выйти из дома Рут, пообещав вернуться, и снова пуститься в бегство. Гарри Энгстром снова бежит в неопределённом направлении, и финал произведения остаётся открытым. Примечательно, что в последних предложениях произведения снова переплетаются мотивы страха и бегства [5, p. 333]. Здесь героя одолевает «сладкий ужас» («sweet panic»), что делает шаг героя «быстрее и спокойней» («lighter and quicker»), и, в конце концов, заставляет Кролика бежать: повторённое трижды слово «guns» («бежит») завершает повествование. В концовке еще раз подчеркивается машинальный, инстинктивный характер бегства героя. Постоянство в поведении Кролика проявляется лишь в единственном случае: когда его одолевает страх, паника, что в данном эпизоде даже успокаивает Гарри, так как он находится в своей стихии – стихии бегства.

Отметим, что слово «instinct» и его производные семнадцать раз встречаются в тексте и используются для определения характера поведения главного героя. Например, в эпизоде путешествия, герой руководствуется своими инстинктами в выборе направления движения («He wishes he had a cigarette, to help him decide what his *instinct* [italics – D.L.] is»¹³. [5, p. 35]; Hopping onto the highway, he turns *instinctively* right, north¹⁴ [5, p. 35]. В другом эпизоде Кролик полагается на свои инстинкты, определяя правомерность своего бегства от жены («But now these reflexes, shallowly scratched, are spent, and deeper *instincts* [italics – D.L.] flood forward, telling him he is right»¹⁵ [5, p. 49].) Гарри также отмечает про себя, что ощущает неязвимость, следуя своим инстинктам («Funny, the world just can't touch you once you follow your *instincts* [italics – D.L.]»¹⁶ [5, p. 110]. Это подтверждает целесообразность рассматривать в данном исследовании

– Я тебя люблю, – с облегчением произносит она, думая, что он оставил ее в покое. Коснувшись на прощание его лица, она поворачивается к нему спиной.

Ему кажется, что все уже идет хорошо, как вдруг она поворачивает голову через плечо и говорит:

– Это твоя шлюха тебя научила?» [6, с. 227].

¹¹ «Он думал, что, когда ее увидит, *инстинкт* [курсив наш – Д.Л.] подскажет ему, как надо поступать, но хотя прошло всего несколько недель, все почему-то стало иначе» [6, с. 270].

¹² «Я знаю только то, что я чувствую. Я чувствую, что ты правильная. Иногда Дженис тоже. А иногда всё неправильно» [6, с. 273].

¹³ «Сейчас бы в самый раз сигарета, она бы помогла ему понять, что подсказывает *чутье* [курсив наш – Д.Л.]» [6, с. 50].

¹⁴ «Выскочив на шоссе, он *инстинктивно* [курсив наш – Д.Л.] поворачивает вправо, на север» [6, с. 50].

¹⁵ «Но теперь эти рефлекссы, всего лишь поверхностные царапины, иссякли, и на первый план выступили более глубокие *инстинкты* [курсив наш – Д.Л.], которые убеждают его, что он прав [6, с. 60].

¹⁶ «Забавно, что никто на свете не может тебя и пальцем тронуть» [6, с. 107].

поведение главного героя романа «Кролик, беги» как бегство, так как оно носит крайне иррациональный, механический характер и основано, главным образом, на следовании Кроликом своим рефлексам, инстинктам, чутью.

Заключение. Таким образом, несмотря на явную «центростремительность» романа Дж. Апдайк «Кролик, беги», в произведении остро ощущается присутствие социальной проблематики. Акцент на художественном психологизме помогает читателю наблюдать глазами героя за разрушением одного из священных американских социальных институтов – семьи. Именно отчуждение по отношению к семье является главным источником бегства героя в первом романе Апдайк о Кролике. Здесь бегство отчасти обусловлено поиском духовного идеала, которым являются любовь и счастье, однако Кролик оказывается не в состоянии осознать причины своих неудач, видя в бегстве, проявляющемся в форме физического перемещения и отношений с другой женщиной, решение всех жизненных проблем.

В рассказах «Туз в рукаве» и «Завтра, завтра, завтра и так далее», как и в романе «Кролик, беги», изображается инстинктивное физическое бегство, являющееся реакцией психики героя на внешний раздражитель. Поведение героев всех трёх произведений отличается крайней иррациональностью, непреднамеренностью и определяется как бегство. Они не способны анализировать, рассуждать и даже не пытаются осмыслить своё поведение при помощи логики. Их бегство основано на инстинктах, рефлексам, является реакцией сознания на внешний раздражитель и, главным образом, проявляется в формах бесцельного путешествия и супружеской измены.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мулярчик, А. С. Литература (основные черты, этапы и тенденции развития) / А. С. Мулярчик // История США : в 4 т. – Т. 4. – М. : Наука, 1987. – С. 610–625.
2. Мулярчик, А. С. Глазами Апдайк / А. С. Мулярчик // Апдайк, Дж. Кролик, беги, Кентавр, Ферма. Авторский сборник / Дж. Апдайк. – М. : Правда, 1990. – С. 5–18.
3. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : ок. 100 000 слов и выражений. / С. И. Ожегов. – Изд. 27-е, испр. – Москва : АСТ: Мир и Образование, 2014. – 1360 с.
4. Updike, J. Ace in the Hole / J. Updike / The Early Stories: 1953–1975 / J. D. Salinger. – New York : Random House Publishing Group, 2007. – P. 144–151.
5. Updike, J. Rabbit, Run / J. Updike. – New York : Random House Publishing Group, 2010. – 336 p.
6. Апдайк, Дж. Кролик, беги. Кентавр. Ферма / Дж. Апдайк. – М. : Правда, 1990. – 624 с.
7. Updike, J. Rabbit is Rich / J. Updike. – New York : Random House Publishing Group, 2010. – 544 p.
8. Крымова, Н. И. Большой датско-русский словарь. Около 160 000 слов и словосочетаний. / Н. И. Крымова, А. Я. Эмзина, А. С. Новакович. – Изд. 7-е. – М.: Живой язык, 2004. – 868 с.
9. Updike, J. Tomorrow and Tomorrow and so Forth / J. Updike / The Early Stories: 1953–1975 / J.D. Salinger. – New York : Random House Publishing Group, 2007. – P. 152–160.
10. Апдайк, Дж. Завтра, завтра, завтра и так далее [Электронный ресурс] / Дж. Апдайк // e-reading.club. – 2018. – Режим доступа: http://www.e-reading.club/bookreader.php/1013261/Apdayk_-_Zavtra%2C_zavtra%2C_zavtra_i_tak_dalee.html. – Дата доступа: 04.05.2018.
11. Brooks, X. Updike remembered [Electronic resource] / X. Brooks // The Guardian. – 2009. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/books/booksblog/2009/jan/27/johnupdike>. – Date of access: 04.05.2018.

Поступила 17.12.2019

THE MOTIVE OF RUNNING AWAY IN THE NOVEL *RABBIT, RUN*, SHORT STORIES *ACE IN THE HOLE* AND *TOMORROW AND TOMORROW AND SO FORTH* BY J. UPDIKE

D. LABOVKIN

*The article analyzes in detail the novel *Rabbit, Run* (1961), as well as the stories *Ace in the Hole* (1954) and *Tomorrow and Tomorrow and So Forth* (1959) by John Updike in order to identify the features of the functioning of the running away motive, one of the main motives for the work of Updike and American literature in general. It is the running to nowhere, 'lost' heroes of *Ace in the Hole* and *Tomorrow and Tomorrow and so Forth* became the prototypes of *Rabbit*, the hero of Updike's most famous novels about Harry Angstrom, living in a state of eternal escape from society, family and himself.*

Keywords: *running away, trip, cheating, inner world depiction, instinct.*

УДК 821.112.2

ТЕМА ОБЪЕДИНЕНИЯ ГЕРМАНИИ В РОМАНАХ К. ХАЙНА

канд. филол. наук, доц. Т.М. ГОРДЕЁНОК, А.В. ЛИНКЕВИЧ
(Полоцкий государственный университет)
t.hardziayonak@psu.by, a.linkevich@psu.by

На примере произведений К. Хайна исследуется тема объединения Германии и влияние большой истории на судьбу отдельного человека. Определяется своеобразие романов «Вилленброк» и «Захват земли», реализация в них оппозиции «свой» – «чужой». Через призму социальных проблем анализируется психологический портрет героев. Выявляются идейно-художественные особенности и черты «романа поворота» (*Wenderoman*) в творчестве писателя, рассматривается его вклад в развитие «литературы поворота».

Ключевые слова: Кристоф Хайн, объединение Германии, «роман поворота», оппозиция «свой» – «чужой».

Введение. Самым значительным событием немецкой истории конца XX века является объединение двух германских государств в 1989 – 1990 гг. Присоединение ГДР к ФРГ оказало сильное воздействие на все области немецкой жизни, в том числе на культуру и, в частности, литературу. Объединение стало одной из главных тем немецкой литературы после 1990 г. Появилось понятие «литература поворота» (*Wendeliteratur*)¹, которая объединяет произведения о жизни людей до и после падения Берлинской стены. Это историческое событие было воспринято немецким обществом как символ перемен и прощания со значительной частью прошлого [1]. В литературной критике заговорили о «романе поворота» – новой романной форме (*Wenderoman*), которая стала актуальной как для признанных авторов², так и для нового поколения немецких писателей³. Благодаря этому понятие «немецкое прошлое», как отмечает Д.А. Чугунов, «прежде традиционно рассматривавшееся как иное обозначение периода нацизма» [2], расширилось, потому что стало включать более широкий исторический контекст.

Основная часть. К числу писателей, затрагивавших в своем творчестве тему объединения Германии, относится и Кристоф Хайн. Известность пришла к писателю благодаря повести «Чужой друг» (*Der fremde Freund*, 1982) и роману «Смерть Хорна» (*Horns Ende*, 1985). Объединению Германии писатель посвящает романы «Вилленброк» (*Willenbrock*, 2000) и «Захват земли» (*Landnahme*, 2004). Обращение к этой теме можно назвать закономерным. Хайн – это человек, который принадлежит своему времени и активно переживает его в себе. Он сосредоточенно следит за развитием страны (сначала ГДР, а затем и объединенной Германии), за что вполне обоснованно снискал себе славу писателя-хроникера.

Для Хайна не существует запретных тем, Д. Гвоск пишет: «Хайн относится к категории немецких писателей, которых принято называть неудобными» [3, S. 13]. Действительно, писатель смело говорит о проблемах немецкого общества – о беспомощности человека перед властью («Смерть Хорна»), терроризме («Сад в его раннем детстве»), нелегкой судьбе мигрантов («Захват земли»), жизни восточных и западных немцев после объединения, высоком уровне криминала («Вилленброк»).

Основу романа «Вилленброк» образует история предпринимателя Бернда Вилленброка, который пытается найти свой путь в новой исторической действительности. Повествование начинается с запутанного сна: Вилленброк идет по бесконечно длинному мосту за таинственным мужчиной, пытаясь догнать его, но ему это не удается. У Хайна сон – это знак неотвратимой судьбы, довлеющей над главным героем. Окружающий Вилленброка мир кардинально изменился после падения Берлинской стены, ему предстояло приспособиться к новой жизни и стать своим среди чужих. Символ бесконечно длинного моста можно трактовать как предстоящий долгий процесс принятия новой исторической действительности гражданами ГДР и ФРГ, которые, несмотря на объединение страны, были ментально далеки друг от друга.

В романе «Вилленброк» Хайн относит основную историю в объединенную Германию, ГДР-овское бытие осмысливается ретроспективно и служит дополнительным акцентом в прояснении внутреннего

¹ Wendeliteratur (от нем. Wende – поворот, перелом, перемена; историческое воссоединение Восточной и Западной Германии; Literatur – литература) – произведения, в которых освещаются события до и после воссоединения Германии.

² Объединению страны посвящены произведения К. Вольф «Что остается» (*Was bleibt*, 1990), Г. Грасса «Широкое поле» (*Ein weites Feld*, 1995), Э. Лёста «Церковь Николая» (*Nilolaiikirche*, 1995), Б. Штрауса «Итака» (*Ithaka*, 1996), В. Хильбига «Временное пристанище» (*Das Provisorium*, 2000), К. Хайна «Вилленброк» (*Willenbrock*, 2000) и др.

³ Тема осмысливается в произведениях Т. Бруссига «Герои вроде нас» (*Helden wie wir*, 1995), И. Шульце «Простые истории» (*Simple stories*, 1998), У. Телькампа (*Uwe Tellkamp*, 1968) «Башня» (*Der Turm*, 2008) и др.

мира главного героя. Погружаясь в калейдоскоп деталей из юношества Вилленброка, мы узнаем, что он увлекался полетами на планере, был в числе лучших в авиационно-спортивном клубе. Хайн, следуя романтической традиции, наделяет Вилленброка чертами энтузиаста⁴: полет для Бернда – нечто возвышенное, это другой мир, более совершенный, чем тот, где он обречен существовать повседневно, это та сфера, где он мог полностью реализовать себя. Но несмотря на это, Вилленброку не было суждено связать жизнь с воздушной стихией. После того, как его брат во время летних соревнований пересек границу на планере, Бернда исключили из клуба. Это был удар, с которым он долго не мог смириться. Вилленброк был вынужден начать учебу в техническом колледже и, хотя «он покупал каждую книгу о старых и современных самолетах, читал биографии пилотов, но больше никогда не ходил ни на аэродром, ни на показы техники военной авиации» [4, S. 294]. Вместо полетов он получает земную профессию инженера.

Второе крушение намеченных планов приходит вместе с большой историей. После падения Берлинской стены завод, где работал главный герой, обанкротился. Вилленброк был долгое время безработным, но постепенно ему удалось наладить жизнь. В новой Германии он занимается скупкой и продажей подержанных автомобилей в Восточную Европу. Заработанных денег хватает на содержание загородного дома и бутика жены. Он ни в чем себе не отказывает, ведет размеренную жизнь и получает выгоды от кончины ГДР. Капиталистический мир кажется ему безопасным и управляемым. Следует отметить, что успешность имеет для Вилленброка важное значение. Как и многие герои Хайна, он живет с психологической травмой. Его родители в прошлом «были обижены, потому что отец был простым инженером-разработчиком» [4, S. 64], с чувством обиды жили его родственники, потому что «где-то всегда находились люди, которые были намного успешнее, чем они» [4, S. 64]. Ощущение зыбкости во время ГДР-овской действительности не покидало и Вилленброка.

И вот наступила обеспеченная жизнь в объединенной Германии, которая, однако, длилась не долго. На автобазу Вилленброка совершается налет с кражей автомобилей, однако основным подозреваемым становится сам хозяин. Неудачи преследуют главного героя и дальше. Грабители вторгаются в его загородный дом, нападают на Бернда и его жену. Предполагаемых преступников задерживают, однако вскоре депортируют в Россию, позволяя им, таким образом, избежать тюремного наказания. Так бывший инженер и рационально мыслящий предприниматель теряет внутреннее равновесие. Вилленброк ищет помощи в полиции, однако они «не заинтересованы в раскрытии серьезного дела» [4, S. 36], объясняют все «равнодушно и со скучающим видом» [4, S. 36]. Заявление о повторном возбуждении дела было отклонено ввиду «отсутствия объективных доказательств» [4, S. 289]. У Вилленброка складывается мнение, что в полиции работают равнодушные, безответственные люди, которые халатно выполняют свои обязанности.

Следует отметить, что Хайн не ставит перед собой цель сгустить краски при показе социальной ситуации в Германии. А.А. Гугнин правомерно отмечает: «Хайн с одинаковой глубиной раскрывает как механизм функционирования общества и его институтов (а также воздействие этого мощнейшего механизма на массовое сознание), так и тонкое устройство самой личности. Всю свою жизнь, изо дня в день, она стоит перед тем или иным выбором, на который влияет множество сознательных или бессознательных факторов» [5, с. 533]. Действительно, проза Хайна глубоко психологична. Писатель не столько противопоставляет две системы (ГДР и объединенной Германии), сколько фокусирует внимание на внутренних переживаниях людей, изучает их реакцию на сложившиеся обстоятельства. Вилленброку так и не удается стать своим в новой Германии, он чувствует себя одиноким, уже не ждет помощи от полиции, но упорно размышляет о борьбе с насилием. Грабеж и нападение вновь породили в душе главного героя чувство зыбкости: «Во мне что-то разрушили, повредили, я больше никогда не смогу чувствовать себя в безопасности в своем доме и в квартире. Это то, что я никогда не смогу простить грабителям. Я чувствую себя уязвимым» [4, S. 172].

В центре внимания Хайна находится психологическое состояние главного героя. И.В. Гладков правомерно отмечает, что «Хайн предстает перед нами как настоящий современный хроникер человеческой жизни, душевных обид и травм, обладающий богатым и содержательным художественным потенциалом» [6]. На фоне перелома в стране произошел перелом в душе Вилленброка. Следовательно, страна и ее граждане живут в одном ритме, образуя единый организм.

Благодаря противопоставлениям как одному из приемов ретроспекции автор показывает тот разительный контраст, который существует между прежним Вилленброком-энтузиастом, выступавшим против всякого насилия, и нынешним Вилленброком, ставшим владельцем «огнестрельного оружия, крайне опасного и смертоносного, незаконное владение которым уже было наказуемым» [4, S. 262]. Примечательно, что оружие ему дарит один из постоянных клиентов – выходец из России, Крылов. Как и у Вилленброка⁵, у Крылова говорящая фамилия: крылья – символ полета, а сам Крылов – посланец, передающий привет из прошлого, в которое невозможно вернуться.

⁴ Согласно принципу двоюмирия Э.Т.А. Гофмана, все люди делятся на две группы: энтузиастов и филистеров. Энтузиасты способны угадывать за тусклым серым обликом будничных вещей необычный светлый мир. Филистеры, в свою очередь, земные люди, преданные будничным делам обыватели, живущие мещанской жизнью.

⁵ Фамилия главного героя имеет символический смысл, она состоит из двух частей: Wille – воля; broke – сломанный; Willenbrock = сломленная воля.

При очередном нападении Вилленброк ранит преступника, чувствуя себя при этом «одновременно испуганно и облегченно» [4, S. 299]. Таким образом, главный герой из пацифиста и гуманиста превращается в человека испуганного и безвольного, полностью соответствующего своей фамилии. В этой связи необходимо отметить параллели, которые существуют между образом Вилленброка и героем повести Г. фон Клейста «Михаэль Кольхаас» (*Michael Kohlhaas*, 1808), также столкнувшегося с несправедливостью властей. «Чувство справедливости сделало из него разбойника и убийцу» [7, с. 4], – пишет Клейст о своем протагонисте. Хайн не дает точного ответа, куда приведет Вилленброка разочарование в прежних идеалах. Одно является очевидным: Кольхаас и Вилленброк являются жертвами насилия и одновременно его носителями, поскольку в борьбе за справедливость они вынуждены использовать несправедливые методы. В своем романе Хайн указывает, что проблема социальной защищенности и справедливости остается в XXI столетии по-прежнему нерешенной. Одновременно автор демонстрирует, как жизнь маленького человека отразила и вместила в себя большую историю.

В романе «Захват земли», который был написан четыре года спустя, К. Хайн меняет ракурс повествования и относит основные события в ГДР-овскую действительность. В отличие от «Вилленброка» объединение Германии становится не начальной точкой отсчета нового этапа жизни, а завершающей кодой долгих исканий главного героя – Бернхарда Хабера⁶. Автор стремится к широкому охвату исторического материала: в романе освещается период с 1950 года до конца XX века. Писатель поднимает в романе такие острые вопросы, как коллективизация в ГДР, строительство Берлинской стены, миграция, объединение двух стран.

Повествование выдержано в объективном, местами даже сухом стиле. В центре романа – история Бернхарда Хабера, который вместе с родителями мигрировал из Вроцлава в придуманный автором немецкий городок Гульденберг. Данный факт отправляет нас к биографии Хайна: сам писатель пережил изгнание из Силезии в городок Бад-Дюбен, который в романе является прообразом Гульденберга. Писатель в реалистичном ключе изображает жизнь простых людей.

Поступательное раскрытие образа Хабера происходит с помощью рассказа пяти персонажей, которые связаны с главным героем. Бернхард был по своей природе молчаливым и замкнутым человеком: «...представляется вполне естественным, что труд рассказать его (Бернхарда Хабера – Т.Г., А.Л.) историю возлагается автором на людей, вступавших с ним в контакт. Помимо этого, появление нового персонажа-рассказчика знаменует собой новый этап в жизни Хабера и обусловлено стремлением Хайна раскрыть образ главного героя в динамике с наибольшей полнотой» [8, с. 4]. В романе изображается процесс обретения личности на историческом фоне ГДР и объединенной Германии.

Местные жители воспринимают семью Хаберов негативно, называют их «переселенцами», «чужаками», «пшеками». Ф. Ульрих пишет, что «для местных жителей, которые после войны сумели сохранить свое имущество, мигранты, бездомные, у которых ничего не осталось, были злоумышленниками» [9]. Вероятно, по этой причине старший Хабер, который пытается наладить новую жизнь в качестве столяра, вызывает недоверие гульденбержцев. Отсутствие руки у отца Бернхарда является символическим обелиском проигранной войны: «Его потерянная рука напоминала всем жителям о поражении и унижении перед победителями в войне» [10, S. 23].

Оскорбительным отношением дело не заканчивается, семья постоянно попадает в неприятные ситуации. Отец открывает столярную мастерскую, однако к нему никто не обращается: «Хабер старший не был востребован в городе, он был переселенцем, изгнанником, нищим» [10, S. 303]. Вскоре столярную мастерскую поджигают, однако виновника так и не находят. После пожара жители поговаривали, что «город не принимает его, и с этим уже ничего не поделаешь» [10, S. 46]. Однако причины беды крылись не в самом городе, а в жителях, которые не желали видеть в городе чужих. К новым злоключениям присоединяется убийство собаки Бернхарда, его единственного и настоящего друга. Противостояние с городом продолжила смерть старшего Хабера, которого нашли повешенным и причислили в официальных отчетах к самоубийцам. Не выдержав горечи утраты, умерла и мать. Оба были похоронены среди могил самоубийц, так и не сумев обрести родину и стать «своими» в чужом городе. Однако «роман Хайна не о жертвах» – правомерно отмечает Л. Байер [11]. Это роман о несломленной воле, которая противостоит неблагоприятным обстоятельствам и в конечном итоге одерживает победу.

Бернхард теряет все, однако это делает его сильнее в борьбе за существование. Он с ранних лет был готов защищать семью, игнорировать неприязнь и отвечать презрением на презрительное отношение других. Марион Демутц рассказывает: «Когда кто-нибудь в классе говорил ему о старых брюках или неподходящей шапке, он не злился, а холодно и пренебрежительно улыбался. Правда заключалась в том, что Бернхард презирал нас, тех, кто всегда жил в этом городе» [10, S. 95]. С одной стороны, Хабера не слишком волновало негативное отношение местных жителей, с другой стороны, он настойчиво старался влиться в ряды гульденбержцев.

В непростых условиях существования Бернхард начинает заниматься политикой, благодаря чему получает власть над другими людьми. Он активно принимает участие в политике национализации, в рамках

⁶ Имя главного героя и здесь является говорящим. Это производная от глагола haben – иметь. Имя героя напрямую соотносится с его главной жизненной целью – иметь / получить право называться «своим».

которой частное сельское хозяйство стало преобразовываться в сельскохозяйственные кооперативы. Присоединяясь к тем, кто принуждал крестьян к вступлению в колхоз, Бернхард мстит жителям Гульденберга за прошлые обиды. В этой связи правомерно звучит замечание У. Мэрца о том, что «в творчестве К. Хайна есть ведущий мотив, к которому он постоянно обращается: незабытая обида, мотив травмы» [12].

Постепенно молодой человек «завоевывает» Гульденберга, ведь он «знает, чего хочет, и получает то, что хочет» [10, S. 307]. Занимаясь нелегальной перевозкой людей из Восточной Германии в Западный Берлин, Бернхард сколотил приличный капитал и покончил с нуждой. Однако его главная цель – не обогащение ради денег, а добыча средств как основы для подъема по социальной лестнице. Вместе с «переломом» в 1989 – 1990 гг. наступили новые приятные изменения: Хабер стал не только успешным предпринимателем, но и получил статус уважаемого человека, которого можно называть «своим». С внутренним удовлетворением Бернхард отмечает: «Он не хуже местных, он гульденбержец» [10, S. 317].

Хабер знает, что получил свое настоящее ценой жизни отца: «Возможно, сначала понадобилась кровь моего отца, моего невинного отца, чтобы я чувствовал себя здесь как дома, чтобы меня приняли за своего» [10, S. 342]. Главный герой прошел трудный путь от бедности и враждебности в ГДР до благосостояния и признания в объединенной Германии.

В романе «Захват земли» важное значение отводится сцене полета Бернхарда и Бабси на воздушном шаре, где определяется истинная натура его участников: девушка упивается парением на высоте, молодой человек весь деревенеет. На этом основании Манолов, управлявший воздушным шаром, высказывает Бабси нелицеприятное суждение о Бернхарде: «Воздух не его стихия, девочка. Сущность мужчины проявляется лишь в воздухе, в горах или на войне. С тобой я поднимаюсь еще раз вверх, малышка, но к тому времени обзаведись настоящим парнем» [10, S. 312]. Данный эпизод показывает, что счастье главного героя является очень приземленным, он, в отличие от Вилленброка, никогда не стремился ввысь.

Таким образом, Вилленброк и Хабер – это две противоположности, которые, тем не менее, имеют много общего. Они оба выросли в одной стране и, вполне вероятно, могли ходить по одним и тем же улицам в своем ГДР-овском прошлом. Каждый испытывает серьезные трудности на пути к мечте, каждый вовлечен в события большой истории. Принципиальные отличия между ними демонстрирует отношение к полету. Если Вилленброк стремится преодолеть заданные человеку пределы, но, подобно Икару, низвергается вниз, то Хабер наоборот хочет прочно укорениться на земле. Этим желанием продиктованы дальнейшие действия главного героя. Бернхард женится, строит солидный дом, обзаводится детьми и получает «мещанское счастье, о котором мечтал» [10, S. 322]. Вилленброк в свою очередь утрачивает душевное спокойствие и вместе с ним мещанское благополучие. Хайн не идеализирует своих героев. Продолжая эстетические принципы Г. фон Клейста, он отдает предпочтение натурам противоречивым, в которых сплетаются в один узел характеристики романтической личности (стремление подняться над обыденным, непохожесть на других) и желания обычного филистера (земные наслаждения, материальное благополучие).

Заключение. Романы К. Хайна «Вилленброк» и «Захват земли» представляют истории двух мужчин, личность которых формируется в ГДР и продолжает развиваться после объединения Германии в новых социальных условиях. Автор показывает, что большая история накладывает отпечаток на судьбы простых людей. Объединение Германии становится пограничной ситуацией в жизни протагонистов и помогает выявить их сущность.

В центре внимания К. Хайна находится психологическое состояние человека. Автор выбирает героев, во многом ориентируясь на установки немецких романтиков, которых привлекает внутренний мир сложных, полных противоречий натур. Главные герои вступают друг с другом в надтекстовый диалог на идейном уровне, что позволяет объединить «Вилленброк» и «Захват земли» в диалогую о не/сломленной воле, которая помогает/мешает одержать победу над неблагоприятными жизненными обстоятельствами.

В рамках оппозиции «свой» – «чужой» К. Хайн поднимает вопросы миграции, коллективизации, ненадежности государственной системы, строительства Берлинской стены, а затем объединения Германии. Актуальность проблематики позволяет автору оставаться верным своему литературному амплуа ангажированного писателя.

«Роман поворота» в творчестве К. Хайна отличается такими чертами как концентрация на событиях новейшей немецкой истории глазами восточных немцев, автобиографичность, приверженность реалистической манере повествования и одновременно вариативность повествовательных техник (ретроспекция, техника монтажа, рамочная конструкция), авторская ирония, символические образы и мотивы (сон, полет, мост).

ЛИТЕРАТУРА

1. Шарыпина, Т. А. Грани немецкой ментальности и поиски национальной идентичности в социокультурном контексте Германии на рубеже XXI века [Электронный ресурс] / Т. А. Шарыпина, М. В. Мазенова // – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=34860589>. – Дата доступа: 10.12.2019.

2. Чугунов, Д. А. Немецкая литература 1990-х годов: основные тенденции развития [Электронный ресурс] / Д.А. Чугунов. – Режим доступа: <https://clck.ru/L5cmb>. – Дата доступа: 15.12.2019.
3. Gwosc, D. "...unstrittig ist die Schädlichkeit der Literatur und des Lesens" Der Publizist und der Redner Christoph Hein / D. Gwosc // German monitor: Christoph Hein in perspective. – Amsterdam ; Atlanta: Rodopi, 2000. – S. 7–20.
4. Hein, C. Willenbrock / C. Hein. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2000. – 319 S.
5. Зарубежная литература XX века: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. М. Толмачёв [и др.] ; под ред. В. М. Толмачёва. – М. : Академия, 2003. – 640 с.
6. Гладков, И. В. Проблематика и поэтика творчества Кристофа Хайна [Электронный ресурс] / И. В. Гладков. – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/problematika-i-poetika-tvorchestva-kristofa-khaina>. – Дата доступа: 12.12.2019.
7. Клейст, Г. фон. «Михаэль Кольхаас» / Г. фон Клейст ; пер. с нем. Н. Ман. – М. : Худож. лит., 1969. – 128 с.
8. Гордеёнок, Т. М. Осмысление проблемы вынужденной миграции в романе К. Хайна «Захват земли» / Т. М. Гордеёнок, Е. В. Кузнецик // Вестник Полоцк. гос. ун-та. Сер. А. Гуманитарные науки. – 2016. – № 10. – С. 2–7.
9. Ullrich, V. Keine Landsleute, sondern Fremde [Elektronische Ressource] / V. Ullrich // ZEIT ONLINE. – 2008. – Zugangsregime: <https://www.zeit.de/2008/23/P-Kossert>. – Datenzugang: 13.12.2019.
10. Hein, C. Landnahme / C. Hein. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2004. – 383 S.
11. Baier, L. Gekränkte wider Willen [Elektronische Ressource] / L. Baier. – Zugangsregime: <https://www.woz.ch/-46cb>. – Datenzugang: 13.12.2019.
12. März, U. Ein prächtiger Außenseiter [Elektronische Ressource] / U. März // ZEIT ONLINE. – 2004. – Zugangsregime: <https://www.zeit.de/2004/06/L-Hein>. – Datenzugang: 13.12.2019.

Поступила 30.11.2019

THE THEME OF GERMAN UNIFICATION IN THE NOVELS OF CHRISTOPH HEIN

T. HARDZIAYONAK, A. LINKEVICH

Christoph Hein's literary works explore the theme of the unification of Germany and the influence of great history on the destiny of an individual. Examining the peculiarity of the novels "Willenbrock" and "Settlement" (Landnahme), we reveal the implementation of the opposition of "friend" and "foe". The psychological portrait of characters is also analyzed through the prism of social problems. The author reveals the ideological and artistic features of "the novel of the turn" (Wenderoman), considering it as his contribution to the development of "literature of the turn" (Wendeliteratur).

Keywords: Christoph Hein, the unification of Germany, "novel of the turn", "friend" and "foe" opposition.

УДК. 821.112.2

МОТИВ ПАМЯТИ В РОМАНЕ К. ХАЙНА «ТРУТЦ»

Е.В. КУЗНЕЧИК

(Полоцкий государственный университет)

e.kuznechik@psu.by

Исследовано своеобразие исторической прозы К. Хайна на примере романа «Трутц» (2017). В рамках оппозиции «свой» – «чужой» разворачивается основной художественный конфликт, связанный с вынужденной миграцией во времена тоталитаризма – фашизма и сталинизма. Отношение к прошлому – важнейший пункт эстетической программы писателя. К. Хайн подвергает острой критике сущность тоталитарных государств, механизмы манипулирования и подавления личной свободы граждан. Предметом исследования выступает мотив памяти, который реализуется через образ семьи. В романе присутствует ряд повторяющихся мотивов, образов (мотив травмы, памяти, образ семьи) и авторских приемов (прием эмоционально-смысловой окраски имени, использование символики).

Ключевые слова: немецкая литература после объединения, история Германии, вынужденная миграция, оппозиция «свой» – «чужой», интеграция, мотив памяти, мотив травмы.

Введение. Обращение к прошлому является одним из основных направлений литературы Германии первых послевоенных десятилетий. Это определило актуальность целого ряда тем: тема личной вины и ответственности за преступления во времена национал-социализма, сопричастности и покаяния, тема опасности реваншизма и непреодоленного прошлого. Об этом писали В. Борхерт (драма «На улице перед дверью», 1947; рассказы «Одуванчик», 1947, «В этот вторник», 1947, «Печальные герани», 1961), Г. Бёльль (романы «Где ты был, Адам?», 1951, «Бильярд в половине десятого», 1959, «Глазами клоуна», 1963), З. Ленц (романы «Урок немецкого», 1968, «Живой пример», 1973), А. Андерш (роман «Винтерспельт», 1974), Г. Грасс (романы «Данцигской трилогии», «Под местным наркозом», 1969, «Траектория краба», 2002). Обращались к прошлому и представители литературы ГДР – А. Зегерс (романы «Решение», 1959, и «Доверие», 1968) и К. Вольф («Расколотое небо», 1963), в произведениях которых повествуется о становлении новой Германии и формировании нового человека в первые послевоенные годы.

Данная тематика остается актуальной и для современных немецких писателей, к которым по праву можно отнести Кристофа Хайна. В одном из своих эссе он осмысляет исторический опыт немецкого народа и вытекающие из него уроки: «Прошлое не проходит, оно не может исчезнуть, как и мертвые не могут умереть и быть похоронены дважды. Прошлое – это актуальный шанс минувших дней. Мы извлекли из него пользу либо потратили зря, оно не поддается исправлению и является нетленным. Мы должны жить с ним, оно принадлежит к нашей жизни, к нашему настоящему, а также к нашему будущему. <...> Настоящее и будущее бренны, прошлое – нет»¹ [1, S. 15]. Писатель считает, что осознание исторической ответственности за свою деятельность уходит корнями, прежде всего, в прошлое и аккумулируется в памяти народа. Он пишет: «Память немецкого народа есть память преступников. Из-за нашего брата Гитлера наша память стала для нас мучением. Мы можем предать себя суду наших воспоминаний и повиниться в ответственности немецкого народа за геноцид, мы можем подавить эти чувства в себе, мы можем отрицать их <...>, мы можем их трактовать по-разному, мы можем загородиться от них послевоенными достижениями немецкого народа.<...> Но мы знаем, что и завтра, и наверняка через сорок лет это прошлое, в особенности *это* (курсив мой. – Е.К.) прошлое не пройдет» [1, S. 26–27]. По мнению Хайна, основными составляющими памяти являются воспоминания и забвения, «в повседневной жизни эти понятия составляют единое целое: Помнить, чтобы не допустить забвения» [2, S. 34]. Эта мысль, претендующая на статус аксиомы, красной нитью проходит через все творчество писателя.

Основная часть. В романе «Трутц» (Trutz, 2017) автор переносит читателя во времена национал-социализма и сталинизма, отличительной чертой которых является слепое повиновение народа власти. В эту эпоху точные воспоминания о событиях могли быть опасными для жизни. Устами одного из своих главных героев Хайн заключает: «Память, хорошая и точная память, всегда была нежелательной. И если бы существовал изобретатель забывчивости, его бы высоко ценили, с ним можно было бы проще договориться, <...>. Так было, так есть и так будет» [3, S. 190]. В недавнем интервью, посвященном выходу в свет вышеупомянутого романа, Хайн высказал предположение, почему существует проблема замалчивания истории: «В прошлом как отдельного человека, так и множества стран есть события, о которых желательно забыть, о которых не хотят помнить и не хотят говорить, так сказать, чтобы все поросло бльем, травой. И если потом придет какой-нибудь осёл и съест эту траву, то его можно будет обезглавить. <...> В истории каждого государства есть не-

¹ Здесь и далее перевод наш – Е.К.

желательные для общественной огласки события и происшествия» [4]. В этой связи становится понятной позиция автора, когда он, говоря о памяти, цитирует слова Ницше: «"Это было", – сказала Память. "Этого не могло быть", – сказала Гордость. И Память сдалась» [5].

Роман «Трутц», раскрывающий панораму XX столетия, – это семейная сага, хроника жизни двух семей, советской и немецкой, в чьих судьбах запечатлелась большая история. Произведение начинается с предисловия, рассказчиком в котором выступает некий безымянный писатель. Его присутствие в романе не обозначается, он находится как бы на заднем плане повествовательной плоскости. Такая композиционная подача убеждает читателя в том, что Михаэль Трутц – главный герой произведения – реальный человек, что его история и история его семьи, записанная автором со слов Трутца и подтвержденная многочисленными архивными документами – это не выдумка, а самим писателем является Кристоф Хайн. Но, по признанию самого автора, «все и всё выдуманно, но прежде тщательно изучено, чтобы избежать ошибок» [4].

Хайн не изменяет собственной манере, прибегая и в этом произведении к использованию многочисленных символов. Скрытый смысл заложен в имени главного героя романа, чья фамилия трактуется двояко: (сущ.) *der Trutz* (уст.) / *Trotz* – 1) упрямство, упорство, своенравие; 2) бой, борьба². Эти качества характерны для главного героя. С таким упрямым Трутцем, ведущим бой с неправдой и несправедливостью, читатель знакомится в начале романа и видит его таким же в конце произведения.

Предисловие романа завершается погребением Михаэля Трутца, смерть которого наступила в результате продолжительной болезни. Прощальная церемония проходила «под звуки "Реквиема" Моцарта, после окончания которого траурная процессия последовала под звуки веселого вальса» [3, S. 20]. Завершая предисловие таким образом, Хайн настраивает читателя на трагический финал романа, однако звуки веселого вальса оставляют надежду, что мучения главного героя остались позади, и он обрел мир и покой.

По структуре роман делится на две части. В первой части автор рассказывает о жизни молодого человека из мекленбургской провинции Райнера Трутца, который переезжает в Берлин начала 1930-х годов, где царят безработица и нищета, бушуют политические волнения. Он пробует себя как писатель и журналист, переживает первый профессиональный успех и знакомится с любовью всей своей жизни – девушкой Гудрун. Спокойствие в жизни Трутца-старшего заканчивается вместе с выходом в свет его второго романа, который не все критики принимают благосклонно. Автор одной из рецензий называет новое творение Райнера «коммунистическим памфлетом, <...> подрывной деятельностью красной крысы, которая грызет национальные корни немецкой культуры, чтобы уничтожить германские традиции» [3, S. 93]. Появляются и другие рецензии отрицательного характера, в которых Трутцу-старшему предъявляют претензии в том, что он своей литературной деятельностью порочит новое народное движение. Вершиной неприятностей становится ночное нападение на квартиру Райнера и Гудрун. Молодые люди безуспешно ищут помощи и защиты у полиции. Полицейские не слишком заинтересованы в раскрытии дела, проявляют халатность при исполнении обязанностей, сознательно избегают мест со следами и отпечатками пальцев преступников³. Ситуация усугубляется тем, что Гудрун узнает о беременности. Опасаясь за свою жизнь и жизнь будущего ребенка, молодые люди решают покинуть Германию. Обстоятельства складываются так, что единственной страной, готовой принять у себя вынужденных мигрантов, становится Советский Союз. Устами Гудрун Хайн задает риторический вопрос: «Что мы сделали неправильного, из-за чего мы больше не можем жить у себя на родине?» [3, S. 123]. Но ни Гудрун, ни Райнер так и не находят ответа на вопрос, как не находили его и многие другие немецкие антифашисты.

Вторая часть романа охватывает большой временной отрезок, увеличенный за счет системы персонажей, основу которой составляет изображение семьи. Через образ семьи Хайн освещает вопрос вынужденной миграции⁴, начиная вторую часть произведения с символического описания того, как семья Трутц пересекает границу в поезде. «Райнер и Гудрун смотрели из окна вагона, они хотели почувствовать момент пересечения границы поездом, но снаружи ничего не было видно, ни фонарей, ни звезд, никакого движения, никакого знака» [3, S. 143–144]. Кромешная темнота на протяжении всего пути в новую жизнь намекает читателю на то, что ожидаемое не совпадет с реальностью, что судьба Райнера и Гудрун будет такой же беспросветной, как и дорога надежды в страну, «которая, несмотря на все ошибки и недостатки, обещает будущее человечеству и является желаемым пристанищем для беженцев и защитной гаванью всем эмигрантам» [3, S. 172]. В романе говорится, что проблемы возникают с самого начала, ведь прибывающие мигранты нарушают привычный уклад жизни местного населения, повышая уровень безработицы и вызывая к себе предвзятое отношение со стороны послед-

² Хайн не впервые в своем творчестве использует прием эмоционально-смысловой окраски имени, которая несет в себе глубокий смысловой подтекст. Такой художественный метод встречается в романах «Вилленброк» (*Willenbrock, 2000*), «Захват земли» (*Landnahme, 2004*), «Наследие Вайскерна» (*Weiskerns Nachlass, 2011*).

³ Проблема отсутствия защищенности рядового гражданина со стороны государственных структур в переломные для страны моменты хорошо раскрыта Хайном на примере жизни главного героя в романе «Вилленброк».

⁴ Тема вынужденной миграции уже попадала в поле зрения Кристофа Хайна. Создавая подобную семейную сагу, автор рассматривает ее в своем романе «Захват земли» (*Landnahme, 2004*) [см. 6].

них. Помимо этого, сложность в процессе интеграции вызывает наличие языкового барьера и отсутствие должного образования. Не менее значимую роль при трудоустройстве играет членство в партии. В связи с этим мигрантам предоставлялись только низкооплачиваемые рабочие места. Так, единственным местом работы для беспартийного Райнера Трутца, становится бригада, занятая на строительстве московского метро. «Ни один человек в этой бригаде не был квалифицированным строителем или слесарем, ни один прежде не работал на стройке, у себя на родине большинство работников работало в различных учреждениях, они были далеки от физического труда» [3, S. 172]. Эта интернациональная бригада «была сборищем подсобных рабочих, занятых на разных участках стройки и труд которых нигде не ценили» [3, S. 172]. Изображая жизнь вынужденных переселенцев в условиях тоталитарного режима, Хайн подчеркивает, что сферы их интересов далеки от политики. Все, чего хотят изгнанники, – это спокойно трудиться, жить без страха за свою семью и близких.

Ощущая себя лишними в обществе, мигранты избегают интеграции в него, становясь зачастую мишенью для новых нападков и «осознавая себя инородным телом в слаженной разрушительной машине» [7]. Именно по этим причинам круг общения семьи Трутц был довольно скудным. В него входила семья профессора Московского университета Вальдемара Гейма, чей «прапрадед, который в то время носил фамилию ван Гейм, был известным во всей Российской Империи изобретателем и фабрикантом» [3, S. 186], а также сотрудница советского посольства Лилия, возглавлявшая отдел фильмографии в момент случайного знакомства с Райнером в Германии. Сюжетная линия Лилии затрагивает вопросы переоценки искусства, кино и литературы в период неожиданного для большинства населения «потепления» отношений с Германией. Ведь согласно новому курсу, принятому после подписания пакта Молотова – Риббентропа, СССР и Германия обрели надежных друзей в лице друг друга. Рекомендовалось исключить из обихода такие слова как «фашистский» и «антифашистский», вместо них употреблять следующие: немецкий, Германия, вождь Адольф Гитлер. Однако позиция Лилии расходится с официально проводимой линией властей, о чем становится ясно из ее вопроса руководству, «как она должна объяснить театральным деятелям и общественности, что фашисты отныне являются дружественными немцами, а излюбленные антифашистские постановки не должны больше ставиться» [3, S. 290]. Конечно, судьба Лилии складывается трагично: ее арестовывают и отправляют на принудительные работы. После реабилитации Лилия возвращается в Москву, но годы каторжного труда отразились на здоровье и внешности. Некогда бывшая красавица она потеряла волосы и зубы, кожа на щеках и шее покрылась пятнами, воспалились суставы. Хайн на примере своей героини показывает, что не все даже в условиях тоталитарного режима соглашались с политикой подавления свободомыслия и гласности, и при этом подчеркивает, что выступая против одурачивания масс, человек вступает в неравный бой с системой.

Мотив памяти Хайн реализует в образе профессора Гейма – человека из мира науки. «Политика – не наука, а посему не играла для него никакой роли, так как сегодня можно было сказать одно, завтра – другое, ничего нельзя было доказать или опровергнуть, он просто принимал к сведению то, что значилось в газетах, либо то, что сообщал партсекретарь его факультета, кивая головой в знак согласия, и никогда не возражал» [3, S. 185]. Профессор занимается тем, что разрабатывает методы тренировки памяти, область его деятельности – это наука мнемоника. Одержимый идеей создать человека с идеальной памятью, профессор с ранних лет проводит тренировки в игровой форме с сыном Ремом и сыном Трутцев. Оба показывают успехи и опережают в развитии сверстников. Однако Гейм вынужден прервать исследования. Виной тому явилась заметка в газете «Правда» о враждебных и антисоветских тенденциях в науке. На собрании по делу Гейма его речь в защиту мнемоники прерывается вопросом о национальной принадлежности. Профессор идентифицировал себя как русский, но его прапрадед был немцем, а, следовательно, и сам Гейм испытывает симпатию к немцам и Гитлеру. Как итог: профессор Гейм исключен из университета, лишен всех званий и регалий, и чтобы прокормить семью, начинает работать гардеробщиком. Через художественный конфликт, который разворачивается в рамках оппозиции «свой» – «чужой», Хайн показывает, каким сложным является процесс интеграции мигрантов в общество, затягиваясь порой на несколько поколений. И если сам Гейм считает себя русским (ведь он рожден не в Германии и не знает немецкого языка, и все, что есть у него «немецкого» – это фамилия предка, со временем претерпевшая изменения), то в глазах общества он все равно чужак.

Одновременно с Геймом в водоворот жизненных обстоятельств, обусловленных политическими процессами, попадает и Райнер Трутц. Он арестован и подвергается многочисленным допросам, его обвиняют в распространении клеветы в отношении Советского Союза. В качестве доказательства предъявляется статья Трутца из газеты «Вельтбюне», в которой он в ироничной форме прокомментировал заметки немецких писателей об их путешествии в советскую страну. Трутц написал заметку еще в период жизни в Германии, но она обернулась для него бомбой замедленного действия. «За свою контрреволюционную и троцкистскую деятельность Райнер Трутц приговорен к пяти годам принудительных работ в лагере "Рудник 1" в городе Воркуте», там же заканчивается его жизненный путь. Судьба Трутца-старшего, как и многих таких же вынужденных переселенцев, была predetermined. В попытках избежать наказания со стороны пришедших к власти нацистов, в желании жить мирной жизнью и трудиться, главный герой всего лишь отодвигал момент смерти на неопределенное время. Ведь если представить, что судьба Райнера Трутца сложилась бы по-иному, и он избежал бы смерти в лагере, то его бы депортировали на родину, где его ожидал схожий конец. Ведь «согласно секретному доппротоколу советско-

немецкого договора о ненападении, обе стороны обязались выслать по 1500 эмигрантов» [3, S. 340]. В этих списках значилось и имя Райнера Трутца.

Вопрос вынужденной миграции Хайн раскрывает в образе главного героя Михаэля Трутца. С началом войны началось массовое принудительное выселение немцев, осевших и проживавших в европейской части Советского Союза, в другие районы страны. Депортации подверглась Гудрун Трутц со своим сыном Михаэлем и семья профессора Гейма. Стараниями Лилии обе семьи оказались в местечке Коркино, в 40 км от Челябинска. Здесь они снова переживают мучительный процесс интеграции, сталкиваясь с вопросами национальной принадлежности. «Русские воспринимали их как врагов, называли их гитлеровцами, приверженцами и защитниками немецких фашистов», хотя большинство депортированных – это немцы в пятом поколении, которые не знают ни слова по-немецки. Отрицательное отношение испытывают на себе и дети переселенцев. В школе Михаэля Трутца называют «Адольфчиком» (Adolfschik) или «маленьким Адольфом» (kleiner Adolf). [3, S. 347]. Несмотря на все сложности, Михаэль продолжает занятия по тренировке памяти с Геймом и его сыном Ремом, которые длятся вплоть до того, пока учительскую деятельность бывшего ученого не сочли грубым нарушением. «Назначение приговоренного к пожизненным трудовым работам преступника воспитателем и педагогом нового поколения является антисоветским и преступным» [3, S. 364]. Гейма направляют в лагерь, где «ученый-мнемоник и бывший профессор лингвистического факультета Московского государственного университета <...> умер как каторжник и лесоруб лагеря под Челябинском в возрасте 55 лет, истощенным до 49 кг» [3, S. 365]. Сюжетная линия романа, которая связана с Геймом, несет в себе особый трагикомизм. Ведь произведение представляет собой отчасти чествование всеми забытого исследователя памяти. В таком контексте символичным является и то, что о деле всей жизни профессора Гейма было забыто, а все его труды были уничтожены или потеряны. Единственным человеком, который хранит в памяти все о работе Гейма, был и остается его воспитанник и ученик Михаэль Трутц.

Потеряв родителей, Михаэль в очередной раз испытал на себе нелегкую судьбу вынужденного мигранта, когда после окончания войны его отправляют на историческую родину. Интеграция в Германии проходила нелегко, для всех он был русским. Его выдающиеся способности все помнить и никогда ничего не забывать позволили ему блестяще окончить школу и поступить на исторический факультет в желаемый университет. Даже став студентом, Михаэль не спешит вступать в союз молодежи, из-за чего лишается возможности продолжать обучение по выбранной специальности. В этом вопросе прослеживается некое сходство с главным героем романа «Портрет сына с отцом» (*Glückskind mit Vater*, 2016), Константином Боггошем⁵, который в отличие от Трутца, специалиста по воспоминаниям, не хочет помнить свое прошлое из-за отца-нациста. Эпизодом, связанным с принудительной сменой места учебы, автор критикует сущность тоталитарного государства, где подавляются права и ограничивается личная свобода граждан.

Трутца-младшего по праву можно называть жертвой тоталитарной машины. Если его отец выступал за правду во времена фашизма и сталинизма, то на долю Михаэля отставание правды выпало на период «холодной войны». «И у этой войны есть свои невинные жертвы. Победитель истории пишет историю. Архивы должны предоставлять не просто правду, а *подходящую* (курсив мой – Е.К.) для таких случаев правду», – к такому заключению приходит наставник и коллега Михаэля, архивариус доктор Шмид [3, S. 416]. Но Трутц – борец по натуре и честный человек, он живет в ладу со своей совестью и памятью. В некоторой степени он повторяет судьбу другого хайновского героя⁶, когда при помощи своих способностей устанавливает, что один из действующих высокопоставленных функционеров в прошлом был ярким приверженцем национал-социалистов. Но, как и многих неудобных, докопавшихся до истины представителей интеллигенции, вместо благодарности его ожидает наказание – вынужденная смена работы и переезд в провинцию. На этом неудачи в жизни Михаэля не заканчиваются, они преследуют его и в дальнейшем. Следует отметить, что присутствующий в романе мотив психологической травмы, который автор также использует в романах «Аккомпаниатор», «Чужой друг», «Вилленброк», «Портрет сына с отцом», реализуется в образе главного героя. Так, после 28 лет брака он переживает расставание с женой, которая в качестве главной причины указала способность супруга помнить всё. Он узнает, что друг детства и сын горячо любимого профессора Гейма, связь с которым возобновилась после 48 лет молчания, жестоко убит в своей квартире в Москве. Поэтому предсказуемо, что в конце произведения безутешный Михаэль Трутц пытается заглушить горе водкой. Но ни алкоголь, ни без-

⁵ Константин, будучи одаренным учеником, студентом, не может полностью реализовать себя и свои знания в жизни, имея в личном деле информацию об отце-нацисте. Успешно сдав вступительные экзамены в университет кинематографии, Константин получает письмо из ректората об аннулировании его зачисления без указания причин. Однако в личном разговоре с ректором он узнает, что причиной тому является темное пятно в его биографии. Ректор, будучи послушным исполнителем воли тоталитарной машины, лишь отмечает: «Кто не разоблачает врага, тот будет сам разоблачен как враг» [8, S. 391].

⁶ Речь идет о главном герое одноименного романа «Смерть Хорна» (*Horns Ende*, 1985), который за свои взгляды и свою жизненную позицию был уволен из университета и назначен директором провинциального музея. В одной из бесед со своими оппонентами Хорн отстаивает свою точку зрения по отношению к памяти, созвучную с точкой зрения автора: «Какая жуткая мысль – жить без памяти. Мы бы жили без опыта, без знаний, без духовных и нравственных ценностей. Уничтожьте человеческую память, и вы уничтожите человечество» [9, с. 203].

ропотное смирение не могут помочь ему забыть то, чего изменить уже нельзя. Не менее символичной является причина смерти главного героя. Он умирает от неоперабельной опухоли головного мозга – главного органа памяти. Не случайно Хайн завершает роман о поломанных судьбах нескольких поколений фразой, которую по праву можно назвать квинтэссенцией всего произведения: «Счастлив тот, кто забывает то, что невозможно изменить» [3, S. 477]. Как верно заметил обозреватель немецкого журнала *Spiegel ONLINE* К. Бусс: «Роман о воспоминаниях в XX веке может быть только трагедией» [10].

Заключение. Основой для осмысления проблемы памяти в романе К. Хайна «Трутц» становятся вопросы вынужденной миграции в контексте двух сложившихся тоталитарных систем. Одной из форм репрезентации мотива памяти автор избирает образ семьи. На примере жизни двух семей, советской и немецкой, Хайн остро критикует механизмы, составляющие основу любого тоталитарного режима: подавление свободомыслия и гласности, ограничение прав и личной свободы граждан, переоценка всех видов искусства с целью массовой манипуляцией народом, развитие доносов, чистки и репрессии.

В философско-эстетическом фокусе писателя находится тема насилия над личностью, раскрывающаяся через мотив психологической травмы. Основной художественный конфликт романа разворачивается в рамках оппозиции «свой» – «чужой» и связан с вынужденной миграцией как историческим и национальным явлением. В произведении показано, что процесс интеграции вынужденных переселенцев – явление сложное, сопровождаемое многочисленными проблемами (языковой барьер, отсутствие образования) и протекающее на протяжении нескольких поколений.

В романе присутствуют повторяющиеся мотивы и сюжетные линии, особое место отводится символам (звуки «Реквиема» и вальса, водка). Роман создан в реалистической манере письма, чему способствует композиционное построение произведения, привлекая внимание читателя и обеспечивая эффект достоверности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Hein, C. Die Zeit, die nicht vergehen kann oder Das Dilemma des Chronisten. Gedanken zum Historikerstreit anlässlich zweier deutscher vierzigster Jahrestage / C. Hein // Die Mauern von Jerichow: Essays und Reden / C. Hein. – Berlin : Aufbau Taschenbuch Verlag, 1996. – S. 9–40.
2. Hammer, K. Chronist ohne Botschaft. Christoph Hein. Ein Arbeitsbuch, Materialien, Auskünfte, Bibliographie / K. Hammer. – Berlin und Weimar : Aufbau, 1992. – 316 S.
3. Hein, C. Trutz / C. Hein. – Berlin : Suhrkamp, 2017. – 478 S.
4. Wieland, R. «Trutz» von Christoph Hein [Elektronische Ressource] / R. Wieland // Gespräch mit Christoph Hein. – 04.10.2018. – Zugriffsmodus: https://www.youtube.com/watch?v=bZm_YwPhIvw. – Freigabedatum: 26.03.2017.
5. Hügler, M. Das blaue Sofa [Elektronische Ressource] / M. Hügler // Gespräch mit Christoph Hein. – 05.10.2018. – Zugriffsmodus: <https://www.youtube.com/watch?v=vQlmlslz4rk>. – Freigabedatum: 27.03.2017.
6. Гордеёнок, Т. М. Осмысление проблемы вынужденной миграции в романе К. Хайна «Захват земли» / Т. М. Гордеёнок, Е. В. Кузнецик // Вестник Полоцкого гос. ун-та. Сер. А, Гуманит. науки. – 2016. – № 10. – С. 2–7.
7. Гордеёнок, Т. М. Осмысление проблемы исторической правды в романе К. Хайна «Смерть Хорна» / Т. М. Гордеёнок // Вестник Полоцкого гос. ун-та. Сер. А, Гуманит. науки. – 2012. – № 2. – С. 23–27.
8. Hein, C. Glückskind mit Vater / C. Hein. – Berlin : Suhrkamp, 2016. – 527 S.
9. Хайн, К. Смерть Хорна. Аккомпаниатор / К. Хайн ; пер. с нем. Б. Хлебникова. – М. : Радуга, 1991. – 408 с.
10. Buß, Ch. Hitler, Stalin und der kleine Trutz [Elektronische Ressource] / Ch. Buß // Zeit Online. – 04.10.2018. – Zugriffsmodus: <http://www.spiegel.de/kultur/literatur/trutz-von-christoph-hein-ueber-eine-biographie-zwischen-hitler-und-stalina-1140568.html>. – Freigabedatum: 29.03.2017.

Поступила 07.10.2019

THE MOTIF OF MEMORY IN C. HEIN'S TRUTZ

K. KUZNECHYK

The analysis of the historical originality of C. Hein based on the "Trutz" (2017) novel is carried out. The main conflict, "friend" – "foe" opposition, is represented by forced migration in two totalitarian systems, fascism and Stalinism. Dealing with the past is the most important point of the writer's aesthetic program. C. Hein sharply criticizes the essence of totalitarian states, the mechanisms of manipulation and suppression of citizen's personal freedom. The study subject is the memory motif, which is realized through the image of the family. There are repeating motifs, images (the motif of trauma, memory, the image of the family) and author's techniques (emotional-semantic nuance of the name, using of symbolism).

Keywords: German literature after reunification, history of Germany, forced migration, "friend" – "foe" opposition, integration, motif of memory, motif of trauma.

УДК 82.0

ФОРМЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ АНТРОПОМОРФНЫХ ОБРАЗОВ-ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

А.С. АЛЬШЕВСКАЯ
(Белорусский государственный университет, Минск)
77schevskaia@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению основных форм репрезентации антропоморфных образов-представлений персонажей-нелюдей. Данные образы-представления могут выступать как самостоятельное явление либо как составная часть антропоморфного образа-персонажа. Степень антропоморфности статичной формы репрезентации может варьироваться: быть полной (антропоморфы), средней (зооморфизированные антропоморфы) либо частичной (антропозооморфные и антропофитоморфные гибридоморфы, антропоморфизированные зооморфы). Антропоморфный образ-представление может иметь как постоянный (мономорфы), так и временный характер воплощения, свойственный динамичным формам репрезентации таких полиморфов, как биморфы и метаморфы, причем у последних антропоморфной может быть как первоформа, так и псевдоформа.

Ключевые слова: антропоморфизм, антропоморфные образы-представления, морфность (форма репрезентации), антропоморфы, зооморфизированные антропоморфы, антропоморфизированные зооморфы, антропозооморфные гибридоморфы, антропофитоморфные гибридоморфы, антропоморфная первоформа активных метаморфов, антропоморфная псевдоформа активных метаморфов, антропоморфная репрезентация биморфов.

Введение. Проблема классификации сверхъестественных существ (персонажей-нелюдей) существует давно, но в эпоху постмодернизма необходимость анализа особенностей трансформации фольклорно-мифологических персонажей в литературе делает данный проблемный вопрос еще более актуальным. Цель данной статьи – рассмотреть основные формы репрезентации антропоморфных образов-представлений персонажей-нелюдей.

Основная часть. Достаточно часто понятие «образ» подается как синоним понятия «персонаж», но это не одно и то же. Л. Чернец в статье «Виды образа» разграничивает образы-представления и образы-персонажи [1, с. 37] (или просто персонажи). Чтобы понять разницу, необходимо ввести такие понятия, как «план выражения» (представление о внешнем облике персонажа, форма репрезентации которого может быть антропоморфной, зооморфной, фитоморфной), и «план содержания».

«Антропоморфизм – наделение материальных и идеальных объектов, предметов и явлений неживой природы, животных, растений, мифических существ человеческими свойствами – физическими, психическими, интеллектуальными качествами, а зачастую и гендерными признаками» [2, с. 90]. Так, обязательным условием существования антропоморфных образов-персонажей является наличие антропоморфного плана содержания, то есть антропоморфные персонажи – это персонажи антропоморфные по своей сути (например, наличие человеческих черт характера и т. п.). Отметим, что образы-представления в одних случаях являются составной частью антропоморфного образа-персонажа (антропоморфного персонажа), а в других антропоморфизм не затрагивает внутренней сущности. В таком случае можно говорить только об антропоморфных образах-представлениях, иначе говоря, об антропоморфном внешнем облике. Именно такие антропоморфные образы-представления рассматриваются в данной статье.

План содержания может совпадать или не совпадать с формой репрезентации (представления) образа. В качестве примера можно рассмотреть следующие загадки. Так, «Сидит дед, // Многим платящем одет; // Кто его раздевает – // От радости слезы проливает» [3, с. 118] – это лук, а «Сидит девица // В темнице, // А коса – наружи» [3, с. 122] – морковь. Как видим, форма репрезентации антропоморфная, но антропоморфизм в данном случае не затрагивает внутренней сути: это просто овощи. Данный феномен обусловлен жанровыми особенностями. Загадка – это всегда «иносказательное описание предмета или явления, которое нужно отгадать» [4, с. 54], следовательно, в загадках форма репрезентации (план выражения) и план содержания всегда не совпадают. В данном случае антропоморфные образы-представления выступают как самостоятельное явление. Но чаще подобные образы-представления являются составной частью антропоморфного персонажа.

Фольклорно-мифологические персонажи, за редким исключением, имеют такую характеристику, как морфность (форма репрезентации). Морфность (греч. *morphe* – вид, форма) – внешний вид, форма, которой обладает мифологическое существо или персонаж в фольклоре и литературе (антропоморфной, зооморфной и т. д.). Причем относительно антропоморфных образов-представлений, как и относительно антропоморфных персонажей, можно говорить о наличии разной степени антропоморфности. Например, антропоморфность облика может быть как частичной (гибридоморфы), так и полной (антропоморфы). Антропоморфный образ-представление может носить как постоянный характер, свойственный мономорфам (от греч. *monos* – один, единственный) – персонажам, обладающим только одной формой репрезен-

тации своего образа-представления, так и временный характер, свойственный динамичным формам репрезентации полиморфизма – метаморфом и биморфам: отличие лишь в том, что метаморфы имеют способность принимать какой угодно облик, а биморфы могут только поочередно сменять строго определенный зооморфный облик на строго определенный антропоморфный, и наоборот.

Наибольшей степенью антропоморфности обладают такие мономорфные репрезентации как антропоморфы (от греч. *anthropos* – человек и *morphe* – форма, вид) – различные существа и явления природы, которые предстают в человеческом облике. Антропоморфными являются нимфы в греческой мифологии, которых, как правило, изображали в образе прекрасных полуобнаженных девушек. В славянской мифологии такой облик принимали русалки, в которых превращаются утопленники, также представляющие в виде красивых девушек (иногда – уродливых старух). Это также и мальчик-с-пальчик в русском фольклоре, и великаны в мифологии и фольклоре различных народов, музы в греческой мифологии – богини поэзии, искусств и наук. В славянской мифологии и фольклоре это Морозко, Снегурочка, в германском – фрау Холле (сказка «Госпожа Метелица» братьев Гримм).

Самыми популярными в современном русскоязычном фэнтези являются такие антропоморфные персонажи волшебной сказки, как Баба-яга и Кощей Бессмертный. Если в народных сказках Яга предстает как безобразная старуха с костяной ногой, то, например, в романе В. Жарикова «Четырнадцатое, суббота», в повести братьев А. и Б. Стругацких «Понедельник начинается в субботу» и др. ее изображение становится более реалистичным: она подается просто как древняя старуха. Помимо подобного демонического образа Бабы-яги появляется и эстетически прекрасный – идеализированный образ молодой Яги (в повести А. Аливердиева «У Лукоморья» и в рассказе А. Гравидского «Ягодка»), демонически красивый – промежуточное сочетание демонического и эстетически прекрасного (А. Белянин «Черный меч царя Кощея», В. Князева «Медное царство», В. Качан «Юность Бабы-яги»), а от человека её отделяет лишь умение колдовать. Если в народных сказках Кощей – тощий, костлявый старик, похожий на скелет, то в русском фэнтези XXI в. он теряет свою бессмертность, приобретает жизненный цикл обычного человека, с чем связано появление образа молодого Кощея в романах Е. Никитиной («А что вы хотели от Бабы-яги», «Баба-яга Бессмертная») и романе О. Громыко «О бедном Кошее замолвите слово». Как видим, данные персонажи хотя были и остаются антропоморфными, но степень очеловечивания (антропоморфности) их портретной характеристики возрастает.

Антропоморфными являются многие абстрактные понятия, например, время. В греческой мифологии время персонифицировал Кронос, а также со временем ассоциировался Двуликий Янус, смотрящий одновременно в прошлое и будущее. Носителями культа времени выступали и низшие божества – мойры у греков, парки у римлян, норны у скандинавов, символизировавшие прошлое, настоящее и будущее.

О. Фрейденберг отмечает, что антропоморфность богов имеет несколько форм: самая ранняя из них – простая антропоморфность, то есть наделение их только человеческой наружностью: можно отнести к антропоморфным образам-представлениям. «Позднее с перерождением мифа, боги наделаются уже не только наружностью человека, но и его природой» [5, с. 112]. В данном случае антропоморфные образы-представления – составная часть антропоморфных персонажей. Например, в поэме К. Вереницына «Тарас на Парнасе» боги выступают как пародия на помещиков, Иешуа в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» также изображается автором в большей степени человеком и т.д.

Если говорить о фольклоре, то антропоморфное время представлено в сказке «Василиса Прекрасная» в виде трех всадников, причем каждый из них является персонифицированным представлением определенного времени суток: утро – всадник в белой одежде, день – в красной, ночь в черной. В словацкой народной сказке «Двенадцать месяцев» антропоморфные месяцы года различаются между собой возрастом: весенние месяцы самые юные, а зимние самые старые. В драматической поэме Я. Купалы «Адвечная песня» персонификации подвергаются поры года: весна, лето, осень, зима. В данном случае это антропоморфные образы-представления. А в сказке И. Шурко «Секундочка» секунды, минуты, час, день, месяц, год и т. д. – антропоморфные персонажи. Они отличаются друг от друга возрастом и имеют гендерные различия. Так, если Пятый час еще мальчик, то Век предстает седовласым старцем, а Эра – старухой и т. д. Они состоят между собой в родственных взаимоотношениях, например, День и Ночь – родители Пятого часа. У каждого есть свои особенности и интересы: Год любит поспать, Май играет на свирели и т. п.

К антропоморфным образам-представлениям относятся плотники, за одну ночь строящие чудесный дворец, а также садовники, сажающие чудесный сад. Например, в русской народной сказке «Чудесный ящик» двадцать четыре молодца из волшебного ящика строят по приказу главного героя целое царство. Как видим, они представляют собой антропоморфизированные орудия труда.

В белорусской литературе ярким примером антропоморфных образов-представлений являются антропоморфные репрезентации образа Беларуси. Самый известный – это образ Плачки в прозаическом сборнике Я. Барщевского «Шляхціц Завальня, або Беларусь у фантастычных апаваданнях». Плачка – женский призрак, плачущий в местах, оставленных людьми, на кладбище или на поле боя. В Коваленко считал, что в «аллегорическом образе Плачки нетрудно узнать Беларусь. Глаза постоянно в печали, она часто изображается в одежде деревенской девушки с венком на голове, появляется только на белорусской земле, сочувствует угнетенным» [6, с. 86]. В противоположность ученым, которые склонны видеть в образе Плачки образ матери-Беларуси, Т. Шамякина высказывает мысль, что «в книге действует душа

всей страны – Плачка» [7, с. 110], так как «морфема «КА» в древности как раз и означала душу покойника, которая остается рядом с его телом» [7, с. 110].

Образ Родины у многих писателей неразрывно слит с образом матери, например, в поэме Я. Купалы «Гарыслава», в стихотворении М. Богдановича «Пагоня» и др. И. Бурделева в книге «Нарысы па гісторыі беларускай літаратуры XIX – пачатку XX стагоддзяў: майстры, плыні, традыцыі» [8] отмечает, что в творчестве Я. Купалы движение истории Беларуси от славы через упадок к возрождению связано с тремя временными измерениями: прошлым, настоящим и будущим. Славное прошлое предстает в образе владычицы-княжны, нынешний упадок страны в виде мученицы-княжны, а мечту о светлом будущем Беларуси он рисует через образ Невесты-Молодой. В поэме Я. Купалы «На куццо» мы видим две ипостаси Родины: «старая Беларусь – благородная владычица-княжна, ее мы видим на посту во время торжественной куты; сегодняшняя Беларусь – мученица-княжна, о ее возрождении в грядущем пророчит князь» [8, с. 128].

«На осмыслении контраста между историческим прошлым и настоящим основано стихотворение Я. Купалы «Суды». Поэт не употребляет в стихотворении слово Беларусь, но именно она, Родина, предстает в этом произведении в двух временных пластах, Беларуси старой и Беларуси сегодняшней» [8, с. 120]. Суд над Беларусью ведут персонифицированные образы зла: судья – ночка темная, свидетель – обида забываемая, стража – сон и изломы. Автор рисует старую Беларусь в персонифицированном образе Владычицы-княжны: наряды на ней золотистые, корона-венец, престол. «После суда начинается новый этап истории, а Беларусь имеет все «атрибуты невольницы (оковы стальные), нищенки (нищий наряд) и мученицы (намитка терновая)» [8, с. 120].

Молодая Беларусь у Я. Купалы предстает в образе невесты. «Свадьба – исторический триумф нации, праздник молодой, невесты, ... перспектива возрождения» [9, с. 95], – отмечает П. Васюченко. Этот взгляд разделяют и другие ученые: «У Купалы Молодая – это Беларусь, а Жених – те освободительные силы, что принесут ей долгожданную независимость, сделают ее настоящей хозяйкой своей судьбы и своего дома» [10, с. 103], – пишет Г. Тычка. Так, в поэме «Безназоўнае» Я. Купала отражает процесс возрождения страны, который поэт сравнивает с обрядами помолвки и свадьбы: невеста, символизирующая Беларусь, становится хозяйкой в своем доме: «Беларусь на куце // Ё хаце сваёй села, – // Пазірае смела» [11, с. 112].

В фантастическом романе украинских писателей М. и С. Дяченко «Vita Nostra» (vita – жизнь; postra – наша) обыгрывается утверждение о том, что «весь мир – это текст», а, следовательно, «и люди в нем – слова, части речи...» [12]. Так, главная героиня романа Саша Самохина попадает в институт, в котором все «преподаватели .. – функции и правила в человеческом обличье» [12]: например, Коженников – грамматическое правило, Портнов – учебник. После сдачи госэкзамена студенты также теряют свою человеческую сущность: они «перестают быть людьми и превращаются в слова» [12]: одни – в прилагательные, другие – в существительные или в глаголы и т.п.

Обычно говорят о наличии таких «чистых» форм репрезентации мономорфов, как антропоморфы и зооморфы, но если проанализировать мифологические представления о мономорфных существах, а также их изображения в фольклоре и литературе, то станет ясно, что помимо «чистых» форм репрезентации существуют и менее однородные формы репрезентации мономорфов: антропоморфизированные зооморфы, зооморфизированные антропоморфы.

Необходимо отличать морфизированных мономорфов от гибридоморфов – существ, которые могут одновременно сочетать в себе части тела различных животных, а также части тела человека и животного либо человека и растения. Так, для морфизированных мономорфов характерна целостность доминирующей формы (зооморфной либо антропоморфной), а у гибридоморфов все морфы воспринимаются как составные части.

Зооморфизированные антропоморфы в отличие от антропоморфов всегда имеют черты внешности, которые подчеркивают их нечеловеческую сущность. Так, фейри – общее наименование сверхъестественных существ в фольклоре германских и кельтских народов (эльфы, пикси, брауни, баньши и др.) – всегда можно отличить от человека по какому-либо телесному недостатку: у одних из ртов торчат клыки, у других перепончатые лапы, хвост, но главный отличительный признак – заостренные сверху уши. Правда, зооморфизированный антропоморфный облик у фейри может быть как их единственным мономорфным воплощением (например, у эльфов), так и одной из форм метаморфных репрезентаций.

У многих существ наряду с общими признаками сходства с человеком, как правило, присутствуют признаки, отличающие их от людей. Но в одном случае это может быть громадный рост, как у великанов, или, наоборот, маленький, как у гномов, то есть признаки, которые не выводят их обладателя из числа «чистых» антропоморфов. Но в большинстве своем отличительные черты носят не количественный (например, рост), а качественный характер (например, наличие хвоста, чрезмерная волосатость и др.) Так, крылья у ангелов и у антропоморфного бога любви Купидона (Амура), рога, копыта и хвост у чертей, заостренные уши или тонкие крылышки (в сказке Х.К. Андерсена «Дюймовочка») у эльфов.

Антропоморфизированные зооморфы – персонажи-животные в фольклоре и литературе, антропоморфные по своей сути. Так, если персонаж по своей внутренней сущности можно отнести к антропоморфным, а внешне он существо зооморфное, то внутренняя сущность накладывает определенный отпечаток и на его внешнюю форму: внутренняя сущность персонажа антропоморфизует читательское представление о зооморфных персонажах. В результате антропоморфных персонажей-животных в народных анималистических сказках, а также некоторых персонажей жанра фэнтези (например,

Змея/Дракона) и научной фантастики и т.п. будет правильным отнести с точки зрения их морфности (формы репрезентации) к антропоморфизированным зооморфам.

Данное явление связано с тем, что специфика способов изображения в литературе состоит в том, что словесные картины (изображения) являются невещественными, то есть «в литературе присутствует изобразительность (предметность), но нет прямой наглядности изображений» [13, с. 62]. В результате «художественный текст предстает как воплощение определенной программы воздействия» [1, с. 500] на читателя. Именно с этой особенностью литературы связана возможность антропоморфизации портрета персонажа-животного в читательском представлении.

Отметим, что «природный объект «очеловечивается», когда его наделяют признаками, необходимыми в данной культуре, чтобы отнести его к категории «человекоподобных» [14, с. 233]. Так, в повести-притче Дж. Оруэлла «Скотский уголок» свиньи перенимают привычки и нормы поведения людей: они переезжают жить в дом своего бывшего хозяина, надевают на себя его одежду, начинают ходить на задних ногах, есть из сервиза и т.п. Полная внешняя антропоморфность персонажей-животных может возникнуть только в результате внешних метаморфоз, вызванных магическим воздействием. В романе-памфлете «Остров пингвинов» А. Франс описывает превращение пингвинов в людей: «клюв превратился в рот, <...> крылья преобразились в руки, а лапы – в ноги» [15, с. 183].

Заметим, что антропоморфные образы-персонажи – персонажи антропоморфные по своей сути, то есть обязательно наличие для них антропоморфного плана содержания (черты характера, социальный статус и т.п.). Даже если план выражения зооморфный – в анималистических сказках об этом свидетельствует наименование животного («лиса», «волк») – то антропоморфный план содержания оказывает влияние на читательское представление о персонаже.

Как правило, классический портрет персонажа создается на уровне плана выражения: подробного или нет описания черт лица, мимики, жестов, фигуры, одежды. Но создание антропоморфизированного портрета персонажа-животного возникает иным путем. Во-первых, на антропоморфизацию зооморфного персонажа большое влияние оказывает его антропоморфная сущность: он может наделяться определенными человеческими качествами, чувствами и т.п. Во-вторых, антропоморфизация его внешности может осуществляться за счет различных косвенных приемов. Например, антропоморфизации портрета персонажа-животного содействует не наличие описания внешности, а, наоборот, отсутствие описания, подчеркивающего его зооморфный облик. Некоторые сказки, если опустить тот факт, что в них действуют животные, можно воспринимать как рассказы о людях. Так, в стихотворной сказке Р. Кудашевой «Беда петушка» нет характеристик героев, указывающих на их зооморфность, кроме названий-имен (Петушок, Синица). В результате этого читательское представление придает животным антропоморфно-зооморфный облик.

Эффект воздействия на восприятие читателя от отсутствия портретного описания представлен в романе П. Буля «Планета обезьян», где в начале повествования намеренно не дается описание внешности космических путешественников Джин и Филлис, которые читают рукопись главного героя романа Улисса Меру, так как это могло подсказать, что это не люди, а высокоразвитые обезьяны. Это становится очевидным лишь в конце романа, когда Филлис начинает припудривать свою «мордочку самки-шимпанзе» [16, с. 197].

В мультипликации, киноиндустрии, изобразительном искусстве, рекламе антропоморфизированный образ животного создается в визуальной форме за счет одежды, элементов прически, прямохождения, восприятия передних лап по аналогии с человеческими руками. Например, Змей часто изображается сказочниками «в виде всадника, а не дракона». Е. Рачев – советский художник-анималист, изображал животных одетыми в национальные костюмы, в окружении предметов человеческого быта. Подобное антропоморфизированное изображение зооморфных персонажей воспринимается зрителями как вполне естественное, так как соответствует их собственным представлениям. Но в том случае, если бы художники или мультипликаторы изобразили в антропоморфизированном виде, например, собаку из рассказа А. Чехова «Каштанка», представление внешности о которой не было подвергнуто антропоморфизации в данном произведении, то подобная иллюстрация вызвала бы ощущение диссонанса между представлением о герое-животном и его зрительным воплощением.

Портретные характеристики персонажей-животных в народных анималистических сказках могут содержать детали внешности, указывающие на их зооморфность (наличие хвоста у лисы), что, как и зооморфное наименование, уменьшает степень антропоморфизации их облика. Например, в литературных произведениях, где антропоморфизм предстает на уровне антропоморфного мироустройства мира животных, где под ними не подразумеваются люди, именно постоянное напоминание о зооморфных чертах их облика подчеркивает, что это звери. Так, в повести-сказке «Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями» С. Лагерлеф подчеркивает, что у гусыни «из-под перьев кости торчат, а крылья точно кто-то обгрыз» [17, с. 120]. В результате становится невозможным восприятие читателем ее крыльев по аналогии с человеческими руками. В качестве примеров изображения неантропоморфизированных внешне зверей можно привести сказку Р. Киплинга «Маугли», повесть В. Медведева «Баранкин, будь человеком!».

Единственная составляющая классического портрета, которая сохраняется при создании антропоморфизированного облика персонажа-животного, – это описание одежды. Одежда может являться маркером как гендерной, так и социальной принадлежности: так, в пьесе С. Маршака «Кошкин дом» кошка

одевается, как барыня: «На ногах сапожки, а в ушах сережки» [18, с. 151]. В сказке М. Салтыкова-Щедрина «Орел-меценат» попугаев «наряжают скomorоxами».

Отметим, что имя персонажа работает чаще всего на его антропоморфизацию или зооморфизацию. Персонаж может иметь человеческое имя, фамилию (крокодил Гена, кот Матроскин), что работает на антропоморфизацию представления о нем. Наименование персонажа также указывает на его гендерную принадлежность, причем это происходит независимо от того, человеческое это имя или наименование животного. Так, лиса воспринимается как представительница женского рода, а кот – мужского.

Показ быта, обстановки, которая окружает персонажа, также не позволяет читателям воспринимать данных персонажей в чисто зооморфном виде. Чем больше деталей, подчеркивающих человеческий быт, тем больше степень антропоморфизации персонажей. Например, в литературно обработанной братьями Гримм сказке «Волк и семеро козлят» подробно перечислена мебель, находящаяся в избушке козы: «стол», «кровать», «печка», «шкаф».

Следующее средство создания антропоморфного образа-персонажа – показ поступков, действий персонажа. Так, в сказке Э. Успенского «Трое из Простоквашино» кот Матроскин печет пироги, а пёс Шарик увлекается фотосъемкой. В сказке М. Салтыкова-Щедрина «Орел-меценат» снегирь издает газету «Вестник лесов», а дятел является автором различных исторических исследований.

На читательское представление влияет социальная характеристика персонажа: социальный статус, родственные отношения. Так, в сказке «Кот на воеводстве» кот женится на лисе. Змей в былинах и некоторых сказках, с точки зрения сословной характеристики, – богатый завоеватель, например, в сказке «Про Добрыню Никитича и Змея Горыныча». Если говорить о социальном статусе, то некоторые произведения отражают государственный строй целой страны. В сказке М. Салтыкова-Щедрина «Орел-меценат» представлена крепостническая система России, где орлы – помещики, а вороны – крестьяне. В романе П. Буля «Планета обезьян» представлено антропоморфизированное обезьянье общество, которое по своей структуре, типу общения между отдельными классами и индивидуумами похоже на общество людей. Герой-повествователь этого произведения замечает постепенное угасание в своем сознании представления об окружающих как об обезьянах: «все чаще я воспринимал их в зависимости от их профессии или положения в обществе, не думая, что это гориллы, орангутанги или шимпанзе» [16, с. 132]. Следовательно, на антропоморфизацию портрета персонажа-животного большое влияние оказывает его сущность, а также такие косвенные приемы, как отсутствие деталей, указывающих на зооморфную внешность, наличие описания одежды, предметов человеческого быта, деятельности персонажа, характерной для людей, наименования персонажа-животного, социальной характеристики.

В классических научных трудах (например, в книге А.А. Тахо-Годи «Греческая мифология» [19]) существ, представляющих собой смесь «образов живой природы с человеческими формами» [19, с. 24], называются миксантропическими (от древнегреч. *mix* – смешивать и *antropos* – человек) либо антропозооморфными, а чудовищ архаического (доклассического) периода мифологии – тератоморфными («греч. *teras* – чудовище, чудо») [19, с. 22]. Но данные термины имеют определенные недостатки. Во-первых, термин миксантропический содержит в себе недостаточную информацию для характеристики существ, которых он характеризует, так как указывает лишь на смешение чего-то с человеческими формами, но не указывает, с какими именно (зооморфными или фитоморфными). Во-вторых, термин антропозооморфные можно использовать только для наименования существ, представляющих собой смешение антропоморфных и зооморфных форм, а для смешения двух зооморфных (например, химера) он не подходит. Данный термин не пригоден и для наименования существ, являющихся гибридом человека и растения (дерево-женщина, энты). В-третьих, термин *тератоморфные* относительно различных чудовищ также не отражает сути их внешнего вида, так как подобные чудовища могут иметь просто зооморфный облик, а могут представлять собой сочетание частей различных животных.

В данном исследовании мы постарались учесть все недочеты ранее использованной терминологии. И предлагаем использовать для наименования подобных существ термин гибридоморфы (от лат. *hibrida* – помесь). Гибридоморфы – существа, обладающие статичной формой полиморфности: они могут представлять собой одновременное сочетание частей тела различных животных, а также сочетание частей тела человека и животного либо человека и растения. Гибридоморфы имеют три формы репрезентации: антропозооморфные, зооморфные и антропофитоморфные. Но нас, поскольку мы изучаем именно антропоморфные образы-представления, будут интересовать только две формы репрезентации гибридоморфов: антропозооморфные и антропофитоморфные.

Антропозооморфных гибридоморфов в зависимости от характера сочетания антропоморфных и зооморфных частей можно разделить на три подгруппы:

1.1. Наполовину антропоморфны, наполовину зооморфны. В греческой мифологии это кентавры – полулюди-полукони, сирены – полуженщины-полуптицы, минотавр – получеловек-полубык. В древнекитайской мифологии цзяожэнь – люди-рыбы. В шотландском фольклоре глейстиги – наполовину женщины, наполовину козы и т. п.

1.2. Головы животных, туловище человеческое. В русском фольклоре росوماха – животное с человеческим туловищем, но со звериной головой и лапами, псиглавцы – великаны с собачьими головами. Гаруды в древнеиндийской и буддийской мифологии – «птицы с человеческим туловищем, орлиной головой и когтями» [20, с. 548].

1.3. Голова или лицо человеческое, а туловище животного. Алконост в византийских и славянских легендах – птица с человеческим лицом. Рыба-епископ в фольклоре европейских народов – «существо с телом рыбы и человеческой головой, волосы на которой выстрижены, как у католических монахов» [20, с. 614]. Сфинкс в греческой мифологии – чудовище с телом льва, птичьими крыльями, женской грудью и головой и т. п.

Антропофитоморфные гибридоморфы соединяют в себе части человека и растения. Так, в китайской мифологии говорится о чудесном дереве-женщине: на рассвете на нем рождаются дети, когда солнце восходит, они начинают ходить, а когда солнце заходит – умирают. В романе Дж. Толкина «Властелин колец» это энты (онты) – полулюди-полудеревья. В книге «Принц Каспиан: возвращение в Нарнию» К. Льюиса – это древолуды, которые просыпаются вместе с землёй, когда она решает принять активное участие в событиях мира.

Подобные образы-представления также могут выступать как самостоятельное явление. Так, в классической китайской «Книге гор и морей» Дракон изображается с человеческим лицом. В данном случае можно говорить только о частичной внешней антропоморфности персонажа (его образа-представления), но по своей внутренней сути он не антропоморфен, так как он символизирует «первоначальный мир: когда дракон закрывает глаза, опускается ночь, когда открывает – наступает день» [21, с. 31]. А некоторые гибридоморфные образы-представления являются составной частью антропоморфного персонажа. Например, энты в романе Дж. Толкина «Властелин колец» – раса полулюдей-полудеревьев.

Если гибридоморфы обладают статичной формой полиморфности, то биморфы и метаморфы – это существа, полиморфизм (от греч. *polys* – многочисленный, обширный) которых выражается в том, что мономорфные формы (антропоморфная и зооморфная) не являются застывшими формами, а поочередно сменяют друг друга на определенном временном отрезке, то есть обладают динамичной формой полиморфности. К. Королёв в «Энциклопедии сверхъестественных существ» подобных существ относит к оборотням и дает им следующую характеристику: это «существа, обладающие способностью по желанию менять облик» [20, с.454], иногда оборотнями называют существ, «которым доступны только два облика» [20, с.455], относя таким образом к одному разряду совершенно разные явления.

Ключевое различие биморфов (лат. *binarius* – двойной) и метаморфов (греч. *metamorphosis* – превращение) в том, что метаморфы имеют способность принимать какой угодно зооморфный или антропоморфный облик, а биморфы могут только поочередно сменять строго определенный зооморфный облик на строго определенный антропоморфный, и наоборот. Если в сказке «Иван-царевич и серый волк» внешние метаморфозы, которые претерпевает волк (превращается сначала в Елену Прекрасную, затем в коня златогривого), – присущая ему способность принимать любой необходимый ему облик, то есть является метаморфом, то в сказке «Марья Моревна» оба облика, которые принимают шурины Ивана-царевича Сокол, Орел, Ворон, являются их неотъемлемой сущностью, так как они не могут превращаться в кого угодно, например, в какую-нибудь другую птицу, следовательно, являются биморфами.

Относительно метаморфов можно говорить о наличии двух типов форм их репрезентации (воплощения): первоформа (основная) – форма, являющаяся отражением их истинной сущности; псевдоформа(ы) – все остальные, принимаемые ими формы. Главное то, что у метаморфов все приобретенные в процессе метаморфизации формы не совпадают с их внутренней сутью.

Для метаморфов характерно наличие трех разновидностей формы репрезентации (воплощения): активные метаморфы, пассивные метаморфы и активно-пассивные метаморфы, причем каждый из них имеет свои особенности антропоморфной репрезентации, которые мы и рассмотрим ниже.

Активные метаморфы обладают способностью по своему желанию менять облик. Данная способность является их врожденной и осуществляется посредством их личного желания, стремления. Им не требуется определённого времени суток или фазы луны для превращения, им не нужны специальные ритуалы, обряды, зелья или заклинания. Количество обликов, которые способен принять активный метаморф, как правило, не ограничено.

Если говорить про активных метаморфов, то антропоморфной может быть либо их первоформа, либо псевдоформа.

Антропоморфная первоформа характерна для представления о богах на стадии их перехода от зооморфных к антропоморфным. В данный период богам были характерны временные их превращения (метаморфозы) в животных. Так, Зевс превращается в быка для похищения дочери тирского царя Агенора – Европы, а в образе лебедя предстает перед Ледой и т.п. В славянской мифологии, как правило, водяной внешне похож на человека – старика с длинной зеленой бородой, но он может прикинуться бревном, рыбой или каким-либо другим животным. В сказках подобные превращения персонажи используют чаще всего для удобства перемещения: герой или героини ударяются оземь, оборачиваются некоей птицей (лебедью белой, соколом и т.д.) и улетают.

Антропоморфная псевдоформа характерна для самых известных активных метаморфов в христианской традиции – демонов и бесов, которые меняют свой облик, чтобы им легче было оказывать влияние на людей. Бесы, например, могут принимать и обличье ангелов (зооморфизированные антропоморфы), и превращаться в того или иного человека. В сказке «Иван-царевич и серый волк» волк может превращаться не только в зооморфное существо (коня златогривого), но и принимать антропоморфный облик – превращается в Елену Прекрасную.

Пассивные метаморфы отличаются тем, что временные, обратимые внешние метаморфозы – это не добровольный акт либо личное желание человека, а результат внешнего воздействия на него, например, с помощью колдовства. В итоге человек может обратиться в какое-либо существо (белая утка в одноименной сказке, козленочек в сказке «Сестрица Аленушка и братец Иванушка, лебеди в сказке Х.К. Андерсена «Дикие лебеди», медведь и королек в сказке братьев Я. и В. Гримм «Белоснежка и Алоцветик») или предмет (Щелкунчик в повести-сказке Э.Т.А. Гофмана «Щелкунчик и мышинный король», в русской народной сказке «Елена Премудрая» солдата превращают в булавку).

Как видим, в качестве псевдоформы в данном случае выступают как зооморфные, так и объектоморфные репрезентации (превращение в предмет). Что касается первоформы, то её нельзя считать в данных случаях антропоморфной, так как антропоморфным является только тот персонаж, который имеет человеческую внешность либо социальный статус, черты характера, но не является человеком. А все перечисленные выше персонажи являются людьми, а не антропоморфными существами. Причем данные персонажи даже после приобретения ими зооморфной либо объектоморфной формы репрезентации сохраняют своё человеческое сознание и восприятие окружающего мира. Более того, для пассивных метаморфов свойственен обратимый метаморфизм: возможность возврата в первоначальную форму – человеческую.

Если превращение необратимое, то это уже не пассивный метаморфизм, а отражение процесса перехода из одной мономорфной формы репрезентации в другую. Как правило, при необратимом превращении изменению подвергается не только внешность, но и суть персонажа. Например, медведь в пьесе Е. Шварца «Обыкновенное чудо», пингины в романе А. Франса «Остров пингинов», а также русалка в сказке Х.К. Андерсена «Русалочка» превращаются в людей. Как видим, антропоморфной является приобретенная форма репрезентации. Хотя они и становятся людьми, но их первоначальная нечеловеческая сущность, можно сказать, их прошлая жизнь, иной, чем у обычных людей жизненный опыт, не позволяет относить их к миру людей, можно говорить только об их полной степени антропоморфизации. Приобретенная антропоморфность характерна для представления о творении человека из определенных материалов: «боги, демиурги или культурные герои создают первых людей из самых разнообразных материалов: костяка животных, орехов, из дерева» [22, с. 87]. Например, сотворение богом Адама «из праха земного» [22, с. 87], создание Пигмалионом Галатеи из слоновой кости и оживление ее Афродитой. В народной сказке «Мальчик-с-пальчик» мальчик «нарождается» из части тела (отрезанного пальца старухи).

Промежуточный тип метаморфов – активно-пассивные метаморфы, у которых, с одной стороны, приобретение определенного облика является добровольным и целенаправленным актом, что свидетельствует о наличии активного начала, а с другой стороны, для подобных внешних метаморфоз им необходимо осуществлять определенные ритуальные действия, что подчеркивает пассивный характер данного процесса. К этому типу следует отнести колдунов и ведьм, а также иных людей, превращающихся по мере необходимости на время в животных. Например, согласно преданиям, для того чтобы стать оборотнем «нужно прийти в лес, отыскать гладко срубленный пень, воткнуть в него нож, произнести заклятие и перекувырнуться через этот пень» [20, с. 455]. Представителей данного типа, как и пассивных метаморфов, не следует относить к антропоморфам, так как ведьмы и колдуны – носители магии, сверхъестественной силы, но сами при этом сверхъестественными существами не являются: «это обычные люди, склонные к дурным делам и по этой причине избранные демонами (или дьяволом) в качестве проводников своей воли» [20, с. 484].

Относительно биморфов, как и метаморфов, можно говорить о наличии трех разновидностей форм репрезентации (воплощения): активные биморфы, пассивные биморфы, активно-пассивные биморфы.

Активные биморфы обладают способностью поочередно принимать два облика, каждый из которых является их неотъемлемой сущностью, причем смена облика носит целенаправленный характер. Данная форма биморфизма относительно соотношения зооморфной и антропоморфной формы может быть двух видов: симметричный и ассиметричный биморфизм.

При симметричном биморфизме нельзя определить, какая из двух возможных форм репрезентаций образа персонажа доминирует: формы являются равноправными по отношению друг к другу. В качестве примеров симметричного биморфизма можно привести Сокола, Орла, Ворона из сказки «Марья Моревна», орла из «Сказки о Василисе Премудрой», из литературных произведений царевну Лебедь из «Сказки о царе Салтане» А. Пушкина.

В рамках литературы происходит трансформация симметричного биморфизма в ассиметричный, вызванная, вероятно, тенденцией к увеличению степени антропоморфности персонажей в литературе по сравнению с фольклором. При ассиметричном биморфизме одна из двух возможных форм репрезентации является доминирующей. Доминирование антропоморфной ипостаси характерно для образа Белой Сороки в прозаическом сборнике «Шляхці Завальня, або Беларусь у фантастычных апавяданнях» Я. Барщевского, которая только иногда наряжается в перья белой птицы, чтобы посещать своих подданных, а также в фантастическом романе О. Громыко «О бедном Кошечем замолвите слово», где Финист, Ворон Воронович – чародеи, превращающиеся при необходимости в соответствующих птиц. Доминирование зооморфного образа биморфов отмечено лишь в фантастическом романе А. Белянина «Черный меч царя Кошечя», где зооморфизация антропоморфной ипостаси выступает в качестве маркера деградации персонажей, которые предстают в произведении как криминальные элементы.

Пассивные биморфы обладают способностью поочередно принимать два облика, каждый из которых является их неотъемлемой сущностью, но катализатором смены формы которых служат внешние по отношению к биморфу факторы (например, воздействие луны) либо внутренние причины, не контролируемые биморфом (сильные эмоции, например, ярость). Приобретенный зооморфный облик становится второй истинной сутью пассивного биморфа, поэтому относительно пассивных биморфов нельзя говорить о наличии псевдоморфы, как у метаморфов.

Так, вервольф в мифах и фольклоре народов Западной Европы – это «оборотень, который по ночам превращается в волка» [20, с. 399]. «Если найти шкуру вервольфа и сжечь ее, то оборотень умрет» [20, с. 399]. Как видим, обе ипостаси биморфа неразрывно связаны между собой. Следовательно, вторая ипостась оказывает влияние и на первую – человеческую, придает ей сверхъестественную природу. По этой причине незооморфную ипостась биморфа правильнее будет считать антропоморфной, поскольку биморф по своей природной сути – это уже не человек.

Пассивный биморфизм может иметь изначальный (врожденный) и приобретенный характер, например, в романе американского писателя Э. Гая «Парижский оборотень», в котором автор фактически сочинил большую часть оборотнической псевдомифологии, например, что оборотнем становятся после укуса другого оборотня (в фольклоре данный мотив отсутствует). А в романе другого американского писателя С. Кинга «Цикл оборотня» оборотнем становится священник в результате магического воздействия на него цветов, собранных им на заброшенном индейском кладбище.

Но есть отдельные случаи, которые носят комбинированный характер. Так, при активно-пассивной форме биморфизма превращение контролируется обладателем, но во время вспышки гнева может произойти произвольно. Так, в серии романов «Сумеречной саги» американской писательницы С. Майер способности превращаться в волков (зооморфная ипостась) имеют некоторые индейцы племени Квилет (антропоморфная – основная ипостась). Данная способность передается генетически. Превращение контролируется обладателем, но во время вспышки гнева может произойти произвольно.

В произведении английской писательницы Л. Кесслер «Правдивая история про девочку Эмили и ее хвост» главная героиня становится русалкой только при падении в воду. Как видим, в последнем случае вторая ипостась – гибридоморфная (антропозооморфная).

Например, в романе В. Пелевина «Жизнь насекомых», а также в романе А. Ким «Белка» вторая зооморфная форма выступает как маркер негативного в человеке. В данных произведениях пассивный биморфизм предстает не как биологическая (природная) характеристика, а является *формой реализации аллегорического иносказания*. Так, в романе «Жизнь насекомых» представлены разные типы людей, предстающих то в человеческом облике, то в виде насекомых, отражающих их истинную сущность: «новые русские», стремящиеся наладить бизнес по продаже крови, – комарами, а отец и сын, для которых весь мир – навозный шар, в виде жуков-скарабеев и т. п. А в романе «Белка» автор изображает мир людей-оборотней, животное перевоплощение которых также показывает их истинную сущность, их вырождение как людей, лишение духовной основы: это люди с моралью свирепых догов, трусливых дворянских и т. п. А в центре повествования находится человек-белка, мучительно переживающий, что не является полноценным человеком, способный принимать человеческий облик только «в минуты особенные». Именно его глазами читатель видит окружающий его мир и людей, в нем живущих: например, «мохнатое семейство бурых медведей: папа нес под мышкой ... бело-розовый матрас, мама, прихрамывая, тянула за лапу хныкающего большелобого медвежонка» [23, с. 460] или «щеголиха-шимпанзе в модной мини-юбке, с кожаной сумочкой на длинном ремешке, перекинутом через плечо» [23, с. 460]. «И я был одним из этих оборотней» [23, с. 460], – замечает повествователь (человек-белка). Как видим, зооморфную ипостась данных персонажей нельзя отнести к категории «чистых» мономорфов: это зооморфизированные антропоморфы, поскольку превращение не затрагивает такие признаки культурного характера, как, например, одежда и т.п.

Многие сверхъестественные существа в разные периоды воспринимались и изображались по-разному. Так, на ранней стадии (в период архаики) боги представлялись зооморфными: многие животные почитались как воплощение определенных богов (медведица как воплощение Артемиды, корова – Геры). Затем боги изображаются уже как активные метаморфы, имеющие антропоморфную первоформу, и лишь в период классической мифологии как антропоморфы.

Заключение. Образы-представления в одних случаях могут выступать в качестве составной части антропоморфного образа-персонажа (антропоморфного персонажа), а в других антропоморфизм не затрагивает внутренней сущности персонажа-нечеловека, то есть антропоморфные образы-представления выступают как самостоятельное явление. Основными формами репрезентации антропоморфных образов-представлений персонажей-нелюдей являются антропоморфы, зооморфизированные антропоморфы, антропоморфизированные зооморфы, антропозооморфные и антропофитоморфные гибридоморфы, антропоморфная первоформа или псевдоформа активных метаморфов, антропоморфная репрезентация биморфов.

Пассивных и активно-пассивных метаморфов, в отличие от активных, не следует относить к антропоморфам, так как все персонажи, относящиеся к данным категориям, являются людьми, временно принимающими иной облик (зооморфный), а не антропоморфными существами. Стоит отметить, что при симметричном биморфизме антропоморфная и зооморфная формы репрезентации равноправны, а при ассиметричном чаще всего в качестве доминирующей выступает антропоморфная репрезентация.

Полной степенью антропоморфности облика среди персонажей-нелюдей обладают только такие мноморфы, как антропоморфы; у метаморфов и биморфов антропоморфный облик носит временный характер, а остальные формы репрезентации антропоморфных образов-представлений содержат в себе какой-либо компонент (чаще всего зооморфный), отдаляющий их от людей (зооморфизированные антропоморфы, антропозооморфные и антропофитоморфные гибридоморфы). Если говорить об антропоморфизированных зооморфах, то антропоморфизация их формы репрезентации происходит на уровне читательского представления об их облике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Введение в литературоведение: учеб. пособие / Л.В. Чернец, В.Е. Хализев, А.Я. Эсалнек [и др.]; под ред. Л.В. Чернец. – М.: Высш. шк., 2006. – 680 с.
2. Большая Российская энциклопедия: в 30 т. / пред. науч.-ред. совета Ю.С. Осипов; отв. ред. С.Л. Кравец. – Т. 2. – М.: Большая рос. энцикл., 2005. – 766 с.
3. Загадки русского народа: Сборник загадок, вопросов, притч и задач / Сост. Д. Садовников. – М.: Современный писатель, 1995. – 400 с.
4. Белокурова, С.П. Словарь литературоведческих терминов / С.П. Белокурова. – СПб.: Паритет, 2007. – 320 с.
5. Фрейденоберг, О.М. Миф и литература древности / О.М. Фрейденоберг. – М.: Наука, 1978. – 800 с.
6. Каваленка, В.А. Вытокі. Уплывы. Паскоранасць: развіццё беларускай літаратуры XIX–XX стагоддзяў / В.А. Каваленка; АН БССР, Ін-т літ. імя Я. Купалы. – Мінск: Навука і тэхніка, 1975. – 335 с.
7. Шамякіна, Т.І. Беларуская класічная літаратурная традыцыя і міфалогія / Т.І. Шамякіна. – Мінск: БДУ, 2011. – 238 с.
8. Бурдзялёва, І.А. Нарысы па гісторыі беларускай літаратуры XIX – пачатку XX стагоддзяў: майстры, плыні, традыцыі: курс лекцый / І.А. Бурдзялёва. – Мінск: МДЛУ, 2009. – 168 с.
9. Васючэнка, П.В. Янка Купала і сімвалізм / П.В. Васючэнка // Беларуская літаратура XX стагоддзя і сімвалізм / П.В. Васючэнка. – Мінск: МДЛУ, 2004. – С. 47–110.
10. Тычка, Г.К. Творчасць Янкі Купалы і традыцыі духоўнай рэгіянальнасці ў польскай літаратуры XIX – пачатку XX стагоддзяў / Г.К. Тычка. – Мінск: УП «Тэхнарэйт», 2001. – 167 с.
11. Купала, Я. Паэмы. Драматычныя творы / Я. Купала. – Мінск: Маст. літ., 1989. – 494 с.
12. Каплан, В. Изгоняющая страх. Марина и Сергей Дяченко. Vita nostra. Роман / В. Каплан // «Знамя» – 2007. – № 10 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://znamlit.ru/publication.php?id=3412>. – Дата доступа: 17.11.2019.
13. Хализев, В.Е. Теория литературы / В.Е. Хализев. – М.: Высш. шк., 1999. – 405 с.
14. Морозов, И.А. Феномен куклы в традиционной и современной культуре (Кросс-культурное исследование идеологии антропоморфизма) / И.А. Морозов. – М.: Индрик, 2011. – 352 с.
15. Франс, А. Остров пингвинов / А. Франс; пер. с фр. В. Дынник. – Алма-Ата: Меуктеп, 1986. – 352 с.
16. Буль, П. Планета обезьян / П. Буль; пер. с фр. Ф. Мендельсона. – М.: Захаров, 2001. – 210 с.
17. Кэрролл, Л. Приключение Алисы в стране чудес; Зазеркалье; Сказки; Маугли / Р. Киплинг; пер. с англ. – М.: Правда, 1989. – 560 с.
18. Маршак, С. Стихи, сказки, загадки / С. Маршак. – Минск: Нар. асвета, 1976. – 192 с.
19. Тахо-Годи, А.А. Греческая мифология / А.А. Тахо-Годи. – М.: Искусство, 1989. – 304 с.
20. Королёв, К. Энциклопедия сверхъестественных существ / К. Королёв. – М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007. – 720 с.
21. Юань Кэ. Мифы Древнего Китая / Юань Кэ. – М.: Наука, 1987. – 86 с.
22. Мифы народов мира: Энцикл. В 2 т. / Под ред. С. А. Токарева. – М.: Большая энциклопедия, 2003. – Т. 1. – 671 с.
23. Ким, А.А. Избранное / А.А. Ким. – М.: Советский писатель, 1988. – 720 с.

Поступила 13.12.2019

FORMS OF REPRESENTATION OF ANTHROPOMORPHIC IMAGES-REPRESENTATIONS

A. ALSHEUSKAYA

The article is dedicated to reviewing the main forms of representation of anthropomorphic images-representations of non-human characters. These images-representations can act as an independent phenomenon or as an integral part of the anthropomorphic image-character. The degree of anthropomorphism of static forms of representation can vary: it can be full (anthropomorphs), medium (zoomorphised anthropomorphs) or partial (anthropozoomorphic and anthropophytomorphic hybridomorphs, anthropomorphised zoomorphs). Anthropomorphic image-representation can have permanent (monomorphs), as well as temporary incarnation character, characteristic of dynamic forms of representation of such polymorphs as bimorphs and metamorphs, with the latter having either primary or pseudo-form as their anthropomorphic form.

Keywords: *anthropomorphism, anthropomorphic images-representations, morphity (form of representation), anthropomorphs, zoomorphised anthropomorphs, anthropomorphised zoomorphs, anthropozoomorphic hybridomorphs, anthropophytomorphic hybridomorphs, anthropomorphic primary form of the active metamorphs, anthropomorphic pseudoform of active metamorphs, anthropomorphic representation of bimorphs.*

УДК 82.0

РОЛЬ И ФУНКЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА В XXI ВЕКЕ

ЛИ ЛУНЬ

(Белорусский государственный университет, Минск)

sb7222@yandex.by

Рассматриваются функции художественного перевода в межкультурной коммуникации, что обусловлено высокой теоретической значимостью данной проблемы, а также низким уровнем ее изученности. Установлено, что художественный перевод имеет важное практическое значение как в сфере культуры и искусства, так и в дипломатии. Определяется, что основной функцией художественного перевода является коммуникативная, однако он также выполняет познавательную, культурологическую, историческую, аксиологическую, развивающую, регулятивную, образовательную функции.

Ключевые слова: художественный перевод, межкультурная коммуникация, функции перевода, диалог культур, переводная литература.

Введение. В современных условиях представляется весьма справедливым высказывание, что одним из основных регуляторов взаимоотношений между странами, одним из важнейших инструментов налаживания отношений в международном масштабе является диалог культур. Именно от степени взаимопонимания и коммуникации разных культур может зависеть мирное разрешение конфликтов, преодоление непонимания между народами, знакомство с иноязычными культурами. Ключевой формой межкультурного диалога является область языкового взаимодействия. Так как контакты в рамках нескольких культур значительно осложняются языковыми барьерами, то важнейшим элементом межкультурной коммуникации становится перевод, т.е. процесс передачи информации оригинала эквивалентным текстом на другом языке. В диалоге культур народов мира, формировании толерантного общества неопределимая роль отводится произведениям художественной литературы, в которых отражаются основные особенности национального менталитета, важнейшие обычаи и традиции, а также образ мыслей и взгляды как на окружающую действительность, так и на взаимоотношения людей. Так, например, в рамках реализации экономико-политического проекта КНР «Один пояс – один путь» предусматривается культурный аспект, одним из направлений которого является выполнение Программы перевода и издания произведений китайской классической и современной литературы [1]. Благодаря данной инициативе китайская литература стала переводиться на все большее количество языков, и носители других культур проявляют к ней все больший интерес [2]. Поэтому переводная художественная литература, в том числе китайская, часто становится предметом исследования филологов различных направлений.

Проблема художественных переводов как условия развития литератур отдельных народов и стран, а также мировой литературы в целом рассматривалась многими исследователями. Теория художественного перевода во второй половине XX в. прорабатывалась Г.Р. Гачециладзе [3], И.А. Кашкиным [4], А.А. Поповичем [5] и др. В большей степени данные труды ориентированы на рассмотрение вопросов общего характера, в том числе выявление принципов, применяемых при художественном переводе, определение критериев их оценки, проблемы воссоздания в переводах национальной специфики и особенностей стиля. Функции художественных переводов также рассматривались авторами, однако весьма поверхностно, более того, значение и роль художественного перевода несколько изменилось в современном мире, где сильны глобализационные тенденции. Более современные авторы также затрагивают вопросы функций перевода, однако чаще всего рассматривают данную проблему односторонне, с позиции какой-либо одной сферы, например, коммуникации [6; 7; 8], образования [9], дипломатии [10] и др. Есть также работы более обобщающего характера [11; 12; 13], тем не менее, ни в одной из них функции перевода не рассматриваются системно. Более того, перевод чаще рассматривается в целом, т.е. как средство прямой коммуникации (коммуникант-1 – коммуникант-2), в то время как художественный перевод является опосредованной коммуникацией (коммуникант-1 – письменный текст – коммуникант-2).

Обозначенная выше значимость переводных художественных текстов в развитии культуры и воспитании общества, а также недостаток исследований в данной сфере обуславливают актуальность рассматриваемой темы. Целью настоящей публикации является определение значения и функций литературного перевода как элемента межкультурной коммуникации. Материалом для исследования выступили научные работы и публикации классических и современных авторов. Основные методы исследования – анализ, сопоставление, систематизация, синтез, обобщение.

Основная часть. Художественный текст являет собой предмет особого интереса для ученых, не смотря на то, что в отличие от научного текста, в первую очередь осуществляющего информативную функцию

и воздействующего на рациональное мышление, несущего новую достоверную информацию, он рассказывает об определенных, часто нереальных, событиях, воздействуя в большей степени на эмоции человека. Ведущей функцией художественного произведения является эстетическая, отодвигающая на второй план информативную функцию, характерную для иных типов текста.

При этом художественный текст все же остается особой формой коммуникации, в процессе которой каждый из участников (автор – читатель) имеет свои цели, обладает собственными наборами коммуникативных навыков, разными культурными и коммуникативными знаниями. Именно ввиду того, что автор и читатель художественного произведения могут обладать крайне разными коммуникативными факторами (языковые, культурные и иные знания), в процессе художественной межкультурной коммуникации принимает участие переводчик, выступающий своего рода посредником.

Таким образом, мы можем видеть, что основная функция перевода – *коммуникативная*, т.е. обеспечение эффективной коммуникации между автором и читателем. Применительно к художественному тексту это значит, что перевод должен обеспечить понимание иностранным читателем авторского текста в той мере, в которой его может понять читатель оригинального текста. Так как читатель переводимого текста весьма далек от образа идеального реципиента текста оригинала (социальными и культурно-ценностными параметрами), то в таком случае переводчик должен адаптировать текст под параметры читателя. При этом следует отметить, что полное совпадение концептуальных систем (автора, переводчика, читателя) ввиду их уникальности принципиально невозможно, соответственно, понимание авторского текста, тождественное авторскому замыслу, недостижимо, однако это не отменяет возможности эффективной межкультурной коммуникации [11, с. 97].

Рассматривая художественный перевод как один из типов текста, следует отметить, что он также выполняет ряд других важных функций, которые перекликаются с функциями текста в целом. Рассмотрим их более подробно.

1. **Познавательная функция** позволяет переводу расширить границы знаний реципиента, познакомиться с особенностями жизни людей в других странах, их нравами и обычаями, а также иными предметами и явлениями, недоступными читателю в условиях его культурной реальности [12, с. 27]. Также, как одна из форм коммуникации культур, художественный перевод позволяет осознать культурную идентичность [7, с. 7–8].

Данная функция обусловлена тем, что текст представляет собой носитель культурного кода, языковой материал которого накапливает специфическую для определенного социально-взаимодействующего коллектива информацию, что отражается в специальной лексике, фразеологии и других пластах языка. Именно эти языковые единицы играют наибольшую роль при реализации познавательной функции, поскольку от их понимания зависит успешность коммуникации, соответственно, глубина усвоения новой информации.

При этом при реализации названной функции могут возникать определенные барьеры. Исследователи пишут о двух типах межкультурных барьеров. Во-первых, это «сопротивление принимающего языка, коммуникативного пространства» [8, с. 223]. Во-вторых, это сопротивление оригинала переводу на уровне лексики и стиля. Основная сложность воссоздания оригинала заключается в глубине контекста: «Чем больше глубина контекста, тем меньше текст поддается переводу» [8, с. 223]. Важны также этноцентричность восприятия, ментальность нации и отражение соответствующих реалий национальной культуры, т.е. своеобразие обычаев, норм поведения, традиций.

2. **Культурологическая функция** предполагает, что перевод распространяет уникальную самобытность культуры определенного народа, обогащает и развивает их посредством заимствования у других народов. Это обусловлено тем, что перевод делает переводное произведение какого-либо автора достоянием всего человечества, тем самым пополняя мировую сокровищницу литературы. Соответственно, современные национальные культуры, ввиду развития глобализационных тенденций, впитывают в себя все новые черты иных культур, что помогает культуре стать современной и передовой.

Так, в задачи переводчика в рамках познавательной функции всходит расшифровка культурных маркеров, их адаптация, что позволяет реципиенту понять текст. В рамках культурологической функции фокус смещается с понимания на сохранение авторских культурных маркеров. В современной теории перевода сохранение специфики оригинала рассматривается как особо важная задача [7, с. 12]. Однако ряд исследователей, в том числе С. В. Власенко, отмечают, что «перевод не может обеспечить исчерпывающе полного процесса коммуникации в связи с тем, что неизбежна потеря части информации из-за невозможности иметь идентичный культурно-языковой фон всем участникам коммуникативного процесса» [14, с. 92].

Так, достаточно легко осуществляется перевод отдельных слов на другой язык, однако, крайне сложно или даже невозможно перевести предложение, культурологическое содержание которого не совпадает с принимающей культурой, поскольку системы смыслов, уходящих корнями в собственную культуру, не переводимы прямо, а связаны со смысловой интерпретацией и адаптацией [15, с. 262]. Межкуль-

турная коммуникация, смысловая адаптация друг к другу разных культур при переводе художественного текста производится заменой смыслов одной культуры смыслами другой.

3. **Историческая функция** заключается в том, что перевод выступает новой интерпретацией оригинала, соответственно дает его тексту новое измерение, переводит его в иную культурную систему, тем самым текст становится одной из форм существования культуры [7, с. 10]. В связи с этим перевод более ранних образцов литературы становится в некотором роде историческим мостом, соединяющим читателей как с современной культурой, так и с ранее существующей, древней культурой. Все произведения создаются в рамках определенной эпохи, но в то же время они существуют в веках как в среде оригинального языка, так и в переводном языке. Как и оригинал, перевод позволяет нам изучить быт, нравы и настроения общества того времени, когда было написано произведение, литературный язык и идеи прошлых времен. Кроме того, сами произведения по-разному воспринимаются в разные эпохи, так как сменяются настроения, уклад общества и даже язык. Перевод помогает отразить данные перемены, что требует от переводчика высокой компетентности, поскольку разное понимание, восприятие и, конечно, разное толкование одного произведения может быть преодолено лишь глубоким прочтением [12, с. 29].

Один из аспектов названной функции – сохранение культуры в современном обществе. Так как создание произведения неотделимо от окружающей среды, непосредственно связанной с индивидуальным жизненным опытом и семейной средой, в нем отражаются особенности социальной обстановки, что можно рассматривать как способ фиксации и сохранения современной культуры для будущих поколений. Благодаря тому, что язык обладает таким свойством, мы можем изучать особенности древних или далеких культур, о которых у нас нет достаточно полных и надежных сведений. Например, если в памятниках на некотором языке мы найдем различия слов со значением «наследство по закону» и «наследство по завещанию», то мы получим базу для выявления важных фактов относительно наследственного права в соответствующем обществе. При исследовании металлургической терминологии какого-либо из древних языков мы получим представление

о том, какие приемы обработки металла были в то время известны данному народу.

4. **Аксиологическая функция** перевода заключается в том, что он позволяет приобщить читателя к ценностям мировой культуры, продемонстрировать широкий диапазон и богатство культуры речи как языка оригинала, так и языка перевода. Культурная значимость перевода как раз и определяется тем, что он не только упрощает процесс взаимодействия коммуникантов друг с другом, но и обеспечивает обмен культурными ценностями (предметами, идеями, художественными образами и иными элементами культуры). Кроме того, позволяет удовлетворить эстетические нужды человека, служит источником получения знаний, приобретенных человечеством на всем протяжении его развития. В связи с этим перевод как средство обмена культурными ценностями вносит существенный вклад в мировой прогресс. В современную эпоху глобализации мировые культурные контакты получают форму сознательного обмена культурными ценностями и международного сотрудничества, духовно обогащая друг друга. Соответственно, перевод выступает не просто посредником, а творческим посредником в данном процессе [13, с. 161].

5. **Развивающая функция** перевода реализуется на двух уровнях. На более высоком уровне художественный перевод имеет ключевое значение для развития культуры, литературы и языка общения. Так, при переводе поэтических произведений в язык перевода часто вводились новые формы и размеры, которые в дальнейшем начали применять и другие поэты. Например, «Одиссея» долгие столетия являлась для поэтов образцом при создании трагедий и комедий, выступала межкультурным достоянием. Перевод некоторых частей «Свидания» И.С. Тургенева (из «Записок охотника») на китайский язык, в частности описание лесной чащи, вошел в анналы литературы как образец китайской речи. Это было связано с тем, что китайские писатели того времени владели разнообразными выразительными приемами, однако пафоса их речи была неполной; соответственно, вслед за И.С. Тургеневым ими был освоен прием описания рощи в том виде, в каком его предложил русский автор. Чтобы передать глубину пространства, игры света и теней, иными словами, то впечатление, которое производило описание Тургенева на читателя, китайские переводчики и писатели были вынуждены искать в китайском языке средства, позволявшие произвести аналогичное впечатление. Данный пример выступает ярким свидетельством того, что перевод существенно влияет на формирование нового метода творчества писателей, представляющих определенную культуру. Соответственно, перевод оказывает достаточно большое влияние на становление новых методов, приемов в такой сфере духовной деятельности человека, как литература. Заимствования также служат развитию культуры посредством привнесения в нее новых идей, сюжетов, литературных оборотов и выражений [12, с. 29].

На более низком уровне изобразительность и эстетичность переводимого художественного текста оказывает развивающее воздействие на читателя. Такое воздействие можно рассмотреть в трех аспектах:

– чтение перевода художественной литературы усиливает активность эстетического мышления, помогает сформировать эстетические ценности. Тот эмоциональный эффект, который производит переводная литература на личность, побуждает ее к определенным действиям, формирует волю, стремления,

пробуждает интерес к определенной области деятельности, формирует характер личности, взгляды, отношение к действительности;

– прочитанное произведение заставляет думать, размышлять, что влечет за собой процесс оформления литературной речи, влияет на культуру речи личности, благодаря чему речь становится богатой, колоритной, яркой;

– через перевод читатель черпает правила и нормы речи, необходимые в общении с людьми [12, с. 29].

6. **Регулятивная функция** заключается в том, что диалог культур в современном мире является одним из главных регуляторов в международном сообществе. Вся наша планета втянута в диалог культур. При помощи диалога человечество пытается разрешить конфликты, ликвидировать очаги раздора и непонимания, осуществить знакомство с культурами различных народов. Диалогичность мышления человечества, полифония различных мнений, идейных платформ и позиций – основная черта глобализации третьего тысячелетия [6, с. 148]. Именно художественный перевод позволяет читателю почувствовать связь с другими культурами, помогая разобраться в сегодняшнем мире; учит решать конфликты и извлекать уроки истории, расширяет умственный кругозор, оказывая тем самым сильное влияние на мышление и обеспечивая большую эффективность межкультурной коммуникации [12, с. 30].

Кроме того, ознакомление с культурой посредством переводных художественных текстов является прекрасной возможностью для повышения эффективности коммуникации в сфере дипломатии. Так, изучение переводной литературы позволяет познакомиться с обычаями, языковыми и культурными особенностями страны, что, соответственно, позволяет построить эффективное общение и взаимодействие с органами местной власти, не нарушая местных обычаев [10, с. 150].

7. **Образовательная функция** предполагает возможность использования переводного текста как учебного. Анализ художественного текста и его перевода имеет большое значение при обучении иностранному языку. В данном смысле перевод выступает как синергетическое единство, интегрирующее всесторонний анализ иноязычного оригинала и создание художественного текста на родном языке. Все виды анализа (предпереводческий, анализ в ходе перевода и постпереводческий) помогают обогатить иноязычный языковой репертуар студента-филолога, учат его понимать семантические различия внутри системы выразительных средств иностранного и родного языков [9, с. 111].

Заключение. Как мы можем видеть, художественный перевод играет важную роль как в сфере коммуникации культур, так и для развития литературы, дипломатических контактов, воспитания толерантных граждан. В целом литературный перевод выполняет 8 основных функций:

- 1) коммуникативную (обеспечение эффективной передачи информации от носителя одного языка носителю другого языка);
- 2) познавательную (расширение кругозора получателя, его знаний о другой культуре, жизни людей, событиях и явлениях);
- 3) культурологическую (распространение ценностей одной культуры на территории другой культуры);
- 4) историческую (фиксация и сохранение культурной информации);
- 5) аксиологическую (обеспечение обмена ценностями и эстетического удовлетворения);
- 6) развивающую (обогащение литературной практики и формирование новых идей, сюжетов, литературных оборотов и выражений; развитие культуры мышления и речи читателя);
- 7) регулятивную (влияние на эффективность межкультурной коммуникации, в том числе на международном уровне);
- 8) образовательную (применение как средства обучения).

Однако следует отметить, что в разных случаях та или иная функция может доминировать в переводимых текстах. Например, для культур, чьи нормативно-ценностные системы близки, познавательная функция будет менее доминантна по отношению к другим функциям. Тем не менее, для всех текстов будет одинаково значимой коммуникативная функция. Также представляется, что приведенные функции не охватывают полностью роли художественного перевода в современном мире. Возможны ситуации, когда художественный переводной текст будет выступать в иных качествах (например, как средство влияния на мнение, убеждения), однако нами не выявлено упоминание таких случаев в исследуемых источниках. Это свидетельствует о необходимости дальнейшего исследования переводного текста в контексте межкультурной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Инициатива «Один пояс и один путь» способствует углублению китайско-российских отношений [Электронный ресурс] // Посольство Китайской Народной Республики в Российской Федерации. – 2019. – Режим доступа: <http://ru.china-embassy.org/rus/gdxw/t1656101.htm>. – Дата доступа: 17.09.2019.
2. Жу, Ван. Живые страницы [Электронный ресурс] / Ван Жу // Российская газета. – 2019. – Режим доступа: <https://rg.ru/2019/09/29/pekinskaia-knizhnaia-iarmarka-v-knigah-otrazilas-vsia-istoriia-kitaiia.html>. – Дата доступа: 29.09.2019.

3. Гачечиладзе, Г. Р. Художественный перевод и литературные взаимосвязи / Г. Р. Гачечиладзе. – М. : Сов. писатель, 1972. – 264 с.
4. Кашкин, И. А. Для читателя-современника / И. А. Кашкин. – М. : Сов. писатель, 1977. – 560 с.
5. Попович, А. А. Проблемы художественного перевода / А. А. Попович. – М. : БКГ им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 198 с.
6. Исмаилова, Ф. Е. Межкультурно-коммуникативные функции художественного перевода / Ф. Е. Исмаилова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2013. – № 37 (328). – С. 148–150.
7. Межова, М. В. Особенности художественного перевода в структуре межкультурной коммуникации : автореф. дис. ... канд. культурологии : 24.00.01 / М. В. Межова ; Кемер. гос. ун-т культуры и искусств. – Кемерово, 2009. – 24 с.
8. Галинская, И. Л. Художественный перевод как форма межкультурной коммуникации / И. Л. Галинская // Культурология. – 2013. – № 3 (66). – С. 222–224.
9. Шань, Н. Роль художественного перевода как средства обучения иностранному языку / Н. Шань // Иностранные языки в высшей школе. – 2017. – № 1 (40). – С. 111–116.
10. Какичева, А. М. Социально-коммуникативная роль перевода в дипломатических отношениях / А. М. Какичева, Е. В. Краснова // Международный журнал экспериментального образования. – 2016. – № 4. – С. 149–152.
11. Дробышева, Т. В. Перевод художественного текста с точки зрения теории межкультурной коммуникации / Т. В. Дробышева // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. – 2007. – № 2/1. – С. 95–98.
12. Коляда, Н. А. Место перевода в межкультурной коммуникации / Н. А. Коляда // Лингвистика. Лингвокультурология. – 2013. – Т. 6. – С. 27–32.
13. Коляда, Н. А. Переводческая деятельность на современном этапе / Н. А. Коляда // Инновационная наука. – 2015. – № 4. – С. 159–162.
14. Власенко, С. В. Вопросы коммуникативности перевода (научно-аналитический обзор зарубежных публикаций) / С. В. Власенко // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6, Языкознание. – 1993. – № 1. – С. 82–97.
15. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Худ. лит-ра, 1979. – 341 с.

Поступила 24.10.2019

ROLE AND FUNCTIONS OF THE LITERARY TRANSLATION IN THE 21st CENTURY

LI LUN

This article discusses the functions of literary translation in the intercultural communication, due to the high theoretical significance of this problem, as well as the lack of major works on it. The study found that literary translation is of great practical importance both in the field of culture and art, as well as in diplomacy. It is specified that the main function of literary translation is communicative; however, it also performs cognitive, cultural, historical, axiological, developmental, regulatory, educational functions.

Keywords: *literary translation, intercultural communication, functions of translation, cultural dialogue, literature in translation.*

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.161.1'282.4(476) + 811.161.1.37

КОНКУРЕНЦИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ВАРИАНТОВ В РУССКОЙ РЕЧИ БЕЛОРУСОВ
(ПО ДАННЫМ ЭКСПЕРИМЕНТА)¹

канд. филол. наук, доц. **О.С. ГОРИЦКАЯ**
(Минский государственный лингвистический университет)
goritskaya@gmail.com

Цель работы – выявить закономерности в функционировании лексических вариантов в белорусской разновидности русского языка. Материалом послужили ответы около 1350 респондентов на онлайн-опрос, касающийся номинаций для 20 объектов и других феноменов. Количественный анализ показал, что удельный вес вариантов, характерных для Беларуси, в ономаσιологических профилях значительно различается: одни белорусизмы – это основные средства номинации объектов (т.н. сильные варианты), а другие упоминаются небольшим количеством опрошенных (т.н. слабые варианты). Установлено, что, несмотря на территориальную гомогенность исследуемого идиома, ряд вариантов имеют ограничения на место употребления. Сопоставление данных по респондентам, относящимся к различным возрастным группам, демонстрирует изменения в употреблении лексических вариантов. Качественное исследование комментариев, где в эксплицитной форме представлены мнения носителей о влиянии возраста, места жительства, стиля и других факторов на функционирование вариантов, подтверждает и дополняет количественный анализ. Показано, что социолингвистический опрос – это не только источник данных для анализа, но и способ взаимодействия исследователя и общества.

Ключевые слова: лексическая вариативность, конкуренция вариантов, белорусская разновидность русского языка, социолингвистический опрос, социолингвистическое анкетирование.

Введение. Русский язык в Беларуси имеет особенности на всех уровнях языковой структуры, и особенно много специфических характеристик наблюдается в лексике [1; 2; 3 и др.]. При этом речевая продукция белорусов далека от единообразия: то, что для одного человека – неотъемлемая часть языкового существования, для другого может быть словом из пассивного словарного запаса, да и в одни и те же слова люди могут вкладывать разные смыслы. Например, одни жители Беларуси употребляют слова *поречка* и *шуфлядка*, а другие предпочитают такие универсальные номинации, как *(красная) смородина* или *(выдвижной) ящик*; словом *пасха* часто называют творожный десерт, но иногда – выпечку (синоним – *кулич*). В коммуникации территориально маркированные варианты конкурируют с «универсальными», заимствования (из белорусского, английского и других языков) – с исконными словами, частотные единицы – с редкими и т.п., что демонстрирует пеструю картину лексической вариативности. Так, лексема *байка*, характерная для белорусского русского, «соревнуется» с ее более универсальным аналогом *толстовка*, более общим обозначением *кофта*, новыми заимствованиями типа *худи* и другими словами. Приведем для иллюстрации несколько высказываний носителей белорусского русского, комментирующих свой выбор названий объекта:

- (1) *Знаю, что слово «байка» из белорусского языка, а в русском более распространено слово «толстовка».*
- (2) *Под «худи» я понимаю именно такую одежду, но сама крайне редко употребляю это слово.*
- (3) *Напридумывали всяких худи... обычная кофта.*

Насколько часто носители белорусской разновидности русского языка выбирают белорусизмы для номинации объектов действительности? Какие варианты в этой конкурентной борьбе относятся к «сильным», а какие – к «слабым»? Влияет ли возрастной и региональный факторы на конкуренцию вариантов в исследуемом идиоме? Ответы на данные вопросы мы дадим в этой статье.

Методика исследования. Опросники активно используются при анализе территориальной вариативности, причем не только в традиционной диалектологии, но и в социолингвистике [4]. Однако необходимо понимать, что, в отличие от корпусов текстов и других источников естественной речевой продукции носителей, опросники позволяют исследовать не факты языка как таковые, а то, как их воспринимают и / или представляют исследователю носители языка: реальное употребление тех же людей может отличаться от описываемого [5, p. 102].

¹ Работа выполнена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (проект Г18М-062). Автор статьи благодарит А. Н. Чударь за помощь в обработке экспериментальных данных.

В рамках настоящего исследования разработан опросник, направленный на изучение вариативности в сфере бытовой лексики. Основную часть опросника составляют задания, где респонденты должны назвать объекты, представленные на картинках (в большинстве случаев вопрос сформулирован следующим образом: *как вы назовете этот предмет?*), см. описание подобных опросов в [6], а также проект, направленный на изучение вариативности в английском языке [7]. Респондентам были предложены варианты ответов, задающие интересующий нас уровень категоризации, кроме того, у испытуемых была возможность написать любой ответ в графе «Другое». После каждого вопроса предусмотрено поле для комментариев, где респонденты по желанию отмечали ограничения на выбор вариантов или другие сведения.

Опросник распространялся через интернет. На текущий момент получено около 1350 ответов (1206 респондентов живут в Беларуси, 90 – в России, остальные в других странах). Чтобы убедиться в том, что варианты являются специфическими для белорусского русского, мы сформировали контрольную группу, состоящую из коренных россиян (53 человека). Сопоставление выборок показало, что обсуждаемые в работе варианты действительно являются характерными для белорусской разновидности русского языка, при этом функционирование некоторых единиц не ограничивается только Беларусью, но здесь их доля среди ряда вариантов больше ожидаемой.

Необходимо отметить, что наша выборка не является сбалансированной ни по территориальному (минчан больше, чем жителей других регионов), ни по возрастному (41,14% родились в период с 1990 по 1999 гг., 40,10% – в 2000 г. и позже), ни по гендерному признаку (79,24 % респондентов женского пола). Во многом это обусловлено тем, что основная категория опрошенных – это студенты различных вузов Минска и других городов Беларуси, при этом многие из респондентов получают филологическое (лингвистическое) образование. Чтобы компенсировать этот недостаток, мы разбивали выборку на сегменты (по возрасту, местоположению, полу) и сопоставляли удельный вес вариантов в каждом из сегментов. Что касается пола, то влияние этого фактора на функционирование языковых единиц оказалось незначительным, поэтому мы не будем затрагивать гендерный аспект языковой вариативности в данной статье.

В ходе экспериментального исследования мы построили ономаσιологические профили для 20 понятий. В ономаσιологические профили входят слова и неоднословные номинации для обозначения объекта действительности (сюда могут включаться не только синонимы, но и слова, связанные гиперогипонимическими отношениями) [8, p. 832]. Большинство лексических единиц в анкете относится к бытовой предметной лексике. Некоторые вопросы в опроснике нуждаются в комментариях. Так, поскольку слово *шлейка* конкурирует как с *бретелькой*, так и с *лямкой*, были сконструированы два вопроса для номинации различных объектов. Кроме того, в анкету было включено задание на определение значения наречного выражения *в гору*, которое понимается по-разному.

Подробное обсуждение семантики лексических вариантов, входящих в ономаσιологические профили, не входит в задачи данной работы. О сложностях семантического описания бытовой лексики, см., например, в [6; 8; 10]. Впрочем, некоторые респонденты в комментариях охотно делились своими соображениями о значениях слов, что может стать темой для дальнейшего исследования:

(4) *Гулька – это упрощенный пучок, повседневная версия, просто закрученные в тугую жгут волосы, перевязанные резинкой. Это пучок, потому что он аккуратный, и в причёске использованы «вспомогательные элементы», например, начес, твистер или «бублик», шпильки.*

(5) *Джинсовая рубашка от джинсовой куртки отличаются по крою. Притом и то, и то может быть джинсовкой или джутом (сам редко называю, но часто слышу).*

(6) *Студень – русский прообраз, холодец на свинине, заливное – с добавлением овощей.*

(7) *Но разница между закаткой и закруткой есть: закатка – то, что закатывается машинкой, закрутка – это как банка с резьбой.*

«Сильные» и «слабые» варианты. Исследование показало, что количество вариантов в ономаσιологическом профиле варьируется – от 4 (*поречка, красная смородина, смородина* и одно окказиональное употребление слова *клюква*) до 24 (*ватник, ватовка, телогрейка, фуфайка, куртка* и другие единицы, в частности различные экспрессивные обозначения: *страшненький пуховик, бомжекуртка, бомжатка* и т.п.). Как правило, в профиле выделяется несколько наиболее частотных вариантов и «хвост», иногда достаточно длинный, из более редких единиц, при этом количество ядерных номинаций достаточно стабильно (2–4 единицы), а количественные различия между профилями наблюдаются на периферии, куда, как правило, относится лексика ограниченного употребления и окказионализмы.

Кроме того, мы определили удельный вес вариантов, специфических для белорусского русского, в ономаσιологическом профиле. Доля вариантов, характерных для страны, колеблется от 0,93% (*берик/бэрак/бэрки* ‘детская игра’) до 84,17% (*закатки* ‘консервированные овощи и другие продукты на зиму’) (медиана – 29,48%). Это указывает на то, что лексические единицы, характерные для белорусского русского, обладают разным «весом»: одни варианты являются основным способом обозначения объектов действительности, в то время как другие используются лишь эпизодически.

К самым «сильным» белорусизмам, чей удельный вес в профиле превышает 50 %, относятся также *форточка* ‘промежуток в расписании’ (82,04%), *чернак* (70,30%), *шурфлядка* и *шурфляда* ‘выдвижной ящик’ (суммарный удельный вес – 56,45%). Превышают медианное значение также такие варианты, как *сосульки* ‘леденцы’ (49,46%), *гулька* ‘вид прически’ (48,81%), *гольф* и *гольфик* ‘вид одежды’ (доля обоих вариантов – 46,84%), *шлейка* (43,04% в профиле, где его основной конкурент – *лямка*, при соперничестве с вариантом *бретелька* удельный вес *шлейки* соответствует медиане – 29,48%), *секция* ‘вид мебели’ (40,30%), *поречка* / *паречка* ‘красная смородина’ (40,27%), *байка* ‘вид одежды’ (36,15%).

Сравнительно малая доля у следующих вариантов: названий кулича *пасха* и *паска* (20,80% у двух вариантов), номинаций *штроксы*, *штруксы*, *штроксовые штаны* (суммарно 19,27%), *холодное* ‘холодец’ (14,58%), *шильда* (13,13%), *джут*, *джуда*, *джудовка* (12,96%), *головка капусты* (4,30%), *ватовка* ‘ватник, телогрейка’ (1,53%). Закономерно, что редко упоминаются многие названия детской игры, характеризующиеся большим разнообразием: *кич* – 8,98%, *квач* – 2,56%, *берик* / *бэрак* / *бэрки* – 0,93%. Такие белорусизмы можно назвать «слабыми».

Региональные особенности функционирования вариантов. Наше исследование позволило уточнить данные о региональной вариативности в рамках национальной: установлены единицы, общие для всей Беларуси и специфические для конкретной области (по предварительным сведениям, таких единиц немного). Сравнение ономастических профилей коренных и всех жителей населенного пункта демонстрирует, как миграции влияют на языковой портрет современного города. Особенно показательным является профиль Минска (рисунок 1). Поэтому для выявления региональной вариативности внутри национальной анализировались данные не по текущему местоположению респондентов, а по населенному пункту, в котором они жили в детстве.

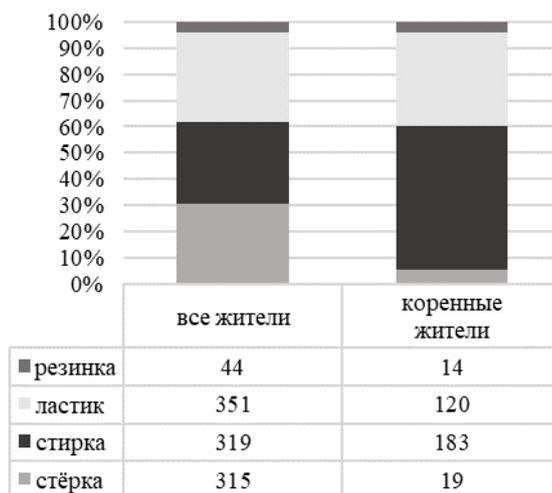

Рисунок 1. – Соотношение вариантов *стёрка*, *стирка*, *ластик* и *резинка* в двух выборках по г. Минску: лица, проживающие в городе в настоящее время / люди, которые провели здесь детство

Наиболее существенные различия между городами заключаются в распределении вариантов *стёрка* / *стирка*, поэтому далее мы будем говорить только о них. В результате исследования мы уточнили, в каких городах Беларуси преобладает вариант *стёрка* (слово фиксируется в словарях русского языка как разговорное) или *стирка* (вариант, отсутствующий в словарях русского языка). Вариант *стирка* встречается главным образом в центральной Беларуси – в Минске, Борисове, Жодино, Светлогорске, а также Мозыре. В других городах преобладает вариант *стёрка*. Конечно, мы не были первыми, кто установил особенности территориального распределения варианта *стирка*. На форуме «Языки русских городов» статус данной единицы обозначается следующим образом – «регионально разговорное; близкое к нормативному (в Минске и окрестностях)» [11]. Кроме того, единица активно обсуждается на форумах, в блогах и т.п. См. также несколько комментариев из нашего опроса:

(8) *Ластиком я назыву из уважения к окружающим коренным минчанам, а всех остальных я попрошу подать стёрку.*

(9) *Чтобы избежать споров говорю «ластик».*

(10) *О, гэта вечная спрэчка!*

(11) *Маё любімае слова для вызначэння, з якой ты вобласці :)*

Значительная вариативность закономерно наблюдается в названиях детских игр [12]: в нашем случае в ономастическом профиле для игры, в которой водящий должен догнать и коснуться игрока,

представлено 18 слов. В результате исследования мы установили, что во всех городах Беларуси доминирует вариант *догонялки*, достаточно универсальными являются и названия *пятнашки*, *салки*, *салочки*. Однако в некоторых городах встречаются и локально специфические лексемы:

- *квач* – Витебск, Гомель, Минск;
- *кич* – Бобруйск, Брест, Гомель, Минск, Мозырь, Речица;
- *бэрак/бэрик/бэрки* – Брест, Барановичи, Лида.

Кроме того, в выборке эпизодически встречаются и другие слова, например, *вада*, *дюк*, *пота*, *кэн*, *сифа*.

В целом белорусский русский является достаточно гомогенным в территориальном отношении. Это можно объяснить тем, что связь данного идиома с белорусским диалектным субстратом не является прямой: в роли посредника выступает смешанная речь, где диалектные различия более значительны. Кроме того, развитая региональная вариативность внутри территориальной часто обусловлена геополитическими факторами – в частности, существованием на протяжении длительного времени в прошлом различных государственных образований в границах современной страны [13, р. 20], что вряд ли применимо к белорусской ситуации.

Возрастные особенности функционирования вариантов. Согласно У. Лабову, информацию о языковых изменениях можно получить в результате наблюдения за последовательными поколениями людей [14], см. также [15]. Чтобы обнаружить тенденции в изменении удельного веса лексических вариантов с течением времени мы отобрали достаточно употребительные единицы без очевидной специфики в территориальном распределении (варианты *ватовка*, *головка капусты*, *бэрак /бэрки*, *квач / кич*, *стирка* и т.п. были исключены из выборки).

Сравнительно небольшое количество респондентов в возрастных группах до 1970 и 1970–1979 годов рождения, а также тот факт, что большинство опрошенных в возрастной группе 1980–1989 – люди с высшим образованием, не позволяет детально проанализировать влияние образования на выбор вариантов. Однако мы полагаем, что на функционирование бытовой лексики этот параметр воздействует не так сильно. Так, к примеру, в работах В.И. Беликова показано, что регионализмы широко используются носителями языка, относящимися к различным социальным группам, в т.ч. представителями элиты, составляющими словари, журналистами и т.п. [16; 17].

Особый случай в нашей выборке – это наречное выражение *под гору*, которое в российском русском имеет значение ‘вниз’, однако в Беларуси под влиянием белорусского языка оно достаточно часто используется в значении ‘вверх’ [18; 19, с. 236]: возможно, более низкий удельный вес значения ‘вверх’ в старшей возрастной группе (рисунок 2) связан с более высоким уровнем знания кодифицированных норм русского литературного языка, см. показательный комментарий респондента:

(12) *Я так думаю вверх, но знаю, что вниз.*

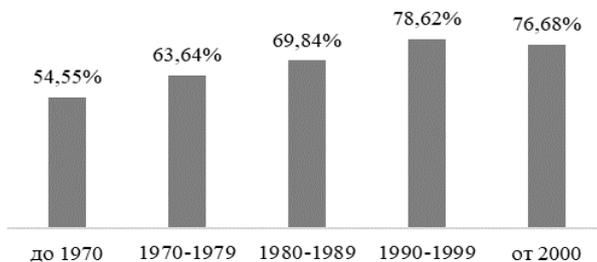

Рисунок 2. – Процент респондентов, отметивших, что *под гору* обозначает ‘вверх’, в различных возрастных группах (по году рождения)

Впрочем, подобное отношение к выбору варианта при заполнении опросника характерно и для представителей других возрастных групп и касается различных лексических единиц:

(13) *Подозреваю, что мой ответ неверен, но именно так я слышала всегда* (о варианте *итруксы*).

(14) *Знаю, что это неверный вариант* (о слове *стирка*).

Анализ показал, что у трех регионализмов с наибольшим удельным весом в профиле (более 75%: *закатки*, *форточка*, *черпак*) наблюдается увеличение частотности вариантов с возрастом респондента. И наоборот, незначительный удельный вес слов (до 15% у вариантов *джут*, *итроксы*, *холодное*) – это следствие того, что единицы постепенно теряют свою популярность. В функционировании вариантов со средними показателями есть различные сценарии (таблица 1). Таким образом, в сфере бытовой лексики нет единой тенденции к увеличению или уменьшению удельного веса единиц, характерных для Беларуси, в ономаσιологическом профиле: изучаемый идиом является сложной системой, которая развивается под влиянием разнообразных факторов.

Снижение удельного веса регионализма с уменьшением возраста испытуемых, как правило, сопровождается увеличением процента более универсальных лексем. Так, с падением процента варианта *итроксы* растет популярность описательного обозначения *вельветовые брюки / штаны* (рисунок 3).

Таблица 1. – Изменение удельного веса белорусизмов с возрастом респондентов

Вариант	Возрастные группы (по году рождения)				
	до 1970	1970–1979	1980–1989	1990–1999	от 2000
<i>закатки</i>	66,67 %	67,31 %	75,68 %	85,17 %	85,33 %
<i>форточка</i> (о занятиях)	79,17 %	82,61 %	76,12 %	81,66 %	83,91 %
<i>черпак</i>	55,56 %	58,93 %	64,63 %	67,81 %	76,11 %
<i>пасха</i> ‘кулич’	64,29 %	60,71 %	62,75 %	67,56 %	68,52 %
<i>шлейка</i> (vs. <i>бретелька</i>)	73,91 %	73,47 %	73,43 %	65,15 %	62,37 %
<i>шуфлядка</i>	43,33 %	45,45 %	45,24 %	52,34 %	57,10 %
<i>сосульки</i> ‘леденцы’	25,00 %	32,08 %	49,03 %	50,99 %	51,64 %
<i>гулька</i> ‘вид прически’	56,52 %	63,64 %	57,04 %	45,45 %	48,57 %
<i>секция</i> ‘вид мебели’	36,00 %	35,29 %	33,81 %	37,21 %	45,52 %
<i>гольф, гольфик</i> ‘вид одежды’	58,62 %	47,37 %	52,98 %	47,40 %	44,31 %
<i>шлейка</i> (vs. <i>лямка</i>)	60,87 %	43,75 %	46,04 %	43,21 %	41,28 %
<i>поречка / паречка</i>	31,82 %	36,00 %	38,51 %	42,62 %	38,76 %
<i>байка</i> ‘вид одежды’	29,17 %	38,33 %	41,46 %	36,43 %	31,15 %
<i>холодное</i> ‘холодец’	39,39 %	23,53 %	20,55 %	12,01 %	13,85 %
<i>штроксы</i>	62,50 %	46,30 %	26,71 %	16,67 %	13,52 %
<i>джут</i> ‘вид одежды’	16,67 %	28,30 %	17,31 %	9,04 %	13,09 %
<i>шильда</i>	25,00 %	19,64 %	23,18 %	13,80 %	8,71 %

В некоторых случаях наблюдаются обратные процессы: частотность белорусизма постепенно растет, что приводит к уменьшению удельного веса обозначений, не имеющих территориальную привязку. Рисунок 4, например, иллюстрирует некоторое увеличение удельного веса одного из наиболее известных маркеров белорусской разновидности русского языка² – лексемы *шуфлядка* (при этом процент изначально менее частотного варианта *шуфляда* уменьшается).

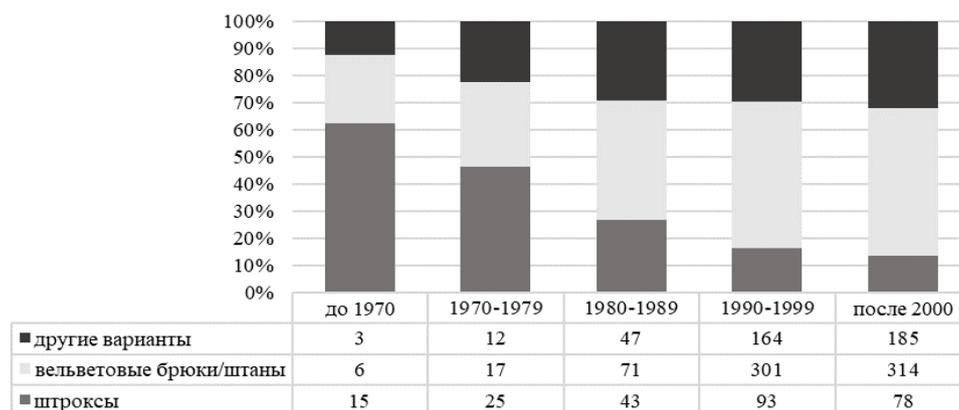

Рисунок 3. – Изменение удельного веса вариантов *штроксы* и *вельветовые брюки / штаны* с уменьшением возраста респондентов

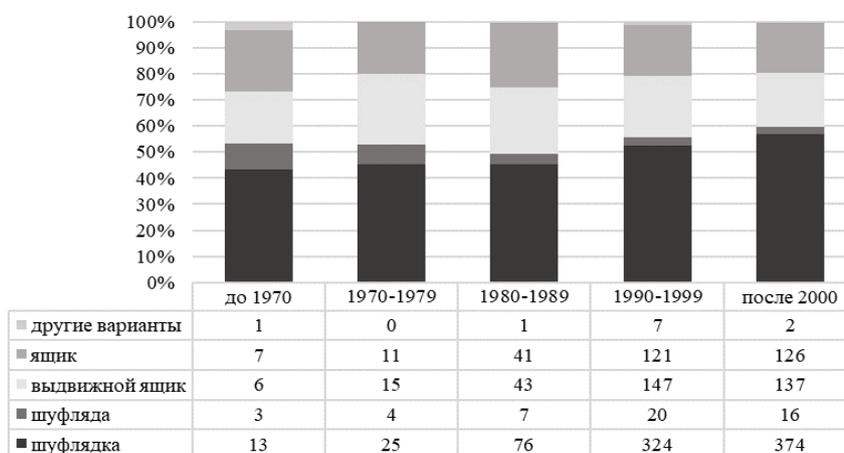

Рисунок 4. – Изменение удельного веса вариантов *шуфляда* и *шуфлядка* с возрастом респондентов

² Один из респондентов оставил следующий комментарий ко всей анкете: *йее, шуфлядка!*

Метаязыковое сознание носителей языка в зеркале комментариев. Качественный анализ комментариев к опроснику дополняет результаты количественного исследования и позволяет изучать метаязыковое сознание носителей языка – «набор более или менее осознанных представлений рядовых носителей языка в его разных проявлениях» [20, с. 5]. Так, в комментариях содержатся указания на влияние возраста на употребление языковых единиц:

(15) *Очень интересно, все слова слышала. Думаю, моя бабуля 1945 г. р. ответила бы совсем по-другому.*

Кроме того, метаязыковые комментарии подтверждают количественные данные, например, о тенденции к устареванию некоторых вариантов. Примеры комментариев о слове *штроксы*:

(16) *Слово «штроксы» знаю хорошо, но сейчас не слышу. В моем детстве называли только так. Могла бы использовать вариант – «как штроксы раньше были».*

(17) *Давно не употребляла, воспоминания из детства.*

(18) *Когда говорю «штроксы», никто не понимает, и приходится объяснять, что это.*

Приведем также несколько комментариев к слову *джут* (в частности, интересен пример (20), демонстрирующий изменения в частотности номинаций одежды с течением времени):

(19) *В детстве мы называли это «джут», но уже давно этого ни от кого не слышала.*

(20) *Этот предмет одежды был в тренде совсем недавно (год-два назад), и вместе с этой тенденцией в обиход вошло слово «джут». До этого все называли (да и сейчас называют) его джинсовкой.*

Интерес представляют эксплицитные обозначения различий между конкурирующими вариантами. Так, в поле для комментариев респонденты разграничивали лексемы, относящиеся к активному или пассивному словарному запасу. Несколько примеров:

(21) *«Водолазка» понимаю, но не употребляю и нигде не слышу. Только однажды видела это слово в каком-то каталоге.*

(22) *Головку тоже слышал, вилок – только в книгах.*

(23) *Поварешку знаю, но из литературы, черпак и половник равнозначны.*

(24) *Помню свое недоумение, когда в детстве в книгах встречала названия загадочных игр. В жизни слышала только «догонялки». Только сейчас поняла, что это все – названия одного и того же.*

В комментариях эксплицируется и мнение носителей языка о стилистических различиях между вариантами:

(25) *«Стёрку» слышал, но всегда резала слух, «ластик» вроде б больше книжное, вживую в основном стирка/резинка употреблялись.*

(26) *В детстве – стёрка и резинка. сейчас – назову «поофициальнее».*

(27) *Окно, по-моему, более официальное, форточка – более разговорное.*

Анализ комментариев демонстрирует, что территориальные различия в функционировании лексических вариантов являются достаточно осознанными (по крайней мере некоторыми носителями языка), см. примеры (8) и (11) выше. Другие иллюстрации:

(28) *В моём регионе чаще встречаю «гольф».*

(29) *у части знакомых наоборот, из-за белорусского «пад гару» – вверх.*

(30) *«Холодец» – в России. «Холодное» – здесь.*

(31) *Паска – только так называют на Полесье (Зап. Беларусь).*

(32) *В Лиде всегда были либо «бэрак-бэрак, дай цукерак», либо «вада». Еще слышала вариант «вода» в пинских краях.*

(33) *Вдруг будет любопытно ещё такое: Опытным путём на работе выяснили, что в Могилеве активно используется слово «симулять» в значении пропускать пары/уроки и в Минске так не говорят. те, у кого интересовались (около 10 человек) совсем не знают это слово. <...>*

Интерес представляет комментарий (34), демонстрирующий денотативные различия локально маркированных и не маркированных лексем, основанные на оппозиции «свое» vs. «чужое»:

(34) *холодное, если домашнего приготовления; из магазина – холодец :-)*

С категорией «свое» связан и эмоциональный заряд регионализмов: они наполняются ассоциациями с семьей, домом и т.п.:

(35) *Когда жила в Брянске, мы всегда праздновали Пасху в деревне (Мглинский район) у бабушки. И в обиходе у взрослых было именно слово «паска» (именно с «к»)³. Но сейчас чаще использую слово «кулич», хотя «паска» – приятнее, потому что ностальгия :)*

Впрочем, говорящие могут выражать и другое эмоциональное отношение к лексемам ограниченного употребления:

(36) *почему-то терпеть не могу слово «джут», с детства ещё. прям огорчает, когда так говорят*

(37) *Гулька – мной используется как шуточное выражение, в основном.*

³ Пример демонстрирует то, что слово *паска* не ограничивается территорией Беларуси. По данным форума «Языки русских городов», вариант также характерен для Украины, Молдовы, Южной России и других регионов [21].

Кроме того, необходимо отметить, что социалингвистические опросы могут влиять на респондентов, в частности, влиять на их метаязыковое сознание. Это, в частности, объясняется тем, что при заполнении опросников люди задумываются о том, как они употребляют те или иные слова, см. один из комментариев:

(38) *Очень интересно, посмотрела на свою речь немного со стороны. Результаты очень интересно было бы узнать.*

Закключение. Таким образом, экспериментальное исследование позволило получить новую информацию о вариативности в белорусской разновидности русского языка, в частности, о функционировании единиц, характерных для данного идиома.

Белорусизмы имеют различный вес в коммуникации по сравнению с их локально не маркированными аналогами. Анализ экспериментальных данных позволил выявить процент локально специфических вариантов в ономаσιологическом профиле. В конкурентной борьбе участвуют как «сильные» варианты, которые являются основным обозначением объекта действительности (*закатки, шуфлядка / шуфляда или черпак*), и «слабые» варианты, которые редко выбирались респондентами (например, *берик / бэрак / бэрки* ‘детская игра’).

Белорусская разновидность русского языка считается достаточно гомогенной в территориальном отношении, однако экспериментальное исследование позволило уточнить данные об особенностях регионального распределения отдельных лексических вариантов. Например, мы установили регионы Беларуси, в которых превалирует вариант *стёрка* или *стирка*, а также ареал функционирования номинаций детской игры типа *бэрак, квач* и *кич*.

Сопоставление ономаσιологических профилей респондентов, относящихся к различным возрастным группам, позволило получить информацию о динамике развития белорусского русского. Так, частотность некоторых вариантов, специфических для Беларуси, падает с уменьшением возраста респондентов. Примеры «угасающих» единиц – *штроксы* ‘вельветовые брюки’ (увеличивается процент описательного обозначения *вельветовые брюки / штаны*) и *гольф* (растет удельный вес универсального варианта *водолазка*) и др. И наоборот, есть истории о словах со «счастливой судьбой»: удельный вес некоторых вариантов в ономаσιологическом профиле растет с уменьшением возраста. Это, в частности, касается одного из наиболее салиентных маркеров белорусского русского – слова *шуфлядка*.

Однако язык – это не только инвентарь лингвистических единиц. Для современной социалингвистики исключительно важным является исследование социальной значимости языковой вариативности. Поэтому в работе мы не ограничились анализом количественных данных, а исследовали и интроспективные комментарии респондентов, в которых отражается функциональная нагрузка вариантов и отношение носителей идиома к лексическим единицам. Кроме того, анализ комментариев подтвердил выводы, полученные в ходе количественного исследования, о региональных ограничениях на использование слов и тенденцию к выходу отдельных единиц из обихода. Необходимо отметить, что опросники являются не только инструментом для сбора данных, но и одним из способов коммуникации исследователя с членами общества, см. следующий комментарий нашего респондента:

(39) *Спасибо за интересный опрос! Чувствую себя услышанной :)*

ЛИТЕРАТУРА

1. Русский язык в Белоруссии / Под ред. А. Е. Михневича. – Минск : Наука и техника, 1985. – 272 с.
2. Норман, Б. Ю. Русский язык в Беларуси: особенности социалингвистической ситуации / Б. Ю. Норман // *Humaniora: lingua russica. Развитие и вариативность языка в современном мире*. – Тарту, 2010. – С. 175–192. (Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XIII).
3. Горицкая, О. С. Лексические особенности русского языка в Беларуси не связанные с влиянием белорусского языка / О. С. Горицкая // *Respectus Philologicus*. – 2018. – № 34 (39). – С. 48–60.
4. Boberg, C. Surveys: the use of written questionnaires in sociolinguistics / C. Boberg // *Data collection in sociolinguistics: methods and applications* / Ed. by C. Mallinson, B. Childs, G. van Herk. – New York : Routledge, 2013. – P. 131–141.
5. Schilling, N. Surveys and interviews / N. Schilling // *Research methods in linguistics* / Ed. by R. J. Podesva, D. Sharma. – Cambridge : Cambridge University Press, 2014. – P. 96–113.
6. Иомдин, Б. Л. Наивные представления о значениях слов в русском языке / Б. Л. Иомдин // *Антопологический форум*. – 2014. – № 21. – С. 82–92.
7. Vaux, B. The Cambridge online survey of world Englishes [Electronic resource] / B. Vaux, M. L. Jøhndal; University of Cambridge. – Mode of access: <http://survey.johndal.com/results>. – Date of access: 01.11.2019.
8. Geeraerts, D. Lexical variation in space / D. Geeraerts // *Language in space. An international handbook of linguistic variation*. – Vol. 1: Theories and methods / Ed. by P. Auer, P. Schmidt. – Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2010. – P. 821–837.
9. Levin, I. Lexical Variation: Word knowledge and polysemy in Russian everyday life lexicon [Electronic resource] / I. Levin, V. Andriyanets, B. Iomdin, A. Ambartsumian // *Computational linguistics and intellectual technologies : proceedings of the International Conference «Dialogue 2018», Moscow, May 30 – June*

- 2, 2018. – Vol. 1. – P. 414–423. – Mode of access: <http://www.dialog-21.ru/media/4313/levini.pdf>. – Date of access: 02.05.2019.
10. Иомдин, Б. Л. Материалы к словарю-тезаурусу бытовой терминологии. СВИТЕР: образец словарной статьи / Б. Л. Иомдин // Слово и язык : сб. ст. к восьмидесятилетию акад. Ю. Д. Апресяна. – М. : Языки славянских культур, 2011. – С. 392–406.
 11. Стирка : проект статьи / Языки русских городов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://forum.lingvolive.com/thread/1150407>. – Дата доступа: 10.10.2019.
 12. Романий, Г. И. Региональные городские названия детской игры с мячом «смейка» («семья») (по наблюдениям узуса в Интернете) [Электронный ресурс] / Г. И. Романий // Шаги / Steps. – 2015. – Т. 1, № 2. – С. 205–225. – Режим доступа: http://shagi.ranepa.ru/files/shagi15_2/shagi15_2_10.pdf. – Дата доступа: 02.05.2019.
 13. Muhr, R. The state of the art of research on pluricentric languages: Where we were and where we are now / R. Muhr // Pluricentric languages and non-dominant varieties worldwide / ed. by R. Muhr. – P. I: Pluricentric languages across continents. Features and usage / In collaboration with K.E. Fonyuy, Z. Ibrahim and C. Miller. – Frankfurt am Main : Peter Lang, 2016. – P. 13–36.
 14. Лабов, У. О механизме языковых изменений / У. Лабов // Новое в лингвистике. – Вып. VII: Социолингвистика. – М. : Прогресс, 1975. – С. 320–335.
 15. Русский язык и советское общество : социол.-лингвист. исследование / под ред. М. В. Панова. – М.: Наука, 1968. – 186 с. (Лексика современного русского литературного языка).
 16. Беликов, В. И. Сравнение Петербурга с Москвой и другие соображения по социальной лексикографии / В. И. Беликов // Русский язык сегодня / Под ред. Л. П. Крысина. – М., 2004. – Вып. 3: Проблемы русской лексикографии. – С. 23–38.
 17. Беликов, В. И. «Антошка, Антошка, пойдем садить картошку...», или везде ли просторечие просторечно / В. И. Беликов // Вопросы культуры речи. – Вып. XI / отв. ред. А.Д. Шмелев. – М. : АСТ-Пресс Москва, 2012. – С. 296–312.
 18. Иомдин, Б. С горки на горку [Электронный ресурс] / Б. Иомдин // Элементы – 09.09.2019. – Режим доступа: https://elementy.ru/problems/2154/S_gorki_na_gorku. – Дата доступа: 10.12.2019.
 19. Манаенкава, А. Ф. Аб некаторых спецыфічных з’явах руска-беларускіх моўных кантактаў у галіне лексікі і семантыкі / А. Ф. Манаенкава // Пытанні білінгвізму і ўзаемадзеяння моў / Рэд. М. В. Бірыла, А. Я. Супрун. – Мінск : Навука і тэхніка, 1982. – С. 229–262.
 20. Голев, Н. Д. Особенности современного обывденного метаязыкового сознания в зеркале обсуждения вопросов языкового строительства / Н. Д. Голев // Вестн. Томс. гос. ун-та. Филология. – 2008. – № 3(4). – С. 5–17.
 21. Пасха : проект статьи / Языки русских городов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://forum.lingvolive.com/thread/153833>. – Дата доступа: 10.10.2019.

Поступила 13.12.2019

COMPETITION OF LEXICAL VARIANTS IN BELARUSIAN RUSSIAN (BASED ON EXPERIMENTAL DATA)

O. GORITSKAYA

The objective of the study is to reveal patterns in the use of lexical variants in Belarusian Russian. The research is based on the responses to the online questionnaire concerning the names of 20 objects and other phenomena (about 1350 respondents). Quantitative analysis shows that the percentage of country-specific variants in onomasiological profiles varies: some words are often used to name particular objects (so-called strong variants) while others are mentioned only occasionally (so-called weak variants). The study reveals several lexical variants typical of one area of the country, but in general, it supports the idea that Belarusian Russian is rather geographically homogeneous. The comparative study of onomasiological profiles of different age groups demonstrates lexical change. The qualitative analysis of comments confirms and complements the results of quantitative analysis regarding peculiarities of usage of variants, associated with certain region, age, style of communication and other factors. Sociolinguistic surveys are considered not only as sources of data, but also as a way to interact with the society.

Keywords: *lexical variation, competition of variants, Belarusian Russian, sociolinguistic survey, sociolinguistic questionnaire.*

УДК 81'276.6:34

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРАВОВОГО СТАТУСА «ЯЗЫКА ВРАЖДЫ»¹

канд. филол. наук, доц. Е.Н. ВАСИЛЕНКО
(Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова)
e.n.vasilenko@gmail.com

Обосновывается необходимость изучения «языка вражды» с точки зрения правоведения, предлагается определение термина «язык вражды», рассматриваются лингвистические особенности его правового статуса на материале нормативных правовых актов Республики Беларусь, Латвийской Республики, Литовской Республики, Российской Федерации, Республики Польша, Украины, Федеративной Республики Германия и Соединенных Штатов Америки. В ходе анализа конституций, уголовных кодексов и других законодательных документов упомянутых стран выделяются квалифицирующие смысловые доминанты, непосредственно связанные с вербализацией или иной манифестацией враждебности – «вражда», «рознь», «ненависть», «нетерпимость» и «дискриминация», и языковые элементы, называющие конкретные действия, характеризующие выделенные смысловые доминанты или связанные с проявлением враждебности прямо или косвенно. Устанавливаются атрибутивные языковые элементы, определяющие данные смысловые доминанты, а также доминанту «равенство».

Ключевые слова: «язык вражды», правовой статус «языка вражды», враждебность, смысловая доминанта, нормативный правовой акт.

Введение. В современной коммуникации, значительно опосредованной средствами массовой информации, количество негативных высказываний постоянно увеличивается, «особенно в тех случаях, когда вопросы о базовых нормах и ценностях обсуждаются субъектами с разными убеждениями и мировоззренческими позициями» [1, с. 800]. Возросший интерес исследователей к данному явлению обусловлен тем, что использование элементов вербализации коммуникативно-прагматической категории враждебности несет в себе значительную социальную и политическую опасность, так как может быть формой проявления того или иного вида дискриминации или нетерпимости: расизма, ксенофобии, гомофобии, сексизма и пр.

В связи с этим в ряде политических документов представлено определение «языка вражды» (англ. *hate speech*; вопрос о корректном переводе и формулировке термина заслуживает отдельного рассмотрения (подробнее см. [2]) и не затрагивается в данной статье). Например, согласно Общеполитической рекомендации Европейской комиссии по борьбе с расизмом и нетерпимостью № 15 «О борьбе с языком ненависти» от 8 декабря 2015 г., «язык ненависти следует понимать как защиту, поощрение или подстрекательство, в любой форме, к унижению, вражде или поношению какого-либо лица или группы лиц, а также как любое проявление притеснений, оскорблений, создания негативных стереотипов, стигматизации или угроз в отношении такого лица или лиц и любое оправдание всех перечисленных форм выражения по признаку расы, происхождения, национальной или этнической принадлежности, возраста, инвалидности, языка, религии или убеждений, пола, гендера, гендерной идентичности, сексуальной ориентации и других личных характеристик или статуса» [3, с. 5].

Не вызывает сомнений, что на сегодняшний день «язык вражды» представляет собой серьезную проблему. Несмотря на то, что непосредственной целью данного инструмента манипуляции может быть отдельный человек или небольшая группа людей, вред, нанесенный «языком вражды», может распространяться на целые этносы, народности, расы, религиозные и другие сообщества и т.д. и, как следствие, быть причиной как внутренних, так и международных конфликтов. Из этого следует, что изучение «языка вражды» должно попадать в сферу интересов правоведения, однако данный термин является относительно новым и не закреплен в нормативных правовых документах большинства стран. При этом важно, что публичное использование элементов «языка вражды» во многих случаях влечет за собой административную и уголовную ответственность.

Под «языком вражды» мы понимаем совокупность языковых средств, выражающих негативное, основанное на стереотипах или предубеждениях, отношение к адресату – носителю ценностей, отличных от ценностей адресанта, и, как следствие, вербализующих тот или иной вид дискриминации или нетерпимости. Данное определение демонстрирует сложность «языка вражды» не только как лингвистического, но и как социального явления, которое, как и любой другой общественный феномен, имеет определенные предпосылки для своего возникновения и функционирования, в том числе политико-правовые (данные факторы объединены в одну группу, так как сама сущность права как регулятора общественных

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке БРФФИ в рамках научного проекта № Г19М-127.

отношений связывает его не только с государственными институтами, но и с политическим процессом, а граждане оценивают деятельность государства скорее не из чисто правовой, а *политико-правовой* точки зрения, ориентируясь на соблюдение принципов равенства, свободы и справедливости [4, с. 336–337]).

К политико-правовым факторам функционирования «языка вражды» в современном обществе можно отнести зачастую лояльное отношение представителей власти к демонстрации того или иного вида дискриминации, выступления представителей власти, содержащие дискриминационные высказывания [5, с. 84–85], а также отсутствие юридических санкций за использование «языка вражды», что связано не только с незакрепленностью термина юридически, но и с отсутствием его общепринятой дефиниции и единой классификации языковых фактов, попадающих под данное определение. В связи с последним замечанием рассмотрим, какие общие смысловые доминанты и языковые элементы, касающиеся вербализации (а также иной манифестации) враждебности, закреплены в законодательных актах Республики Беларусь и ряда других государств. Для сопоставления были выбраны страны-соседи Беларуси, Германия и США.

Основная часть. В конституциях всех изучаемых государств так или иначе закреплено право на свободу слова, провозглашаемое в ст. 19 «Всеобщей декларации прав человека»: «Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ» [6]. Так, к примеру, в ст. 29.1 Конституции Российской Федерации «каждому гарантируется свобода мысли и слова» [7]; в ст. 34 Конституции Украины «каждому гарантируется право на свободу мысли и слова, на свободное выражение своих взглядов и убеждений» [8]; ст. 99 Конституции Латвийской Республики гласит: «Каждый имеет право на свободу мысли, сознания и религиозных убеждений» [9]; ст. 33 Конституции Республики Беларусь: «Каждому гарантируется свобода мнений, убеждений и их свободное выражение» [10]; согласно Первой поправке к Конституции США «Конгресс не должен издавать никакого закона, <...> ограничивающего свободу слова или печати» [11] и др.

Однако вербальная артикуляция ненависти, способная вызвать конфликтную ситуацию, выходит за границы права на беспрепятственное выражение собственных мнений и идей. Данное положение раскрыто, например, в ст. 29.2 Конституции Российской Федерации, согласно которой «не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства» [7]. Схожие ограничения представлены в конституциях других стран, даже если не подчеркивается вербальная составляющая разжигания того или иного вида вражды или розни, например, в ст. 25 Конституции Литовской Республики: «Свобода выражения убеждений и распространения информации несовместима с преступными действиями – разжиганием национальной, расовой, религиозной или социальной ненависти, насилия и дискриминации, с клеветой и дезинформацией» [12]; в ст. 5.2 Основного закона для Федеративной Республики Германия: «Эти права (право свободно выражать и распространять свое мнение в устном или письменном виде, а также при помощи иллюстраций, и право получать информацию из общедоступных источников – *Е. В.*) ограничены положениями общих законов, законов о защите молодежи и права на достоинство личности» (перевод наш. – *Е. В.*) [13]; в ст. 13 Конституции Республики Польша: «Запрещается существование политических партий и иных организаций <...>, программа или деятельность которых предполагает или допускает расовую и национальную ненависть <...>» [14]; в ст. 5 Конституции Республики Беларусь: «Запрещается создание и деятельность политических партий, а равно других общественных объединений, <...> ведущих пропаганду войны, социальной, национальной, религиозной и расовой вражды» [10] и др.

Помимо конституций, публичная вербализация (или иная манифестация) враждебности регулируется уголовными кодексами и другими законодательными актами всех рассматриваемых государств. В ходе анализа текстов нормативно-правовых актов (полный список проанализированных документов представлен в конце статьи) были выделены такие квалифицирующие смысловые доминанты («номинативы, являющиеся основными смысловыми идеями статей закона» [15, с. 223]), связанные с изучаемым феноменом, как «вражда», «рознь», «ненависть», «нетерпимость» и «дискриминация» (таблица 1).

Таблица 1. – Смысловые доминанты, связанные с проявлением враждебности, в законодательных актах рассматриваемых государств

Доминанта	Россия	Украина	Литва	Латвия	Польша	Германия	США	Беларусь
вражда	+	+	-	+	-	-	-	+
рознь	+	-	-	-	-	-	-	+
ненависть	+	+	+	+	+	+	+	-
нетерпимость	-	+	-	-	-	-	-	-
дискриминация	+	+	+	+	+	+	+	+

Как следует из таблицы 1, все смысловые доминанты одновременно не встречаются в законах ни одного государства. В нормативных правовых актах всех рассматриваемых государств представлена смысловая доминанта «дискриминация». Доминанта «ненависть» обнаружена в законодательных документах семи стран (все, кроме Беларуси), «вражда» – четырех, «рознь» – двух. Доминанта «нетерпимость» представлена только в законодательстве Украины.

Во многих уголовных кодексах и других нормативных правовых актах рассматриваемых государств встречаются схожие языковые элементы, определяющие конкретные действия, характеризующие выделенные выше смысловые доминанты или связанные с вербализацией враждебности прямо или косвенно. К таковым можно отнести лексемы «возбуждение», «разжигание», «побуждение», «призыв», «пропаганда», «агитация», «унижение», «оскорбление» и «клевета». Рассмотрим некоторые выдержки из законов вышеназванных государств.

В соответствии со ст. 136 УК Российской Федерации, уголовной ответственности подлежит «дискриминация, то есть нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам, совершенное лицом с использованием своего служебного положения»; со ст. 282 – «действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично, в том числе с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть "Интернет"» [16] (см. также закон «О противодействии экстремистской деятельности» [17]).

Схожую формулировку можно обнаружить в ст. 161 УК Украины, в которой наказуемыми признаются «умышленные действия, направленные на разжигание национальной, расовой либо религиозной вражды и ненависти, на унижение национальной чести и достоинства, или оскорбление чувств граждан в связи с их религиозными убеждениями, а также прямое либо косвенное ограничение прав или установление прямых либо косвенных привилегий граждан по признакам расы, цвета кожи, политических, религиозных и других убеждений, пола, инвалидности, этнического и социального происхождения, имущественного положения, места жительства, по языковым или другим признакам» [18].

Статьями 169 и 170 УК Литовской Республики предусматривается административная и уголовная ответственность для того, кто совершает действия с целью воспрепятствовать участию в политической, экономической, культурной, трудовой либо иной деятельности или ограничить права и свободы или публично издевается, унижает, возбуждает ненависть или побуждает к дискриминации относительно «группы людей либо относительно принадлежащего к ней лица из-за их пола, сексуальной ориентации, расы, национальности, языка, происхождения, социального положения, верования, убеждений либо взглядов» [19]. С 1 декабря 1998 г. в стране действует отдельный закон «О равных возможностях женщин и мужчин» [20].

Согласно ст. 71.2 УК Латвийской Республики наказуемыми признаются действия, совершенные на основании политической, расовой, национальной, этнической, культурной или гендерной принадлежности лица или группы лиц; согласно ст. 78 – действия, направленные на разжигание национальной, этнической, расовой или религиозной ненависти или вражды; согласно ст. 150 – действия, совершенные по признаку пола, возраста, инвалидности [21].

В УК Республики Польша представлены отдельные статьи о наказаниях за преступления по отношению «к группе лиц или отдельному лицу в связи с его принадлежностью к национальной, этнической, расовой, политической, религиозной группе или в связи с непринадлежностью к религиозной группе» (ст. 118, 119), за оскорбление религиозных чувств других лиц (ст. 196), за публичный призыв «к ненависти на почве национальных, этнических, расовых, религиозных различий либо в связи с неисповедованием религии» (ст. 256), а также за публичное оскорбление группы людей либо отдельного лица на тех же основаниях (ст. 257) [22].

Согласно ст. 130 УК Федеративной Республики Германия уголовному наказанию подвергается лицо, которое «разжигает ненависть против национальной, расовой, религиозной или этнической группы, части населения или отдельного лица из-за его принадлежности к указанной группе или части населения» (перевод наш. – Е. В.), призывает к насилию, посягает на человеческое достоинство, оскорбляет или подвергает клевете людей либо отдельное лицо на тех же основаниях [23]. С 18 августа 2006 г. в стране действует «Общий закон о равном обращении», запрещающий дискриминацию по таким признакам, как этническое происхождение, возраст, пол, сексуальная ориентация, инвалидность, религия или мировоззрение [24]. Кроме того, 1 октября 2017 г. в Германии вступил в силу закон «О защите прав пользователей в социальных сетях», дающий владельцам социальных сетей 24 часа на удаление контента, оскорбляющего чувства пользователей и провоцирующего конфликтную ситуацию [25].

Кодексом Соединенных Штатов Америки (сводная кодификация федерального законодательства США, издаваемая Управлением по законодательству Палаты представителей Конгресса США) устанав-

ливается уголовная ответственность за преступления на почве ненависти, совершенные на основании расы, религии, национального происхождения, цвета кожи, пола, сексуальной ориентации, гендерной идентичности или инвалидности (раздел 18, глава 13, параграф 249) [26].

В соответствии со ст. 130 УК Республики Беларусь, наказуемыми являются «умышленные действия, направленные на возбуждение расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни по признаку расовой, национальной, религиозной, языковой или иной социальной принадлежности» [27]. В нескольких статьях встречается формулировка «по мотивам расовой, национальной, религиозной вражды или розни, политической или идеологической вражды, а равно по мотивам вражды или розни в отношении какой-либо социальной группы» [27]. Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях предусмотрена административная ответственность за «распространение информационной продукции, содержащей призывы к экстремистской деятельности или пропагандирующей такую деятельность, а равно изготовление, хранение или перевозка с целью распространения такой информационной продукции, если в этих деяниях нет состава преступления» (ст. 17.11) [28] (см. также закон «О противодействии экстремизму» [29]). Оскорбление чести и достоинства личности регулируется УК Республики Беларусь, согласно ст. 189 которого уголовно наказуемым является «умышленное унижение чести и достоинства личности, выраженное в неприличной форме (оскорбление), совершенное в течение года после наложения мер административного взыскания за оскорбление или клевету» [27], и Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях, ст. 9.3 которого предусматривает административную ответственность за «оскорбление, то есть умышленное унижение чести и достоинства личности, выраженное в неприличной форме» [28].

Как видно из представленных выше примеров, выделенные смысловые доминанты ввиду специфики изучаемого феномена напрямую связаны с такими понятиями, как равенство и равноправие (принцип равенства закреплен во всех конституциях). В связи с этим в ходе анализа документов был также выделен ряд языковых элементов, имеющих атрибутивный характер и так или иначе определяющих не только доминанты «вражда», «рознь», «ненависть» и «дискриминация», но и доминанту «равенство». Выявленные атрибутивные языковые элементы представлены в таблице 2 (в таблице для удобства представлены существительные и именные словосочетания, однако в формулировках законов могли быть использованы прилагательные).

Таблица 2. – Атрибутивные языковые элементы, определяющие смысловые доминанты «вражда», «рознь», «ненависть», «дискриминация», «нетерпимость» и «равенство»

Атрибутивный языковой элемент	Беларусь	Россия	Украина	Литва	Латвия	Польша	Германия	США
возраст	-	-	-	-	+	-	+	-
гендерная идентичность	-	-	-	-	-	-	-	+
должностное положение (социальный статус)	+	+	-	+	-	-	-	-
идеологические убеждения	+	+	-	-	-	-	-	-
имущественное состояние (положение)	+	+	+	-	-	+	-	-
инвалидность	-	-	+	-	+	-	+	+
культура	-	-	-	+	+	+	-	-
место жительства	+	+	+	-	-	-	-	-
национальность	+	+	+	+	+	+	+	+
пол / гендер	+	+	+	+	+	+	+	+
политические убеждения	+	+	+	-	+	+	+	-
принадлежность к общественным объединениям	+	+	-	-	-	-	-	-
происхождение	+	+	+	+	-	+	+	+
раса	+	+	+	+	+	+	+	+
религия / вера / вероисповедание / мировоззрение	+	+	+	+	+	+	+	+
сексуальная ориентация	-	-	-	+	-	-	+	+
социальная принадлежность	+	+	+	+	-	+	-	-
цвет кожи	-	-	+	-	-	-	-	+
этнос	+	+	+	+	+	+	+	+
язык	+	+	+	+	-	+	+	-

Как следует из таблицы 2, в проанализированных нормативных правовых актах всех рассматриваемых государств встречаются такие атрибутивные языковые элементы, как «национальность» («нацио-

нальный»), «пол» («половой») / «гендер» («гендерный»), «раса» («расовый»), «религия» («религиозный») / «вера» / «вероисповедание» / «мировоззрение» и «этнос» («этнический»). Достаточно часто встречаются элементы «происхождение» (7 стран), «политические убеждения» («политический»), «язык» («языковой») (по 6 стран) и «социальная принадлежность» («социальный») (5 стран). Реже – элементы «имущественное состояние (положение)» и «инвалидность» (4 страны), «должностное положение» («социальный статус»), «культура» («культурный»), «место жительства» и «сексуальная ориентация» (3 страны). Наиболее редко упоминаются такие элементы, как «идеологические убеждения» («идеологический»), «принадлежность к общественным объединениям», «цвет кожи», «возраст» (по 2 страны). Формулировка «гендерная идентичность» встретилась только в законодательстве США.

Необходимо отметить, что проведенный анализ, хотя и базировался на ключевых для понимания изучаемого явления документах, все же не охватывает всего разнообразия законодательных актов каждого государства. В связи с этим не исключается, что в иных нормативно-правовых актах содержатся другие атрибутивные языковые элементы, определяющие данные смысловые доминанты (см., например, обзор законодательства о равенстве в Латвии в [30]).

Заключение. В настоящее время «язык вражды» представляет собой серьезную социальную, политическую и правовую проблему. Термин является относительно новым и в большинстве стран не закреплен законодательно, однако публичное использование элементов «языка вражды» во многих случаях влечет за собой административную и уголовную ответственность.

В результате обзора нормативных правовых документов Республики Беларусь, Латвийской Республики, Литовской Республики, Российской Федерации, Республики Польша, Украины, Федеративной Республики Германия и Соединенных Штатов Америки с точки зрения упоминания в них вербализации или иной манифестации враждебности были выделены квалифицирующие языковые доминанты «вражда», «рознь», «ненависть», «нетерпимость» и «дискриминация», из которых чаще всего в законодательстве рассматриваемых государств встречаются доминанты «дискриминация» и «ненависть».

К языковым элементам, определяющим конкретные действия, характеризующие выделенные смысловые доминанты или связанные с вербализацией враждебности прямо или косвенно, относятся лексемы «возбуждение», «разжигание», «побуждение», «призыв», «пропаганда», «агитация», «унижение», «оскорбление» и «клевета».

Наиболее часто используемые языковые элементы, определяющие смысловые доминанты «вражда», «рознь», «ненависть», «нетерпимость», «дискриминация» и «равенство», – «национальность» («национальный»), «пол» («половой») / «гендер» («гендерный»), «раса» («расовый»), «религия» («религиозный») / «вера» / «вероисповедание» / «мировоззрение», «этнос» («этнический») и «происхождение». Наиболее редко упоминаются такие элементы, как «идеологические убеждения» («идеологический»), «принадлежность к общественным объединениям», «цвет кожи», «возраст» и «гендерная идентичность».

ЛИТЕРАТУРА

1. Сычев, А. А. Проблема классификации языка вражды в отношении мигрантов (на примере Республики Мордовия) / А. А. Сычев, Е. А. Коваль, Н. В. Жадунова // Регионология. – 2018. – Т. 26, № 4. – С. 798–815.
2. Василенко, Е. Н. «Язык вражды»: к определению термина / Е. Н. Василенко // Романовские чтения – 13 : сб. ст. Междунар. науч. конф., посвящ. 105-летию МГУ им. А. А. Кулешова, Могилев, 25–26 окт. 2018 г. / Могил. гос. ун-т ; под общ. ред. А. С. Мельниковой. – Могилев, 2019. – С. 126–127.
3. Общеполитическая рекомендация № 15 «О борьбе с языком ненависти» [Электронный ресурс] : принята Европейской комиссией по борьбе с расизмом и нетерпимостью 8 декабря 2015 г.. – Страсбург, 2016. – 75 с.
4. Антанович, Н. А. Политика и право: проблемы взаимодействия в современном обществе / Н. А. Антанович // Новейшая история (1991–2006 гг.): государство, общество, личность: материалы Междунар. науч.-теорет. конф., Минск, 29 сент. 2006 г. / НАН Беларуси. – Минск, 2006. – С. 332–337.
5. Дзялошинский, И. М. Образы вражды в российских СМИ: социальные, культурные, профессиональные факторы / И. М. Дзялошинский // Российские СМИ: как создается образ врага. Статьи разных лет / И.М. Дзялошинский, М.И. Дзялошинская. – М. : Моск. бюро по правам человека, “Academia”, 2007. – С. 66–88.
6. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс] : принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 нояб. 1948 г. // Сайт Организации объединенных наций Беларусь. – Минск, 2019.
7. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : с изм. от 30 дек. 2008 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2016.
8. Конституция Украины [Электронный ресурс] : принята Верх. Радой Украины 28 июня 1996 г. : с изм. от 01 февр. 2011 г. // Сайт Верховной Рады Украины. – Киев, 2019.
9. Конституция Латвийской Республики [Электронный ресурс] : принята Учредит. собранием 15 февраля 1922 г. : в ред. закона от 19 июня 2014 г. // Канцелярия Президента Латвии. – Рига, 2019.
10. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
11. Конституция Соединенных Штатов Америки 1787 г. // Соединенные Штаты Америки. Конституция и законодательные акты : пер. с англ. / сост. В.И. Лафитский ; под ред. и вступ. ст. : О. А. Жидков. – М. : Прогресс-Универс, 1993. – С. 12–25.

12. Конституция Литовской Республики [Электронный ресурс] : принята на референдуме 25 окт. 1992 г. : с изм. и доп. от 25 апр. 2006 г. ; пер. с лит. // World Intellectual Property Organization. – Geneva, 2019.
13. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland [Elektronische Ressource] : Ausfertigungsdatum 23. Mai 1949 : zuletzt geändert 28 März 2019 // Ein Service des Bundesministeriums der Justiz und für Verbraucherschutz sowie des Bundesamts für Justiz. – Berlin, 2019.
14. Конституция Республики Польша [Электронный ресурс] : принята Нац. Собр. Респ. Польша 2 апр. 1997 г. // Канцелярия Сейма Республики Польша. – Варшава, 1997.
15. Денисова, А. В. Правовые основы лингвистической экспертизы «языка вражды» / А. В. Денисова // Юрислингвистика. – 2011. – № 1 (11). – С. 221–227.
16. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. Федер. закона от 17 июня 2019 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2019.
17. О противодействии экстремистской деятельности [Электронный ресурс] : Федер. закон, 25 июля 2002 г., № 114-ФЗ : в ред. Федер. закона от 23.11.2015 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2015.
18. Уголовный кодекс Украины [Электронный ресурс] : 5 апр. 2001 г., № 2341-III : принят Верх. Радой Украины 5 апр. 2001 г. ; с изм. и доп. от 06 июня 2019 г. ; пер. с укр. / Информационная система «ПАРАГРАФ». – Алматы, 2019.
19. Уголовный кодекс Литовской Республики [Электронный ресурс] : 26 сент. 2000 г., VIII-1968 : принят Сеймом Лит. Респ. 26 сент. 2000 г. ; пер. с лит. / Федер. прав. портал «Юридическая Россия». – Санкт-Петербург, 2007.
20. О равных возможностях женщин и мужчин [Электронный ресурс] : закон Респ. Литва, 1 дек. 1998 г., VIII-947 : принят Сеймом Лит. Респ. 1 дек. 1998 г. ; с изм. и доп. от 19 июня 2008 ; пер. с лит. // Канцелярия Сейма Литовской Республики. – Вильнюс, 2019.
21. Krimināllikums [Elektroniskais resurss] : 17. jūnijā 1998. g. : Saeimā pieņemts 17. jūnijā 1998. g. : ar grozījumiem 20 jūnijā 2019. g. / Oficiālais izdevējs "Latvijas Vēstnesis". – Rīga, 2019.
22. Уголовный кодекс Республики Польша : принят Сенатом Респ. Польша 6 июня 1997 г. ; с изм. и доп. по сост. на 1 мая 2001 г. / науч. ред. А. И. Лукашов, Н. Ф. Кузнецова ; пер. с польск. Д. А. Барилевич. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2011. – 234 с.
23. Strafgesetzbuch (StGB) [Elektronische Ressource] : Ausfertigungsdatum 15. Mai 1871 ; neugefasst 13. Nov. 1998 ; zuletzt geändert 19. Juni 2019 // Ein Service des Bundesministeriums der Justiz und für Verbraucherschutz sowie des Bundesamts für Justiz. – Berlin, 2019.
24. Allgemeines Gleichbehandlungsgesetz (AGG) [Elektronische Ressource] : Ausfertigungsdatum 14. Aug. 2006 ; zuletzt geändert 3. Apr. 2013 // Ein Service des Bundesministeriums der Justiz und für Verbraucherschutz sowie des Bundesamts für Justiz. – Berlin, 2019.
25. Gesetz zur Verbesserung der Rechtsdurchsetzung in sozialen Netzwerken (Netzwerkdurchsetzungsgesetz – NetzDG) [Elektronische Ressource] : Ausfertigungsdatum 01. Sept. 2017 // Ein Service des Bundesministeriums der Justiz und für Verbraucherschutz sowie des Bundesamts für Justiz. – Berlin, 2019.
26. U. S. Code [Electronic resource] / Legal Information Institute. – Mode of access: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text>. – Date of access: 05.06.2019.
27. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. ; одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
28. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 21 апр. 2003 г., № 194-3 : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 апр. 2003 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09 янв. 2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
29. О противодействии экстремизму [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 4 янв. 2007 г. № 203-3 : с изм. и доп. от 20 апр. 2016 г. № 358-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
30. Dimitrovs, A. Equality Law in Latvia: Current Trends and Challenges / A. Dimitrovs // The Equal Rights Review. – 2012. – № 9. – P. 11–23.

Поступила 07.08.2019

LINGUISTIC ASPECT OF THE LEGAL STATUS OF HATE SPEECH

E. VASILENKO

The article substantiates the need to study hate speech from the point of view of jurisprudence, proposes a definition of the term “hate speech”, discusses the linguistic features of its legal status based on the material of the legal acts of the Republic of Belarus, the Republic of Latvia, the Republic of Lithuania, the Russian Federation, the Republic of Poland, Ukraine, the Federal Republic of Germany and the United States of America. Qualifying semantic dominants directly related to verbalization or another kind of manifestation of hostility are identified based on the analysis of the constitutions, criminal codes and other legislative documents of the aforementioned countries. Language elements describing concrete actions that characterize the selected semantic dominants or are directly or indirectly related to the manifestation of hostility are singled out. The attributive linguistic elements that define the given semantic dominants are determined.

Keywords: hate speech, legal status of hate speech, hostility, semantic dominant, legal act.

УДК 330.101.8+811.111'42:33

ПРАГМАТИКА ДИСКУРСА СОЦИАЛЬНОЙ, ПОЛИТИЧЕСКОЙ И КОММЕРЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ В АСПЕКТЕ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ¹

*канд. филол. наук Т.В. СОЛОДОВНИКОВА
(Белорусский государственный университет, Минск)
tatianasolodovnikova2015@gmail.com*

Обосновывается рассмотрение прагматических особенностей дискурса социальной, политической и коммерческой рекламы в Республике Беларусь в аспекте теории речевых актов, а также с позиций теории речевого воздействия. Устанавливается, что рекламному дискурсу вне зависимости от его типа присуща деинтенсификация морфологических форм императива. Выявлено, что вопросительные конструкции, выражающие некатегоричное побуждение, в большей степени характерны для социальной рекламы в Республике Беларусь, в меньшей – для коммерческой; в дискурсе политической рекламы ввиду его специфики преобладают экспрессивы и декларативы. Наиболее частотной из всех разработанных систем воздействия на потребителей является система AIDA (attention – interest – desire – action) в ее различных модификациях.

Ключевые слова: дискурс-анализ, реклама, прагматика, воздействие, коммуникация, эффективность

Введение. Введенный в лингвистический оборот еще в конце 30-х гг. XX в. американским семиотиком Ч. Моррисом, термин «прагматика» вначале обозначал один из трех разделов семиотики, изучающий отношение знаков к их интерпретаторам, а затем стал использоваться для обозначения области лингвистических исследований, направленных на изучение функционирования языковых знаков в речи, в особенности под влиянием логико-философских теорий речевых актов Дж. Остина, Дж. Р. Серла, З. Вендлера, теорий прагматических значений П. Грайса, а также теорий референции П. Стросона, Л. Линского и др. Такое понимание прагматики языковых знаков отразилось в «Лингвистическом энциклопедическом словаре»: «Прагматика... – область исследований в семиотике и языкознании, в которой изучается функционирование языковых знаков в речи» [1, с. 389].

Ю.Д. Апресян, в свою очередь, под языковой прагматикой понимает «закрепленное в языковой единице (лексеме, аффиксе, граммеме, синтаксической конструкции) отношение говорящего: 1) к действительности, 2) к содержанию сообщения, 3) к адресату» и подчеркивает, что речь идет не об оценке, свободно творимой говорящим в речи, а лишь о той готовой, лексикализованной или грамматикализованной оценке, которая встроена непосредственно в содержательную сторону языковых единиц и имеет, тем самым, постоянный статус в языке [2, с. 136]. Следовательно, Ю.Д. Апресян не исключает, что языковая прагматика может быть не только системно-языковой, но и речевой.

Е.В. Падучева считает, что прагматика сводится к отношению языковых знаков к говорящему, и указывает на искусственность в разграничении прагматики и семантики языка, определяя лингвистическую прагматику как «некоторую область семантики... которая изучает языковые элементы... в семантике которых отсылка к говорящему играет ключевую роль» [3, с. 223]. Более того, она полагает, что языковые значения прагматичны в принципе: с человеком, с речевой ситуацией связаны в языке не какие-нибудь особо выделенные экспрессивные элементы, а вообще значение подавляющего большинства слов и грамматических единиц.

По мнению Г.В. Колшанского, «прагматика изучает все те условия, при которых человек использует языковые знаки» [4, с. 127], при этом под условиями использования понимаются условия адекватного выбора и употребления языковых единиц с целью достижения конечной цели коммуникации – воздействия на партнеров в процессе их речевой деятельности. «Прагматическое направление исследования рекламных текстов позволяет рассматривать различные языковые и неязыковые средства воздействия на реципиента с точки зрения их целесообразности для достижения коммуникативного намерения составителей текста» [5, с. 16]. Тот факт, что рекламный дискурс, вне зависимости от его типа, вида, канала передачи и т.д., обладает особой прагматикой на сегодняшний день ни у кого не вызывает сомнений. В 1966 г. Дж. Лич, автор принципов вежливости и один из основоположников теории речевых актов, для обозначения рекламной коммуникации ввел термин «загруженный язык», «который нацелен на изменение желаний, мнений и отношений слушателей...» [6, р. 25].

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта БРФФИ № Г18МС-003 от 30 мая 2018 г. «Прагматические и структурно-семантические характеристики дискурса социальной, политической и коммерческой рекламы (на материале франко-, русско- и белорусскоязычных текстов)».

Реклама – это институциональный тип дискурса, использующий элементы риторики с четко поставленной и явно выраженной целью – заставить купить, чтобы потребить. Именно поэтому и французские исследователи, такие как Ж.-М. Адам и М. Боном [7], ссылаясь также на работы Н. Эвераэр-Дэсмед [8], указывают на возможность рассмотрения рекламного дискурса с позиций теории речевых актов Дж. Остина и Дж. Р. Серля, выделявших в каждом высказывании следующую триаду: локуцию (акт говорения), иллокуцию (осуществление какого-то акта в ходе говорения) и перлокуцию (воздействие на чувства, мысли и действия других лиц и получение результата – преднамеренного/непреднамеренного эффектов воздействия). Значение данной триады можно представить следующим образом:

Языковое воздействие	Создать сообщение	Обладающее убедительной силой	Побуждающее к покупке товара
Прагматика	Локуция	Иллокуция (явная / скрытая)	Перлокуция (заставить поверить, побудить к действию)

Таким образом, при совершении речевого акта осуществляются одновременно и локутивный акт (собственно произнесение высказывания) и иллокутивный акт (выражение просьбы и т.п.), в результате чего, согласно Дж. Остину, достигается перлокутивный эффект (реализация коммуникативного намерения, говорящего).

Н. Эвераэр-Дэсмед и К. Бергэло-Гийе также подчеркивают, что некоторые элементы, свойственные рекламному высказыванию, могут усиливать перлокутивный эффект, поскольку, по их мнению, они «опираются на корпус социально принимаемых утверждений, предлагают стандартную картинку благополучия, транслируют лишь строго одобряемые культурой смыслы, соблюдая рекламный код, стремятся его усилить, сделать естественным, маскируя тем самым видовой условности» [9, р. 15]. Французские исследователи подчеркивают при этом, что мир рекламы является закрытым, поскольку приемлет лишь «общепризнанные истины» (*vérités reconnues*). В современных условиях с данным утверждением сложно согласиться, зная о существовании такого феномена как шоковая реклама. В данном контексте уместно будет вспомнить, напр., рекламные кампании мороженого для взрослых бренда *Alcreme*, бренда *Mark Formelle* или рекламу платежной системы *Белкарт*, где известные телеведущие снимались без штанов под слоганом «своя рубашка ближе к телу») [10; 11; 12].

При рассмотрении рекламного текста как целеориентированного речевого произведения особую значимость приобретает определение его иллокутивной силы. П.Ф. Стросон указывает на то, что «иллокутивная сила высказывания – это то, что, согласно намерению, должно быть понято» [13, с. 149]. Ядро понятия иллокутивной силы составляет иллокутивная цель – само намерение говорящего, направленное на определенное взаимодействие с адресатом (утверждение, вопрос, приказ, просьба и др.).

Дж. Серль, классифицируя различные типы иллокутивных актов, выделяет: директивы, репрезентативы, коммисивы, экспрессивы и декларативы [14, с. 170]. Директив, очевидно выступая центром рекламной коммуникации, можно определить как «стремление одного из коммуникантов оказать на собеседника, адресата такое воздействие, которое могло бы побудить последнего совершить определенные действия, исполнения которых первый из коммуникантов, отправитель, желает по тем или иным причинам» [15, с. 10]. Морфологические формы повелительного наклонения и императивные предложения, с помощью которых в речи обычно выражены директивы, в рекламном дискурсе «смягчаются» путем добавления в текст информации о причине и цели действия, к которому побуждается адресат: *Бывших детей не бывает! Заплати алименты!; Дети не ищут опасность. Они просто играют! МЧС благодарит заботливых родителей (серия рекламных плакатов ЮНИСЕФ); ЗВОНИТЕ! и вашу рекламу увидят! (на фоне глаз девушки); Даже белочка знает как в жизни бывает, если кто-то петарды бездумно взрывает... Будьте осторожны при использовании пиротехники!; 1 СЕКУНДА и вся жизнь впереди ПРИСТЕГНИТЕСЬ!; Даже котик покупает В РАССРОЧКУ! Купить просто (рекламная компания интернет-магазина бытовой техники 21vek.by); ГОЛОСУЙ ЗА БЕЛАРУСЬ для народа!; Голосуй за будущее!; Живите за границей обыденного! / Переезжайте по любви! (рекламные компании Новой Боровой) и т.д.*

Приведенные выше примеры свидетельствуют о деинтенсификации директивных высказываний, свойственной дискурсу социальной, политической и коммерческой рекламы. Исходя из принципов вежливости и максим речевого поведения Дж. Лича [16, р. 132], можно прийти к выводу о том, что некатегоричное побуждение, носящее более вежливый характер, обеспечивает благоприятный фон для реализации стратегий говорящего (рекламодателя) и способствует достижению коммуникативного эффекта рекламного текста.

О.А. Давыденкова отмечает, что «в рекламе используется косвенная императивность, которая предполагает периферийные способы выражения побуждений... в таких ситуациях, прежде чем выступить с прямым побуждением, говорящий выясняет с помощью утверждающего вопроса готовность адресата к совершению действия» [17, с. 161–162]. Вопросительные конструкции, также характерные для рекламного дискурса вне зависимости от его типа, позволяют директивным высказываниям звучать ме-

нее категорично, создавая своего рода диалог с потребителем: *ЭКОЛОГИЧНО? Если природа ответит тем же? (на фоне распускающегося растения, вместо листьев у которого окурки); Маё першае слова «Дзякуй». А якім будзе тваё першае слова на роднай мове?; Твой малыш дома один? Ужэ спічкі нашел і с імі іграе? Быць беде... здесь чудес не бывает.... (серия плакатов МЧС РБ)*. Примечательно, что вопросительные конструкции в большей степени характерны для социальной рекламы в Республике Беларусь, в меньшей – для коммерческой. Что касается дискурса политической рекламы, то здесь преобладают экспрессивы и декларативы: *ГЭТА МАЯ РАДЗІМА!; ВМЕСТЕ МЫ БЕЛАРУСЬ!; ЗА БЕЛАРУСЬ!; ЗА цветущую Беларусь!; БЕЛАРУСЬ – государство ДЛІЯ НАРОДА* и т.д.

Как отмечает Ф.И. Шарков, «все функции рекламы, также, как и других элементов комплекса маркетинга, сводятся к достижению основных целей маркетинговых коммуникаций: формированию спроса и стимулированию сбыта» [18, с. 37]. Именно поэтому является важным исследование коммуникативно-прагматической направленности рекламы. Поскольку рекламный дискурс вне зависимости от типа рассчитан на достижение определенного перлокутивного эффекта (побудить к действию), то, очевидно, прагматические характеристики этого дискурса связаны и с эффективностью рекламной коммуникации.

В большинстве исследований, проведенных как на постсоветском пространстве [19; 20], так и за рубежом [21; 22] выделяют 4 основных уровня психологического воздействия: когнитивный (передача информации), аффективный (формирование отношения), суггестивный (внушение), конативный (побуждение к действию). Очевидно, что каждый из этих уровней обладает достаточно широкими границами. Создатели рекламных кампаний, придерживаясь общих тенденций, которые от них не зависят, тем не менее вкладывают свое толкование каждого такого уровня, и по-своему применяют их на практике. Благодаря такому подходу, уровни соединяются в единую непрерывную цепочку воздействия рекламы на потребителя. На основе выделения данных уровней в результате большой исследовательской работы были созданы несколько таких цепочек, называемых моделями воздействия рекламы на потребителя. Первая из них появилась в середине еще XIX в., но они продолжают совершенствоваться до сих пор: AIDA (attention – interest – desire – action), ACCA (attention – comprehension – convection – action), DAGMAR (defining advertising goals – measuring advertising results). Сегодня из всех разработанных систем воздействия на потребителей наиболее часто используемой является система АИДА в ее различных модификациях, и Беларусь не исключение. Это происходит прежде всего из-за ее эффективности и возможности ее надежного контроля [23].

По мнению Д. Каплунова, одного из самых известных и ярких копирайтеров России, основателя агентства копирайтинга «Студия Дениса Каплунова», «тремя китами» эффективности рекламного текста являются следующие: нужный текст (создание рекламного текста должно основываться на нуждах и потребностях целевой аудитории), нужному человеку (ориентация на четко отобранного потребителя), в нужное время (грамотный анализ реакций участников рынка на изменения) [24]. В свою очередь А.Н. Назайкин, консультант по рекламе, говоря о практических методиках оценки эффективности рекламных текстов, указывает также на две основные методики, широко используемые в настоящее время: тестирование всего текста методом Роберта Ганнинга, разработавшего так называемый индекс туманности («fog index») и чек-листы рекламных текстов (контрольные списки вопросов) [25].

Понимая под прагматикой теорию речевого воздействия, необходимо отметить, что именно позитивная прагматическая направленность рекламного дискурса является тем фактором, который во многом обуславливает его специфику и оказывается решающим для формирования других отличительных черт рекламы. Прагматическая ориентация текстов данного типа определяет логический и/или эмоциональный стержень высказывания, общую тональность дискурса, диктует отбор языковых и неязыковых средств и способ их подачи и организации.

Подытожив вышеизложенное, в качестве заключения отметим, что рекламному дискурсу вне зависимости от его типа присуща деинтенсификация морфологических форм императива (директивы); вопросительные конструкции, выражающие некатегоричное побуждение, в большей степени характерны для социальной рекламы в Республике Беларусь, в меньшей – для коммерческой; в дискурсе политической рекламы ввиду его специфики преобладают экспрессивы и декларативы. Наиболее частотной из всех разработанных систем воздействия на потребителей является система AIDA (attention – interest – desire – action) в ее различных модификациях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н. Д. Прагматика / Н. Д. Арутюнова // Лингв. энцикл. сл. / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 688 с.
2. Апресян, Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. Избр. тр. / Ю. Д. Апресян. – Т. II. – М. : Шк. «Языки русской культуры», 1995. – 767 с.
3. Падучева, Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива / Е. В. Падучева. – М. : Языки славянской культуры, 2010. – 480 с.
4. Колшанский, Г. В. Коммуникативная функция и структура языка / Г. В. Колшанский. – М. : Наука, 1984. – 173 с.

5. Лившиц, Т. Н. Реклама в прагмалингвистическом аспекте / Т. Н. Лившиц. – Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, 1999. – 212 с.
6. Leech, G. N. English in Advertising: A Linguistic Study of Advertising in Great Britain / G. N. Leech. – London : Longman, 1966. – 210 p.
7. Adam, J.-M. L'argumentation publicitaire. Rhétorique de l'éloge et de la persuasion / J.-M. Adam, M. Bonhomme. – Paris : Armand Colin, 1997. – 366 p.
8. Everaert-Desmedt, N. La communication publicitaire. Etude sémio-pragmatique / N. Everaert-Desmedt. – Louvain-la-Neuve : Cabay, 1984. – 307 p.
9. Berthelot-Guiet, K. Analyser les discours publicitaires / K. Berthelot-Guiet. – Paris : Armand Colin, 2015. – 172 p.
10. Двумя пальцами в мороженое: провокационные фото бренда Alcreme созданы на основе фокус-групп с потребителями (2018) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://marketing.by/keys/dvumya-paltsami-v-morozhenoe-fotosessiya-dlya-brenda-alcreme-vozbudila-baynet/>. – Дата доступа: 19.01.2019.
11. Рекламу Mark Formelle обвинили в сексизме (2016) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://citydog.by/post/zaden-mark/>. – Дата доступа: 19.01.2019.
12. Что получается, когда полуголые красавцы шьют женское белье: Mark Formelle раскрывает результаты скандальной рекламы (2017) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://probusiness.io/marketing/3181-chto-poluchaetsya-kogda-polugolye-krasavcy-shyut-zhenskoe-bele-mark-nbsp-formelle-raskryvaet-rezultat-skandalnoy-reklamy.html>. – Дата доступа: 19.01.2019.
13. Стросон, П. Ф. Намерение и конвенция в речевых актах / П. Ф. Стросон // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. – М. : Прогресс, 1986. – С. 130–150.
14. Серль, Дж. Р. Классификация иллокутивных актов / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. – М. : Прогресс, 1986. – С. 170–194.
15. Беляева, Е. И. Грамматика и прагматика побуждения: Английский язык / Е. И. Беляева. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1992. – 168 с.
16. Leech, G. N. Principles of Pragmatics / G. N. Leech. – London ; New York: Longman, 1983. – 250 p.
17. Давыденкова, О. А. Вопрос как когнитивная основа реализации имплицитного воздействия английских предложений рекламно-инструктивного характера / О. А. Давыденкова // Композиционная семантика: материалы III Междунар. шк.-сем-ра по когнитивной лингвистик : в 2 ч., 18–20 сент. 2002 г. ; отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Ч. 1. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2002. – С. 158–162.
18. Шарков, Ф. И. Коммуникология: основы теории коммуникации / Ф. И. Шарков. – М. : Дашков и К, 2017. – 488 с.
19. Ромат, Е. В. Реклама. История. Теория. Практика: учеб. пособие / Е. В. Ромат. – СПб. : Питер, 2002. – 544 с.
20. Кармин, А. С. Психология рекламы / А. С. Кармин. – СПб. : ДНК, 2004. – 512 с.
21. La publicité: Définition [Ressource électronique]. – Mode d'accès : <https://www.petite-entreprise.net/P-1722-85-G1-la-publicite-definition.html>. – Date d'accès: 20.01.2019.
22. Berman, M. Street-Smart Advertising: How to Win the Battle of the Buzz / M. Berman. – Lanham : Rowman & Littlefield, 2010. – 238 p.
23. Солодовникова, Т. В. Онтология дискурса коммерческой рекламы в контексте языковой ситуации в Республике Беларусь / Т. В. Солодовникова // Известия Смоленского гос. ун-та. – 2019. – №1 (45). – С. 197–213.
24. «Три кита» эффективности рекламного текста [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.blog-kaplunoff.ru/reklamnyj-tekst/233-ltri-kitar-effektivnosti-reklamnogo-teksta.html>. – Дата доступа: 20.10.2019.
25. Назайкин, А. Н. Как оценить эффективность рекламного текста (практические методики) [Электронный ресурс] / А. Н. Назайкин. – Режим доступа: <http://marketing.by/mnenie/kak-otsenit-effektivnost-reklamnogo-teksta-prakticheskie-metodiki/?mobile=Y>. – Дата доступа: 20.10.2019.

Поступила 11.11.2019

**PRAGMATICS OF THE DISCOURSE OF SOCIAL, POLITICAL
AND COMMERCIAL ADVERTISING IN THE ASPECT OF THE LANGUAGE SITUATION
IN THE REPUBLIC OF BELARUS**

T. SALADOUNIKAVA

The article substantiates the consideration of the pragmatic features of the discourse of social, political and commercial advertising in the Republic of Belarus in the aspect of the theory of speech acts, as well as from the standpoint of the theory of speech exposure. It is established that the advertising discourse, regardless of its type, is characterized by the de-intensification of the morphological forms of the imperative. It was revealed that interrogative constructions expressing a non-categorical motivation are more characteristic for social advertising in the Republic of Belarus, and less for a commercial one; in the discourse of political advertising, due to its specificity, expressives and declaratives prevail. The most frequent of all the developed consumer impact systems is the AIDA (attention - interest - desire - action) system in its various modifications.

Keywords: discourse analysis, advertising, pragmatics, impact, communication, efficiency.

УДК 81'42

СПОСОБЫ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ИМИДЖА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Т.В. КОВАЛЬКОВА

(Белорусский государственный экономический университет, Минск)
tatikovalkova@mail.ru

Описываются способы языковой репрезентации социального имиджа промышленных предприятий. Утверждается, что социальный имидж является составной частью организационного имиджа, формирующегося под влиянием впечатлений общества от непрофильной деятельности компаний и выражается посредством информирования общественности через миссию о специальных социальных, экономических и экологических программах. Особое внимание уделяется определению места социального имиджа в структуре имиджа организации, инструментам его реализации. Анализируются языковые средства (лексические единицы мелиоративного характера, эмотивные интенсификаторы, речевые клише, оценочные лексемы, фигуры речи и тропы), призванные придавать высказываниям положительную эмоциональную окрашенность и способствовать достижению отправителями поставленных коммуникативных целей. На основе анализа языкового материала выявляются основные направления, в рамках которых осуществляется формирование социального имиджа.

Ключевые слова: *формирование имиджа, социальный имидж предприятия, языковая репрезентация, языковые средства.*

Введение. Формирование информационного общества и изменение системы ценностей способствуют перемещению акцента из области производства материальных ценностей в область производства информации. Смена приоритетов связана с желанием общественности требовать от компаний решения не только экономических, но и социальных проблем. В связи с этим предприятия стремятся использовать различные инструменты, позволяющие им формировать в сознании потенциальных потребителей определенный образ, отражающий роль организации в решении социальных вопросов и позволяющий подчеркнуть ее заинтересованность не только в получении коммерческой прибыли, но и в достижении обществом благополучия. Цель статьи – выявить и описать способы языковой репрезентации социального имиджа промышленных предприятий.

Проблема создания имиджа языковыми средствами достаточно подробно описана в лингвистических исследованиях, в которых особое внимание уделяется формированию имиджа представителей определенных социальных групп: политиков (О.Н. Паршина, О.Б. Сиротинина, М.А. Кормилицына, Ю.В. Газинская) [1 – 4], спортсменов (А.А. Трубочнинова) [5], педагогов (Э.А. Пантюшова) [6]. В центре внимания ученых-лингвистов также находятся способы вербализации имиджа регионов (Е.А. Торопова, К.А. Кузина, О.В. Прасолова, Е.Н. Ремчукова, И.А. Сушненкова) [7 – 11], отдельных персон (Е.С. Артамонова, Е.С. Гончарова) [12 – 13] и отдельных организаций (Е.Н. Вершинина, Ю.В. Тимохина) [14 – 15]. Стоит отметить, что процесс формирования социального имиджа предприятий находится в сфере научных интересов социологов (Т.Н. Ежова) [16], экономистов (О.М. Цугленок) [17], психологов (Е.А. Столярчук) [18], тем не менее, лингвистический аспект явления остается недостаточно раскрытым.

Материалом исследования послужили материалы предприятий нефтехимической промышленности Республики Беларусь, размещенные на интернет-портале о нефти и химии Беларуси, а также тексты предприятий машиностроительной отрасли, располагающиеся на корпоративных сайтах соответствующих машиностроительных организаций. Методом сплошной выборки нами были выделены текстовые фрагменты с коммуникативной функцией «создание образа социально-ориентированной компании». Кроме общенаучных методов исследования, также был использован метод дискурс-анализа.

Основная часть. Социальный имидж организации связан с «представлениями широкой общественности о социальных целях и роли организации в экономической, социальной и культурной жизни общества» [19]. «Социальный имидж является составной частью организационного имиджа, формирующегося под влиянием впечатлений общества от непрофильной деятельности компаний и выражается посредством информирования общественности через миссию о специальных социальных (спонсорство, меценатство, поддержка общественных движений, участие в решении проблем занятости, здравоохранения), экономических и экологических программах» [20, с. 15].

Экологическая составляющая приобретает все большее значение в формировании благоприятного социального имиджа современных промышленных предприятий, поскольку осознание экологических приоритетов ведет к «снижению заболеваемости и смертности населения» [21, с. 93].

В связи с этим организации подчеркивают меры, принимаемые ими для охраны окружающей среды и поддержания благоприятной экологической обстановки:

«Гродно Азот» как крупнейшее химическое предприятие страны осознаёт свою ответственность перед государством и обществом не только в эффективной промышленной работе, но и в уменьшении техногенной нагрузки на окружающую среду и сохранении благоприятной экологической обстановки в зоне ответственности завода.

Конструкция *не только... но и* употребляется для усиления важности второго компонента (*уменьшение техногенной нагрузки*) в цепочке однородных членов. «Такое значение всей конструкции создается путем «снятия с помощью отрицания смысла», вносимого выделительно-ограничительной частицей *только*» [22, с. 78].

Для подчеркивания уменьшения отрицательного влияния на окружающую среду используется усиливающий эмотивный интенсификатор предела *максимально* (*максимально отказываться от бумажных документов; максимально снизить воздействие на окружающую среду*), определительное местоимение *все* (*сконцентрируем все усилия*) выступает средством гиперболизации прикладываемых организацией усилий [23, с. 26; 24]:

ЗАСО «Белнефтехстрах»: «В ближайшие три года мы сконцентрируем все усилия на переходе на цифровой формат и будем максимально отказываться от бумажных документов. Это станет вкладом компании в экологию (сохранение лесов за счет сокращения использования бумаги)»;

ОАО «Мозырский НПЗ»: «Экологическая политика нашего предприятия направлена на то, чтобы максимально снизить воздействие на окружающую среду и обеспечивать нормальную экологическую обстановку в Мозырском районе».

В структуре социального имиджа предприятий существенное место занимает проблема здравоохранения. Фирмы создают образ «заботящегося о своих сотрудниках работодателя», активно эксплуатируя идею здоровья – важнейшей жизненной человеческой ценности:

Работники предприятия всегда могут набраться сил и укрепить здоровье в санатории «Жемчужина», где к их услугам бассейн с водными горками, спортзал, массажные кабинеты и СПА-процедуры. Кстати, у «Гродно Азота» есть своя поликлиника, оснащенная современным оборудованием.

Предприятие выражает постоянную готовность быть полезным для своих работников (*всегда к их услугам*), декларирует наличие собственной поликлиники благодаря притяжательному местоимению *своя*, выступающему в качестве интенсификатора принадлежности.

В следующем примере, говоря о важности состояния здоровья сотрудников, предприятие прибегает к использованию разговорного клише, которое демонстрирует прямую зависимость между самочувствием работников и их трудовыми успехами, под которыми, видимо, подразумевается экономическая эффективность самого предприятия и личное благополучие сотрудников компании:

МТЗ-ХОЛДИНГ: «Отличное здоровье – главный залог трудового успеха!».

В коллективном договоре «Белнефтехстраха» заложен принцип справедливости в оплате труда, а наш социальный пакет помимо права на отдых, материальную помощь и другие блага включает и добровольное страхование медицинских расходов.

В данном случае использование союза *и* в препозиции к дополнению (*страхование медицинских расходов*) увеличивает значимость последнего в глазах целевой аудитории.

В следующем примере с помощью союза *и* адресант имплицитно подчеркивает множество совершаемых им добрых дел, давая понять, что перечисленные им примеры являются далеко не единственными его заслугами (*...и жемчужине; ...и издание*):

ЗАСО «Белнефтехстрах»: «Наша компания активно помогает и национальной архитектурной жемчужине – дворцу Паскевичей в Гомеле. В Беларуси существует сильная школа натюрморта, здесь работают уникальные, известные во всем мире художники, поэтому мы поддержали и издание художественного альбома».

Для усиления экспрессивности речи также используется перифраз *национальная архитектурная жемчужина* для обозначения здания.

Как правило, организации стремятся подчеркнуть свою важную роль в развитии искусства посредством указания на меценатство. К этому способу, например, прибегает компания ЗАСО «Белнефтехстрах», которая организовала в белорусском государственном Музее истории Великой Отечественной войны акцию, посвященную 70-летию Великой Победы. На акции был презентован корпоративный календарь компании, изображающий полотна Великой Отечественной войны глазами белорусских художников. Эпиграфом к акции послужили слова полководца Суворова «тщето все это будет, ежели не будет воспето искусством», что указывает на использование апелляции к авторитету знаменитого полководца с целью придания акции убедительности.

Описанное мероприятие позволяет компании улучшить свой социальный имидж посредством иллюстрирования ее патриотизма и уважения к истории страны, желая пробудить аналогичные чувства в соотечественниках, сделав изображения более доступными для созерцания:

ЗАСО «Белнефтехстрах»: «У нашей организации 250 точек, где оказываются услуги. **И** если мы повесим календарь на каждой из них, то потрясающие полотна о Великой Отечественной войне, созданные белорусскими художниками, увидят те, у кого нет возможности или желания прийти в музей. Надеюсь, он будет висеть на видном месте **и** в офисах других компаний, которым мы его подарим». Повторяющийся союз **и** делает высказывание более экспрессивным и способствует достижению адресатом своего коммуникативного намерения.

Кроме патриотизма, предприятие подчеркивает свои просветительские намерения (*возможно, еще больше людей захотят прийти в музей*) и приверженность пацифизму (*станут горячими противниками войны и защитниками мира*):

И теперь, благодаря инициативе ЗАСО «Белнефтехстрах», возможно, еще больше людей захотят прийти в музей и ознакомиться с представленными экспонатами и картинами. А увидев, станут горячими противниками войны и защитниками мира. Данный прием реализуется через эпитет *горячими* и синонимическим повтором *противниками войны /защитниками мира*.

Акцентированию патриотической направленности в следующем примере способствует анафора (*гордиться тем, что вы делаете, тем, где вы живете*):

МТЗ-ХОЛДИНГ: «Зачастую белорусов критикуют за то, что они не любят своё... Я призываю вас **гордиться тем, что вы делаете, тем, где вы живете** – это залог успеха».

Подчеркивание вклада компаний в развитие образования выступает неотъемлемой частью их положительного социального образа:

Минский тракторный завод оснастил ресурсный центр в городском колледже новейшей сельхозтехникой на безвозмездной основе, обустроил учебные классы учебными пособиями. В частности, изготовлены и переданы колледжу учебные макеты колесного трактора BELARUS-3022ДЦ.1, гусеничного BELARUS-2103, макеты узлов тракторов модели BELARUS-3522 – передний и задний мост, двигатель и др.

Указание на участие определенной организации в общественно значимых культурных мероприятиях напрямую влияет на восприятие данной организации общественностью. Особую роль в системе социокультурных ценностей играют национальные праздники, которые соединяют в себе традиции и обычаи определенного общества [25, с. 43]:

«Папараць-кветку» в Александріі іскалі на беларускіх трактарах... Минский тракторный завод стал одним из главных партнеров самого масштабного купальского праздника страны.

Подчеркивание приверженности к общественным традициям через апелляцию к атрибутам праздника (*сюрпризы, конкурсы, хороводы, подарки, елка, чаепитие*) наблюдается в следующих примерах:

Дорогие друзья! С 17 декабря по 5 января приглашаем вас в гости на БЕЛАЗ! Вас ждет уникальная экскурсионная программа «в Новый год – с прогрессивными технологиями». Удивительные сюрпризы, необычные конкурсы, хороводы возле белазовской елки, а также фирменные подарки ждут Вас!;

Чаепитие с кондитерскими изысками – пирожными белазовского производства – стало заключительным аккордом посещения машиностроительного гиганта и еще одним приятным сюрпризом для гостей, по достоинству оценивших не только «экономику впечатлений» бренда белорусского машиностроения, но и его гостеприимство.

В следующем примере использование клише *праздник хлеборобов* вместо названия «Дожинки» и метафоры *яркий штрих* придает речи говорящего положительную эмоциональную окраску:

МТЗ добавил яркий штрих празднику хлеборобов Гродненщины.

Крупные предприятия пытаются обозначить свою градообразующую функцию, чтобы продемонстрировать зависимость между существованием предприятия и города, в котором оно находится:

ОАО «Нафтан»: «С нашим предприятием связаны судьбы десятков тысяч людей. Благодаря ему на карте Беларуси появился город Новополоцк»;

ОАО «Мозырский НПЗ»: «Благодаря помощи предприятия сняты острые проблемы в сфере ЖКХ Мозыря (**отремонтированы** кровли жилых домов, улицы, **ведется** благоустройство), **строится** уникальный объект – спортивно-оздоровительный центр».

Использование кратких форм страдательных причастий (*сняты, отремонтированы*) и пассивного залога глагола (*ведется, строится*) создает ощущение абстрагирования автора сообщения от происходящего, хотя его причастность к процессу констатируется им самим (*благодаря помощи предприятия*). Данный прием позволяет создать у адресата ложное впечатление о том, что предприятие намеренно не декларирует свои заслуги, а всего лишь вскользь упоминает о них.

Заключение. Таким образом, социальный имидж предприятия является значимой частью структуры образа организации наравне с экономическим, политическим и инновационным элементами. Социальный имидж фирмы – это представление, транслируемое организацией широкой общественности и скла-

дывающееся под влиянием впечатлений общества от непрофильной деятельности компании. Конструирование социального имиджа осуществляется в рамках определенных направлений, основными из которых являются экологическое (представление о предприятии как о субъекте, заботящемся об окружающей среде), образовательное (представление о предприятии как о субъекте, который стремится внести вклад в развитие интеллектуального потенциала общества), просветительское (представление о предприятии как о стремящемся приобщить людей к материальному и духовному наследию), здравоохранительное (представление об организации как о заботящейся о физиологическом и психологическом состоянии членов общества), морально-этическое (организация создает образ, который отражает следование ценностным ориентирам общества) и культурное (представление о предприятии как о субъекте, поддерживающем развитие культуры и искусства).

Важной характеристикой социального имиджа предприятия является его положительная эмоциональная окрашенность, формируемая посредством лексических единиц мелиоративного характера (*защитники мира, сюрпризы, подарки, архитектурная жемчужина*), эмотивных интенсификаторов (*максимально, все усилия*), речевых клише (*отличное здоровье — главный залог трудового успеха!*), оценочных лексем (*яркий штрих, главный партнер*). Используемые адресантами фигуры речи (анафора) и тропы (перифраз, гипербола, эпитет) усиливают выразительность высказываний. Данные языковые средства призваны способствовать достижению коммуникативных целей, поставленных отправителями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Паршина, О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России / О. Н. Паршина. – Астрахань : АГТУ, 2004. – 195 с.
2. Сиротинина, О. Б. Типы речевых культур в профессиональной деятельности человека (роль социальной активности личности в формировании типа речевой культуры) / О. Б. Сиротинина // Язык и власть : межвуз. сб. науч. тр. ; под ред. проф. М. А. Кормилицыной. – Саратов : Саратов. гос. ун-т, 2003. – С. 3–12.
3. Кормилицина, М. А. Формирование имиджа политика средствами СМИ / М. А. Кормилицина // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. – Саратов : Саратов. нац. исслед. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского, 2004. – С. 65–70.
4. Газинская, Ю. В. Языковые средства формирования образа центральных политических фигур в украинских печатных СМИ / Ю. В. Газинская // Вестн. Томск. гос. ун-та. – 2012. – № 358. – С. 7–10.
5. Трубоченинова, А. А. Лингвопрагматические характеристики современного спортивного медиадискурса (на материале немецкого языка) / А. А. Трубоченинова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 6/2. – С. 235–239.
6. Пантюшова, Э. А. Милосердие и имидж / Э. А. Пантюшова // Пушкинские чтения-2015. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст : материалы XX Междунар. науч. конф. ; под общ. ред. В. Н. Скворцова. – СПб. : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2015. – С. 321–326.
7. Торопова, Е. А. Национальная идентичность как компонент имиджа страны / Е. А. Торопова // Вестн. Моск. ун-та, Сер. 10. Журналистика. – 2010. – № 4. – С. 219–229.
8. Киреева, С. А. Имидж региона: теоретический аспект / С. А. Киреева, К. А. Кузина // Вестн. Астрах. техн. ун-та: Гуман. науки. – 2007. – № 1(36). – С. 233–235.
9. Прасолова, О. В. Географический имидж: особенности функционирования в сфере PR, подходы к формированию теории / О. В. Прасолова // Вестн. СПбГУ, Сер. 9. Язык и литература. – 2007. – Вып. 4. Ч. II. – С. 267–270.
10. Ремчукова, Е. Н. Языковые средства формирования имиджа России в современной рекламе / Е. Н. Ремчукова, В. А. Омеляненко // Вестн. РУДН, Сер. Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2017. – Т. 8/2. – С. 341–349.
11. Сушненкова, И. А. Лингвокогнитивное моделирование как перспективный метод исследования регионального имиджа (на примере имиджа Омской области) / И. А. Сушненкова // Вестн. Омск. ун-та. – 2011. – № 4. – С. 233–237.
12. Артамонова, Е. С. Стратегии скрытого речевого воздействия как способы создания имиджа публичной персоны / Е. С. Артамонова // Вестн. Волж. ун-та им. В. Н. Татищева. – 2015. – № 2 (18). – С. 15–22.
13. Гончарова, Е. С. Языковые средства создания имиджа г. Шрёдера до выборов и в первый год правления / Е. С. Гончарова // Вестн. МГИМО. – 2015. – № 3 (42). – С. 150–156.
14. Вершинина, Е. Н. Коммуникативные тактики создания имиджа вуза (на материале газеты «Поиск») / Е. Н. Вершинина // Сиб. филол. журн. – 2015. – № 1. – С. 159–164.
15. Тимохина, Ю. В. Языковые средства создания медиаобраза ООН (на материале британских, американских и российских интернет-источников) / Ю. В. Тимохина // Вестн. Волгогр. гос. ун-та, Сер. 9. Исследования молодых ученых. – 2014. – Вып. 12. – С. 97–100.

16. Ежова, Т. Н. Компонентная система имиджа организации / Т. Н. Ежова // Сервис Plus. – 2011. – № 4. – С. 26–31.
17. Цугленок, О. М. Имидж компании как фундамент для успешной работы компании / О. М. Цугленок // Эпоха науки. – 2019. – № 18. – С. 67–69.
18. Столярчук, Е. А. Социально-психологические аспекты восприятия и представления о привлекательности имиджа туристской фирмы / Е. А. Столярчук // Вестн. СПбГУ, Сер. 12. Социология. – 2009. – № 2. – С. 240–248.
19. Томилова, М. В. Модель имиджа предприятия [Электронный ресурс] / М. В. Томилова // Маркетинг в России и за рубежом. – Москва: Финпресс, 1998. – Режим доступа: <https://www.cfin.ru/press/marketing/1998-1/05.shtml>. – Дата доступа: 17.08.2019.
20. Опокин, В. В. Социальный имидж в структуре имиджа организации / В. В. Опокин // Наука образования. – 2014. – № 5. – С. 115–122.
21. Дукмасова, Н. В. Методические подходы к определению экономического эффекта от внедрения системы экологического менеджмента / Н. В. Дукмасова, И. В. Ершова // Вестн. УрФУ, Сер. Экономика и управление. – 2013. – № 6. – С. 90–97.
22. Данилевская, Т. А. Сочинительные конструкции с устойчивой препозитивной частью / Т. А. Данилевская // Вестн. Воронеж. гос. ун-та, Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007. – № 2/1. – С. 75–79.
23. Берестнев, Г. И. Эмотивные классификаторы английского и русского языков: от типологии номинаций к когнитивным установкам / Г. И. Берестнев, И. Б. Васильева // Вестн. Челяб. гос. ун-та, Сер. Филол. науки. – 2016. – Вып. 99. № 1. – С. 21–32.
24. Пивоварчик, Т. А. Прагматика употребления кванторного слова *весь* в языке региональной газеты / Т. А. Пивоварчик // Вестн. Волгогр. гос. ун-та, Сер. 2. Языкознание. – 2015. – № 5. – С. 26–33.
25. Хабудаева, Е. А. Национальные праздники в системе традиционных социокультурных ценностей бурятской молодежи / Е. А. Хабудаева // Вестн. Бурят. гос. ун-та, Сер. Философия, социология, политология, культурология. – 2014. – № 14. – С. 43–46.

Поступила 17.10.2019

WAYS OF LANGUAGE REPRESENTATION OF THE SOCIAL IMAGE OF INDUSTRIAL ENTERPRISES

T. KAVALKOVA

The article describes the ways of language representation of the social image of industrial enterprises. It is stated that the social image is an integral part of the corporate image, which is formed under the influence of public perception of companies' non-core activities and is expressed through the mission informing the public about special social, economic and environmental programs. Particular attention is paid to determining the place of social image in the structure of the corporate image, and the tools for its implementation. The author analyzes linguistic means (lexical reclamation units, emotive intensifiers, speech cliches, evaluative lexemes, speech figures and tropes), aimed at expressing a positive emotional coloring and helping senders achieve their communicative goals. Based on the analysis of linguistic material, the main areas are identified within which the social image formation is carried out.

Keywords: formation of image, social image, corporate image, language representation, linguistic tools.

УДК 811'42

**АКТУАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ЖАНРОВОЙ СИСТЕМЫ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ
В ПОЛЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА**

канд. филол. наук, доц. О.Н. ЧАЛОВА
(Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины)
oksana-chalova@mail.ru

Представлены результаты исследования, посвященного выявлению и характеристике основных тенденций развития жанровой системы научного дискурса. Так, в работе интерпретируются качественные изменения жанрового фонда научного общения, которые касаются аксиологической структуры, тактико-стратегической организации, категориальной составляющей, а также языковой ткани научной коммуникации. Трансформационные процессы, происходящие в поле научного дискурса, сравниваются с эволюционными тенденциями, обнаруживающимися в других типах институциональной коммуникации, в связи с чем делается вывод о разном характере преобразований научного, политического, педагогического, медийного, рекламного и прочих типов дискурса.

Ключевые слова: лингвопрагматика, жанры общения, институциональный дискурс, научный дискурс, аксиология, речевые стратегии и тактики, эмоционально-окрашенная лексика.

Введение. В настоящее время институциональный дискурс во всем многообразии своих типов (политический, медийный, научный, религиозный и др.) и подтипов претерпевает ряд изменений, которые в совокупности приводят к трансформации системы институциональной коммуникации в целом и ее отдельных разновидностей в частности. Эта трансформация носит сложный характер и имеет такие проявления, как гибридизация и диффузия жанровых образований, переход к речевому взаимодействию в режиме онлайн, «наращивание» различными жанрами лингвопрагматического потенциала и т.д.

Так, например, в журналистском дискурсе четко обозначилась тенденция к слиянию жанров и исчезновению границ между ними, появлению синкретичных форм коммуникации, смешению различных форматов дискурса, что обуславливает возникновение новых жанровых образований, например, жанра «интерактивная беседа» [1], характеризующегося совмещением признаков телебеседы и интернет-блога. Примечательно и то, что отдельные жанры журналистского дискурса претерпевают настолько интенсивное развитие своей структуры и контента, что образуют внутри себя полноценное жанровое пространство, каждый из элементов которого может рассматриваться как полноценное речевое целое, как независимый тип общения. В частности, такой жанр, как журналистское расследование, по сути, представляет собой совокупность тесно связанных, но при этом стилистически самостоятельных эпизодов (версия, легенда и проч.), которые уверенно можно интерпретировать в качестве самостоятельных жанровых единиц.

Подобные явления наблюдаются и в пределах педагогического дискурса. Последний отличается исключительным многообразием своих жанровых разновидностей, в связи с чем некоторые из них объединяются в целые дискурсивные системы, успешно существующие и активно функционирующие в поле «материнской» (родовой) системы педагогического дискурса. К числу таких («дочерних») систем в структуре дискурса педагогики следует отнести, в том числе, и дискурс грантовой деятельности [2], сложившийся в тематическом, композиционном и языковом плане, имеющий четко оформившуюся жанровую среду (ядерным компонентом которой целесообразно считать заявку на получение гранта) и, таким образом, существенно отличающийся от учебных жанров педагогического общения.

Эволюционирование своего жанрового устройства претерпевает и политический дискурс. Благодаря своей пластичности, подвижности и мультимедийности политический дискурс постоянно развивается, как развивается и сама политическая система, и политическая культура. Происходящие в современном мире процессы приводят к появлению новых политических жанров или способствуют прочному оформлению уже существующих: дискурса санкций, дискурса мигрантов/беженцев и проч. Кроме того, изменения в жанровой системе политического дискурса обусловлены не только необходимостью соответствия политических жанров тем трансформациям, которые происходят в современном обществе, но и другими факторами: тесным взаимодействием с другими дискурсивными системами институционального общения (журналистской, медицинской, рекламной, юридической, педагогической и др.), совершенствованием инструментального аппарата политической практики, расширением ролевого репертуара участников политического дискурса и т.д.

Не меньший исследовательский интерес в поле институционального дискурса вызывает рекламный дискурс, жанровый статус которого также нестабилен. Жанровый фонд рекламного дискурса постоянно пополняется за счет заимствований жанровых форматов из других дискурсивных систем – журна-

листской (интервью, репортаж и др.), политической (агитационная речь, лозунги и др.), юридической (свидетельство), театральной, юмористической и других (консультация, совет и проч.). Связь рекламного дискурса с другими типами институционального общения проявляется не только в заимствовании рекламным дискурсом жанровых форматов политической, юридической, педагогической коммуникации, но и в действии обратных процессов, а именно в проникновении рекламной прагматики в другие дискурсивные системы, в результате чего образуются такие диффузные жанры, как политическая реклама (листовки, предвыборные кампании и др.) в пространстве политического дискурса, реклама образовательных услуг как периферийная разновидность педагогического дискурса (объявления, брошюры и др.).

Основная часть. Особое место в структуре институционального дискурса занимает научный дискурс, поскольку производит впечатление постоянного в своих характеристиках. Однако это только «кажущаяся видимость». Во-первых, если раньше основной целью научного дискурса признавалось решение научной проблемы и выработка нового знания, то сегодня в числе его приоритетных задач все чаще называется доказательство состоятельности той или иной точки зрения, убеждение адресата в правомерности определенных суждений. Более того, если изначально подчеркивалось (и до сих пор подчеркивается), что главными признаками научного дискурса считаются ясность, четкость и логичность изложения, а также строгое соблюдение принципов конструктивного общения (взаимопонимания, уважения, вежливости и под.), то в настоящее время исследователи сходятся во мнении о том, что научный дискурс может иметь и эмоционально-экспрессивную окраску.

Неизменным в научном дискурсе остается состав участников, включающий представителей научной общечеловечности, а также жанровая структура. Так, в отличие от вышерассмотренных типов институционального общения (политического, рекламного, журналистского и т.д.), в поле научной коммуникации практически не наблюдается смещения жанровых границ. Таким образом, жанровая система научного дискурса по-прежнему представлена следующими разновидностями речи: научным докладом или сообщением (на научном форуме любого формата), научной дискуссией (зачастую возникающей после выступления с докладом), монографией, диссертацией, научной статьей (в научном журнале, научной энциклопедии и т.д.), тезисными работами, рецензией/отзывом и авторефератом.

По нашим наблюдениям, однако, даже в таком ритуализированном и регламентированном типе общения, как научный дискурс, разворачивающемся четко в соответствии с устоявшимися нормами и правилами коммуникации, можно проследить качественные изменения его жанровой системы. На наш взгляд, к числу основных тенденций эволюции научного дискурса стоит относить следующие: тенденцию к «наращиванию» аксиологического потенциала научных жанров, расширению их тактико-стратегического репертуара, диверсификации языковых характеристик научного общения и, как результат, тенденции к его деканонизации, пусть и незначительной.

Другими словами, преобразования жанровой системы научного дискурса заключаются не в создании новых форм общения, а в модернизации коммуникативно-прагматической организации уже сложившихся научных жанров.

Тенденция к «наращиванию» аксиологического потенциала. Наиболее ярко основные тенденции развития научного дискурса, включая тенденцию к преумножению его оценочного потенциала, высвечиваются в таком жанре, как научная дискуссия, которая, в силу своего полемического характера, плюрализма мнений и режима реального времени, представляет собой своеобразную коммуникативную среду, обуславливающую активное циркулирование специфических речевых действий, в том числе ярко оценочных.

Даже беглый обзор современных работ, рассматривающих вопросы организации научной дискуссии, позволяет увидеть ориентированность современной лингвистики на изучение оценочных аспектов научной дискуссии [3; 4; 5 и др.]. Повышенный интерес лингвистов к оценочной составляющей научного диалога мотивирован ее значимостью в организации научной дискуссии, а также способностью быстро развиваться, генерировать новые, дополнительные смыслы и формы.

Результатом непрерывно расширяющегося диапазона видов и параметров оценки в научном диалоге является исключительное разнообразие способов выражения согласия и несогласия [4], приемов солидаризации и дистанцирования [6], а также полемических и позитивнооценочных речевых актов, варьирующихся от характеристики позиции оппонента с точки зрения актуальности, новизны, тематической уместности, важности, оригинальности, способности вызывать интерес и целого ряда других параметров (*Мне это неинтересно. Мне неинтересны ассоциации Никитаева или Тюкова по поводу твоего текста. Мне и мои собственные неинтересны*) до речевых действий, направленных на верификацию состоятельности научных теорий, контроль качества аргументации, мониторинг содержания сообщений с точки зрения истинности/ложности (*К сожалению, мне тоже бросалось в глаза, при том, что мне очень нравится постановка темы, что сравнение, как говорят в логике, пустой предикат. Просто сопоставить концепцию истории ММК с «Анналами» выглядит очень неубедительно*). Кроме того, все большее распространение в научной дискуссии получает экспрессивная оценка, колоритная критика,

которая, с одной стороны, нарушает принципы конструктивного общения, такие как строгость и четкость, а с другой, – обуславливает ее своеобразие (*Не морочьте мне голову. Это выглядит, как бред*).

Постоянно усложняющаяся оценочная структура научной дискуссии требует пристального исследовательского внимания, поскольку знание семантико-прагматических нюансов аксиологической организации научной речи и практическое овладение ими может способствовать как наиболее адекватному истолкованию смысла диалога, так и его целесообразному построению в соответствии с актуальными задачами коммуникации.

Тенденция к расширению тактико-стратегического репертуара. Понятно, что ведущими стратегиями научного дискурса, в том числе и научной дискуссии, являются стратегии убеждения и доказательства, которые реализуются посредством комплекса информативно-аргументативных тактик (иллюстрирования, апеллирования, экземплификации, сравнения и др.). Однако наряду с главными (семантическими) в научном дискурсе все большее распространение получают вспомогательные (прагматические) стратегии и тактики, чем привлекают соответствующих специалистов [3; 4; 5; 7 и др.]. Так, в последнее время лингвисты «заговорили» о тактиках уклонения от ответа в научном дискурсе, которые на первый взгляд могут показаться не просто вспомогательными компонентами общения, но даже нежелательными, поскольку нарушают такие качества научной речи, как информативность, четкость и проч. Тем не менее их существенное разнообразие (уклонение от ответа в форме ссылки на источник, переадресации вопроса, указания на то, что ответ будет дан позже или был дан раньше и т.д.: *Вспомним две работы Дистервега «О высшем принципе воспитания», т.е. о принципе природосообразности; и «О принципе культуросообразности». Эти две работы исчерпывающе отвечают на ваш вопрос. Я просто не хочу пересказывать Дистервега. Вопрос и сложный, и простой одновременно. Сложный, потому что уже есть слишком долгая история рассмотрения этого вопроса. И я бы не хотел эту историю никоим образом сейчас затрагивать*) может свидетельствовать о важной роли, которую они играют в речевой партии конкретного участника общения и в реализации определенной стратегии – например, стратегии позитивной самопрезентации, которая, в свою очередь, до недавнего времени вообще не упоминалась в составе тактико-стратегической системы научного дискурса, а сегодня аспекты ее реализации в изучаемом типе общения находят отражение в работах ряда авторов [4; 7 и др.].

Таким образом, изменения тактико-стратегического комплекса научного дискурса происходят не столько в его основной части, сколько во вспомогательной, ориентированной на решение частных задач коммуникативного процесса. Усложнение вспомогательной составляющей тактико-стратегической структуры научного дискурса, по-видимому, обусловлено упоминаемой выше перестройкой системы целевых установок научного общения: от выработки нового знания – до доказательства состоятельности той или иной точки зрения.

Тенденция к диверсификации языковых характеристик научного общения. Как и любая система, коммуникативно-прагматическая организация научного дискурса представляет собой единое целое, в котором изменения, происходящие в структуре одного из его компонентов, обязательно сказываются на свойствах другого. Так, трансформации, имеющие место в аксиологическом и тактико-стратегическом пространстве научного дискурса, неизбежно отражаются на его языковом уровне. Например, тенденция к использованию экспрессивной оценки неизменно учащает использование в рассматриваемом типе общения эмоционально-окрашенной лексики, а в некоторых случаях – даже стилистически сниженной: *Никакая история сама по себе ничего не воспроизводит и ничего не оценивает! Это бред собачий*. В то же время тенденция к расширению тактико-стратегического диапазона научного дискурса, в частности, репертуара тактик уклонения от ответа, сказывается и на морфологии научной коммуникации, а именно обуславливает учащенное использование глаголов, выражающих модальные значения желанья/волеизъявления и способности/возможности в сочетании с отрицательной частицей «не» (см. примеры выше: *Я просто не хочу пересказывать Дистервега. И я бы не хотел эту историю никоим образом сейчас затрагивать*).

Безусловно, помимо описанных выше аксиологических, тактико-стратегических и языковых изменений, происходящих внутри научного дискурса, можно выделить и другие – касающиеся, например, категориальной или речеактовой составляющей изучаемого феномена. Однако, по нашим наблюдениям, изменения, относящиеся к категориальному и речеактовому уровням не указывают на усложнение или упрощение этих уровней с точки зрения появления или исчезновения в них определенных элементов (категорий и речевых актов), а проявляются в новых аспектах их материальной реализации категориальных и речеактовых свойств, дополнительных нюансах их манифестации (например, в плюрализации способов актуализации категории авторизации [8]).

Заключение. Таким образом, проанализировав нюансы жанровой организации научного дискурса, изменения, происходящие в устройстве научных жанров, нам удалось обнаружить, что тенденции эволюции жанровой системы научной коммуникации отличаются от тенденций развития других типов институционального общения. Если в журналистском, политическом, педагогическом дискурсе идет про-

цесс взаимопроникновения традиционных и новых жанровых форм, порождения оригинальных жанровых единиц, то в научном дискурсе подобных явлений не наблюдается – номенклатура жанров научного общения остается постоянной, однако идет перестройка их коммуникативно-прагматической организации. В исследовании этих перестроечных процессов заключаются перспективы последующего изучения жанровых вопросов научного дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Войтишенко, Е. В. Особенности структуры жанра интерактивной телебеседы на белорусском и английском языках / Е. В. Войтишенко // Границы жанра: текст и дискурс / И. М. Басовец [и др.] ; под общ. ред. Е. В. Сажиной ; Гомель. гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2019. – С. 103–118.
2. Буренина, Н. В. Характеристика англоязычного дискурса международной грантовой деятельности / Н. В. Буренина, Е. В. Солдатова // Границы жанра: текст и дискурс / И. М. Басовец [и др.] ; под общ. ред. Е. В. Сажиной ; Гомель. гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2019. – С. 119–137.
3. Задворная, Е. Г. Коммуникативные тактики уклонения в научном дискурсе / Е. Г. Задворная // *Respectus Philologicus*. – 2006. – № 10 (15). – С. 61–72.
4. Маслова, Л. Н. Выражение согласия / несогласия в устной научной коммуникации: гендерный аспект : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Л. Н. Маслова ; Моск. гос. лингв. ун-т. – М., 2007. – 192 л.
5. Соловьева, Н. В. Толерантность в научной дискуссии: лингвостилистический аспект: на материале текстов научных дискуссий 1950–2000 гг. : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н. В. Соловьева ; Ур. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Пермь, 2007. – 244 л.
6. Задворная, Е. В. Стратегия солидаризации/дистанцирования в научном дискурсе / Е. В. Задворная // Актуальные проблемы романо-германской филологии и методики преподавания иностранных языков : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., Гомель, 26 окт. 2018 г. / М-во образования Респ. Беларусь, Гомель. гос. ун-т им. Ф. Скорины ; редкол.: Л.И. Богатикова (гл. ред.) [и др.]. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2018. – С. 238–243.
7. Чалова, О. Н. Стратегии и тактики научного дискурса / О. Н. Чалова // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова». – 2017. – Т. 24. – С. 165–170.
8. Басовец, И. М. Языковые средства деавторизации высказывания в публицистическом и научном тексте: (на материале английского и белорусского языков) : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / И. М. Басовец ; Минский гос. лингв. ун-т. – Минск, 2013. – 135 л.

Поступила 19.11.2019

THE PRESENT STATUS OF THE GENRE SYSTEM OF SCIENTIFIC COMMUNICATION IN THE FIELD OF INSTITUTIONAL DISCOURSE

O. CHALOVA

The article presents the results of the research devoted to finding and characterizing the leading tendencies in the development of the genre system of scientific discourse. There have been interpreted qualitative changes of the genre fund of scientific communication that (changes) refer to the axiological structure, strategic and tactic organization, categorical constituent, and linguistic texture of scientific speech. Transformational processes taking place in the field of scientific discourse are compared to tendencies found in other types of institutional communication, as a result of which here is drawn a conclusion about different kinds of transformations taking place within scientific, political, pedagogical, journalistic, commercial and other types of discourse.

Keywords: *pragmalinguistics, speech genres, institutional discourse, scientific discourse, axiology, speech strategies and tactics, emotionally-coloured vocabulary.*

УДК [(811.111+811.161.3)'42] (045)

**СПОСОБЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ АДРЕСАНТА И АДРЕСАТА
В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ДИСКУРСЕ****Н.В. ЕГОРОВ***(Минский государственный лингвистический университет)**nicolas.egorov@gmail.com*

Рассматривается взаимодействие адресата и адресанта в научно-популярном дискурсе на английском и белорусском языках. Отношения адресант-адресат реализуются через категорию диалогичности. Анализ исследованного материала показал, что одним из распространенных средств диалогичности является «мы-диалогическое» («мы-инклюзивное»), широко представленное в научно-популярном дискурсе на сопоставляемых языках. Интеракция с адресатом также поддерживается за счет употребления личных местоимений 2-го лица (you, вы) и повелительной формы глаголов. Вопросно-ответные комплексы, одиночные и множественные вопросительные предложения служат эффективным путем привлечения внимания адресата к описываемому научному знанию. Модальные единицы со значением возможности, представленные в научно-популярном дискурсе на сопоставляемых языках, используются автором для выработки у адресата соответствующего отношения к описываемому и придания стимула к дальнейшему размышлению. Имплицитные средства реализации категории диалогичности тесным образом связаны со структурой текста и представлены приемами шрифтового и цветового выделения важной информации и ее относительно свободного размещения в тексте или целом выпуске, использованием примечаний и ссылок на оригинальные научные источники.

Ключевые слова: научно-популярный дискурс, адресант, адресат, взаимодействие, диалогичность, личные местоимения, вопросно-ответный комплекс, прямая/косвенная цитация.

Введение. В последнее время дискурсивные исследования получили активное развитие в лингвистике. Данное направление подразумевает изучение языковых единиц в непосредственной связи с социальным контекстом их употребления, функционированием в дискурсе. Междисциплинарный характер дискурсивных исследований обусловлен разноплановостью самого дискурса, представляющего собой, с одной стороны, «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими и другими факторами», а с другой – «речь, рассматриваемую как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания» [1, с. 136–137].

В настоящее время типология дискурса по-прежнему представляет собой тему, открытую для обсуждения. Изучение различных типов дискурса осуществляется на стыке ряда дисциплин: психолингвистики, прагмалингвистики, лингвостилистики, структурной лингвистики, лингвокультурологии, когнитивной семантики, социолингвистики. Представляя собой многогранное явление, любой дискурс в полной мере раскрывается именно путем последовательного изучения его отдельных аспектов.

Основная часть. Современный этап истории человечества примечателен бурным развитием высоких технологий. В этой связи научно-популярный дискурс приобретает особую значимость, ведь именно через него читатель узнает о последних открытиях в научно-технической сфере и их практической пользе. Научно-популярный дискурс имеет единую коммуникативную цель – сообщить адресату информацию о новом научном знании. Вместе с тем его коммуникативная установка предусматривает популяризацию новых результатов научных исследований, ориентацию на широкую аудиторию, доктрину доступности и наглядности повествования.

Мы будем рассматривать дискурс как «интегральный феномен, мыслекоммуникативную деятельность, которая протекает в широком социокультурном контексте; она есть совокупность процесса и результата, характеризуется континуальностью и диалогичностью» [2, с. 36]. В продолжение этой мысли можно привести слова А.А. Кибрика и В.А. Плунгяна, которые отмечают, что рассматриваемое явление объединяет в себе процесс языковой деятельности и ее результат, иными словами текст как обязательный компонент самого дискурса [3]. М.М. Бахтин подчеркивал, «что событие жизни текста, т.е. его подлинная сущность, всегда развивается на рубеже двух сознаний, двух субъектов» [4, с. 290]. Обращенность к адресату, присутствующая во всяком тексте, подразумевает под собой то, что «любой текст, в том числе монологический, двусторонний» [5, с. 172]. Л.В. Щерба указывал на то, что «монолог является в значительной степени искусственной формой и что подлинное свое бытие язык обнаруживает лишь в диалоге» [6, с. 30]. В свою очередь М.Н. Кожина отмечает, что «вне зависимости от характера текста, <...> его жанровой и иной принадлежности, в нем всегда представлена диалогичность, меняется лишь состав средств ее выражения» [7, с. 50]. Многие ученые наделяют диалогичность ролью внутреннего признака письменной речи, имеющего место в текстах научной [8; 9], а, следовательно, и научно-популярной прозы.

Научно-популярный текст как продукт одноименного дискурса направлен на изложение научных сведений для неспециалиста в данной области знания и реализацию коммуникативной установки на удовлетворение познавательного интереса адресата [10, с. 37], иными словами, он популяризирует новое научное знание через информирование и убеждение. При этом важным для автора текста (адресанта) помимо доступного описания сути научных достижений является «интенционально обусловленная направленность текста на адресата» [11, с. 204], *ответная реакция* последнего в виде правильного восприятия результатов научных исследований, понимания их сущности и практической значимости.

В этой связи актуальными для изучения становятся пути взаимодействия автора-адресанта и читателя-адресата в научно-популярном дискурсе. В современном медиапространстве именно научно-популярные тексты пользуются все возрастающим спросом у широкой публики. Также актуальным вопросом является установление лингвокультурной специфики в организации рассматриваемого дискурса на двух неродственных языках – английском и белорусском. Следует отметить, что сопоставительное изучение характеристик научно-популярного дискурса на двух разнотипных языках ранее всегда оставалось в стороне.

Отношения адресант-адресат реализуются в дискурсе через категорию диалогичности. Под диалогичностью понимается «выражение в тексте средствами языка взаимодействия общающихся, понимаемое как соотношение смысловых позиций, как учет реакции адресата (в том числе второго Я), а также эксплицирование в тексте признаков собственно диалога. При этом понятие адресованности, обращенности включается в более широкое понятие диалогичности» [12, с. 45]. Под адресованностью принято понимать ориентацию адресанта на предполагаемого адресата [13; 14]. Тем не менее, по мнению Л.Р. Дускаевой «при этом подходе идея диалогичности парадоксальным образом монологируется, потому что учитывается лишь аспект обращенности текста к адресату, налицо односторонность речевого акта, по существу игнорируется бахтинская идея взаимодействия коммуникантов в речевом акте» [15, с. 16–17]. Поэтому вместе с адресованностью в категорию диалогичности стали включать и такое качество текстов, как предполагаемая ответная реакция адресата. В настоящей работе мы будем понимать диалогичность в широком смысле, ведь кроме собственно автора и читателя (адресанта и адресата) в коммуникации могут быть имплицитно задействованы другие участники – ученые, аналитики [16, с. 9].

В своих трудах М.Н. Кожина выделяет три типа проявления диалогичности в научной прозе, из которых для научно-популярной литературы наиболее свойственна разновидность «Я – вы, мы с вами», подразумевающая привлечение читателя-адресата к беседе, ходу рассуждений, приглашение к соучастию в развитии авторского повествования [7, с. 68].

Материалом настоящего исследования послужили 200 научно-популярных статей из американских изданий «Popular Mechanics», «Popular Science», «Nature», «National Geographic», «The New York Times» за 2014 – 2019 гг. и статьи того же жанра из белорусскоязычных журналов «Родная природа», «Беларуская думка», газеты «Звязда» за тот же временной отрезок.

Анализ отобранных текстов показал, что одним из распространенных средств диалогичности является «мы-диалогическое» («мы-инклюзивное»), которое включает в себя не только адресанта, но и адресата. Автор в поисках единения с читательской аудиторией стремится с первых строк своей статьи выступить с ней с единых позиций, вовлечь адресата в совместное ознакомление с новым научным знанием: *We know that each polyp has a symbiotic relationship with single-celled algae called zooxanthellae, which provides energy for the coral* (Popular Mechanics, 10.2016). «Мы знаем, что каждый полип находится в симбиозе с одноклеточными водорослями под названием зооксантеллы, которые снабжают кораллы энергией»; «Як радавяя спажыўцы, **мы** прывыклі давяраць (ці не давяраць) маркіроўцы на прадуктах харчавання з пазначэннем тэрміну прыдатнасці» (Звязда, 30.08.2017).

Результаты анализа употребительности языковых средств реализации категории диалогичности в научно-популярном дискурсе на английском и белорусском языках отображены в таблице 1.

Таблица 1. – Употребительность языковых средств реализации диалогичности в англо- и белорусскоязычном научно-популярном дискурсе

Средства диалогичности	Английский язык		Белорусский язык	
	Количество	Процентное соотношение	Количество	Процентное соотношение
Мы-диалогическое	454	40,54%	185	34,97%
Личные местоимения 2-го лица (you, вы)	180	16,07%	28	5,29%
Вопросно-ответный комплекс	38	3,39%	30	5,67%
Цитация (прямая/косвенная)	409	36,52%	243	45,94%
Повелительная форма глаголов	25	2,23%	32	6,05%
Множественные вопросительные предложения	14	1,25%	11	2,08%
Итого:	1 120	100%	529	100%

Несоответствие в количестве анализируемых языковых средств на двух языках объясняется различием объемов исследованных текстов: средний объем англоязычного текста составляет около 892 словоупотреблений, в то время как средний объем статьи на белорусском языке – 778 словоупотреблений.

Использование автором в научно-популярном дискурсе на сопоставляемых языках личных местоимений 2-го лица (*you, вы*) как средства диалогичности призвано актуализировать адресата [16, с. 51], иными словами, вербализовать обращение к читателю: *“It was unrealistic to apply machine learning to many areas of biology before,” says Philip Nelson, a director of engineering at Google Research in Mountain View, California. “Now you can — but even more exciting, machines can now see things that humans might not have seen before.”* (Nature, 04.01.2018) «До сегодняшнего дня казалось невероятным применять машинное обучение во многих областях биологии», – говорит Филип Нельсон, технический директор Google Research в г. Маунтин-Вью, шт. Калифорния. – Сейчас это возможно, и что еще больше впечатляет, так это то, что машины могут видеть те вещи, которые человек мог ранее и не замечать»; «Празрысты, лёгкі і трывалы ўцяпляльнік дапамог бы, напрыклад, марсыянскім каланістам. **Вы** можаце «сбраць» сонечнае святло, якое праходзіць праз цеплаізаляцыйнае акно, і захаваць цяпло ўнутры памяшкання <...>» (Звязда, 11.09.2018). Данные таблицы 1 показывают, что американские авторы более активно используют описанный прием взаимодействия с адресатом.

Отметим, что средство «мы-диалогическое» встречается в чужой речи в виде прямой цитации на обоих языках: *“But we think that the neighboring polyps are exchanging or sharing organic materials.” For now, they’re calling it “kissing.”* (Popular Mechanics, 10.2016) «Но мы считаем, что соседствующие полипы обмениваются или делятся органическим материалом. Пока это явление назвали «поцелуем»; «Сапраўды так, **намі** былі знойдзены нескранутыя сучаснай гаспадарчай дзейнасцю тэрыторыі полацкіх пасадаў, у прыватнасці ў Запалоцці, на плошчы больш за 30 гектараў, – сказаў Д. Дук [прарэктар па вучэбнай рабоце Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта]. Гэты слой датуецца XI–XII стагоддзямі. Такога не захаваўся нідзе на тэрыторыі Усходняй Еўропы!» (Беларуская думка, 04.2017). Прямая и косвенная цитация является активно используемым инструментом в привлечении читательского внимания и утверждения точки зрения автора. Такая форма вербализации диалогичности позволяет доступно объяснить суть описываемого научного явления и убедить в его важности. Авторы научно-популярных статей на сопоставляемых языках для ёмкой и аргументированной подачи материала адресату довольно часто «сочетают» прямую и косвенную цитацию одного и того же источника: *“The pace of change in photosynthesis is unprecedented in the 54,000-year record,” Dr. Campbell said* [прямая речь]. *While photosynthesis increased at the end of the ice age, he said, the current rate is 136 times as fast* [косвенная речь] (The New York Times, 11.04.2017) «За последние 54 000 лет темп изменений в фотосинтезе является невиданным», — заявил доктор Кэмпбелл. По его словам, даже если учесть, что фотосинтез усилился в конце ледникового периода, его нынешний уровень в 136 раз выше»; *Багдана Багданаўна* [Казярук, начальнік аддзела маніторынгу атмасфернага паветра Рэспубліканскага цэнтра па гідраметэаралогіі] *сцвярджае, што якасць атмасфернага паветра ў большасці гарадоў Беларусі адпавядае ўстаноўленым нарматывам і не можа аказваць вялікага ўплыву на стан здароўя насельніцтва* [косвенная речь]. – *“Праблемнымі” забруджваючымі рэчывамі з’яўляюцца дыяксід серы, аксід вугляроду. Менавіта яны часам перавышаюць устаноўленыя нарматывы ў некаторых раёнах асобных гарадоў* [прямая речь] (Родная прырода, 01.2018).

Количественное соотношение прямой и косвенной цитации в научно-популярных текстах на обоих языках отражено в таблице 2.

Таблица 2. – Соотношение прямой и косвенной цитации в научно-популярном дискурсе

Тип	Английский язык		Белорусский язык	
	Количество	Процентное соотношение	Количество	Процентное соотношение
Косвенная цитация	108	26,41%	78	32,1%
Прямая цитация	301	73,59%	165	67,9%
Итого:	409	100%	243	100%

Как видно из таблицы 2, прямая цитация превалирует в научно-популярном дискурсе на обоих языках. Приведенные данные показывают, что прямая цитация как способ взаимодействия с адресатом более распространена в американских статьях.

Направление внимания адресата в нужном журналисту «русле» и его стимулирование к активной познавательной деятельности также достигается прямым обращением к адресату путем употребления повелительной формы глаголов: *Imagine if autism could be diagnosed before a baby is born* (National Geographic, 06.2017). «Представьте, что аутизм можно диагностировать еще до рождения ребенка»; *Уявіце, што ў вас у руках не традыцыйны айфон, які працуе на радыёхвалях, а мабільнік, арыентаваны на светлавыя імпульсы* (Звязда, 28.06.2018). Данная форма глаголов встречается в текстах на обоих сопоставляемых языках, однако в белорусскоязычном дискурсе данный способ более распространен по срав-

нению с американскими текстами. Следует отметить, что как инструмент активации взаимодействия с читателем данный способ используется белорусскими и американскими авторами с осторожностью во избежание создания ситуации «навязывания» адресату того или иного умозаключения.

Сопоставительный анализ показал, что диалогичность в научно-популярном дискурсе создается также модальными единицами возможности и необходимости. Взаимодействуя с адресатом, автор помимо информирования стремится выработать у читателя соответствующее отношение к описываемому и придать стимул к дальнейшему размышлению: *The new material [preceramic polymer] can handle the kind of heat that melts metal, making it ideal for jet engines, hypersonic vehicles, or your morning joe* (Popular Mechanics, 04.2016). «Новый материал [прекерамический полимер] может справиться с воздействием температуры, при которой плавится металл, что делает его идеальным сырьем для изготовления реактивных двигателей, гиперзвуковых летательных аппаратов или даже вашего утреннего кофе»; *Але першапачаткова трэба стварыць адпаведную базу даных, а гэта патрабуе фінансавых укладанняў і працы вялікай колькасці спецыялістаў* (Беларуская думка, 04.2018).

В английском языке основными модальными единицами со значением возможности оказались глаголы *can, may*, а также наречия *maybe, perhaps, possibly*. Значение необходимости передается модальными глаголами *must, need* и *should*.

Частотность модальных единиц в исследуемом материале американского дискурса представлена в таблице 3.

Таблица 3. – Употребительность модальных единиц в научно-популярном дискурсе на английском языке

Модальные единицы	Количество	Процентное соотношение
can	229	59,17%
may	80	20,67%
maybe	14	3,62%
possibly	4	1,03%
perhaps	9	2,33%
must	11	2,84%
need	22	5,69%
should	18	4,65%
Итого:	387	100%

Высокая частотность употребления модального глагола *can* объясняется тем, что он обладает мультимодальной семантической структурой и выражает значения указания на внутренние и внешние возможности субъекта пропозиции, «субъективные суждения продуцента речи о субъекте пропозиции и вероятности или возможности совершения определенных действий или деятельности» [17, с. 9].

В белорусскоязычном дискурсе модальными единицами со значением возможности выступают глагол *магчы*, предикативные наречия *варта, можна, магчыма, верагодна*. Значение необходимости передается наречиями *трэба, неабходна* и модальным прилагательным *павінен*.

Частотность модальных единиц в исследуемом материале на белорусском языке представлена в таблице 4.

Таблица 4. – Употребительность модальных единиц в научно-популярном дискурсе на белорусском языке

Модальные единицы	Количество	Процентное соотношение
магчы	55	17,46%
варта	20	6,35%
можна	95	30,16%
магчыма	12	3,81%
верагодна	10	3,17%
неабходна	27	8,57%
трэба	67	21,27%
павінен	29	9,21%
Итого:	315	100%

Следует отметить, что в научно-популярном дискурсе на двух изучаемых языках преобладают модальные единицы со значением возможности.

Отдельным маркером диалогичности в научно-популярных статьях на обоих языках является вопросно-ответный комплекс, в котором наиболее явно эксплицируется устный диалог с учетом его преобразований в письменной речи: *Do viruses even fit the definition of something alive? While they are top predators of the microbial world, they lack the ability to reproduce and so must take over the cell of a host <...>* (The New York Times, 17.04.2018). «Подпадают ли вирусы под определение чего-то живого? Являясь лучшими хищниками в мире микроорганизмов, они не обладают достаточной способностью к воспроизводству,

поэтому им приходится занимать клетки носителя <...>; *Што такое “разумны горад”?* “Разумны горад” – новая сучасная канцэпцыя ўстойлівага развіцця гарадоў (Родная прырода, 11.2017). В рамках проведенного анализа установлено, что авторы на обоих языках используют данный способ взаимодействия с адресатом с примерно одинаковой частотностью.

Вопросно-ответные комплексы являются кратчайшим путем для привлечения внимания адресата к описываемому научному знанию. Автор составляет их по принципу «вопросов от читателя», тем самым стимулируя адресата на дальнейшие размышления. Такого рода элементы служат «связующей нитью» между частями текста, давая возможность автору далее развивать научно-популярное повествование.

Одиночные или множественные вопросительные предложения, встречаясь в разных частях текста, помогают автору управлять вниманием читателя, сформировать удобную для адресата «дорожную карту» всей статьи: *Do Bacteria Make It Rain?* (заголовок из выпуска Popular Science, 07-08.2017) ‘Бактерии вызывают дождь?’; *Кім былі нашы продкі? Хто мы ёсць? Кім будуць нашы дзеці?* (Звязда, 11.03.2016). Данное средство диалогичности, несмотря на свою кажущуюся «избыточность», является проверенным и эффективным способом стимулирования мыслительной активности адресата.

Ввиду того, что научно-популярная статья на английском и белорусском языках содержит адаптированную для неспециалиста информацию о новых научных знаниях, автор активно дополняет структуру текста ссылками на оригинальные научные материалы, тем самым привлекая и расширяя взаимодействие с адресатом: *In April researchers at Children’s Hospital of Philadelphia reported in Nature Communications that they had tested an artificial womb on eight premature lambs, chosen because lambs’ lungs develop similarly to those of humans.* (National Geographic, 09.2017) ‘В апреле исследователи Детского госпиталя Филадельфии в научном журнале *Nature Communications* опубликовали доклад об испытаниях искусственной матки на восьми недоношенных ягнятах. Выбор пал на этих животных из-за сходства в развитии их легких с человеческими.’; *У 2013 годзе ў часопісе Current Biology быў апублікаваны артыкул пра тое, што «ўбудаваны датчык» з’яўляецца гарантыяй абароны ад збояў* (Звязда, 20.11.2018). Следует отметить, что в американских статьях этот способ встречается в 4,6 раза чаще, чем в белорусских (23 ссылки на научные издания в американских текстах и 5 случаев в белорусских). Белорусскоязычные авторы предпочитают оперировать мнением реальных людей, а именно специалистов из описываемой сферы человеческой деятельности.

В соответствии с подходом М.Н. Кожинной к способам реализации диалогичности также относится использование структуры текста, а именно ссылок, сносок и других добавочных указаний [7]. В целях поддержания интереса адресата автор научно-популярного дискурса порой выводит часть информации за пределы основного текста и размещает ее в виде примечаний. Примером может служить статья *The Future Hates Your Wallet* ‘В будущем нет места для вашего кошелька’ (Popular Mechanics, 08.2015), где новый процесс оплаты с помощью мобильного телефона описан по пунктам после основного текста в виде примечания. В белорусскоязычных статьях такой прием встречается несколько реже. Примером является статья *Адрадзіць “першабытнага” аленя магчыма за дзесяць гадоў* (Родная прырода, 12.2014), которая содержит примечание «Цікава ведаць» с кратким рассказом об олене Святого Губерта, запечатленном на современном гербе г. Гродно. Односоставные инфинитивные предложения типа «Цікава ведаць» в примечаниях, встречающихся в белорусскоязычных текстах научно-популярного дискурса, служат средством диалогичности и являются имплицитным обращением именно к адресату.

Активное использование авторами на сопоставляемых языках различных приемов шрифтового и цветового выделения важной информации для размышления и ее относительно свободного размещения в границах не только самой статьи, но и целого выпуска, также можно причислить к эффективному средству интеракции с адресатом: *MORE THAN FIVE MILLION Americans are currently living with Alzheimer’s disease, a number that’s expected to nearly triple by 2050.* (Popular Science, 04.2015) ‘БОЛЕЕ ПЯТИ МИЛЛИОНОВ американцев в настоящее время страдают от болезни Альцгеймера; число, которое по прогнозам вырастет примерно втрое к 2050 году’; *Фізічная дэградацыя глебаў звязана з пераўшчыльненнем, калі на вільготнай зямлі рухаецца цяжкая колавая тэхніка.* <...> *Але профільная дэградацыя больш небяспечная для нас, паколькі адбываецца эрозія глебаў* (Родная прырода, 07.2018).

Изобилие ярких иллюстраций и фотографий в научно-популярных статьях на сопоставляемых языках (в особенности в американских журналах), безусловно, облегчает усвоение содержания научно-популярного текста.

Заключение. Подводя итог, следует отметить наличие прямой связи между способами взаимодействия адресанта и адресата и реализацией категории диалогичности. В научно-популярном дискурсе на первый план выходит такая форма диалогичности, как «Я – вы, мы с вами», направленная на поддержание автором интереса адресата, обращение и установление с ним контакта с целью вовлечь в свое повествование. Среди вербальных средств проявления диалогичности в научно-популярном дискурсе на сопоставляемых языках представлены личные местоимения («мы-диалогическое», обращение *you/вы*), вопросно-ответные комплексы, прямая и косвенная цитация, повелительная форма глаголов, одиночные и множественные вопросительные предложения. Имплицитные способы реализации взаимодействия с адресатом преимущественно связаны с возможностями структуры научно-популярного текста и характеризуются применением визуальных средств выделения значимой в смысловом отношении информации.

Несимметричность в употреблении описанных выше путей реализации связи «адресант-адресат» продиктована рядом отличий, существующих в американской и белорусской лингвокультурах. Принадлежность белорусов к коллективистскому типу культуры, на наш взгляд, в определенной мере диктует «поучительную» манеру изложения материала. Для американского менталитета, в свою очередь, характерен индивидуализм и меньшая степень категоричности в изложении материала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвист. энцикл. слов. – М. : Сов. энцикл., 1990. – С. 136–137.
2. Шевченко, И. С. Дискурс как мыслекоммуникативное образование / И. С. Шевченко, Е. И. Морозова // Вісник Харків. нац. ун-ту ім. В.Н. Каразіна. – 2003. – № 586. – С. 33–38.
3. Кибрик, А. А. Функционализм и дискурсивно-ориентированные исследования / А. А. Кибрик, В. А. Плулган // Фундаментальные направления современной американской лингвистики: сб. обзоров / МГУ им. М. В. Ломоносова ; под ред. А. А. Кибрик [и др.]. – М., 1997. – С. 307–323.
4. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.
5. Колшанский, Г. В. Коммуникативная функция и структура языка / Г. В. Колшанский. – М. : Наука, 1984. – 175 с.
6. Щерба, Л. В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании / Л. В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – Л. : Наука, 1974. – С. 24–39.
7. Кожина, М. Н. О диалогичности письменной научной речи / М. Н. Кожина. – Пермь : ПГУ, 1986. – 92 с.
8. Разинкина, Н. М. Развитие языка английской научной литературы: Лингвостилистические исследования / Н. М. Разинкина. – М.: Наука, 1978. – 211 с.
9. Кожина, М. Н. Диалогичность письменной научной речи как проявление социальной сущности языка / М. Н. Кожина // Методика и лингвистика. – М. : Наука, 1981. – С. 187–214.
10. Баранова, И. И. Функциональные особенности научно-популярных текстов: на материале подъяз. физики : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / И. И. Баранова ; Рос. ун-т дружбы народов. – М., 1995. – 183 л.
11. Олешков, М. Ю. Интенциональность в коммуникативном процессе (на материале дидактического дискурса) / М. Ю. Олешков // Политическая лингвистика. – 2005. – Вып. 16. – С. 204–208.
12. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Редкол.: М.Н. Кожина и [др.]. – 3-е изд., стер. – М.: Флинта : Наука, 2016. – 696 с.
13. Воробьева, О. П. Лингвистические аспекты адресованности художественного текста: (однойязыч. и межъязыковая коммуникация) : дисс. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / О. П. Воробьева ; Моск. гос. лингвист. ун-т; – М., 1993. – 382 л.
14. Романова, Н. Л. Языковые средства выражения адресованности в научном и художественном текстах : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Л. Н. Романова ; РГПУ им. А. И. Герцена. – СПб., 1997. – 263 л.
15. Дускаева, Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров / Л. Р. Дускаева ; под ред. М. Н. Кожиной. – 2-е изд., испр. – СПб. : Филол. ф-т, 2012. – 274 с.
16. Карпилович, Т. П. Коммуникативные категории научного дискурса / Т. П. Карпилович. – Минск : МГЛУ, 2018. – 160 с.
17. Мирискаева, К. Ш. Концептуализация модальности в разносистемных языках (на материале глагола *can* и его ревербализаторов в русском языке): автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / К.Ш. Мирискаева ; Пятигор. гос. ун-т; – Пятигорск, 2018. – 30 с.

Поступила 29.10.2019

WAYS OF ADDRESSER-ADDRESSEE INTERACTION IN POPULAR SCIENCE DISCOURSE

M. YAHORAU

The article studies the addresser-addressee interaction in American and Belarusian popular science discourse. The above interaction is realized via the category of dialogicity. The analysis marked “we-dialogical” (“we-inclusive”) as one of the prominent means of dialogicity. The interaction with the addressee is also achieved by using personal pronouns (you, вы) and imperatives. Question-answer complexes, single and multiple questions serve an effective way of the addressee’s perception of the scientific knowledge. Modal units expressing possibility are used by the author for developing a relevant addressee’s attitude to the contents and stimulating further reflections on the topic. Implicit means of dialogicity realization are closely related to the structure of a text and are presented by font and colour highlighting of the essential information, its relatively free placement in a text, by the usage of notes and references to original scientific sources.

Keywords: popular science discourse, addresser, addressee, interaction, dialogicity, personal pronouns, question-answer complex, direct/indirect citation

УДК 81'367.622.12 : 821.161.1

**ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО
В ТРИЛОГИИ АННЫ БЕРСЕНЕВОЙ «ПОДРУГИ С МАЛОЙ БРОННОЙ»**

*канд. филол. наук, доц. З.З. СИДОРОВИЧ, А.В. БУКАЧ
(Гродненский государственный университет им. Я. Купалы)
primrosse@mail.ru*

Статья посвящена исследованию имен собственных в художественном тексте современной женской прозы с позиции текстообразования. Представлены проблемы ономастики, описанные в научной литературе, и способы осмысления понятия «имя собственное», рассмотрено ономастическое пространство художественного текста как своеобразной системы, имеющей ядро (антропонимы, топонимы) и периферию. На материале трилогии Анны Берсеневой «Подруги с Малой Бронной» дана классификация всех выявленных лексем в соответствии с ономастиологической группой, обозначены лексико-деривационные ряды топонимических единиц, выявлены особенности употребления имен собственных и определены их текстообразующие функции: номинативная, информативная, историко-культурная, прагматическая, экспрессивная, оценочная, эстетическая, локальная, социальная, редуцирующая, функция выделения и группировки. Онимы выступают как единицы текстообразования в художественном дискурсе и представляют художественную картину мира.

Ключевые слова: *имя собственное, оним, ономастика, антропоним, топоним, художественный текст, Анна Берсенева.*

Введение. В последние десятилетия исследования в русле антропоцентризма, функционализма и текстоцентризма как одних из ведущих принципов новой научной парадигмы, определяющих цель, содержание и методы современных лингвистических исследований, актуальны и востребованы. Именно человек является носителем языка и определенной культуры, субъектом восприятия, познания, мышления, активным коммуникантом, и только от субъекта речи зависит выбор языковых средств для выражения коммуникативного намерения. Изучение специфики художественного стиля и особенностей функционирования языковых средств помогает выявить тенденции развития языка в определенный период развития общества.

Уже на протяжении значительного времени онимы (имена собственные) выступают объектом изучения многих исследований, где рассматриваются сущность и особенности происхождения онимов, их история развития и связь с традициями людей, типология и специфика употребления имен собственных, методы ономастических исследований, принципы и способы номинации. Лингвистика, этнография, генеалогия, литературоведение, культурология, история, психология, социология, философия и ряд других наук изучают онимы, их семантику, структуру, функции в речи. Рассмотрение лексики в антропоцентрическом плане началось в 80-е гг. XX века. Так, например, Е.Л. Березович [1] исследует русскую топонимию в этнолингвистическом аспекте: рассматривает идеи и символы народной религии, представленные в топонимах; описывает характеристики топонимов, образованных от прецедентных сакральных локативов; анализирует особенности взаимодействия топонимической системы и фольклора. В.Д. Бондалетов [2] описывает современную теорию ономастики, ее методы и приемы исследования, состав русского именника; говорит о новых аспектах изучения имен собственных (стилистическом, функционально-статическом, сравнительно-сопоставительном). В.Г. Гак [3] анализирует типологию лингвистических номинаций. М.В. Голомидова [4] рассматривает модель искусственной номинации в ономастике: характеризует номинативные стратегии, тактики и частные модели искусственного наречия, актуализируемые при создании антропонимов и топонимов в русском языке; исследует взаимодействие искусственной онимической номинации с номинацией естественной, народной, и конфессиональной; выявляет архетипы именования, влияющие на процессы современного именотворчества. Е.П. Игнатъева [5] рассматривает ономастическое пространство как часть семиотического пространства: дает подробный обзор теоретических положений, касающихся имени собственного; исследует два механизма перехода антропонима в разряд энциклопедических имен собственных, раскрывает факторы, влияющие на этот переход, а также представляет классификацию энциклопедических антропонимов по источнику происхождения. В.М. Калинин [6] анализирует функции имен собственных в художественных текстах, обосновывает статус поэтики онима как особой научной дисциплины, рассматривает природу семантики поэтонимов, их коннотативные свойства. Работа В.А. Лазаревой [7] посвящена исследованию референциальной предрасположенности имени собственного как многомерного и полифункционального языкового знака, обладающего богатым трансформационным потенциалом. Автор освещает вопросы, связанные со сложностью определения места имени собственного в системе языковых знаков, рассматривает семантико-функциональную специфику имени и дает полное представление о его потенциальных речевых реализациях. А.М. Мезенко исследует ономастику Беларуси [8], Р.Ю. Намитокова – региональную ономастику [9]. В работе В.А. Никонова [10] проанализированы

личные имена, фамилии и другие виды антропонимов различных народов в разное время, освещены вопросы, связанные с выбором и употреблением имен, рассматриваются имена тюркоязычных народов, мордовские фамилии, сделаны первые обобщения наблюдений над современными антропонимическими процессами у народов Севера, Дальнего Востока, Средней Азии. А.В. Суперанская [11, с. 138–148] описывает теоретические проблемы ономастики, историю данной науки, определяет место ономастики среди других дисциплин и связь имен собственных с жизнью человека, особое внимание уделяет семантике имен собственных и их роли в языке и речи. А.Х. Гардинер [12] рассматривает теорию имени собственного, говорит о «воплощенных» и «развоплощенных» именах собственных. В.В. Лангендонк [13] раскрывает понятие имени собственного на основе так называемой радикальной грамматики конструкций. В.И. Супрун [14] исследует ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. Таким образом, изучению ономастики посвящены работы многих ученых, однако вопрос о функционировании имен собственных до сих пор остается недостаточно изученным.

Актуальность темы исследования обусловлена, во-первых, многоаспектностью научных работ по ономастике и в то же время недостаточной изученностью роли имен собственных как единиц текстообразования; во-вторых, необходимостью комплексного решения проблемы языкового и функционального воплощения онимов в художественном тексте; в-третьих, отсутствием исследований, рассматривающих функционирование онимов на материале современной женской прозы.

Научная новизна данного исследования – в рассмотрении лексических единиц с учетом антропоцентрического подхода не столько в семантическом, сколько в функциональном аспекте. Процесс восприятия текста невероятно сложен и требует многостороннего изучения, а исследование номинативного пространства текста позволяет выявить межтекстовые связи, где учитываются все системные составляющие (лексические, семантические, деривационные), обеспечивающие текстообразующий потенциал слова. Всестороннее изучение роли ономастических единиц в художественном тексте необходимо для проникновения в творческую лабораторию автора, его эпоху, время, для более глубокой интерпретации текста, извлечения смыслов, раскрытия образов и понимания художественной картины мира.

Цель работы – исследовать ономастическое пространство в трилогии Анны Берсеновой «Подруги с Малой Бронной», установить особенности функционирования онимов как единиц текстообразования в художественном дискурсе. Указанная цель предполагает решение следующих задач: 1) на основе изученной литературы сформулировать и обосновать исходные положения исследования онимов в художественном тексте; 2) собрать и классифицировать выявленные лексемы в соответствии с ономастиологической группой; 3) рассмотреть ономастическое пространство художественного дискурса как своеобразной системы, имеющей ядро (антропонимы, топонимы) и периферию; 4) определить текстообразующие функции онимов в трилогии.

Основная часть. Объектом исследования являются имена собственные в художественном тексте. Предмет исследования – семантика и функционирование онимов в трилогии Анны Берсеновой. Материал исследования – 889 лексем и 9216 их словоупотреблений, выявленных методом сплошной выборки из романов Анны Берсеновой «Уроки зависти» (2012), «Опыт нелюбви» (2012), «Этюды Черни» (2013) – трилогии «Подруги с Малой Бронной». Общее количество исследованных текстов составляет 890 страниц.

Методы исследования обусловлены целями и задачами работы: метод сплошной выборки, контекстуальный, метод компонентного анализа, описательный метод, метод интерпретации, количественный подсчет.

Согласно О.И. Фоняковой, «имена собственные – это функционально-семантический класс имен существительных, основными функциями которых выступает выделение и определение отдельных названий предметов, выражающих как некоторые единичные понятия, так и целые представления о различных предметах в речи, языке и так далее» [15, с. 32]. К именам собственным можно отнести как слова, так и словосочетания, среди основных задач которых выступает указание на определенный объект либо явление с выделением его из ряда аналогичных. Ю.С. Степановым имя собственное определяется как «отражение в общем виде отдельных явлений и предметов действительности, которые выступают в качестве их общих и отличительных черт, соотнесенных с классами явлений и предметов» [16, с. 126]. М.В. Никитин считает, что имени собственному присущи характерные функции, которые свойственны знакам, то есть их можно использовать в качестве заменителей реальных объектов [17, с. 44].

Термин «ономастическое пространство» впервые был употреблен В.Н. Топоровым [18]. А.В. Суперанская [11] систематизировала данные исследований этого понятия и объединила в «ономастическое пространство» различные разряды ономастических единиц. Термин «ономастическое пространство» используется в разных аспектах: В.И. Супрун исследует ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал [14]. Ономастическое пространство художественных произведений различных авторов, включая фольклор, исследуют И.А. Петрова [19], Н.И. Филиппова [20], в прозаических произведениях классиков и современных авторов – Е.А. Луговая [21], О.В. Цыцкова [22], в поэзии – О.А. Варганова [23]. Н.А. Гончарова [24] изучает специфику ономастикона отдельного автора, В.В. Бардакова [25] – специфику литературного жанра. Оним в составе названия текста изучает

А.С. Шелепова [26], В.Н. Васильева [27] проводят комплексное изучение имени собственного в тексте. С.В. Банникова [28], Е.А. Нахимова [29], Ю.Ю. Саксонова [30] уделяют значительное внимание онимам в рамках теории интертекстуальности и теории прецедентности.

В данной статье исследуются функции онимов в женской прозе на материале трилогии Анны Берсеновой, ономастическое пространство текста современной женской прозы рассматривается как своеобразная система, имеющая ядро и периферию. Н.В. Подольская под ономастическим пространством понимает «комплекс имен собственных всех классов, употребляемых в языке данного народа в данный период для именования реальных, гипотетических и фантастических объектов» [31, с. 95]. По мнению Ю.Н. Подымовой, этот научный термин позволяет говорить об объёме ономастического пространства, о его структуре, в частности, о классах, составляющих его названий, их большей или меньшей представленности в языке, о строении разных разрядов ономастической лексики и так далее [32]. Известно, что ономастическое пространство не является замкнутой системой, исторически изменяется и рассматривается в синхронном и диахроническом аспектах. По отношению к тексту ономастическое пространство является конкретным, становится замкнутой системой, однако сохраняет системность и ядерно-периферийные отношения.

Ономастическое пространство в зависимости от текста может включать либо отдельные разряды онимов, либо все существующие в ономастике направления: антропонимика (собственные имена людей); топонимика (собственные имена географических объектов); теонимика (именования божеств); хрононимика (названия отрезков времени); геортонимика (названия отрезков праздничного времени); библионимика (названия письменных произведений); поэтонимика (имена собственные в художественном произведении); эпонимика (слова-родители последующих слов; слова, которые произошли от фамилии или имени какого-то выдающегося человека) и другие. А.В. Суперанская выделяет 19 ономастических разрядов, среди которых наиболее частотными являются личные имена собственные и географические названия [11, с. 173–205]. Отсутствие единой классификации онимов, невозможность определения четких границ между разрядами лексики, познание, расширение и обновление сфер объектов номинации свидетельствует о нерешенности многих аспектов в исследовании ономастического пространства. В связи с этим выделение онимов в лексические поля и разряды в известной степени условно, особенно периферийных разделов.

Антропонимика – это раздел ономастики, который изучает антропонимы, то есть имена людей, отчества, фамилии, родовые имена, прозвища и псевдонимы, криптонимы, а также имена героев литературных произведений, фольклора, мифов и сказок. Данное направление выделилось из ономастики во второй половине XX в. Эта наука изучает всё, связанное с именем: его происхождение, этимологию, а также связь имени с характером человека, национальностью, семьёй, территорией проживания. Данное направление ономастики имеет свой объект изучения – антропоним – единичное имя собственное или их совокупность, которые идентифицируют человека. В широком смысле антропоним – это имя любого человека: вымышленного или реального. Одни ученые определяют антропоним как имя собственное (или совокупность имен собственных), официально присвоенное лишь человеку как его опознавательный знак: идентифицирует и индивидуализирует человека [33, с. 38; 31, с. 30]. Другие называют антропонимами имя собственное, присвоенное любому объекту, человеку либо вымышленному персонажу [11, с. 31]. Традиционно выделяется несколько типов антропонимов: личное имя (имя при рождении), отчество (патроним – именования по отцу, деду и так далее), фамилия (родовое или семейное имя), мононим (полное имя человека, которое состоит из одного слова), прозвище, никнейм (псевдоним в игре или социальной сети) [11].

Топонимика – это научная дисциплина, которая изучает географические названия, их происхождение, развитие, современное состояние, смысловое значение, написание и произношение [34]. Топоним, согласно толковому словарю, «собственное название отдельного географического места (населенного пункта, реки, угодья)» [35, с. 803]. Л.Н. Давлеткулова под топонимами понимает «исторически, социально и культурно обусловленные географические названия любых естественно-природных или искусственно созданных человеком объектов» [36, с. 33]. Представляя собой особый класс имен собственных, топонимы характеризуются признаками, присущими всем именам собственным, обладая при этом собственными уникальными чертами. Специфика географического названия заключается в том, что оно определяет объект и вместе с тем называет его. Топоним является своего рода «вторичным названием данного предмета, дополняющим и уточняющим первичное, нарицательное, и служащее для различения известных подобных предметов друг от друга» [37, с. 9].

Вопрос классификации топонимов весьма сложен и остается актуальным. Об этом свидетельствует тот факт, что до сих пор не была создана универсальная классификация, отвечающая всем специфическим характеристикам географических наименований. Основной проблемой является, несомненно, многоаспектность топонима – неразрывная связь его семантической и структурно-грамматической стороны, а точнее их смешение и попытка одновременного их учета при анализе. В результате применения различных подходов к изучению географических названий возникают фонетические, структурно-грамматические, этимологические классификации (А.Н. Деревяго [38], В.А. Жучкевич [39], А.К. Матвеев

[40], А.М. Мезенко [41], А.В. Суперанская [42]), каждая из которых, однако, не в состоянии совместить в себе все эти признаки топонимов.

Семантическая классификация традиционно проводится на основе денотативного компонента семантики. А.Н. Деревяго использует в своей работе следующие группы топонимов [38]: хороним (название административной и природной территории); ороним (название объекта рельефа); гидроним (название водного объекта; в свою очередь гидронимы можно подразделить на океаноним (океан), пелагоним (море), лимноним (озеро), потамоним (река)); инсулоним (название острова); ойконим (именование поселения; в свою очередь ойконимы можно подразделить на астионим (город) и комоним (деревня)); ойкодомоним (название дома, здания); дромоним (название дороги); урбаноним (название внутригородского объекта).

В результате исследования ономастическое пространство трилогии «Подруги с Малой Бронной» Анны Берсеновой представлено 889 онимами (9216 словоупотреблений), которые можно классифицировать по 8 разделам ономастики следующим образом: антропонимы (349 лексем (далее – л.), 7650 словоупотреблений (далее – сл.), топонимы (412 л., 1316 сл.), теонимы (10 л., 22 сл.), библионимы (51 л., 82 сл.), поэтонимы (46 л., 102 сл.), геортонимы (11 л., 33 сл.), хрононимы (8 л., 9 сл.), эпонимы (1 л., 1 сл.). Группы топонимов (412 л., 1316 сл.) и антропонимов (349 л., 7650 сл.) являются самыми многочисленными в трилогии. Самыми немногочисленными группами являются хрононимы и эпонимы.

Антропонимы (112 л. и 3008 сл. в романе «Уроки зависти», 126 л. и 2826 сл. в романе «Опыт нелюбви», 111 л. и 1816 сл. в романе «Этюды Черни») получают своеобразные художественные коннотации и, как следствие, расширяют объём семантики за счет усиления прагматического компонента. Глубина прагматической информации определяется автором текста, а имена собственные, называющие персонажей, становятся текстовым конструктом смысловой стороны произведения, занимая «ведущую роль в создании семантической композиции наряду с другими средствами» [15, с. 102]. Актуализируя в художественном тексте свой семантический потенциал, антропонимы способны выражать многообразные стилистические, эмоционально-экспрессивные, оценочные значения, расширяя тем самым состав своих функций. Так, например, имя *Фёдор* греческого происхождения, современная форма имени *Теодорос* (*Теодорос*, *Феодорос*), в переводе означает «дарованный Богом», «Божий дар» [43, с. 227–228]. Этимология имени *Фёдора* соответствует характеристике персонажа *Фёдора* в трилогии: он обладал всеми лучшими качествами. Его «Божий дар» проявляется в том, что он был мастером на все руки. Криptonим *Царь* используется как прозвище *Феди Кузнецова*. Должность прапрадеда (экономический министр при последнем царе) в соединении с его личными качествами и дала такое прозвище: –*Ты, Царь, чем рыдать, на дорогу лучше смотри, – командовала Кира. Дом был угловой – в подъезд, в котором жили Люба и Саша, надо было входить со Спиридоньевского переуллка, а к Царю и Кире – с Малой Бронной.* «Имя персонажа – одно из средств, создающих художественный образ, оно может характеризовать социальную принадлежность персонажа, передавать национальный и местный колорит, а если действие происходит в прошлом, то воссоздавать историческую правду (или разрушать ее, если имя выбрано вопреки правде)» [10, с. 234].

Топонимы в романе «Уроки зависти» представлены 145 лексемами, 487 словоупотреблениями, в романе «Опыт нелюбви» – 149 л., 468 сл., в романе «Этюды Черни» – 118 л., 361 сл. Наибольшее количество топонимов принадлежит роману «Опыт нелюбви», поскольку в произведении важно было показать передвижения героев, указать, где именно происходили действия.

Топонимы других подгрупп чаще всего употребляются автором факультативно, с целью художественной детализации повествования, достижения максимальной убедительности и достоверности. Это свидетельствует о детерминированности структуры художественного ономастикона темой, идеей произведения, замыслом автора. В романе «Уроки зависти» самой многочисленной группой является подгруппа топонимов: топоним-хороним (38 л., 119 сл.). Самыми немногочисленными являются 2 подгруппы топонимов: гидроним-пелагоним (1) и гидроним-потамоним (1). В романе «Опыт нелюбви» самыми многочисленными являются подгруппы топонимов: топоним-урбаноним (42 л., 106 сл.), топоним-хороним (40 л., 144 сл.). Самыми немногочисленными являются 2 подгруппы топонимов: гидроним-океаноним (1) и гидроним-потамоним (1). В романе «Этюды Черни» самой многочисленной группой является подгруппа топонимов: топоним-хороним (32 л., 82 сл.). Самыми немногочисленными группами являются 3 подгруппы топонимов: инсулоним (1), пелагоним (1), эпоним (1). Такие группы, как гидроним-пелагоним, гидроним-потамоним, гидроним-океаноним, инсулоним являются самыми немногочисленными, поскольку основные события в трилогии не связаны с островами, морями, океанами, реками, и герои там не жили, а были проездом, находились короткое время.

Богатство топонимов указывает на стремление Анны Берсеновой подробно описать даже мельчайшие перемещения действующих лиц в пространстве: читатель видит названия многочисленных улиц, переулков и площадей, мимо которых проходят герои, знает имена каждого географического объекта, в котором персонажи оказываются, и знает даже названия рек, протекающих рядом. Такое внимание автора к деталям свидетельствует о желании не только показать место происходящих событий в романе, но и дать читателю максимально полную картину происходящего, прорисовать каждую деталь в картине сюжета.

Ономастическое пространство трилогии Анны Берсеновой представлено названиями реальных объектов, например: *Кельнский собор* (1), *Мадагаскар* (1), *Парк Горького* (1). Основные действия в трилогии происходят в России и в Германии, именно поэтому Анна Берсенева использует эти топонимы значительно чаще остальных. Частотны географические названия: административные и природные территории: *Соединенные Штаты Америки* (34 словоупотребления), *Финляндия* (14), *Шварцвальд* (11); объекты рельефа: *Аппалачи* (2), *Венский лес* (2), *Голгофа* (2); острова: *Сахалин* (14), *Камчатка* (7), *Голстон* (3); дома и здания: *издательство «Транспорт»* (10), *отель «Империл»* (7), *кондитерская «Донна Клара»* (5); названия дорог: *Ленинградское шоссе* (2), *Владивосток–М.* (1), *Садовое кольцо* (1); внутригородские объекты: *Малая Бронная* (16), *Спиридоньевский переулок* (7), *Патриаршие пруды* (5); океаны: *Атлантический океан* (3), *Северный Ледовитый океан* (3); моря: *Охотское море* (1), *море Лаптевых* (2), *Каспийское море* (2); озеро: *Байкал* (3); реки: *Дунай* (3), *Поронай* (3), *Каменка* (3); города: *Вена* (23), *Фрайбург* (15), *Париж* (13); деревни: *Шахматово* (32), *Берггартен* (28), *Кофельцы* (22). Топонимы *М., Соединенные Штаты Америки, Германия, Вена, Фрайбург* являются наиболее частотными, поскольку основные действия происходят в этих странах и городах.

Искусно введенное в повествование географическое название выступает как небольшой, но полный глубокого смысла штрих к социальному портрету того или иного действующего лица. Например, топонимы, названные персонажем *Бернхардом Менцелем* (живет в Германии) в диалоге с *Любой*, указывают на его более высокое социальное положение в обществе по сравнению с остальными героями. В своей речи *Бернхард Менцель* использует такие топонимы, как *Америка, Баденвайлер, Берггартен, Лондон, Париж, Фрайбург, Франция, Франкфурт, Шварцвальд, Швейцария*, поскольку Менцель богат и много путешествует по миру.

В романе «Этюды Черни» представлен топоним *Альбион* (1): *Да и уехал он отнюдь не во глубину сибирских руд, а в родной туманный Альбион, где у него был назначен очередной концерт из расписанных на пять лет вперед». Англию по-другому называют «туманным Альбионом», поскольку речь идет об английских туманах. Для героя трилогии это «туманное», однообразное настоящее и «мутное», непонятное, неопределенное будущее; герой потерял, не видит цели дальнейшей жизни.*

Ономастическое пространство в романах Анны Берсеновой конкретизирует действия главных и второстепенных персонажей, акцентирует внимание на отдельных героях и происходящих с ними событиях один день, год, на протяжении длительного времени. Использование географических названий в романах помогают читателю глубже проникнуть в замысел автора, определить пространство художественной картины мира. Географические названия являются средством обозначения и указания на отдельные отрезки пространства, являются элементом сюжетообразования и выразителем идейно-художественных и эстетических представлений автора.

Ономастическое пространство художественных произведений выступает подсистемой общей образной системы художественного произведения, с одной стороны, а с другой – отражает специфику авторского творчества, жанровых и стилевых различий, соотносимость содержания художественного произведения с эпохой изображения и временем создания произведения.

Лексико-деривационный ряд – «в разной степени актуализированный в тексте ряд лексических единиц, имеющих в системе языка или приобретающих в конкретных текстовых условиях формально-семантические связи и находящиеся друг с другом в отношениях детерминации» [44]. В трилогии Анны Берсеновой были выявлены 14 лексико-деривационных рядов: *Атлантический океан* (3 словоупотребления) – *Атлантика* (3), *Великобритания* (1) – *Бретань* (1), *Выхино-Жулебино* (2) – *Жулебино* (1), *Гарвардский университет* (3) – *Гарвард* (3), *Ленинградское шоссе* (2) – *Ленинградка* (1), *Новосибирск* (2) – *Новосиб* (1), *Патриаршие пруды* (1) – *Патриаршие* (1), *Российская академия музыки имени Гнесиных* (1) – *Гнесинка* (1), *Северный Ледовитый океан* (2) – *Ледовитый океан* (1), *Сейшельские острова* (1) – *Сейшелы* (1), *Соединенные Штаты Америки* (34) – *Штаты* (6) – *Америка* (28), *Транссибирская магистраль* (1) – *Транссиба* (1), *Третьяковская галерея* (1) – *Третьяковка* (1), *Центральная музыкальная школа* (4) – *Центральная* (4).

Цепочка топонима *Соединенные Штаты Америки* (34) состоит из 3 лексем, в отличие от всех двухкомпонентных деривационных рядов. Разговорные формы топонимов (большая их часть служит названиями различных зданий, учреждений города) представлены в диалогах героев, что подтверждает живость и непринужденность общения. Такие топонимы передают стремление говорящего к лаконичности речи, речевой экономии.

Хрононимы как знаки историко-культурной памяти людей в романе «Уроки зависти» представлены 2 лексемами, 3 словоупотреблениями, в романе «Опыт нелюбви» – 4 л., 4 сл., в романе «Этюды Черни» – 2 л., 2 сл.. Хрононимы (например, *Отечественная война* (2), *Вторая мировая война* (1)) частотны в произведении «Опыт нелюбви», поскольку в романе важно было показать определенные отрезки времени, когда, в какое время происходили события. Речь идет не столько об историческом, сколько о социокультурном значении обозначаемого: в хрононимах отражаются событийные вехи в общественном сознании, связь данных наименований с конкретными фактами истории, явлениями национальной культуры.

Геортонимы, отражая особенности национальной культуры и быта, участвуя в создании концептосферы произведения, в романе «Уроки зависти» представлены 3 лексемами, 17 словоупотреблениями, в романе «Опыт нелюбви» – 3 л., 6 сл., в романе «Этюды Черни» – 5 л., 10 сл.. Частотность геортонимов в трилогии обусловлена хронотопом: многие важные события происходили именно в праздничное время. Обозначение торжества со всеми его настроениями, церемониями, актами празднования представляет детальную картину обозначенных в романах событий, например: *Рождество* (10), *Рождественский сочельник* (5), *Новый год* (2).

Топонимы, хрононимы и геортонимы образуют локально-темпоральное единство художественного текста – хронотоп. Они передают канву описываемых событий, формируют фон повествования.

Теонимы в романе «Уроки зависти» представлены 4 лексемами, 9 словоупотреблениями, в романе «Опыт нелюбви» – 2 л., 4 сл., в романе «Этюды Черни» – 4 л., 9 сл.. Теонимы более частотны в двух романах – «Уроки зависти» и «Этюды Черни» – и характерны определенной эпохе. Имена богов *Мельхиор*, *Балтазар*, *Гаспар* представляют принятые в западноевропейской традиции имена магов (волхвов), принесших младенцу Иисусу дары на Рождество. Имя *Кассандра* – персонаж древнегреческой мифологии, дочь Приама и Гекубы. *Архангел Михаил*, *Богородица* и другие теонимы в романах используются для того, чтобы показать эпоху Христа. Человеческие достоинства и пороки восходят к библейским сюжетам, так как за теонимами стоят события, поступки, без знания которых невозможно декодировать соответствующие нарицательные значения лексических единиц, а также понять важные смыслы и подтекст произведения.

Библионимы (например, «*Пражские гены*» (1), «*Золотой теленок*» (1), «*Маленькая ночная серенада*» (1)) в романе «Уроки зависти» представлены 11 лексемами, 19 словоупотреблениями, в романе «Опыт нелюбви» – 23 л., 43 сл., в романе «Этюды Черни» – 17 л., 20 сл.. Библионимы в концентрированном виде сообщают информацию о содержании текста, отражают культуру и социальную жизнь общества, поэтому в художественном тексте они используются как средство обогащения и насыщения романа, передают «дух» определенной эпохи, указывают на тему и идею произведения, напоминают о действующих лицах и ключевых образах.

Поэтонимы в романе «Уроки зависти» представлены 18 лексемами, 59 словоупотреблениями, в романе «Опыт нелюбви» – 14 л., 18 сл., в романе «Этюды Черни» – 14 л., 25 сл.. Поэтонимы частотны в романе «Уроки зависти». Анна Берсенева использует их как способ трактовки событий, действий, эмоций, идей, для того, чтобы сравнить характер и поступки своих героев с героями других произведений, например, *Золушка* (5), *Илья Муромец* (1), *Мальчик-с-пальчик* (1). Эти персонажи живут в нашем сознании и так или иначе определяют видение окружающего, картину мира читателя. «Потребность при оценке новых реалий искать аналог в сфере хорошо известного является особенностью человеческой психологии» [45, с. 112].

Эпоним единичен в употреблении и представлен онимом «*бозон Хиггса*» (1 лексема, 1 словоупотребление) лишь в романе «Этюды Черни»: *И непонятно, связана их молоджавость с размерностью природной жизни или все же с тем, что они занимаются поисками в невидимом взгляду пространстве частицы под названием «бозон Хиггса», которая неизвестно даже, существует ли вообще.* Хиггс – известный британский физик-теоретик, в честь которого названа самая дорогая элементарная частица, отвечающая за наличие массы. Использование данного эпонима характеризует поведение героев, которые безучастно относятся ко всему происходящему, делают видимость какой-то деятельности.

Заключение. Ономастическое пространство художественных произведений выполняет не только важную структурно-организующую функцию, но и несет наиболее общую многостороннюю лингвистическую, экстралингвистическую и лингвокультурологическую информацию. Ономастическое пространство структурно охватывает часть словаря языка писателя, характеризует его авторскую индивидуальность и уровень мастерства. Ядро ономастического пространства трилогии Анны Берсеневой составляют антропонимы (личные имена – фамилии – отчества – криптонимы), постепенно ослабевающие к периферии зоны представлены следующим образом: приядерная – топонимы, где центром являются хоронимы и ойконимы, ближайшая периферийная – поэтонимы и библионимы, отдаленная – геортонимы, теонимы, хрононимы, более отдаленная периферийная зона – эпоним.

В трилогии Анны Берсеневой «Подруги с Малой Бронной» онимы – не что иное, как характеристики отношений героев, оценок героев автором, культуры, воспитания. Функционально онимы зависят от авторского замысла и в тексте выполняют определенные текстообразующие функции, участвуя в формировании целостности произведения как на уровне формы, так и на уровне содержания. Учитывая труды многих ученых по ономастике и основываясь на собственных результатах исследования, можно выделить следующие функции ономастической лексики в художественном дискурсе: номинативную (онимы называют и обозначают предметы, явления для их идентификации и индивидуализации); информативную (служат для передачи информации, указывая на праздники, названия отрезков времени, на место происходящих событий, названия дорог и другое, представляют объекты окружающего мира героев); историко-культурную (выступают как квант этнокультурной информации); прагматическую (воздействуют на адресата); экспрессивную (выражают внутреннее состояние и эмоции героев); оценочную

(раскрывают отношение к предмету, явлению); эстетическую (способствуют «поэтическому» восприятию текста, оказывают определенное эстетическое воздействие на читателя); локальную (служат для концентрирования пространства, обозначения его границ); социальную (представляют отношения в обществе); редуцирующую (служат для сжатия текста); функцию выделения и группировки (привлекают внимание читателя к определенной группе предметов, явлений с помощью маркирования их названий, что позволяет разбить весь ономастикон произведения на конкретные группы).

Онимы занимают ключевое место в современной женской прозе и служат для передачи темпоральных и локальных параметров происходящего в трилогии, являются эмоционально-экспрессивной составляющей текста, обозначают позиции носителя речи, категоризируют и концептуализируют авторское видение мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Березович, Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте / Е. Л. Березович. – М. : КомКнига, 2010. – 328 с.
2. Бондалетов, В. Д. Русская ономастика : уч. пособие для студентов пед. ин-тов / В. Д. Бондалетов. – М. : Просвещение, 1983. – 224 с.
3. Гак, В. Г. К типологии лингвистической номинации / В. Г. Гак // Языковая номинация: Общие вопросы : сб. ст. ; под ред. Б. А. Серебренникова. – М. : Наука, 1977. – С. 230–293.
4. Голомидова, М. В. Искусственная номинация в ономастике : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / М. В. Голомидова ; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 1998. – 376 л.
5. Игнатъева, Е. П. Энциклопедический антропоним как часть семиотического пространства : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Иркутский гос. ун-т ; Е. П. Игнатъева. – Иркутск, 2018. – 182 с.
6. Калинин, В. М. Поэтика онима / В. М. Калинин. – Донецк : Донец. нац. ун-т, «Астраханский университет», 2002. – 78 с.
7. Лазарева, В. А. Имя собственное: проблемы референции / В. А. Лазарева. – М. : Индрик, 2017. – 264 с.
8. Мезенко, А. М. Ономастика Беларуси. Топонимия / А. М. Мезенко. – Минск : РИВШ, 2018. – 320 с.
9. Намитокова, Р. Ю. Региональная ономастика / Р. Ю. Намитокова. – Майкоп : Изд-во АГУ, 2005. – 70 с.
10. Никонов, В. А. Имя и общество / В. А. Никонов. – М. : Наука, 1974. – 234 с.
11. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1973. – 366 с.
12. Gardiner, A. H. The theory of proper names: A Controversial Essay / A. H. Gardiner. – London, New York : Oxford University Press, 1957. – 75 p.
13. Langendonck, W. V. Theory and typology of proper names / W. V. Langendonck. – Berlin : Mouton de Gruyter, 2007. – 375 p.
14. Супрун, В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / В. И. Супрун. – Волгоград : Перемена, 2000. – 78 л.
15. Фоянкова, О. И. Имя собственное в художественном тексте / О. И. Фоянкова. – Л. : Ленингр. гос. ун-т, 1990. – 103 с.
16. Степанов, Ю. С. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / Ю. С. Степанов. – М. : Большая Рос. Энцикл., 2000. – 687 с.
17. Никитин, М. В. Основания когнитивной семантики / М. В. Никитин. – СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. – 277 с.
18. Топоров, В. Н. О палийской топономастике / В. Н. Топоров // Ономастика востока. Исследования и материалы. – М. : Наука, 1969. – С. 31–50.
19. Петрова, И. А. Парадигматические отношения имен собственных и способы ономастической номинации героев в фольклорном тексте : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / И. А. Петрова ; Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2001. – 175 л.
20. Филиппова, Н. И. Собственные имена персонажей в якутском эпосе олонхо: структура и семантика : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.06 / Н. И. Филиппова ; Сев.-Вост. федер. ун-т им. М. К. Аммосова. – Якутск, 2000. – 160 л.
21. Луговая, Е. А. Топоним виртуального пространства как культурно-историческая категория (на материале эпопеи Джона Рональда Руэла Толкина «Властелин колец») : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е. А. Луговая ; Ставроп. гос. ун-т. – Ставрополь, 2006. – 217 л.
22. Цыцькова, О. В. Ономастикон романа Ванчинбалына Инжаннаша «Хухэ судар» (семасиологический и словообразовательный анализ) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22 / О. В. Цыцькова ; Бурят. гос. ун-т. – Улан-Удэ, 2007. – 134 л.
23. Вартанова, О. А. Англиязычные топонимы и их стилистический потенциал в поэзии: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / О. А. Вартанова. – СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, 1994. – 196 с.
24. Гончарова, Н. А. Ономастическое пространство как проявление языковой личности автора: на материале произведений Сергея Николаевича Сергеева-Ценского : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н. А. Гончарова ; Тамбовский гос. ун-т им. Г. Р. Державина. – Тамбов, 2007. – 137 л.
25. Бардакова, В. В. Специфика литературной ономастики детской художественной прозы : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Волгоградский гос. соц.-пед. ун-т ; В. В. Бардакова. – Волгоград, 2000. – 211 л.
26. Шелепова, А. С. Название как кодовая единица текста (на материале современного английского языка) : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. С. Шелепова ; МГУ им. М. А. Шолохова. – М., 2003. – 150 л.
27. Васильева, В. Н. Собственное имя в тексте: интегративный подход : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / В. Н. Васильева ; Ин-т языкознания РАН. – М. : Ин-т языкознания РАН, 2005. – 224 л.

28. Банникова, С. В. Прецедентность как лингвокультурный феномен (на материале английских и русских текстов) : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / С. В. Банникова ; Тамбов. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. – Тамбов, 2004. – 182 л.
29. Нахимова, Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации / Е. А. Нахимова. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2007. – 207 с.
30. Саксонова, Ю. Ю. Прецедентный интекст: проблема межъязыковой эквивалентности в художественном переводе (на материале английского, немецкого и русского языков) : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Ю. Ю. Саксонова ; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2001. – 133 л.
31. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М. : Наука, 1978. – 441 с.
32. Подымова, Ю. Н. Названия фильмов в структурно-семантическом и функционально-прагматическом аспектах: дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ю. Н. Подымова ; Адыг. гос. ун-т. – Майкоп, 2006. – 205 л.
33. Ермолович, Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур / Д. И. Ермолович. – М. : Р. Валент, 2001. – 200 с.
34. Басик, С. Н. Общая топонимика: уч. пособие для студентов географического факультета / С. Н. Басик. – Минск : БГУ, 2006. – 200 с.
35. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. – 4-е изд., доп. – М. : А ТЕМП, 2006. – 938 с.
36. Давлеткулова, Л. Н. Топонимы в лингвокультурологическом аспекте (на примере географических названий графства Оксфордшир и Челябинской области) : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Л. Н. Давлеткулова ; Челябин. гос. ун-т. – Челябинск, 2014. – 220 л.
37. Суперанская, А. В. Структура имени собственного (Фонология и морфология) / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1969. – 206 с.
38. Деревяго, А. Н. Имя собственное в художественном тексте / А. Н. Деревяго. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2008. – 239 с.
39. Жучкевич, В. А. Общая топонимика / В. А. Жучкевич. – Минск : Высшая школа, 1980. – 432 с.
40. Матвеев, А. К. Методы топонимических исследований / А. К. Матвеев. – Свердловск : Урал. гос. ун-т, 1986. – 100 с.
41. Мезенко, А. М. Белорусская ономастика. Топонимика / А. М. Мезенко. – Минск : Элайда, 2012. – 260 с.
42. Суперанская, А. В. Что такое топонимика? / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1984. – 182 с.
43. Суперанская, А. В. Словарь русских личных имен / А. В. Суперанская. – М. : Эксмо, 2003. – 544 с.
44. Медведева, К. М. Семантика эмоционально-экспрессивных суффиксов качественных форм русских антропонимов / К. М. Медведева // Молодой ученый : материалы Междунар. науч. конф., Москва, июль, 2013 г. – М.: Наука, 2013. – С. 23–31.
45. Гануш, Е. В. Поэтонимы как средство вторичной номинации и предикации / Е. В. Гануш // Русский язык: система и функционирование (к 80-летию профессора П.П. Шубы) : материалы III Междунар. науч. конф., Минск, 6–7 апр. 2006 г. : в 2 ч. ; редкол.: И. С. Ровдо (отв. ред.) [и др.]. – Ч. 1 – Минск: РИВШ, 2006. – С. 110–112.

Поступила 04.11.2019

ONOMASTIC SPACE IN ANN BERSENEVA'S TRILOGY "THE FRIENDS FROM MALAYA BRONNAYA"

Z.Z. SIDOROVICH, A.V. BUKACH

The article is devoted to the study of proper names in an artistic text from the standpoint of text formation of the literary phenomenon of "modern women's prose". In the article the problems of onomastics and the ways of conceptualizing the "proper name" presented in the scientific literature; the onomastic space of the literary text is defined as a specific system having the core (anthroponyms, toponyms) and the periphery. On the material of Ann Berseneva's trilogy "The Friends from Malaya Bronnaya", all the sampled lexemes have been classified into onomastic groups, the lexical-derivational series of the toponymic units has been conducted, the peculiarities of using proper names have been revealed, and their text-forming functions have been determined: nominative, informative, historical and cultural, pragmatic, expressive, evaluative, aesthetic, local, social, reducing, the function of allocation and grouping. Onyms function in the literary discourse as text-forming units and present the literary picture of the world.

Keywords: proper name, onym, onomastics, anthroponym, toponym, literary text, Ann Berseneva.

УДК 811.161.1*36

**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖНЫЕ ЕДИНИЦЫ:
СПИСОЧНЫЙ СОСТАВ, СТРУКТУРА, СЕМАНТИКА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)**

канд. филол. наук А. Ч. РЫЖКОВИЧ
(Гродненский государственный университет им. Я. Купалы)
annatichalouskaya@mail.ru

Рассматриваются фразеологические предложные единицы с темпоральной семантикой, представлен списочный состав темпоральных фразеологических предлогов, перечислены их основные структурные модели отыменных фразеологических предлогов, описаны типы отношений, которые способны выражать фразеологические предлоги с темпоральной семантикой.

Ключевые слова: *темпоральный предлог, фразеологический предлог, темпоральная семантика.*

Введение. Уровни языка взаимодействуют между собой в различных аспектах. Такое взаимодействие проявляется в виде употребления фразеологизмов – предложно-падежных форм существительных, которые употребляются в роли предлогов. «Употребление фразеологизмов в роли предлогов обусловлено той или иной степенью грамматикализации и является несомненным свидетельством роста аналитических тенденций в морфологии вообще» [1, с. 73].

В лингвистике наметились два подхода к решению вопроса о статусе предложно-падежных единиц, функционирующих в роли предлогов: исследователи включают их в состав фразеологизмов или считают словами. Первую точку зрения отстаивают в своих работах А.М. Бабкин, А.Н. Кожин, Ю.П. Рухлов, Р.П. Рогожникова, В.Т. Бондаренко, А.М. Чепасова, Г.А. Шиганова и другие. Все они считают, что устойчивые предложно-падежные формы являются фразеологизмами, так как они обладают такими признаками фразеологической единицы, как «устойчивость, воспроизводимость, нечленимость, номинативность, образность и экспрессивность, раздельнооформленность. А минимальным отличием устойчивых сочетаний от слова является обязательное наличие в составе таких сочетаний служебного» [2, с. 160].

Вторая точка зрения представлена в работах Н.М. Шанского, В.А. Яцеленко. Н.М. Шанский отмечает, что предложно-падежные формы употребляются в языке в виде неразложимого семантического целого, обладают одним основным ударением, воспроизводятся как целостные значимые единицы, являются непроницаемыми в структурном отношении и имеют фразеологизованное значение, «совершенно несоотносительное со значением этимологически выделяемых компонентов» [3, с. 37–38]. Основой для разграничения слова и фразеологизма, считает В.А. Яцеленко, является акцентологический критерий: «если звуковая оболочка рассматриваемой единицы содержит один полноударный слог и не совпадает со звуковой оболочкой свободного словосочетания, на отношении с которым основывалась бы его мотивированность, то эта рассматриваемая единица является словом» [4, с. 4].

Е.В. Гальченко в своей работе указывает на то, что предложно-падежные формы, употребляемые в роли предлогов, «находятся на грани между словами и фразеологизмами и представляют собой не фразеологизмы в полной мере, а фразеологизованные единицы, процесс фразеологизации которых находится на разных стадиях формирования и завершения» [5, с. 25].

Фразеологические предлоги в настоящее время требуют детального изучения. Один из проблемных вопросов – отсутствие единой терминологии. Термин «фразеологический предлог» принимается не всеми учеными. В.В. Виноградов, Е.Т. Черкасова, Ю.Г. Скиба, В.С. Бондаренко, Г.А. Золотова называют подобные единицы составными предложениями («собственно отыменными»), «сложными отыменными»); М.В. Всеволодова – отыменными сложными предложными сочетаниями; Ю.П. Рухлов, А.В. Кунин, А.Н. Кожин, А.С. Смирницкий – одновершинными фразеологизмами; Р.П. Рогожникова – эквивалентами слов; Р.З. Худавердиева, А.И. Чепасова – грамматическими фразеологизмами; Е.В. Гальченко – предложениями с фразеологизованным значением; Е.П. Калечиц, Л.И. Ушакова – фразеологическими конструкциями, выступающими в функции предлогов; М.А. Леоненко – вторичными предложениями; А.М. Бабкин, В.Т. Бондаренко – служебными фразеологизмами, служебными одновершинными устойчивыми сочетаниями слов. В нашей статье мы употребляем термин «фразеологический предлог», под которым вслед за Г.А. Шигановой понимаем «фразеологические единицы, состоящие из двух или более компонентов и соотносимые по своим семантическим и грамматическим свойствам с лексическими предлогами» [6, с. 11].

Основная часть. Фразеологические предлоги составляют почти 80% от всех имеющихся в языке предлогов. Активный рост таких единиц вызван, по мнению Г.А. Шигановой, как экстралингвистическими причинами, так и собственно языковыми. К внеязыковым факторам исследователь относит «общественную потребность в точных и специализированных средствах выражения отношений между словами; к языковым – «перегруженность» значениями лексических непроемких предлогов и неспособность их дифференцировать весьма усложнившиеся в языке синтаксические отношения между именами и другими словами в предложении» [7, с. 19–20].

В современных толковых словарях русского языка толкование большинства предложных единиц учитывает падежное управление предлога с приведением контекстов с описываемой единицей: «В и во (см. во), предлог в вин. и с предл. п. 5. С вин. п. Употр. для определения срока, момента совершения чего-н. *В четверть второго. В среду. В полдень.* 6. С вин. п. Употр. для определения длительности совершения чего-н. *Это можно выполнить в одну неделю. Сделать в один прием.* || За время существования, совершения, пребывания чего-н. *В мою бытность за границей. В эпоху капитализма*» [8, с. 64].

Объектом толковых словарей являются только первичные предлоги, вторичные обычно встречаются лишь в примерах, которые приводятся после толкования знаменательной части речи, входящей в предложную единицу, либо под знаком ромба. Последние и рассматриваются исследователями как устойчивые выражения. Напр., рус. *в бытность, в завершение, в заключение, в середине, во время, на грани.* Напр., «**БЫТНОСТЬ, бытности**, ж. Только в выражении: **в бытность кого или чью**, кем или где – во время пребывания, нахождения. *В бытность мою студентом. В бытность его на юге*» [8].

«**БЫТНОСТЬ**, -и, ж. ♦ **В бытность** (чью) кем или где – во время пребывания, нахождения в качестве кого-л. или где-л. *В бытность мою на Сахалине при Александровской тюрьме числилось более двух тысяч каторжных.* Чехов, Остров Сахалин» [9].

Фразеологические словари не рассматривают предлоги как самостоятельные лексические единицы и трактуют их как фразеологизмы. В толковых словарях можно выделить два основных способа толкования лексического значения предлогов:

1) синонимический:

«**В ЗАКЛЮЧЕНИЕ**, предлог, с род. п. По окончании, по завершении чего-л. *Она сказала в заключение своей речи, что уверена в успехе дела. В заключение поездки делегация побывала на заводе.*

Не смешивать: сочетание сущ. с предлогом. *Он не поверил в заключение врача*» [10, с. 40].

2) описательный:

Характерным признаком описательного способа является «указание на функцию толкуемого слова, наличие в определении слов «служит для...», «употребляется», «выражается...» и т.д. [11, с. 9].

Напр., «**ВО ВРЕМЯ**, предлог, с род. п. Употр. при выражении временных отношений, когда в один из моментов или на всем протяжении какого-л. действия, состояния происходит что-л. • **В процессе, в ходе** чего-л. *Мы познакомились во время путешествия*» [10, с. 50].

Из 16 лексикографических источников русского языка, включая знакомый нам в рукописи Реестр М.В. Всеволодовой, а также русские соответствия белорусских предлогов, данные в Реестре М.И. Конюшкович, извлечено 103 фразеологических темпоральных предлога и изофункциональных им единиц.

Фразеологические предлоги по структуре представляют собой сочетания слов, или синтаксические объединения компонентов, выраженных знаменательным (имя существительное) и служебным (препозитивный первообразный предлог *в*) словом.

Чаще всего компонентами фразеологических предлогов становятся существительные в форме единственного числа, реже – множественного числа.

Структурные типы отыменных фразеологических предлогов представляют собой следующие модели:

1) в / во + В.п.: *в бытность, в век, в год/ы, в глубину/ы, в глубь, в годину, в годовщину, в даль, в дни, в завершение, в заключение, в интервал, в канун, в минуту/ы, в момент/ы, в период/ы, в пик, в пору, в правление, в продолжение, в разгар, в сезон, в стадию, в течение, в фазу, в царствование, в эпоху, во время/времена, во дни, во тьму;*

2) в / во + П.п.: *в бытности, в возрасте, в глубинах, в глубине, в границах, в интервале, в конце, в начале, в преддверии, в пределах, в промежутке/ах, в процессе, в разгаре, в районе, в рамках, в расцвете, в середине, в стадии, в течении, в фазе, в ходе, в цвете, во тьме;*

3) до + П.п.: *до времени, до конца, до нашей/новой эры, до поры;*

4) за + В.п.: *за время, за период;*

5) из + Р.п.: *из фазы;*

6) на + В.п.: *на время;*

7) на + П.п.: *на возрасте, на грани, на закате, на заре, на исходе, на отходе, на переломе, на пике, на пороге, на протяжении, на рассвете, на рубеже, на склоне, на стадии, на старости, на стыке;*

8) от + Р.п.: *от начала;*

9) по + Д.п.: *по истечении, по миновании, по окончании, по прошествии;*

10) под + В.п.: *под конец;*

11) при + П.п.: *при конце, при начале;*

12) с + Т.п.: *с интервалом/интервалами, с периодом/периодами;*

13) с/со + Р.п.: *с момента, с начала, со времен/времени.*

Не отмечена в реестрах и в словарях группа предлогов, включающая в свой структурный состав первообразный предлог *к*: *к + Д.п.: к началу, к концу, к довершению, ко времени, к моменту.* Наиболее продуктивным в нашем материале являются модели с непроизводным предлогом «в».

Фразеологические предлоги являются, по мнению Е.В. Гальченко, результатом двух процессов:

1) «лексикализации грамматической предложно-падежной формы в превращении ее в отдельное слово

и 2) грамматикализации, при которой слово утрачивает лексическую самостоятельность в связи с употреблением его в служебной функции» [5, с. 69].

Учитывая эти процессы, в соответствии с классификацией, предложенной Е.В. Гальченко, мы выделяем следующие группы фразеологических предлогов:

1. Предлоги, образованные на базе предложно-падежных форм свободного функционирования: *во время, под конец, в начале, в момент, в период* и др.

В данную группу мы включаем предложно-падежные сочетания, которые в современном русском языке имеют предложно-падежные формы имен существительных. Эти формы свободно выступают то в качестве предлога, то в качестве имени. Однако есть такие единицы, которые в современном русском языке употребляются преимущественно как предлоги, что свидетельствует о завершившемся или завершающемся процессе их опредложивания: *в течение, в завершение, в заключение, на протяжении* и др.

2. Предлоги, образованные на базе предложно-падежных форм, изъятых из фразеологических оборотов: *в рамках* (держаться себя в рамках приличий), *на заре* (на заре жизни), *до поры, до времени* (до поры до времени), *в расцвете* (в расцвете лет), *в цвете* (в цвете лет).

Фразеологические предлоги с темпоральной семантикой состоят как минимум из 2 компонентов и, по мнению Г.А. Шигановой, «формируют свое значение на основе сем всех составляющих компонентов. Мотивированность фразеологического значения позволяет этим единицам выражать синтаксические отношения между словами более конкретно и определенно, чем лексические непроемные предлоги. Они обладают меньшей степенью абстрактности, значение их в меньшей степени зависит от семантико-синтаксического окружения. <...> Знаменательный компонент привносит также дифференциальные семы, которые в соединении с семами лексических предлогов формируют релятивное значение новой фразеологической единицы, и это значение более конкретное по сравнению со значениями других типов предлогов, т.к. происходит «удвоение» или даже «утроение» смыслов» [6, с. 20–21].

Фразеологические предлоги выражают следующие виды временных отношений:

1. Предлоги, выражающие указание на какой-либо период времени, процесс, на всем протяжении которого или в один из моментов которого совершается какое-либо действие: *во время* чего – *Нельзя менять правила игры во время самой игры*; *в течение* чего – *В течение последних нескольких лет нам было из кого выбирать*; *в продолжение* чего – *В продолжение двух дней мои дела ужасно подвинулись*; *на протяжении* чего – *У нас на протяжении сотен лет успешные люди не воспринимались*; *в процессе* чего – *Мы сегодня говорили об этом с коллегами в процессе переговоров*; *в ходе* чего – *В ходе эксперимента выполнялось по 10 испытаний для каждого оператора*; *по ходу* чего – *А по ходу дела ищутся свидетели, улики и проч.*; *в миг* чего – *Такие безумные стихи и вспоминать только в миг смертельной опасности*; *в момент* чего – *В момент съёмки камера должна быть неподвижна*; *в минуту* чего – *В минуту опасности хамелеон меняет свою окраску*; *в период* чего – *В период весеннего призыва во всех городах работала прокурорская «горячая линия»*; *за время* чего – *За период президентства Путина резко сократились расходы федерального бюджета*; *за период* чего – *За время пути они много узнали друг о друге*.

2. Фразеологические предлоги, которые употребляются при указании на какое-либо событие, явление и т.п., за некоторое время до которого что-либо происходит: *в канун* чего – *В канун открытия станции мы ночевали под землей*; *в преддверии* чего – *В преддверии выборов в Сети поймал неплохой улов*; *на пороге* чего – *Зачем что-то выяснять, когда мы – на пороге разлуки*.

3. Предлоги, которые употребляются при указании на какое-либо событие, действие, являющееся начальной точкой для другого явления или события: *с начала* чего – *С начала года компания открыла три магазина*; *со времен* кого/чего – *Со времен древних греков ни возраст, ни положение, ни дружба не являются защитой*; *с момента* чего – *Биография старых вещей начинается с момента их производства*.

4. Предлоги, употребляющиеся при указании на временной промежуток, в пределах которого происходит действие или событие: *в пору* чего – *К этому времени писатель вступил в пору своей художественной зрелости*; *в эпоху* чего – *Его снимали в эпоху «немого кино»*; *в годы* чего – *В годы войны я был фронтовым разведчиком*; *в дни* кого/чего – *В дни великих праздников люди идут в церковь*.

5. Предлоги, употребляющиеся при указании на временной промежуток, событие, процесс, после которых что-либо происходит: *по прошествии* чего – *По прошествии определенного времени плохое постепенно забывается*; *по миновании* чего – *По миновании опасности собаки и кошки возвращались домой*; *по истечении* чего – *По истечении отпуска я должен поехать в Петербург*; *по окончании* чего – *По окончании песни он не откланивается, а просто убирает микрофон*.

6. Предлоги, употребляющиеся при указании на действия или события, в промежуток времени между которыми что-либо происходит: *на стыке* чего – *Это произошло на стыке двух эпох*; *на границе* чего – *Причины сокращения тиража на границе веков лежат на поверхности*; *на рубеже* чего – *Случилось это якобы на рубеже веков в Англии*.

7. Предлоги, употребляющиеся при указании на конец временного отрезка, события, в который что-либо происходит: *в конце* чего – *В конце мая в санатории состоялся третий ИТ-форум*; *на исходе* чего – *Наконец, на исходе лета был найден подходящий музыкант*.

8. Предлоги, употребляющиеся при указании на временной отрезок, в самом начале которого что-либо происходит: **в начале** чего – **В начале прошлого года** все было точно так же; **на заре** чего – **Я его знал когда-то, на заре юности.**

В исследуемых нами фразеологических предлогах наблюдается языковая вариативность. Под вариантами фразеологических предлогов понимают «лексико-грамматические разновидности, тождественные по своему значению, образности и степени семантической слитности, различающиеся словоформами или отдельными лексемами и сохраняющие при этом относительную стабильность синтаксической структуры» [3, с. 67].

В области фразеологических предлогов наблюдаются следующие типы варьирования:

1. Морфологическое – варианты различаются только формой числа или падежа знаменательного компонента: *в бытность* – *в бытности*, *в глубине* – *в глубинах* – *в глубину*, *в год* – *в годы*, *в минуту* – *в минуты*, *в момент* – *в моменты*, *в период* – *в периоды*, *в промежутке* – *в промежутках*, *в разгар* – *в разгаре*, *в фазе* – *в фазу*, *во время* – *во времена*, *во тьме* – *во тьму*, *с интервалом* – *с интервалами*, *с периодом* – *с периодами.*

2. Фонетико-морфологическое – варианты различаются звуковым обликом и падежом знаменательного компонента: *в преддверии* – *в преддверье*, *в продолжение* – *в продолжении*, *в течение* – *в течении*, *в стадии* – *в стадию.*

3. Смешанное – варьируются первообразный предлог и падежная форма имени: *в ходе* – *по ходу.*

Закключение. Фразеологические предложные единицы с темпоральной семантикой представляют собой сочетание первичного предлога со знаменательной лексемой – именем существительным. Лексическое значение фразеологического предлога мотивировано семантикой входящего в его состав существительного. Чаще всего компонентами фразеологических предлогов становятся существительные в форме единственного числа, реже – множественного числа. Сложность при квалификации фразеологических темпоральных предлогов состоит в том, что процесс фразеологизации данных единиц не завершён: язык – это динамичная, постоянно развивающаяся система, поэтому списочный состав фразеологических предлогов допускает образование новых единиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ушакова, Л. И. Отыменные предлоги с фразеологизованным значением в аспекте их моно- или полисемии / Л. И. Ушакова, Е. В. Гальченко // РЯШ. – 2000. – № 4. – С. 71–75.
2. Лекант, П. А. Очерки по грамматике русского языка / П. А. Лекант. – М.: МГОУ, 2002. – 311 с.
3. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. – СПб.: Спец. лит.-ра, 1996. – 192 с.
4. Яцеленко, В. А. Анализ семантической структуры фразеологических единиц русского языка : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / В. А. Яцеленко ; Ун-т дружбы народов им. П. Лумумбы. – М., 1982. – 152 л.
5. Гальченко, Е. В. Употребление предлогов с фразеологизованным значением в языке современной прессы : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. В. Гальченко ; Белгород. гос. ун-т. – Белгород, 2004. – 205 л.
6. Шиганова, Г. А. Релятивные фразеологизмы русского языка / Г. А. Шиганова. – Челябинск : ЧГПУ, 2003. – 306 с.
7. Шиганова, Г. А. Система лексических и фразеологических предлогов в современном русском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Г. А. Шиганова ; Орлов. гос. ун-т. – Орел, 2002. – 52 с.
8. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Сов. энцикл., 1935–1940.
9. Словарь русского языка : в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований ; под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – 4 т.
10. Рогожникова, Р. П. Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову / Р. П. Рогожникова. – М.: Астрель, 2003. – 416 с.
11. Евгеньева, А. П. Определения в толковых словарях / А. П. Евгеньева // Проблема толкования слов в филологических словарях. – Рига : Изд-во Акад. наук Латв. ССР, 1963. – № XIV. – С. 9.

Поступила 17.10.2019

PHRASEOLOGICAL PREPOSITIONAL UNITS WITH TEMPORAL SEMANTICS: LIST COMPOSITION, STRUCTURE, SEMANTICS (ON MATERIAL OF THE RUSSIAN LANGUAGE)

H. RYZHKOVICH

The article deals with phraseological prepositional units with temporal semantics, the list composition of temporal phraseological prepositions is presented, their main structural models of nameless phraseological prepositions are listed, the types of relations that are able to express phraseological prepositions with temporal semantics are described.

Keywords: *temporal preposition, phraseological preposition, temporal semantics.*

УДК 811.161.1'373+811.161.3'373+811.11'373

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ РАСХОЖДЕНИЯ В СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ,
ОБЩИХ ДЛЯ РУССКОГО, БЕЛОРУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ****Ю.В. НОВОГРАН***(Гродненский государственный университет им. Я. Купалы)**julia-novogran93@yandex.ru*

Рассматриваются частичные фразеологические эквиваленты и полные аналоги, входящие в общий фразеологический фонд русского, белорусского и английского языков. К ним относятся выражения, которые совпадают семантически, близки по структуре, но различаются лексемами при покомпонентном переводе. Анализируются основные причины лексических расхождений, вызванных лингвистическими и экстралингвистическими факторами. Выявляются ассоциативные (метафорические, метонимические) и семантические (тематические, гиперо-гипонимические, меронимические, синонимические, антонимические) отношения между не соответствующими друг другу фразеологическими компонентами. Лексические расхождения и отношения между ними выявляются только при покомпонентном переводе на один язык.

Ключевые слова: *фразеологизм, лексические расхождения, семантические отношения, ассоциативные отношения, лингвистические факторы, экстралингвистические факторы.*

Введение. В научной литературе проблеме лексических расхождений фразеологизмов посвящен ряд работ, но вопрос причин таких расхождений и связь между межъязыковыми фразеологическими компонентами являются не до конца изученными. Особенность компонентного состава фразеологических единиц обуславливается лингвистическими и экстралингвистическими факторами. Э.М. Солодухо отмечает, что применительно к фразеологическим единицам экстралингвистические факторы определяют специфику фразеологического образа. Лингвистические факторы, как правило, не затрагивают образную основу [1, с. 46]. Лексические расхождения компонентов фразеологизмов, если их рассматривать на уровне слов, находятся между собой в определенных отношениях: ассоциативных (метафорических, метонимических), тематических, гиперо-гипонимических, меронимических, синонимических, антонимических.

Целью данной статьи является выявление причин и анализ лексических расхождений фразеологизмов общего фонда русского, белорусского и английского языков, а также ассоциативных и семантических отношений между несопадающими компонентами. Для этого были взяты следующие фразеологические источники: «Фразеологический словарь русского языка» А.И. Молоткова [2], «Большой англо-русский фразеологический словарь» А.В. Кунина [3], «Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник» А.К. Бириха [4], «Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы ў 2-х тамах» И.Я. Лепешева [5], «Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы» И.Я. Лепешева [6], «Oxford dictionary of English idioms» («Оксфордский словарь английских идиом») [7], «Russian-English dictionary of idioms» («Русско-английский словарь фразеологизмов») С. Любенски [8], «Dictionary of idioms and their origins» («Словарь идиом и их происхождения») Л. Флавелл и Р. Флавелл [9].

В ходе исследования было выявлено 519 фразеологических параллелей общего фонда русского, белорусского и английского языков, содержащих расхождения в компонентном составе фразеологизмов. Лексические расхождения и отношения между ними выявляются только при покомпонентном переводе на один язык.

Основная часть. Лексические расхождения фразеологизмов общего фонда английского, русского и белорусского языков могут объясняться определенными лингвистическими факторами. Так, в ряде случаев лексемы, вошедшие в состав английских фразеологических единиц, имеют значительно больший семантический объём, чем соответствующие им лексические единицы в составе русских и белорусских фразеологизмов. В современном английском языке глаголы *to be*, *to get*, *to have*, *to make*, *to keep*, *to go*, *to put*, *to take* имеют такой объём значений, что практически всегда могут выступать в качестве контекстуальных синонимических эквивалентов любого другого глагола. Например, в «Оксфордском словаре английского языка» слово *to go* (букв. идти) имеет 35 значений [10, с. 661–662], *to put* (букв. класть) – 11 значений [10, с. 1228], а *to be* (букв. быть) – 15 значений [10, с. 117–118]. Э.М. Солодухо такие глаголы называет «словами широкого значения» [1, с. 52]. В английских фразеологизмах глагольные компоненты имеют значительно больший семантический объём, чем в белорусских и русских: англ. *to put something on display* (букв. выставить что-то на показ) – рус. *выставлять на показ* – бел. *выстаўляць напаказ*; англ. *to let out of one's hands* (букв. выпускать из рук) – рус. *выпускать из рук* – бел. *выпускаць з сваіх рук*; англ. *to keep up one's role* (букв. держать роль) – рус. *выдерживать роль* – бел. *вытрымліваць ролю*; англ. *to reach somebody's ears*

(букв. достигать чьих-то ушей) – рус. *доходить до ушей* – бел. *даходзіць да вушэй*; англ. *to make one's contribution* (букв. делать вклад) – рус. *вносить вклад* – бел. *уносіць свой уклад* и др.

Расхождения в лексической наполненности фразеологизмов могут быть вызваны проявлением межъязыковой избыточности или экономии фразеологического образа. Например, логически более детализированный образ присутствует во фразеологизме *to put one's tail between one's legs* (букв. положить хвост между ногами) по сравнению с соответствиями в рус. *поджимать хвост* и бел. *падтуліць хвост*. И противоположное явление свертывания фразеологического образа наблюдаем во фразеологизме рус. *снять с себя последнюю рубашку* и бел. *апошнюю сарочку аддаць* в отличие от английского *to give away the shirt off one's back* (букв. подарить рубашку со своей спины).

Также экономия либо избыточность образа присутствует в таких выражениях, как: англ. *to yield the palm* (букв. уступать пальму) – рус. *уступить пальму первенства* – бел. *састуніць пальму першынства*; англ. *to beat one's head against a brick wall* (букв. биться головой о кирпичную стену) – рус. *прошибать лбом стену* – бел. *лбом сцяну прабіваць*; англ. *to keep one's both eyes open* (букв. держать оба глаза открытыми) – рус. *глядеть в оба* – бел. *глядзець на ўсе вочы*; англ. *out of the blue* (букв. из голубого) – рус. *гром среди ясного неба* – бел. *гром сярод яснага неба*; англ. *to have one's head in the clouds* (букв. иметь голову в облаках) – рус. *витать в облаках* – бел. *лунаць у паднябессі*.

Распространенной причиной лексических расхождений в составе фразеологизмов является наличие лакун в лексической системе языка. Примером может служить отсутствие в английском языке однословного эквивалента русскому и белорусскому словам *дыбом* и *дыбам* во фразеологизмах рус. *волосы становятся дыбом* и бел. *валасы становяцца дыбам*. Поэтому в выражении англ. *hair stands on end* (букв. волосы стоят на конце) используется лексическая замена. То же прослеживается и во фразеологизме англ. *to hold a stone inside one's shirt* (букв. держать камень внутри рубашки), в котором ввиду отсутствия слова *за пазухой* в английском языке также используется замена в отличие от рус. *держат камень за пазухой* – бел. *трымаць камень за пазухай*. Э.М. Солодухо отмечает, что «своеобразие языковых традиций употребления слов аналогичных или близких тематических разрядов в качестве компонентов фразеологических единиц есть яркое проявление национального в языке, сдерживающего интернационализацию фразеологизмов» [1, с. 50].

Лексическим расхождениям фразеологизмов способствуют также и экстралингвистические факторы. Например, вследствие разных алфавитных систем различается компонентный состав фразеологизмов англ. *from A to Z* – рус. *от А до Я* – бел. *ад А да Я*. В основе упомянутых фразеологизмов лежит общая логико-понятийная схема.

Достаточно редко неодинаковые языковые традиции обнаруживаются в употреблении чисел. Так, английский фразеологизм *to know somebody (something) as one knows his ten fingers* (букв. знать кого-то (что-то) как кто-то знает свои десять пальцев) расходится с русским *как свои пять пальцев* и белорусским *як свае пяць пальцаў* нумеративными компонентами *ten* и *пять/пяць*. Отличие связано с тем, что в английском языке при фразеологизации образа в расчет принимались пальцы обеих рук.

Отличаться могут названия денежных единиц во фразеологизмах. Например, в выражениях англ. *to cost a penny* (букв. стоить пенни) – рус. *обойтись в копейку* – бел. *абысціся ў капеечку* употреблены названия валют соответствующих стран. Такая же ситуация прослеживается и во фразеологизмах рус. *гроша медного (ломаного) не стоит* – англ. *to not worth a brass farthing* (букв. не стоит медного фартинга) – бел. *ломанага гроша не варты*. Такие лексические расхождения носят национальный характер, что не мешает интернациональности фразеологических единиц, составляющих часть общего фонда фразеологизмов английского, русского и белорусского языков.

Лексические расхождения могут быть связаны с различным образом-стимулом. Например, английский фразеологизм *to pull the wool over somebody's eyes* (букв. тянуть шерсть на чьи-то глаза) имеет различия в номинативном компоненте с фразеологическими единицами рус. *пускать пыль в глаза* и бел. *туман (пыль) у вочы пускаць*. Английская идиома своим происхождением обязана традиции XVII – XVIII вв. носить громоздкие парики, которые в шутку называли «шерстью», т.к. кудри были похожи на овчину. Парики плохо держались на голове и часто спадали на глаза хозяевам из-за чего последние теряли возможность видеть и могли быть обмануты [9, с. 204]. По поводу русского и белорусского вариантов существует много гипотез. Возможно, они являются кальками с франц. *jeter de la poudre aux yeux*, либо лат. *pulverem ob oculos adspersete* либо нем. *j-m Sand in die Auge zu steuern*. Наиболее вероятно, что их происхождение связывается с народным суеверием про ведьм и колдуний, которые иногда будто появляются в вихрях пыли, обманывают и морочат людей, пуская им пыль в глаза [4, с. 481].

В выражениях англ. *to put a spoke in somebody's wheel* (букв. ставить спицу в чье-то колесо) – рус. *ставить палки в колеса* – бел. *устаўляць палкі ў кола* метафорические отношения на базе сходства формы наблюдаются между лексическими единицами *spoke* (букв. спица) и *палки / палкі*. Фразеологизмы сложились в результате переосмысления свободного словосочетания, употребившегося, когда говорили о действиях, связанных с торможением колес, карет и т.д., и имеют значение 'намеренно мешать кому-

либо в достижении его целей'. Причина негативного употребления в английском варианте слова «спицы», которые являются обычным компонентом колес, неизвестна. Возможно, это неправильный перевод нидерландского слова *spraak* (букв. *столб* либо *бревно*), которое входит в состав нидерландского эквивалента *een spreek in het wiel stéken*.

Лексические расхождения имеют некоторые фразеологизмы с библейскими и мифологическими прототипами: англ. *prodigal son* (букв. расточительный сын) – рус. *блудный сын* – бел. *блудны сын*; англ. *in the arms of Morpheus* (букв. в руки Морфея) – рус. *в объятиях Морфея* – бел. *у абдымкі Марфея*; англ. *a drop in the ocean* – рус. *капля в море* – бел. *кропля ў моры*; англ. *a storm in a tea-cup* – рус. *буря в стакане воды* – бел. *бура ў шклянцы вады* и др. Различия лексических компонентов таких фразеологизмов являются следствием того, что Библия и тексты античных мифов переводились на многие языки мира разными переводчиками. В некоторых случаях для перевода использовались приемы, характерные для языка, на который переводились библейские и мифологические тексты, в других ситуациях в переводе сохранялась старославянская форма лексических компонентов метафорических выражений.

Например, лексические расхождения номинативных компонентов выявлены во фразеологизмах англ. *to cast pearls before swine* (букв. метать жемчуга перед свиньями) – рус. *метать бисер перед свиньями* – бел. *сыпаць бісер перад свіннямі*. Стоит отметить, что в белорусском языке присутствует фразеологический вариант *сыпаць перлы перад свіннямі*, в котором компонент перлы является устаревшим эквивалентом слову *pearls* в английском языке. Выражения восходят к Библии: «Nether caste ye youre pearles before swine. If you do, they may trample them under their feet...» (букв. «Не бросайте свои жемчуга перед свиньями. Если так сделаете, они могут растоптать их») [11, с. 562]. «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими...» [12, с. 1045]. «Не рассыпайце бісеру вашага перад свіннямі, каб яны не паптапалі яго нагамі сваімі» [6, с. 350]. В современных языках лексические единицы рус. *бисер* и бел. *бісер* в белорусском языках означают 'очень мелкие цветные бусинки (из стекла или металла), используемые для изготовления украшений, вышивки и т.п.' [14, с. 80; 15, с. 88], а англ. *pearls* (букв. жемчуга) являются 'драгоценными перламутровыми веществами в форме зёрен белого, желтоватого, розоватого (реже чёрного) цвета, добываемое из раковин некоторых моллюсков' [10, с. 1115]. Однако в церковно-славянском языке слово *бисер* имело иное значение: так назывался жемчуг. Все три лексемы обозначают небольшие материалы для украшений, которые выступают в роли символа чего-л. ценного, значимого. Они участвуют в создании фразеологического образа, который означает, что 'человек должен разбираться в людях и не говорить о важном, сокровенном для себя со случайными людьми'. Сема «ценность» воплощается и в значении самих фразеологизмов англ. *to cast pearls before swine* – рус. *метать бисер перед свиньями* – бел. *сыпаць бісер (перлы) перад свіннямі* 'поднесение «дара» недостойным его воспринять'.

На основе библейского образа метафоризировались фразеологизмы англ. *from head to foot* (букв. с головы до стоп) – рус. *с головы до ног (пят)* – бел. *з галавы да пят* в значении 'целиком, полностью, сплошь; во всех отношениях, во всем'. Между тем в текстах переводов лексические компоненты этих выражений отличаются: «The Lord shall smite thee in the knees, and in the legs, with a sore botch that cannot be healed, *from the sole of thy foot unto the top of thy head*» (букв. Господь сразит тебя на коленях и ногах злым наказанием, от которого ты не сможешь исцелиться, *от подошвы твоей ноги до самой верхушки твоей головы*) [11, с. 119]. «Поразит тебя Господь злою проказою на коленях и голенях, от которой ты не сможешь исцелиться, *от подошвы ноги твоей до самого темени головы твоей*» [12, с. 209]. «Паб'е цябе Гасподзь ліхою праказою на каленях і на галенях, ад якой ты ня зможаш вылечыцца, *ад падзівы нагі тваёй да самага цёмені галавы тваёй*» [13, с. 403]. Фразеобразующая роль лексем *sole / подошва / падзівя* во фразеологии рассматриваемых языков невелика. Такие лексические замены выполнены, вероятнее всего, для экономии образа.

Например, фразеологизмы рус. *волк в овечьей шкуре* и бел. *воўк у авечай скуры* различаются лексическим номинативным компонентом с англ. *a wolf in sheep's clothing* (букв. волк в овечьей одежде): *шкура, скура* и *clothing* (букв. одежда). Данные фразеологизмы сложились на основе высказывания из Евангелия: «Beware of false prophets, which come to you in *sheep's clothing*, but inwardly they are ravening wolves» [11, с. 562]. «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в *овечьей одежде*, а внутри суть волки хищные» [12, с. 1045]. «Сцеражыцца хлуслівых прарокаў, якія прыходзяць да вас у *авечым адзенні*, а ўнутры ёсць *ваўкі драпежныя*» [6, с. 80]. В процессе фразеологизации в русском выражении произошла замена компонента *одежда* на слово *шкура*. Белорусский фразеологизм сложился, возможно, под влиянием русского языка. Английский фразеологизм сохранил свою первоначальную библейскую форму. Существительные *шкура / скура* и *clothing*, как слова свободного употребления, имеют метафорическую связь на основе внешнего сходства.

Некоторые лексические расхождения компонентов фразеологизмов, как показывает собранный фактический материал, свидетельствуют о том, что эти лексемы связаны между собой семантическими отношениями.

Несовпадающие компоненты могут входить в одну тематическую группу. Например, во фразеологизмах англ. *a squeezed orange* и рус. *выжатый лимон* – бел. *выжаты лімон* имеющие расхождение субстантивные компоненты *orange* (букв. апельсин) и *лімон / лимон* относятся к тематической группе «фрукты». Идиомы рус. *владеть пером* и бел. *валодаць пяром* различаются от англ. *to wield a skillful pen* (букв. владеть талантливым пером) номинативными компонентами *pen* и *перо/пяро*, которые обозначают принадлежности для письма. Темой «музыкальные инструменты» объединены лексические расхождения *дудка* и *fiddle* (букв. скрипка) в составе фразеологизмов англ. *to dance to smb.'s fiddle* – рус. *плясать под дудку чью-л.* и бел. *пад дудку скакаць*. Во фразеологических единицах англ. *obstinate as mule* (букв. упрямый как мул) – рус. *упрямый как осёл* – бел. *упарты як асёл*; англ. *work like a horse* (букв. работать как лошадь) – рус. *работать как вол* – бел. *рабіць як чорны вол*; англ. *sea dog* (букв. марская собака) – рус. *морской волк* – бел. *марскі воўк* соотносительные компоненты относятся к теме «звери», а в выражениях англ. *the brain of a pigeon* (букв. голубиные мозги) – рус. *куриные мозги* – бел. *курыныя мазгі*; англ. *to kill two birds with one stone* (букв. убить двух птиц одним камнем) – рус. <одним выстрелом> *убить двух зайцев* – бел. <адным стрэлам> *забіць двух зайцаў*; англ. *like water off a duck's back* (букв. как вода со спины утки) – рус. *как с гуся вода* – бел. *як з гуся вада*, различающиеся компоненты *куриные/куриные* – *pigeon* объединены тематической группой «птицы»; в идиомах англ. *enough to make a cat laugh* (букв. достаточно, чтобы рассмешить кота) – рус. *курам на смех* – бел. *курам на смех*, англ. *like a duck to water* (букв. как утка в воде) – рус. *как рыба в воде* – бел. *як рыба ў вадзе*, англ. *to kill two birds with one stone* (букв. убить двух птиц одним камнем) – рус. *убить двух зайцев* – бел. *забіць двух зайцаў* темой «животный мир»; англ. *to give a rat on the back* – рус. *гладить по головке* – бел. *гладзіць па галоўцы* темой «части тела»; англ. *packed like sardines* – рус. *как сельдей в бочке* – бел. *як селядцоў у бочцы* темой «рыба»; англ. *to stew in one's own juice* (букв. тушить в собственном соку) – рус. *вариться в собственном соку* – бел. *варыцца ў сваім саку*, англ. *to rub salt into the wound* – рус. *сыпать соль на рану* – бел. *сыпаць соль на рану* темой «приготовление пищи»; англ. *loose tongue* (букв. широкий язык) – рус. *длинный язык* – бел. *язык доўгі* темой «размер».

Между компонентами-расхождениями могут наблюдаться метафорические ассоциативные отношения.

Различающиеся компоненты во фразеологизмах могут быть схожи на основе цвета. Например, в выражениях англ. *to cast a cloud* (букв. бросать тучу) – рус. *бросать тень* – бел. *кідаць цень* не совпадают номинативные компоненты *cloud* (букв. туча) и *тень / цень*. Все три лексемы обозначают что-то темное, а образ восходит к архетипическому противопоставлению «света» и «тьмы», которой принадлежит и тень, и туча.

Также цветовое сходство характерно для расхождений лексических компонентов в таких фразеологизмах как: англ. *as white as sheet* (букв. такой белый как простыня) – рус. *белый как полотно* – бел. *як палатно*; англ. *pale as ghost* (букв. бледный как привидение) – рус. *бледный как полотно* – бел. *бледны як смерць*; англ. *blank space* (букв. чистое место) – рус. *белое пятно* – бел. *белая пляма* и др.

В выражениях англ. *to knock the bottom out of somebody* (букв. выбить дно из-под кого-то) – рус. *выбить почву из-под ног* – бел. *выбіць глебу з-пад ног* расхождения номинативных компонентов *bottom* и *почву / глебу* метафорически связаны на основе сходства местонахождения. Все лексемы означают то, что находится внизу, на чем стоит или держится что-то иное.

Метафорическое сходство на основе местонахождения обнаруживается также в несовпадающих компонентах следующих выражений: англ. *to nip in the bud* (букв. пресечь на почке) – рус. *пресечь в корне* – бел. *секчы пад карань*; англ. *to sink through the floor* (букв. утонуть под пол) – рус. *сквозь землю провалиться* – бел. *хоць скрозь зямлю праваліся*; англ. *to go <a little> overboard* (букв. пройти немного за борт) – рус. *хватить через край* – бел. *цераз (праз) меру ўзяць*; англ. *to stand on one's bottom* (букв. стоять на дне) – рус. *стоять на своих <собственных> ногах* – бел. *стаяць на сваіх нагах* и др.

На основе сходства способа действия сближаются различающиеся элементы фразеологизмов англ. *in one fell swoop* (букв. в одно внезапное падение) – рус. *одним махом* – бел. *адным махам*. Лексемы *swoop* (букв. падение) и *махом/махам* означают «одно быстрое движение в воздухе». Чтобы махнуть или упасть, необходимо двигаться вниз по воздуху.

Подобная ассоциативная связь наблюдается между несовпадающими компонентами следующих выражений: англ. *second wind* (букв. второй ветер) – рус. *второе дыхание* – бел. *другое дыханне*; англ. *to shed crocodile tears* (букв. ронять крокодиловы слёзы) – рус. *лить крокодиловы слезы* – бел. *ліць кракадзілавы слёзы*; англ. *to lose one's tongue* (букв. потерять язык) – рус. *язык отнялся* – бел. *язык адняўся*; англ. *to suck blood* (букв. сосать кровь) – рус. *пить чью-л. кровь* – бел. *піць кроў чью-н.*; англ. *the sands are running out* (букв. пески сбегают) – рус. *песок сыпется* – бел. *пясок сыплецца*.

По сходству качества сложились различия во фразеологизмах англ. *of the first water* (букв. первой воды) – рус. *чистой воды* – бел. *чыстай вады* вследствие метафоризации одноименных свободных словосочетаний, терминов ювелиров, оценивающих качество драгоценных камней в сравнении с чистотой воды. Чем чище камень, тем он ценнее, это значит, первый среди остальных.

Ассоциации по качеству предметов сближают расхождения лексем в таких фразеологизмах, как: англ. *a lost sheep* (букв. потерянная овца) – рус. *зблудшая овца* – бел. *аблудная авечка*; англ. *to sign one's own death warrant* (букв. подписать собственный приказ) – рус. *подписать себе смертный приговор* – бел. *падпісаць сабе смяротны прыгавор*; англ. *yielding as wax* (букв. податливый как воск) – рус. *мягкий как воск* – бел. *мяккі як воск*; англ. *without any hidden motive* (букв. без всякого спрятанного мотива) – рус. *без всякой задней мысли* – бел. *без задняй думкі*; англ. *to promise the moon* – рус. *обещать золотые горы* – бел. *абяцаць залатыя горы*; англ. *to catch fish in troubled waters* (букв. ловить рыбу в беспокойной воде) – рус. *ловить рыбу в мутной воде* – бел. *лавіць рыбу ў каламутнай вадзе*; англ. *nodding acquaintance* (букв. кивающее знакомство) – рус. *шапочное знакомство* – бел. *шапачнае знаёмства*.

Достаточно редко лексические расхождения имеют сходство по размеру. Например, в выражениях рус. *делать из мухи слона* – бел. *з мухі зрабіць слана* – англ. *to make a mountain out of a molehill* (букв. делать гору из кротовины) компоненты *муха* / *муха* и *molehill* (букв. кротовина) обозначают нечто небольшое по размеру, а *слон* / *слон* и *mountain* (букв. гора) – наоборот. Русский и белорусский варианты являются кальками с греческого языка. Автором этого выражения обычно считается древнегреческий писатель Лукиан, впервые употребивший его в сатире «Похвала мухе». Истоки английского фразеологизма точно неизвестны. По одной из версий он возник на основе перевода Николасом Юдаллом «Пересказов Эрасмуса» на английский язык в 1548 г.: «The Sophistes of Grece could through their copiousness make an Elephant of a flye, and a mountaine of a molehill» (букв. Софисты Греции своей щедростью могли сделать слона из мухи, а гору из кротовины) [16, с. 12]. Этот фразеологизм был, вероятно, добавлен Н. Юдаллом в перевод, а выражение *make an Elephant of a flye* (букв. делать из мухи слона) в английском языке не фразеологизировалось. В белорусском языке путем моделирования по образцу возник фразеологизм

з камара каня рабіць, причем непосредственно в живом народном языке.

Такие же расхождения наблюдаются во фразеологизмах: англ. *to laugh in one's beard* (букв. смеяться в бороду) – рус. *смеяться в кулак (усы)* – бел. *смяяцца ў кулак (баряду, вус, рукаў)*; англ. *to put new wine into old bottles* (букв. класть новое вино в старые бутылки) – рус. *вливать новое вино в ветхие мехи* – бел. *уліваць у старыя мяхі новае віно*; англ. *as two peas* (букв. как две горошины) – рус. *как две капли воды* – бел. *як дзве кроплі вады*; англ. *the other side of the coin* (букв. обратная сторона монеты) – рус. *оборотная сторона медали* – бел. *адваротны бок медаля*; англ. *to put on the same plane* (букв. ставить на один самолет) – рус. *ставить на одну доску* – бел. *на адну роўніцу ставіць*; англ. *at swords' points* (букв. на мечах) – рус. *быть на ножгах* – бел. *быць на нажах*; англ. *from the jaws of death* (букв. из челюстей смерти) – рус. *из когтей смерти* – бел. *з лап (кіпцюроў) смерці*; англ. *of the same leaven* (букв. из одинаковых дрожжей) – рус. *из одного теста* – бел. *з аднаго цеста <спечаны>* и др.

Между лексическими расхождениями фразеологических единиц могут быть метонимические отношения. Наиболее часто отличаются компоненты *душа* в русском и белорусском языках и *heart* в английском. Например, англ. *to pour one's heart* (букв. лить сердце) – рус. *излить душу* – бел. *выліваць душу*. Во фразеологизмах англ. *to have a memory like sieve* (букв. иметь голову как сито) – рус. *память как решето* – бел. *галава як рэшата* метонимизируются компоненты *memory* / *память* и *галава*, которые обозначают предмет и его направленность, а также *голова* / *галава* и *mind* во фразеологизмах англ. *to get something out of one's mind* (букв. выкинуть что-то из ума) – рус. *выбросить из головы* – бел. *выкінуць з галавы*. Причинно-следственная связь выявлена между компонентами *voice* / *голос* и *лямант* в выражениях англ. *a voice <crying> in the wilderness* (букв. голос <кричащий> в пустыне) – рус. *глас вопиющего в пустыне* – бел. *марны лямант у пустыні*.

Между расхождениями лексических компонентов фразеологизмов могут быть отношения меронимии и холонимии. Например, в выражениях англ. *with one foot in the grave* (букв. одной стопой в могиле) – рус. *одной ногой в могиле* – бел. *адной нагой стаяць у магіле (у труне)* наблюдаются расхождения в компонентах *foot* и *ногой* / *нагой*, которые в свою очередь характеризуются отношениями целое и часть целого: нога и часть ноги. Во фразеологизмах англ. *the hub of the universe* (букв. пуп вселенной) – рус. *пуп земли* – бел. *пуп зямлі* расхождениями являются лексемы *universe* (букв. вселенная) и *земля* / *зямля*, которые обозначают целое и его часть.

Такие же отношения связывают различающиеся компоненты в следующих фразеологизмах: англ. *by the sweat of one's brow* (букв. в поте брови) – рус. *в поте лица* – бел. *у поце твару*; англ. *to take to one's heels* (букв. уносить пятки) – рус. *уносить ноги* – бел. *выносіць ногі*; англ. *to get back on one's feet* (букв. вставать на стопы) – рус. *встать на ноги* – бел. *уставаць на ногі*; англ. *to keep one's feet* (букв. держать стопы) – рус. *держаться на ногах* – бел. *трымацца на нагах*; англ. *to knock off one's feet* (букв. сбить со стоп) – рус. *сбить с ног* – бел. *збіваць з ног*; рус. *калиф на час* – англ. *a caliph for a day* (букв. калиф на день) – бел. *каліф на гадзіну*; англ. *thick skull* (букв. толстый череп) – рус. *медный лоб* – бел. *медны лоб* и др.

Одними из частых видов отношений между различающимися компонентами являются гиперонимические. Например, родо-видовые отношения наблюдаются между существительными *fuel* (букв.

топливо) и *масло/масла (смала)* в выражениях англ. *add fuel to the fire* (букв. добавлять топливо в огонь) – рус. *подливать масла в огонь* – бел. *падліваць масла (смалы) ў агонь*. Здесь слово *fuel* выступает в роли гиперонима, а *масло/масла (смала)* являются гипонимами, т.е. видами топлива. Во фразеологизмах англ. *an old bird* (букв. старая птица) – рус. *стреляный воробей* – бел. *стрэляны верабей* различаются компоненты *bird* (букв. птица) и *воробей/верабей*, которые также представляют собой род – *bird* и вид – *воробей*.

Аналогичным образом сближаются компоненты-расхождения в следующих выражениях англ. *to have a card up one's sleeve* (букв. иметь карту в рукаве) – рус. *вынуть туз из рукава*; рус. *прокрустово ложе* – англ. *procrustean bed*; рус. *чёртова кукла* англ. *devil's puppet*; англ. *neither fish nor good red herring* (букв. ни рыба, ни хорошая красная сельдь) – рус. *ни рыба ни мясо* – бел. *ні рыба ні мяса*; англ. *to whistle to the wind* (букв. свистеть к ветру) – рус. *говорить на ветер* – бел. *на вецер гаварыць*; англ. *to hammer away at something* (букв. бить топором во что-то) – рус. *бить в одну точку* – бел. *біць у адну кропку*; англ. *to row against the wind* (букв. грести против ветра) – рус. *плыть против течения* – бел. *плысці супраць цячэння*.

Лексические расхождения фразеологизмов могут быть антонимами, если их рассматривать как отдельные слова. Например, во фразеологизмах англ. *to cross somebody's palm with silver* (букв. посеребрить кому-то ладонь) – рус. *позолотить ручку* – бел. *пазалаціць руку* глагольные компоненты *позолотить/пазалаціць* и словосочетание *cross with silver* (букв. серебрить) противопоставлены по значению. Атрибутивные компоненты фразеологизмов англ. *to have light fingers* (букв. иметь светлые пальцы) – рус. *нечист на руку* – бел. *нячысты на руку* также антонимичны.

Лексические расхождения фразеологизмов могут выступать также в качестве межъязыковых синонимов. Например, выражения англ. *to sail against the wind* (букв. плыть против ветра) – рус. *плыть против течения* – бел. *плысці супраць цячэння* синонимируются лексические варианты *sail*, *плыть*, *плыць*. В первом значении *sail* означает ‘перемещение на водном транспорте либо управление им’, а *плыть* значит ‘перемещаться по воде на водном транспорте, или на чём-л., что держит человека на воде и не позволяет утонуть, или двигаться по воде собственными силами’. Второе значение глагола *to sail* – ‘быстро, беспрепятственно двигаться в определенном направлении’, а в русском и белорусском языках слова *плыть* и *плысці* означают ‘плавно двигаться, перемещаться в определённом направлении’. Третье значение русской и белорусской лексем – ‘передвигаться в воде, на воде в зависимости от ветра, течения’. Слово *sail* в этом значении не имеет сему «в воде», только «на воде». Но по внутренней форме именно это третье значение глаголов явилось фразеобразующим для данных выражений. В составе фразеологических единиц слова *плыть* и *плысці* нивелируют свои отличия [14, с. 846; 15, с. 478; 10, с. 1340].

В выражениях англ. *to cherish a snake in one's bosom* (букв. лелеять змею в груди) – рус. *пригреть змею на груди* – бел. *прыгрэць змяю (гадзюку) на сваіх грудзях* глагольные компоненты *cherish* и *пригреть/прыгрэць*, если их рассматривать как отдельные слова, являются семантическими синонимами, а лексические компоненты *ум* и *глүзд/nut* во фразеологизмах англ. *go off one's nut* (букв. сойти с ореха) – рус. *сходить с ума* – бел. *з'язджаць з глүзду* – стилистическими.

Заключение. Таким образом, лексические расхождения компонентов фразеологизмов, входящих в общий фонд английского, русского и белорусского языков вызваны лингвистическими и экстралингвистическими факторами. Среди них: 1) различный образ-стимул; 2) подстроение фразеологизмов под нормы и приемы принимающего языка; 3) особенности социальных и культурных традиций народов; 4) особенности переводов текстов Библии и произведений мифологии; 5) экономия и избыточность фразеологического образа; 6) разница в семантическом объеме лексем-компонентов фразеологизмов. Ввиду генетического родства лексические различия в понятийной наполненности компонентов фразеологизмов русского и белорусского языка минимальны, в то время как английский фразеологический фонд включает 519 фразеологизмов с различиями. Между отличительными лексическими компонентами фразеологизмов могут существовать разные виды семантических и ассоциативных связей: тематические, метафорические, метонимические, меронимические, гиперо-гипонимические, а также отношения синонимии и антонимии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Солодухо, Э. М. Проблемы интернационализации фразеологии / Э. М. Солодухо. – Казань : Изд-во Казан. ун-та. – 1982. – 168 с.
2. Фразеологический словарь русского языка / А. И. Молотков [и др.]; под ред. А. И. Молоткова. – М. : Сов. энцикл, 1968. – 544 с.
3. Кунин, А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Русс. яз., 1984. – 944 с.
4. Бирих, А. К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова – СПб. : Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.

5. Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. Энцыкл. ім. П. Броўкі, 2008. – Т. 1. – 672 с. – Т. 2. – 704 с.
6. Лепешаў, І. Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў / І. Я. Лепешаў. – Мінск : БелЭн, 2004. – 448 с.
7. Cowie, A. P. Oxford Dictionary of English Idioms / A. P. Cowie, R. Mackin, I. R. McCaig. – Vol. 2. – Oxford : Oxford University Press, 2008. – 685 p.
8. Lubensky, S. Russian-English dictionary of idioms / S. Lubensky. – New Haven : Yale University Press, 2013. – 992 p.
9. Flavell, L. Dictionary of Idioms and Their Origins / L. Flavell, R. Flavell. – London : Kyle Cathie Ltd, 2006. – 223 p.
10. Hornby, A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / A. S. Hornby ; ed. by S. Wehmeier [et al.]. – 7th ed. – Oxford : Oxford University Press, 2005. – 1780 p.
11. The Holy Bible: containing the Old and New Testaments: translated out of the original tongues and with the former translations diligently compared and revised by His Majesty's special command: appointed to be read in churches. – Cambridge : Cambridge University Press, 2008. – 1509 с.
12. Библия: Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. – М. : Российское Библейское общество, 2007. – 1333 с.
13. Библия. Кнігі Святога Пісання. Старога і Новага Завету. Кананічныя. У беларускім перакладзе / Пераклад Васіля Сёмухі. – USA : World Wide Printing Duncanville, 2002. – 1536 с.
14. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
15. Глумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко. – 3-е выд. – Мінск : БелЭн, 2002. – 784 с.
16. Safire, W. On language / W. Safire // The New York Times Magazine. – 1987. – June 14. – P. 12.

Поступила 17.09.2019

LEXICAL DIFFERENCES OF PHRASEOLOGICAL UNITS COMMON TO THE RUSSIAN, BELARUSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

Y. NOVOGRAN

The article considers partial phraseological equivalents and full analogues which are involved in the general phraseological fund of the Russian, Belarusian and English languages. These include expressions that coincide semantically, are similar in structure, but differ in lexemes in component-by-component translation. The main causes of lexical discrepancies caused by linguistic and extralinguistic factors are analyzed. The associative (metaphorical, metonymical) and semantic (thematic, hypero-hyponymic, metonymical, synonymic, antonymic) relations between phraseological components that do not match are identified. Lexical differences and relations between them are revealed only by component-by-component translation and analysis into another language.

Keywords: *phraseology, lexical differences, semantic relations, associative relations, linguistic factors, extralinguistic factors.*

УДК 81'373.611+811.111

СИНТЕТИЧЕСКИЕ ДИМИНУТИВЫ В АВСТРАЛИЙСКОМ, НОВОЗЕЛАНДСКОМ И ЮЖНОАФРИКАНСКОМ АНГЛИЙСКОМ: СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ¹**А.Н. ЧУДАРЬ***(Минский государственный лингвистический университет)**aleksandra.chudar@gmail.com*

Статья посвящена структурным особенностям синтетических диминутивов английского языка. В результате анализа материала, полученного из лексикографических источников, определены основные способы образования синтетических диминутивов и их производящие основы; выявлена связь между способом образования диминутивов и их семантико-прагматическими характеристиками. Выявлены сходства и различия в составе диминутивов в австралийском, новозеландском и южноафриканском английском. Установлено, что под влиянием языка африкаанс в южноафриканском английском появилась достаточно большая группа диминутивов, образованных сложносuffиксальным способом, что не характерно для других идиомов. В то же время усеченные и префиксальные диминутивы, распространенные в австралийском и новозеландском английском, в южноафриканской разновидности встречаются достаточно редко.

Ключевые слова: диминутив, словообразование, национальные варианты английского языка.

Введение. Категория диминутивности присутствует практически во всех языках мира [1; 2], соответственно, термин «диминутив» («деминутив») широко используется в лингвистических работах, выполненных на материале разных языков. Круг явлений, включаемых в данную категорию, однако, неоднороден. Так, даже в рамках одного языка единицы, причисляемые к диминутивам, различаются в семантико-прагматическом отношении. При анализе диминутивов в разных языках ситуация усложняется, поскольку структурная и семантическая специфика рассматриваемых единиц в них может быть еще более значительной.

Цель нашего исследования – обозначить круг явлений, включаемых в категорию диминутивности в английском языке, а также выявить особенности образования диминутивов в австралийской, новозеландской и южноафриканской разновидностях английского языка.

Источником материала послужили словари национальных разновидностей (вариантов) английского языка «Australian Oxford Dictionary» [3], «New Zealand Oxford Dictionary» [4] и «A Dictionary of South African English» [5]. Несмотря на то что количество единиц, включенных в данные словари, различается достаточно сильно (более 100 000 единиц в австралийском и новозеландском и около 4000 единиц в южноафриканском словаре), мы посчитали возможным такое сопоставление, поскольку в основе создания данных лексикографических изданий лежат одинаковые принципы. Составители «A Dictionary of South African English» указывают [5, с. X], что при его создании были использованы принципы составления оксфордского словаря. В то же время, несмотря на небольшой словник, данный лексикографический источник считается одним из наиболее полных словарей южноафриканского английского [6], что, в свою очередь, говорит о недостаточной изученности идиома.

Подходы к определению диминутивов. Причисление лексической единицы к диминутивам может происходить на основе двух критериев – формального и семантического. При применении формального критерия лексическая единица считается диминутивной при наличии формальных диминутивных признаков (например, диминутивного суффикса или, в случае аналитических диминутивов, словмаркера категории) [7, с. 145]. Вторым критерием, позволяющим отнести лексическую единицу к диминутивам (семантический), – это наличие диминутивного значения [1; 2; 8]. Диминутив может указывать на уменьшительность, а также выражать симпатию, привязанность или же насмешку, иронию и т.п. В целом, семантико-прагматический спектр диминутивов достаточно широк [2].

Многие исследователи подразделяют диминутивы на «настоящие» и «ненастоящие». Мнения о семантике «настоящих» диминутивов, однако, различаются. К «настоящим» могут быть причислены диминутивы, которые либо имеют значение малости [9; 10], либо выражают оценку [11], либо одновременно обладают обоими значениями [12 – 17].

Несмотря на универсальность категории диминутивности, подходы к ее описанию (более широкое или более узкое понимание категории) различаются и зависят от рассматриваемого языка. Проведенный нами обзор научной литературы показал, что на определение границ категории диминутивности в научных работах влияют как типологическая характеристика языка, так и функциональные особенности диминутивов.

Строй языка (синтетический или аналитический). Традиционно прототипическими диминутивами считаются существительные, образованные суффиксальным способом от других существительных [2, с. 4]. Исходя из этого, исследователи зачастую отмечают «диминутивную наполненность» славянских и романских

¹ Работа выполнена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (проект Г18М-062).

языков, противопоставляя им более «бедные» в плане диминутивов германские [18, с. 1]. Например, А. Вежбицкая говорит о наличии в английском лишь небольшого числа так называемых «детских диминутивов» (*isolated baby forms*) – *handies* от *hands* ‘руки’, *birdie* от *bird* ‘птица’ [19; см. также 20, с. 7].

На наш взгляд, при определении границ категории диминутивности необходимо учитывать морфологический тип языка, в связи с чем мы считаем неправомерным включать в категорию только суффиксальные диминутивы. Так, в синтетических языках (в славянских или склонных к синтетизму романских) наиболее распространенным действительно является аффиксальный (как правило, суффиксальный) способ образования диминутивов [21]; сочетания со словами-маркерами категории уменьшительности в таких языках обычно не рассматриваются в качестве диминутивных. В аналитических языках (в т.ч. в английском), однако, в состав категории диминутивности помимо синтетических диминутивов включаются единицы, образованные путем сочетания базового (исходного) слова со словами-маркерами категории уменьшительности (например, *small / little* ‘маленький’ в английском) [2; 14]. К. Шнайдер указывает, что аналитические диминутивы, образованные сочетанием существительного со словом-маркером категории диминутивности (например, *little bird* ‘маленькая птица/птичка’, *tiny house* ‘маленький дом/домик’), зачастую рассматриваются в качестве основного типа английских диминутивов и считаются функциональным эквивалентом прототипических (синтетических) диминутивов в языках типа славянских [22].

Функциональная специфика диминутивов в языке. Диминутивы имеют достаточно широкий спектр прагматических функций, которые, однако, не всегда актуализируются в конкретном контексте и могут не совпадать в различных языках. Среди прагматических функций диминутивов исследователи наиболее часто называют проявление вежливости, выражение привязанности, симпатии или же, наоборот, презрения, осуждения [23; 24]. Кроме того, отмечается, что диминутивы снижают формальность коммуникативной ситуации, придают ей оттенок несерьезности. В то же время в некоторых языках в категорию диминутивности включаются единицы, выполняющие менее типичные для диминутивов функции – так, например, в некоторых африканских языках диминутивы могут использоваться для указания на серьезность чувств (языки акан (Гана) и бауле (Кот-д’Ивуар)) или служить маркером уважения к пожилым людям (языки дан и муан (семья манде)) [25; 26].

Таким образом, в категорию диминутивности включаются единицы, имеющие значительные различия в формальном и семантико-прагматическом плане, что зависит от строя языка, а также функциональной специфики диминутивов в языке. В связи с этим, на наш взгляд, диминутивные единицы следует рассматривать не как «настоящие» или «ненастоящие», а как более или менее прототипические. Для более полного исследования категории диминутивности необходимо изучать не только ядерные («настоящие», прототипические и т.п.) диминутивы, но и единицы, находящиеся на периферии категории.

Диминутивы в австралийском, новозеландском и южноафриканском английском. Как было указано ранее, диминутивы в английском языке образуются синтетически и аналитически. В данной работе мы сосредоточим внимание на синтетических диминутивах. Поскольку данная работа посвящена английским диминутивам, мы придерживались подхода к изучению диминутивных единиц, представленного в трудах англистов [2; 27]. При отборе диминутивов использовался формальный критерий (принимая во внимание способы образования диминутивов, представленные в работах специалистов по английскому языку), а затем анализировались семантические характеристики диминутивных единиц.

Сходства и различия в составе синтетических диминутивов в разновидностях английского языка Южного полушария. Количество диминутивов может варьироваться в зависимости от рассматриваемой разновидности английского языка. Считается, что диминутивы являются отличительной чертой разновидностей английского языка Южного полушария (австралийский, новозеландский, южноафриканский английский) [28; 29].

Вопреки сложившемуся мнению об ограниченном количестве синтетических диминутивов в английском языке, исследователи выделяют несколько способов образования рассматриваемых единиц [2; 30]. При этом стоит отметить не только разнообразие суффиксов, используемых для образования диминутивов, но и тот факт, что суффиксальный способ не является единственным синтетическим способом образования диминутивов в английском языке. К. Шнайдер указывает, что актуальными для английского языка являются следующие [2]:

- 1) аффиксация:
 - суффиксация (*-ie*, *-ette*, *-let* и т. д.: *piglet* от *pig* ‘свинья’, *auntie* от *aunt* ‘тетя’); суффикс может прибавляться как к полной, так и к усеченной основе;
 - префиксация (*mini-*, *micro-*: *minibar* от *bar* ‘бар’, *mini-cruise* от *cruise* ‘круиз’);
- 2) редупликация (частичная / полная): *John-John* от *John* (имя собственное), *argy-bargy* от *argument* ‘спор’;
- 3) усечение (в т.ч. инициальное: *roo* от *kangaroo* ‘кенгуру’, медиальное: *specs* от *spectacles* ‘очки’; финальное: *dino* от *dinosaur* ‘динозавр’, слияние усечений: *mobo* от *motherboard* ‘материнская плата’).

Для определения более и менее прототипических способов образования диминутивов в австралийской, новозеландской и южноафриканской разновидностях английского языка, а также выявления сходств и различий в составе диминутивов в рассматриваемых идиомах нами при помощи метода

сплошной выборки были отобраны диминутивные единицы из указанных ранее словарей – 725 синтетических диминутивов для австралийского английского, 667 единиц для новозеландского английского и 184 единицы для южноафриканского английского (различия в выборках во многом обусловлены объемом лексикографических источников). Поскольку зачастую исследователи отмечают центральность существительных в категории диминутивности [21; 31], в нашу выборку были включены только диминутивы, относящиеся к этой части речи. Варианты написания (*govie/guvvie* от *government* ‘правительство’) рассматривались нами в рамках одной лексической единицы. Вслед за К. Шнайдером, А.А. Буряковской, Л.Ю. Резниченко и др. в данной работе мы отказались от четкого разделения семантического и прагматического компонентов в значении диминутивных единиц.

Австралийский и новозеландский английский имеют множество сходств на всех языковых уровнях [28; 32; 33 и др.], что можно наблюдать в том числе и в составе диминутивных единиц. Из отобранных нами в рамках данного исследования диминутивов, большая часть – 551 единица – встретилась как в австралийском, так и в новозеландском английском, что составило 76,1% и 82,6% всех отобранных единиц для каждой разновидности соответственно. Количество диминутивов, общих у данных разновидностей с южноафриканским английским, значительно меньше. Так, лишь 8 единиц (1,1% австралийских, 1,2% новозеландских и 4,3% южноафриканских диминутивов) присутствуют во всех трех разновидностях; 2 единицы совпадают в австралийском и южноафриканском английском, 1 единица – в новозеландском и южноафриканском.

Несмотря на довольно высокий процент сходства, в составе австралийских и новозеландских диминутивов мы обнаружили и некоторые различия. Среди единиц, являющихся «уникальными» для разновидностей, можно выделить наименования флоры и фауны (*spotty* от *spotted fish* ‘пятнистая рыба’ – название рыбы пятнистый губан в Новой Зеландии; *eucu* от *eucalyptus* ‘эвкалипт’, растение, характерное для Австралии), наименования локальных групп и организаций (*scarfies* от *scarves* ‘шарфы’ – неофициальное название студентов университета Отаго в Новой Зеландии), номинации лиц, характерных для рассматриваемой территории (*noggy* от *nog* ‘вьетнамец’ – пренебрежительное наименование человека, эмигрировавшего в Австралию из Азии).

Рассмотрим производящие основы отобранных диминутивов. Большинство единиц из нашей выборки являются ядерными представителями категории диминутивности: это существительные, формально² образованные суффиксальным способом от существительных (575 единиц (79,3%) в австралийском, 541 (81,1%) в новозеландском, 115 (62,5%) в южноафриканском английском), например, *rellie* от *relative* ‘родственник’, *postie* от *postman* ‘почтальон’. Наш анализ, однако, показал, что в целом диминутивные единицы могут быть образованы практически от любой части речи, как знаменательной, так и служебной: *starveling* от *to starve* ‘голодать’, *baldy* от *bald* ‘лысый’, *firstling* от *first* ‘первый’, *underling* от *under* ‘под’ и т. д. Производящей основой некоторых диминутивов были междометия и звукоподражания: *whammy* от *wham* ‘бах’, *dik-dik* ‘дикдик’ (мелкая восточноафриканская антилопа). Кроме того, диминутивы могли быть образованы от словосочетаний: *aspro* от *associate professor* ‘доцент’. Также во всех разновидностях встретилось несколько случаев аббревиации в сочетании с суффиксацией: *nimby* – *not in my backyard* ‘букв. только не у меня во дворе’ (противник строительства новых объектов в своем районе/городе); *bumpy* – *black upwardly mobile professional* ‘букв. темнокожий преуспевающий профессионал’ (таблица 1).

Таблица 1. – Производящие основы диминутивов

Производящая основа	Количество диминутивов		
	Австралийский английский	Новозеландский английский	Южно-африканский английский
Существительное	575 (79,3%)	541 (81,1%)	115 (62,5%)
Прилагательное	101 (14%)	82 (12,3%)	8 (4,4%)
Глагол	25 (3,3%)	22 (3,3%)	5 (2,7%)
Числительное	3 (0,4%)	3 (0,4%)	–
Предлог	2 (0,3%)	2 (0,3%)	–
Междометие	2 (0,3%)	1 (0,2%)	6 (3,3%)
Звукоподражание	2 (0,3%)	–	1 (0,5%)
Несколько слов ³	15 (2,1%)	16 (2,4%)	49 (26,6%)

² Производящей основой в таких случаях выступает лишь один компонент словосочетания, значение которого выражает диминутив. Подробнее о формальной и семантической мотивации см. [34].

³ Речь идет об образовании диминутивов путем сложения и суффиксации, аббревиации, аббревиации и суффиксации.

Отдельно необходимо отметить наличие в южноафриканском английском контактно-обусловленных диминутивов типа *kleinhuisie* от *klein* ‘маленький’ + *huis* ‘дом’ + *-ie* – ‘уличный туалет’. Подобные единицы возникли в результате контакта родственных языков (африкаанс и английского), в которых для образования диминутивов используется сходная система аффиксов. В связи с этим возникают сложности в определении того, что именно было заимствовано из африкаанс – диминутивы целиком или производящие слова, от которых уже в южноафриканском английском были образованы диминутивы. На наш взгляд подобные диминутивы изначально были полностью заимствованы из африкаанс, о чем свидетельствуют особенности использованной при их образовании системы суффиксов. Так, помимо суффикса *-ie* в единицах нашей выборки встретились суффиксы *-jie*, *-tjie* и *-kie*, *etjie*, использование которых наряду с *-ie* в африкаанс определяются особенностями производящей основы (например, *-jie* добавляется, если основа оканчивается на *-d* или *-t*; *-kie* – при основе на *-k* и т.д.): *liedjie* от *lied* + *jie*; *mannelietjie* от *man* + *etjie*. В то же время данные диминутивы вписываются в словообразовательную систему английского языка и подвергаются освоению (ср. известный пример осложнения *зонтик*, заимствованное голландское *zonnedeck*, в котором, по аналогии с парами типа *мяч* – *мячик*, стал выделяться уменьшительный суффикс *-ик*) [35, с. 123–125], в первую очередь, в связи с наличием в южноафриканском английском наряду с данными диминутивами родственных им слов, также заимствованных из африкаанс. Это дает возможность установить словообразовательно-семантическую связь между заимствованными словами [36, с. 129] и выделить в рассматриваемых диминутивах несколько основ, что и позволяет рассматривать их как сложносуффиксальные производные. При этом необходимо понимать, что язык – постоянно развивающаяся система, динамические процессы в которой плохо поддаются описанию в рамках статических классификаций.

Сложносуффиксальные диминутивы не характерны ни для австралийского, ни для новозеландского английского (они встретились лишь в 1% и 1,2% случаев соответственно) и, таким образом, могут считаться отличительной чертой южноафриканской разновидности английского языка.

Семантически, однако, значительная часть рассматриваемых единиц (227 (31,3%) диминутивов в австралийском, 187 (28%) в новозеландском английском, 11 (6%) в южноафриканском) была мотивирована словосочетаниями, которые состоят из нескольких существительных (*loco* от *locomotive engine* ‘двигатель локомотива’), прилагательного и существительного (*oldie* от *old person or thing* ‘старый человек или предмет’), существительного и глагола (*weepie* от *a movie to weep* ‘фильм, чтобы плакать’), числительного и существительного (*tenner* от *ten-dollar note* ‘банкнота в десять долларов’), что указывает на важную роль универбации в образовании английских диминутивов. При подсчете количества диминутивных единиц, образованных от той или иной части речи, такие лексемы были распределены нами по категориям в зависимости от того, какой компонент словосочетания являлся формальной основой диминутива: *pokie* от *poker machine* ‘игровой автомат’, где *poker* ‘покер’ – существительное; *fatty* от *fat person* ‘толстый человек’, где *fat* ‘толстый’ – прилагательное; *clippie* от *person who clips the passengers’ tickets* ‘человек, который пробивает билеты пассажиров’, где *clip* ‘компостировать (билеты)’ – глагол и т. п.

Что касается частотности использования способов образования диминутивов, общее количество единиц каждого типа в нашей выборке представлено в таблице 2.

Таблица 2. – Синтетические способы образования диминутивов

Способ образования	Количество диминутивов		
	Австралийский английский	Новозеландский английский	Южно-африканский английский
Суффиксация	517 (71,3%)	458 (70,8%)	117 (63,6%)
Усечение	117 (16,1%)	120 (18%)	1 (0,5%)
Префиксация	49 (6,8%)	56 (8,4%)	–
Редупликация	30 (4,1%)	19 (2,8%)	17 (9,3%)
Сложение + суффиксация	7 (1%)	8 (1,2%)	48 (26,1%)
Аббревиация + суффиксация	5 (0,7%)	6 (0,9%)	1 (0,5%)

Согласно данным, представленным в таблице 2, наиболее распространенным синтетическим способом образования диминутивных единиц в австралийском, новозеландском и южноафриканском английском является суффиксация. Что касается самих суффиксов, они распределились следующим образом (таблица 3).

Таблица 3. – Суффиксы диминутивов в австралийском и новозеландском английском

Суффикс	Количество диминутивов		
	Австралийский английский	Новозеландский английский	Южно-африканский английский
<i>-ie / -ee / -ey / -y</i>	311 (60,2%)	298 (65,1%)	112 (95,6%)
<i>-o</i>	59 (11,4%)	47 (10,3%)	1 (0,9%)
<i>-let</i>	43 (8,3%)	37 (8%)	–
<i>-ette</i>	36 (7%)	30 (6,6%)	–
<i>-ling</i>	26 (5%)	23 (5%)	–
<i>-er</i>	27 (5,2%)	15 (3,2%)	1 (0,9%)
<i>-s</i>	7 (1,4%)	4 (0,9%)	3 (2,6%)
<i>-kin</i>	8 (1,5%)	4 (0,9%)	–

Таким образом, суффиксация является ядерным способом образования синтетических диминутивов в английском языке. Кроме того, можно говорить о диминутивных суффиксах с высокой и низкой продуктивностью. Так, наиболее продуктивным является диминутивный суффикс *-ie* в его возможных вариантах (*-ie / -ee / -ey / -y*), а также суффикс *-o*. Суффиксы *-let*, *-ette*, *-ling* и *-er* характеризуются средней, а суффикс *-kin* – низкой степенью продуктивности в австралийском и новозеландском английском.

Вторым по степени распространенности способом образования диминутивов в рассмотренных нами разновидностях английского языка является усечение. В состав данной группы мы включили усеченные единицы, оканчивающиеся на *-ie* или *-o*, например, *skee* от *whisky* ‘виски’, *panto* от *pantomime* ‘пантомима’. Данные диминутивы могли бы быть образованы суффиксальным способом, но из-за совпадения конечного гласного усеченной основы с диминутивным формантом необходимость в добавлении суффикса отсутствует [37]. Кроме того, необходимо отметить, что усечение представляет собой иконический способ образования диминутивов, поскольку в данном случае производная единица всегда короче производящей основы (семантическая «малость» воплощается формально).

Префиксальные диминутивы в английском языке образуются при помощи приставок *mini-* и *micro-*: *miniskirt* от *skirt* ‘юбка’, *microcomputer* от *computer* ‘компьютер’. В нашей выборке диминутивы, образованные при помощи префикса, оказались на третьем месте по степени распространенности.

За префиксацией в нашей выборке следует редупликация. К. Шнайдер [2] рассматривает два типа редупликации, которая встречается при образовании диминутивов. Первый тип – рифмованная редупликация (англ. *rhyming reduplication*) – применяется только в отношении диминутивов, уже оканчивающихся на *-ie* (*-y*): *hurly-burly* ‘беспорядок, переполох’, *hurry-scurry* ‘спешка, суета’. Второй тип – редупликация-повтор (*repetitive reduplication*) – подразумевает повтор слова без каких-либо изменений: *jaw-jaw* ‘затяжной (часто бесполезный) спор’, *din-din* ‘ужин’.

Еще один способ образования диминутивов – сложение в сочетании с суффиксацией. Несмотря на наличие нескольких диминутивов, образованных сложносуффиксальным путем, в австралийском и новозеландском английском, данный способ характерен, прежде всего, для южноафриканской разновидности: *kaffirboetie* от *kaffir* ‘темнокожий африканец’ + *boet* ‘приятель’ + *ie* – ‘светлокожий человек, который дружит с темнокожими’.

Особенности семантики синтетических диминутивов. Синтетические диминутивы характеризуются семантической вариативностью. При этом выражение того или иного диминутивного значения (уменьшительности либо оценки) можно связать со способом образования диминутивных единиц.

Суффиксальные диминутивы могут выражать как значение уменьшительности, так и оценку: *beastie* от *beast* ‘животное’ – используется для обозначения насекомого или другого маленького животного (выражение малости); *commie* от *communist* ‘коммунист’ – используется для выражения осудительного/пренебрежительного отношения (отрицательная оценка).

Диминутивам, образованным путем усечения мотивирующего слова, выражение уменьшительности не свойственно (такие диминутивы, как правило, обозначают объекты, для которых изменение размера не является типичным); зачастую они передают какую-либо оценку: *alco* от *alcoholic* ‘алкоголик’, *abo* от *aboriginal* ‘абориген’.

Диминутивы, образованные путем редупликации, также не выражают значения уменьшительности, а имеют скорее игровой характер: *creepy-crawly* от *creep and crawl*, *shilly-shally* от *shall I*. Как указывает К. Шнайдер, диминутивы, образованные при помощи редупликации, являются имитацией детской речи/речи, направленной на детей, и часто используются, чтобы подразнить адресата, подчеркнуть, что говорящий не воспринимает его всерьез [2, с. 146].

В отличие от единиц, образованных при помощи усечения и редупликации, префиксальные диминутивы не передают оценки, но выражают уменьшительность: *microchip* ‘микрочип’, *minimart* ‘небольшой магазин’.

Диминутивы, полученные в результате комбинации сложения и суффиксации, как и суффиксальные диминутивы, могут использоваться как для указания на малость, так и для выражения отношения: *bloubokkie* от *blou* 'голубая' + *bok* 'антилопа' + *-ie* – 'голубой дукер' (самая маленькая из южноафриканских антилоп); *kafferboetie* от *kaffer* 'негр' + *boet* 'друг/брат' + *-ie* – 'презрительное наименование белого человека, который по-дружески ведет себя с темнокожими или помогает им'.

Заключение. Таким образом, в категорию диминутивности могут быть включены единицы, имеющие значительные различия как в семантическом, так и в формальном плане. Ядро категории диминутивности составляют суффиксальные существительные, образованные от других существительных. Однако в нашей выборке присутствовали также единицы, образованные и от иных частей речи, как самостоятельных, так и служебных, которые составили периферию категории. Кроме того, наряду с суффиксальным (ядерным) были использованы и другие синтетические способы образования диминутивов (усечение, префиксация, редупликация, сложение + суффиксация).

Наибольшей вариативностью в семантическом плане характеризуются суффиксальные диминутивы, а также диминутивы, образованные сложносуффиксальным способом. Они могут указывать на уменьшительность, а также выражать отношение к объекту. Диминутивы, образованные методом усечения или редупликации, как правило, имеют оценочное значение, в то время как префиксальные диминутивы выражают исключительно уменьшительность. Таким образом, невозможно причислять к диминутивам исключительно единицы, обладающие центральным значением категории диминутивности; необходимо говорить о наличии ядерных и периферийных компонентов, составляющих семантику категории диминутивности в том или ином языке.

Проведенный нами анализ подтвердил сходство лексической системы австралийского и новозеландского английского, а также некоторую отдаленность южноафриканского идиома. Это проявляется как в разной частотности в использовании способов образования, так и в наличии в южноафриканском английском группы диминутивов, образованных сложносуффиксальным способом, что не является характерным для других разновидностей английского Южного полушария.

ЛИТЕРАТУРА

1. Jurafsky, D. Universal tendencies in the semantics of the diminutive / D. Jurafsky // *Language*. – 1996. – Vol. 72, № 3. – P. 533–578.
2. Schneider, K. *Diminutives in English* / K. Schneider. – Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 2003. – 254 p.
3. *Australian Oxford Dictionary* / ed. B. Moore. – Victoria : Oxford University Press, 2006. – 1679 p.
4. *New Zealand Oxford Dictionary* / eds. T. Deverson, G. Kennedy. – Victoria : Oxford University Press, 2005. – 1355 p.
5. *A Dictionary of South African English* / eds. J. Branford, W. Branford. – Cape Town: Oxford University Press, 1991. – 448 p.
6. Prinsloo, D. South African lexicography / D. Prinsloo, L. Pienaar // *Encyclopedia of language and linguistics* / D. Prinsloo, L. Pienaar ; ed. by K. Brown. – Oxford : Elsevier Science, 2005. – P. 543–544.
7. Crystal, D. *A dictionary of linguistics and phonetics* / D. Crystal. – Cambridge, MA : Blackwell, 1991. – 389 p.
8. Тагабилева, М. Г. Сопоставительный анализ моделей диминутивного словообразования (на материале существительных женского рода в южнославянских языках) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / М. Г. Тагабилева ; МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 2016. – 320 л.
9. Politzer, R. L. Review on *Études sur la formation diminutive dans les langues romanes* by Bengt Hasselrot / L. R. Politzer // *Language*. – 1959. – Vol. 35, № 2. – P. 332–335.
10. Torrend, J. *A comparative grammar of the South-African Bantu languages* / J. Torrend. – London : Kegan Paul, Trench, Trübner&Co, 1891. – 336 p.
11. Strang, V. M. H. *Modern English Structure* / V. M. H. Strang. – London : Arnold, 1968. – 201 p.
12. Земская, Е. А. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев. – М. : Наука, 1981. – 276 с.
13. Потебня, А. А. Из записок по теории словесности: Поэзия и проза. Тропы и фигуры. Мышление поэтическое и мифическое / А. А. Потебня. – Харьков : М. Зильберберг, 1905. – 652 с.
14. Biały, P. *Polish and English diminutives in literary translation: pragmatic and cross-cultural perspectives: doctoral thesis* / P. Biały. – Sosnowiec, 2015. – 273 p.
15. Carter, R. *Cambridge grammar of English: a comprehensive guide* / R. Carter, M. McCarthy. – Cambridge : Cambridge University Press, 2006. – 984 p.
16. Káňa, T. Terminology in and around Diminutives [Electronic resource] / T. Káňa. – Mode of access: https://slavicorp.ff.cuni.cz/wp-content/uploads/sites/144/2018/09/SlaviCorp2018_Book_of_Abstracts.pdf. – Date of access: 05.09.2019.
17. Vrabie, I. The conceptual category of the diminutive in English and Romanian – existence, recurrence, status in contemporary language / I. Vrabie // *Bulletin of the Transilvania*. – 2017. – Series IV: Philology and Cultural Studies. – Vol. 10 (59), № 1. – P. 37–46.
18. Bratus, V. *The Formation and Expressive Use of Diminutives* / V. Bratus. – Cambridge: Cambridge University Press, 1969. – 70 p.
19. Wierzbicka, A. *Semantics, Culture and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations* / A. Wierzbicka. – New York : Oxford University Press, 1992. – 487 p.

20. Grandi, N. Renewal and Innovation in the Emergence of Indo-European Evaluative Morphology / N. Grandi // *Journal in English Lexicology*. – 2011. – № 6. – P. 5–25.
21. Лукашанец, А. Асабовыя імёны-дэмінітывы ў сучаснай беларускай мове: сістэма і функцыянаванне / А. Лукашанец // *Дэмінітывы в славянских языках: форма и роль* : сб. ст. / Ред.: I. Breznik. – Maribor, Bielsko-Biala, Budapest, Kansas, Praha, 2015. – С. 197–208.
22. Schneider, K. Diminutives in discourse: Sequential aspects of diminutive use in spoken interaction / K. Schneider // *Dialogue Analysis VII: Working with Dialogue: Selected papers from the 7. IADA conference Birmingham 1999*; eds. M. Coulthard, J. Cotterill, F. Rock. – Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 2000. – P. 293–300.
23. Kidd, E. Language, Culture, and Group Membership: an Investigation Into the Social Effects of Colloquial Australian English / E. Kidd, N. Kemp, N. Kashima / *Journal of Cross-Cultural Psychology*. – 2016. – Vol. 47, № 5. – P. 713–733.
24. Sifianou, M. The use of diminutives in expressing politeness: modern Greek versus English / M. Sifianou // *Journal of Pragmatics*. – 1992. – № 17. – P. 155–173.
25. Nikitina, T. Diminutives derived from terms for children: Comparative evidence from Southeastern Mande [Electronic resource] / T. Nikitina // *Academia.edu*. – Mode of access: https://www.academia.edu/3021260/Diminutives_derived_from_terms_for_children_Comparative_evidence_from_Southeastern_Mande.
26. Ponsonnet, M. A preliminary typology of emotional connotations in morphological diminutives and augmentatives / M. Ponsonnet // *Studies in Language*. – 2018. – Vol. 42, № 1. – P. 17–50.
27. Bauer, L. *The Oxford reference guide to English morphology* / L. Bauer. – Oxford : Oxford University Press, 2013. – 691 p.
28. Bauer, L. *An introduction to international varieties of English* / L. Bauer. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2002. – 144 p.
29. Trudgill, P. *New-dialect Formation: The Inevitability of Colonial Englishes* / P. Trudgill. – New York : Oxford University Press, 2004. – 208 p.
30. Буряковская, А. А. Диминутивность в английской языковой картине мира : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. А. Буряковская ; Тульский гос. ун-т. – Тула, 2008. – 154 л.
31. Sicherl, E. Nominal diminutives in Slovene and English / E. Sicherl, A. Žele // *Linguistica*. – 2011. – № 51. – P. 135–142.
32. Hay, J. *New Zealand English* / J. Hay, M. MacLagan, E. Gordon. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2008. – 164 p.
33. Smith, A. Light verbs in Australian, New Zealand and British English / A. Smith // *Comparative Studies in Australian and New Zealand English: Grammar and beyond* / A. Smith ; eds. P. Peters, P. Collins, A. Smith. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2009. – P. 139 – 155.
34. Медведева, Л. М. Типы словообразовательной мотивации и семантика производного слова / Л. М. Медведева // *Вопросы языкознания*. – 1989. – № 1. – С. 86–97.
35. Богородицкий, В. А. *Лекции по общему языковедению* / В. А. Богородицкий. – Казань : Тип. Императорского университета, 1911. – 255 с.
36. Шанский, Н. М. *Очерки по русскому словообразованию и лексикологии* / Н. М. Шанский. – М. : Учпедгиз, 1953. – 245 с.
37. Simpson, J. Hypocoristics in Australian English / J. Simpson // *A Handbook of Varieties of English*; eds. B. Kortmann [et al.]. – Berlin; New York : Mouton de Gruyter, 2004. – P. 643–656.

Поступила 21.11.2019

SYNTHETIC DIMINUTIVES IN AUSTRALIAN, NEW ZEALAND, AND SOUTH AFRICAN ENGLISHES: STRUCTURAL PECULIARITIES

A. CHUDAR

The article deals with the structural peculiarities of English synthetic diminutives. The study based on the lexicographic material describes the main ways of synthetic diminutives formation and their derivational bases, as well as the relation between the ways of diminutive formation and their semantics. The similarities and differences in the lists of diminutives of Australian, New Zealand and South African varieties are also discussed. It has been found that the influence of Afrikaans led to the formation of a complex suffixal group of diminutives in South African English, which is not characteristic of other idioms. In contrast, diminutives formed by clipping and prefixal diminutives quite common in Australian and New Zealand varieties, are quite a rare find in South African English.

Keywords: *diminutive, word-formation, World Englishes.*

УДК 81

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ КАК СПОСОБ ПРЕОДОЛЕНИЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ ПО МАТЕМАТИКЕ**Н.Л. ПОТАПОВА***(Белорусский государственный университет, Минск)**natalli.81@inbox.ru*

Для преодоления интерференции в переводе используются переводческие трансформации. В данной статье рассматривается один из видов таких трансформаций, а именно, лексические, суть которых заключается в замене переводимой лексической единицы словом или словосочетанием, которое реализует сему данной единицы исходного языка (ИЯ). Приемы лексических трансформаций рассматриваются на примере научных текстов по математике. Упомянутый вид текстов не использовался ранее в качестве материала для анализа интерференции в переводе. Опытный переводчик постарается сделать так, чтобы текст перевода (ТП) соответствовал нормам языка перевода (ПЯ), и при этом сохранил коммуникативное задание ИТ (исходный текст) (то, ради чего был создан оригинал), и, следовательно, снизить или преодолеть влияние интерференции.

Ключевые слова: интерференция, лексические трансформации, перевод, язык.

Введение. Приемы логического мышления, с помощью которых мы раскрываем значение иноязычного слова в контексте и находим ему русское соответствие, принято называть лексическими трансформациями.

Лексические трансформации – это отклонение при переводе от словарных соответствий, которое заключается в замене отдельных лексических единиц исходного языка на лексические единицы переводного языка, не являющиеся их эквивалентами [1]. К использованию лексических трансформаций прибегают по разным причинам. Во-первых, в двух языках значение одного слова определяется разными признаками. Например, английское словосочетание *simply connected* в текстах по математике будет переводиться на русский как *односвязный*, хотя в словаре у слова *simply* нет значения *одно*; англ. *cross product* переводится как *векторное произведение*, хотя слово *cross* – *поперечный, перекрестный* не имеет отношения к слову *vector* – *векторный*; англ. *value of a vector* переводится как *модуль вектора*; англ. *solid geometry* – рус. *геометрия в пространстве*; англ. *exact division* – рус. *деление без остатка*; англ. *partial fraction* – рус. *элементарная дробь*. англ. *rough classification* – рус. *приблизительная классификация*.

Во-вторых, смысловой объем слова в двух языках может быть не одинаков. Например, английское слово *volume* имеет целый ряд значений: это и *том*, и *громкость*, и *объем* (мат.). В русском языке каждому значению соответствует отдельное слово, которое будет выбираться в зависимости от контекста.

В-третьих, в двух языках сочетаемость слов может сильно отличаться. Так словосочетание *principal root* в математических текстах будет переводиться как *арифметическое значение корня*, потому что выражение *главный или принципиальный корень* звучит нелепо; обобщенные функции на английском языке – *distributions*, а не *generalized functions*; англ. *rough classification* – рус. *приблизительная классификация*, а не *грубая*.

Я.И. Рецкер выделяет семь разновидностей лексических трансформаций, хотя не всегда можно четко классифицировать каждый пример перевода из-за переплетения категорий: дифференциация значений; конкретизация значений; генерализация значений; смысловое развитие; антонимический перевод; целостное преобразование; компенсация потерь в процессе перевода [2]. Нередко приемы трансформаций совмещаются, например, первые два. Все лексические трансформации основываются на формально-логических отношениях между понятиями. Приемы логических трансформаций базируются на таких формально-логических категориях как подчинение, противоречивость, перекрещивание, внеположенность.

Л.С. Бархударов рассматривает следующие случаи лексических замен: конкретизация, генерализация, замена следствия причиной и наоборот, антонимический перевод, компенсация [3]. Хотя на первый взгляд классификации лексических трансформаций Я.И. Рецкера и Л.С. Бархударова отличаются, суть одна и та же, так, как уже указывалось, многие приемы совмещаются с целью преодоления или снижения влияния интерференции при переводе.

Основная часть. В данной статье рассматриваются приемы дифференциации и конкретизации на материале, отобранном из учебников В.П. Дорожкиной [4] и Дж. Харриса [5], а также словарей математических терминов.

Распространенность приемов дифференциации и конкретизации при переводе с английского языка на русский язык объясняется обилием слов с широкой семантикой в английском языке, которым нет

прямого соответствия в русском языке. Вследствие чего, при переводе может возникать такое явление, как интерференция. Среди последних исследований, затрагивающих вопрос интерференции в переводе, выделяются работы В.В. Алимова [6], которые представляют собой попытку комплексного исследования данного явления. В.В. Алимов проанализировал обширный языковой материал, охватывающий различные сферы профессиональной деятельности человека. Сопоставляя интерферирующие единицы в русском и английском языках, автор дает свое определение явлению лингвистической интерференции: «Под лингвистической интерференцией следует понимать взаимовлияние контактирующих языков, которое может быть как отрицательным, так и положительным и выражаться в отклонениях от нормы в одном языке под влиянием другого (при отрицательной интерференции) и в приобретении, закреплении и усилении навыков в одном языке под влиянием другого (при положительной интерференции)» [6, с. 15]. То есть проявлением негативного влияния интерференции являются ошибки, допускаемые в переводе. Следовательно, знание и корректное использование приемов лексических трансформаций помогает преодолеть отрицательную интерференцию и делает коммуникацию успешной.

Д. П. Горский в «Логике» пишет: «...отношение подчинения между понятиями имеет место ... когда объем одного понятия составляет лишь часть объема другого понятия [7, с. 56].» Эта формально-логическая категория является основой трех взаимосвязанных приемов лексических трансформаций: дифференциации, конкретизации в переводе посредством сужения и генерализации значений посредством расширения понятий. Речь идет о том, что одному слову в русском языке, выражающему более широкое, недифференцированное понятие, т.е. обозначающему более широкий класс денотатов, в другом языке, в английском языке, могут соответствовать два или несколько слов, каждое из которых выражает более узкое, дифференцированное, сравнительно с русским языком, понятие т.е. относится к более ограниченному классу денотатов. Это характерно не только для общеупотребительной лексики, но и для узко специализированных текстов, например, по математике. Примеры, представленные ниже, были отобраны с использованием англо-русского словаря математических терминов П.С. Александрова [8] и Г.И. Беликовой [9], а также электронного словаря translate.google.

Например, точка – *point* (мат.), *dot*, *full stop*, *spot*; угол – *angle* (мат.), *corner*; круг – *circle* (мат.), *round*, *lap*; пара – *pair* (мат.), *couple*; цифра – *numeral*, *number*, *figure*, *digit*; острый – *acute* (мат. угол), *sharp*; тупой – *blunt*, *stupid*, *dull*, *obtuse* (мат.); выводить – *to deduce*, *to derive*, *to infer*, *to conclude*; простой – *simple*, *prime* (мат. число); скобки – *braces*, *brackets*, *parentheses*; получать – *to get*, *to obtain*; заменить – *to replace*, *to substitute*, *to change*; рассматриваемое – *regarded*, *considered*, *viewed*; луч – *beam*, *ray* (мат.); решать – *to decide*, *to solve* (мат.); слагаемое – *summand*, *addend*; количество – *number*, *quantity*; снабженное – *equipped*, *supplied*.

И, наоборот, семантически недифференцированными оказываются английские слова: *plane* – самолет, плоскость (мат.); *to vanish* – исчезать, стремиться к нулю (мат.); *statement* – заявление, утверждение (мат.); *letter* – письмо, буква; *degree* – степень, градус (мат.); *square* – квадрат, площадь; *kite* – воздушный змей, гладкий ромб (мат.); *ratio* – отношение, коэффициент; *locus* – местоположение, геометрическое место точек (мат.); *volume* – том, громкость, объем (мат.); *table* – стол, таблица (мат.); *ruler* – правитель, линейка (мат.); *compass* – компас, циркуль; *edge* – край, преимущество, ребро (мат.); *even* – ровный, четный (мат.); *power* – власть, мощность, степень (мат.); *proposition* – утверждение, предложение, теорема (мат.).

Из сказанного не следует делать вывод, что тот или иной язык не в состоянии обозначить то или иное понятие и в этом отношении менее развит, чем тот, в котором есть особый знак для данного понятия. Любой язык в состоянии обозначить принципиально любое понятие – речь идет лишь о разных способах такого обозначения.

Из того, что русское слово «вычислить» по значению менее дифференцировано, чем английское *calculate* и *compute*, не следует заключать, что средствами русского языка невозможно обозначить разницу между «вычислить при помощи калькулятора или при помощи компьютера», равно как и из того факта, что английское *letter* является семантически недифференцированным по сравнению с русским «письмо» и «буква», нельзя сделать вывод, что англичане не видят разницы между этими словами. Речь идет о другом, а именно – один язык дает возможность не выражать разницы между определенными понятиями, в то время как другой вынуждает пользующихся им обязательно выразить эту разницу. Так, в русском языке в случае необходимости уточнить значение слова прибегают к помощи специальных слов, но наличие в русском языке недифференцированного семантически слова, например, «луч» дает возможность не уточнять в каждом отдельном случае разницу между *beam* и *ray*, в то время как английский язык как бы вынуждает говорящего всякий раз уточнять эту разницу. Точно также средствами английского языка, в тех случаях, где это необходимо, можно уточнить разницу между *самолетом* – *plane* и *плоскостью* – *plane*, между *квадратом* – *square* и *площадью* – *square*.

Для перевода данное явление, как и многозначность, представляет трудность в том отношении, что при передаче слов, семантически недифференцированного в ИЯ; необходимо произвести выбор

между возможными соответствиями в ПЯ (Языке перевода). Так, при передаче на английский язык русского «луч», каждый раз необходимо делать выбор между *ray* и *beam*, при передаче русского «угол» – между *angle* и *corner*.

В большинстве случаев возможность сделать правильный выбор обеспечивается показаниями контекста – узкого или широкого. Например:

1) *Луч* света вспыхнул перед ней. – *A beam of light flashed in front of her.*

2) Символ АВ в геометрии может представлять отрезок или *луч*. – *The symbol AB in geometry might represent a segment or a ray.*

1) *We generally denote sets by capital letters and members of a set by small letters.* – Обычно мы обозначаем множества прописными *буквами*, а члены множества – маленькими *буквами*.

2) *Write them a letter, or send them a fax, or call them, or better yet, go see them!* – Напишите им *письмо*, или отправьте им факс, или позвоните им, или еще лучше, навестите их!

Однако следует иметь в виду, что может встретиться контекст, не содержащий требуемого уточнения и поэтому не дающий возможности произвести однозначный выбор эквивалента: Он увидел *луч*. *He saw a ray / He saw a beam.* Правильный выбор возможен здесь при условии выхода за пределы языкового контекста и знания самой реальной обстановки.

Уже говорилось, что распространенность приемов дифференциации и конкретизации при переводе с английского языка на русский объясняется обилием в английском языке слов с широкой семантикой, которым нет прямого соответствия в русском языке. Конкретизация невозможна без дифференциации. Конкретизацией называется замена слов или словосочетания ИЯ с более широким референциальным значением словом или словосочетанием ПЯ с более узким значением.

Конкретизация может быть языковой и контекстуальной. При языковой конкретизации замена слова с широким значением словом с более узким значением обуславливается расхождениями в строе двух языков; отсутствием в ПЯ лексической единицы, имеющей столь же широкое значение, что и передаваемая единица ИЯ; расхождением в стилистической характеристике; требованиями грамматического порядка (например, замена именного сказуемого глагольным).

Так, английское существительное *figure* имеет очень абстрактное значение. Оксфордский словарь английского языка определяет его как: 1) a number, especially one that forms part of official statistics or relates to the financial performance of a company; 2) a person's bodily shape, especially that of a woman and when considered to be attractive и переводится на русский язык как: *рисунок, цифра, фигура, диаграмма, образ, личность, изображение, чертеж, вид, иллюстрация, форма* [10].

Конкретизируются при переводе на русский язык глаголы *calculate*, *compute*. Эти глаголы в отличие от русских глаголов не включают в свою семантику компонента, указывающего на способ вычисления, поэтому *calculate* при переводе конкретизируется как «вычислять на калькуляторе»; а *compute* – «вычислять на компьютере».

Обычной является конкретизация глаголов *decide* и *solve*, которые могут переводиться как «решать, принимать решение, разрешать, находить выход»:

1) *We haven't completely solved the question of what configurations occur* [5, p. 249]. – Мы не полностью *решили* вопрос о том, какие конфигурации происходят.

2) *He has to decide what to do next.* – Он должен *решишь*, что делать дальше.

Прием конкретизации используется также и в передаче других слов с широким значением: For example, given a real number *x* and a positive integer *N* ... – Например, дано *действительное* число *x* и *положительное* целое число *N* ... [4, с. 50]. Английским *real* и *positive* соответствуют русские «реальный» и «позитивный», однако эти выражения стилистически неприемлемы в данном учебно-математическом контексте; отсюда необходимость конкретизации при переводе.

Рассмотрим конкретизацию глагола *be*: One obvious way *is* to give the rules of inference. – Один из очевидных путей ее решения *состоит* в задании определенных правил вывода [4, с. 38]. (В другом контексте могло бы быть опущено «Один из очевидных путей решения – задать определенные правила вывода»). Our justification for this choice *is* that it formalizes most of the logical principles ... – Основанием для такого выбора *служит* то обстоятельство, что большая часть логических принципов получает свое формальное выражение ... [4, с. 39].

Контекстуальная конкретизация обуславливается факторами данного конкретного контекста, чаще всего стилистическими соображениями:

- необходимость завершения фразы;
- стремление избежать повторов;
- стремление достичь большей образности, наглядности и др.

Закключение. Таким образом, интерференция при переводе является неизбежным явлением. В частности, в примерах, упомянутых выше, можно говорить о лексической интерференции в переводе, которая чаще всего связана с объемом значения лексических единиц. В наибольшей степени она может

влиять на процесс коммуникации в случаях несоответствия эмоционально-оценочного компонента двух единиц. Лексическая единица языка перевода может не иметь в одной из культур определенного компонента значения. Вместе с тем механизм перевода вполне способен это преодолеть.

В работе опытного переводчика выбор переводческих трансформаций осуществляется интуитивно: переводчик не думает о том, какую трансформацию употребить. Он старается сделать так, чтобы текст перевода (ТП) соответствовал нормам ПЯ, но сохранил коммуникативное задание ИТ (исходный текст) (то, ради чего был создан оригинал), и, следовательно, снизить или преодолеть влияние интерференции, в частности, при переводе научных текстов по математике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сдобников, В. В. Теория перевода : учеб. для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков / В. В. Сдобников, О. В. Петрова. – М. : АСТ: Восток-Запад, 2007. – 448 с.
2. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика / Я. И. Рецкер. – М. : Междунар. отношения, 1974. – 216 с.
3. Бархударов, Л. С. Пособие по переводу технической литературы (английский язык) / Л. С. Бархударов, Ю. И. Жукова, И. В. Квасюк, А. Д. Швейцер. – М. : Высш. шк., 1967. – 284 с.
4. Дорожкина, В. П. Английский язык для студентов-математиков и экономистов: учебник / В. П. Дорожкина ; под ред. В. А. Скворцова. – М. : ООО «Издательство Астрель» : ООО «Издательство АСТ», 2004. – 349 с.
5. Harris, J. Algebraic Geometry: a First Course / J. Harris. – New York : Springer Verlag, 1992. – 328 p.
6. Алимов, В. В. Интерференция в переводе (на материале профессионально ориентированной межкультурной коммуникации и перевода в сфере профессиональной коммуникации) : учеб. пособие / В. В. Алимов. – М. : КомКнига, 2005. – 232 с.
7. Горский, Д. П. Логика: учеб. пособие для пед. ин-тов / Д. П. Горский ; Акад. наук СССР, Ин-т философии. – М. : Учпедгиз, 1963. – 292 с.
8. Александров, П. С. Англо-русский словарь математических терминов / П. С. Александров. – М. : Мир, 1994. – 416 с.
9. Беликова, Г. И. Русско-английский словарь математических терминов / Г. И. Беликова, Л. В. Витковская. – СПб. : РГГМУ, 2016. – 56 с.
10. Shorter Oxford English Dictionary. Sixth Edition. – Oxford: Oxford University Press, 2007. – 3472 p.

Поступила 17.10.2019

LEXICAL TRANSFORMATIONS AS A METHOD OF OVERCOMING INTERFERENCE IN THE TRANSLATION OF SCIENTIFIC TEXTS ON MATHEMATICS

N. PATAPAVA

To overcome the interference in translation, we use translation transformations. This article discusses one of the types of such transformations, namely, lexical ones, the essence of which is to replace the translated lexical unit with a word or phrase that implements this unit sema of the original language (OL). The techniques of lexical transformations are considered on the example of scientific texts in mathematics. The mentioned type of texts was not used earlier as a material for the analysis of interference in translation. A professional translator will try to make the text of the translation (TT) comply with the norms of the translation language (TL), while preserving the communicative task of the source text (ST) (for which the original was created), and, therefore, reduce or overcome the influence of interference.

Keywords: *interference, lexical transformations, translation, language.*

УДК 81'22

ЗВУКОПОДРАЖАНИЕ В КОНТЕКСТЕ СЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИЗАЦИИ

А. С. АСКАРИ

(Белорусский государственный университет, Минск)

aryan_askary@yahoo.com

В статье предпринимается попытка определить место звукоподражаний в семиологической типологизации, разработанной советским и белорусским лингвистом В.В. Мартыновым, рассматриваются сигналы-индексы, иконические сигналы и знаки. Устанавливаются переходные этапы семиозиса с учетом данных о вокальной мимикрии у высших животных и роли звукоподражаний в первобытных и традиционных обществах. На основании результатов исследований Г.Е. Корнилова, М.В. Беляева, А.Н. Гордея изучается процесс затемнения мотивации знаков и их денатурализация.

Ключевые слова: семиологическая типологизация, иконичность, звукоподражание, переходные этапы семиозиса, В.В. Мартынов.

Введение. Развитие знаковой теории языка связано с именами многих выдающихся ученых, таких как Ф. де Соссюр, Ч. С. Пирс, Ч. У. Моррис, Ч. К. Огден, А. А. Ричардс, Э. Бенвенист, Л. Ельмслев, Л. Х. Прието. Особое чувство гордости за отечественную науку вызывает тот факт, что в одном ряду с ними стоит советский и белорусский лингвист В.В. Мартынов (1924–2013), создатель Универсального семантического кода, чей талант нашел свое отражение в разных отраслях научного знания, в том числе и в семантике и семиологии.

В. В. Мартынов сумел решить весьма важную задачу: на основании трех критериев (информативности, коммуникативности и номинативности) выделить три типа семиологических объектов (симптомы, сигналы и знаки). Предложенная ученым типологизация поспособствовала переосмыслению не только семиозиса, но и некоторых аспектов глоттогенеза. В частности, данный подход позволил по-новому взглянуть на реликты предыдущих этапов развития языка: междометия и звукоподражания.

Цель статьи – установить место звукоподражаний в семиологической типологизации, предложенной В.В. Мартыновым и нашедшей свое развитие в комбинаторной семантике А.Н. Гордея.

Основная часть. 1. Исходные положения. В настоящее время существует несколько подходов к толкованию термина *знак*. А.А. Уфимцева, автор статьи «Знак языковой» в Лингвистическом энциклопедическом словаре (далее – ЛЭС), дает следующее определение: *языковой знак* – это «материально-идеальное образование (двусторонняя *единица языка*), репрезентирующее предмет, свойство, отношение действительности», представляющее собой «единство определенного мыслительного содержания (означаемого) и цепочки фонематически расчлененных звуков (означающего)» [1, с. 167]. Лингвист указывает, что из знаков формируется язык как особая знаковая система [1, с. 167]. Недостаток данного определения мы видим в сведении «означающего» к цепочкам фонематически расчлененных звуков. Дефиниция является слишком узкой, поскольку исключает оптические знаки, например, иероглифы [2].

В связи с этим обратимся к идее, высказанной В. Скаличкой, который заметил неслучайное сходство между римскими цифрами I, II, III, китайскими иероглифами 一, 二, 三 с тем же значением и жестами в языке глухонемых, где для обозначения цифры 1 используется один палец, для цифр 2 и 3 – два и три пальца соответственно [3, с. 280]. Автор говорит о том, что язык слов представляет собой акустическую систему, в отличие от языка жестов или знаков, оптических по своей природе, и приходит к следующему важному выводу: «Понятие звукоподражательности основано на воображаемой или реальной близости означающего и означаемого элементов. Пример оптических систем указывает нам путь, по которому надо следовать, чтобы отыскать звукоподражания в языке. Означающий элемент здесь, по-видимому, будет иметь свойства, соотносительные с означаемым» [3, с. 280].

Н.Б. Мечковская под *знаком* понимает «материальный, чувственно воспринимаемый предмет (вещь, явление, действие, признак), выступающий в качестве представителя (заместителя, репрезентанта) другого предмета, свойства или отношения и используемый для получения, хранения, переработки и передачи информации» [4, с. 23]. Автор указывает на две стороны знака: материальную (означающее, или план выражения) и идеальную (значение знака, или содержание, т.е. означаемое, или план содержания) [4, с. 23]. Достоинством данного определения мы считаем более широкое понимание плана выражения знака, не сводимое только к акустической составляющей.

В комбинаторной семантике А.Н. Гордея *знак* определяется как «двуаспектная единица, имеющая в аспекте выражения комбинацию фигур, а в аспекте содержания – стереотип»; под *фигурой* понимается «абстрактный акустический образ звуков (фонема), а также абстрактный оптический образ черт (графе-

ма) или жестов (кинема), обладающих сходными акустическими или оптическими признаками» [2]. *Стереотип* определяется как «закодированный интеллект повторяющийся элемент в копии мира, т.е. отображении мира органами чувств» [2]. В качестве отправного пункта нашего исследования выбрано определение по А.Н. Гордею, поскольку в этом определении прямо говорится об акустической и оптической составляющих выражения знака.

Рассмотрим типологию знаков, предложенную Ч. С. Пирсом: 1) подобия, или иконы («выполняют функцию передачи идей и репрезентируют вещи, просто имитируя их»); 2) указатели, или индексы («говорят что-то о вещах, потому что физически связаны с ними»); 3) символы, или общие знаки («ассоциируется с их значениями благодаря привычке») [5, с. 89]. Следовательно, в семиотике выделяют индексы (связь плана выражения и плана содержания на основе естественной смежности), иконы (связь мотивирована сходством) и символы (первичная мотивированность отсутствует) [4, с. 130–131]. С точки зрения типологии Ч. С. Пирса, большинство языковых знаков являются символами, но есть также индексы и иконы, представленные, например, междометиями и звукоподражаниями. Как справедливо отмечает Н.Б. Мечковская, «три названных типа элементарных знаков соответствуют трём ступеням семиозиса» [4, с. 131].

В ЛЭС нет специальной статьи, посвященной семиозису, однако он упоминается в статье А.А. Уфимцевой «Знаковые теории языка», где поясняется как «процесс порождения знака» [6, с. 168]. Далее лингвист пишет о взглядах Э. Бенвениста, который «разграничил два разных, но взаимообусловленных этапа языкового семиозиса» [6, с. 168], отмечая, в частности, что язык – это система, обладающая свойством двойного означивания: семиотического (опознавание знака человеком) и семантического (понимание речи как совокупности знаков, а не как комбинации отдельных единиц) [7, с. 87–88]. В работе «Семиотика. Объяснительный словарь» А. Ж. Греймас и Ж. Курте трактуют семиозис как операцию, которая «производит знаки» через установление отношения «взаимной пресуппозиции между формой выражения и формой содержания», и замечают, что «всякий акт языка подразумевает семиозис» [8, с. 526]. В «Словаре иностранных слов» Н.Г. Комлева семиозис определяется как «процесс знакового обозначения мира понятий и вещей – в становлении, развитии и функционировании; процесс, в котором нечто функционирует как знак, т.е. некое А интерпретируется неким В как представляющее С» [9, с. 102]. Н.Б. Мечковская под термином *семиозис* понимает «процесс означивания и возникновения в сознании знака и знаковых отношений между явлениями действительности, его отображением в сознании и формой знака» [4, с. 131–132].

Вопросы семиозиса занимают особое место в работах В.В. Мартынова. По мнению ученого, семиотика призвана исследовать исключительно объекты, несущие коммуникативную функцию [10, с. 164–165]. Именно информативность является критерием, дающим возможность разграничить семиотические и несемиотические объекты. Ученый также учитывает такие критерии, как коммуникативность и номинативность, что позволяет ему выделить три типа семиологических объектов (таблица 1) [10, с. 166].

Таблица 1. – Типы семиологических объектов

	Информативность	Коммуникативность	Номинативность
Симптом	+	-	-
Сигнал	+	+	-
Знак	+	+	+

Лингвист указывает на прогрессивное развитие информационного потока, отмечая, что оно начинается с информативности как минимума коммуникации. Далее следует этап коммуникативности, для которого характерно наличие коммуникации, а затем – этап номинативности, со свойственной ему максимальной коммуникацией. Несмотря на информативность, симптомы, в отличие от сигналов и знаков, лишены коммуникативной функции. Сигналы ученый определяет как «единицы, отображающие представление в целом, а знаки – как единицы, отображающие повторяющиеся элементы представлений» [10, с. 165].

По мнению В.В. Мартынова, «системами сигналов являются коммуникативные средства животных и ситуационно ограниченные специализированные коммуникативные средства человека» [10, с. 165]. Сигналы сохраняются в виде реликтов в преимущественно знаковых естественных языках. По мере нарастания коммуникативной составляющей возникают сигналы-индексы, основывающиеся на смежности, и иконические сигналы, основывающиеся на сходстве (термины В.В. Мартынова) [10, с. 166]. Лингвист отмечает, что «язык возникает тогда, когда система сигналов преобразуется в систему знаков, т.е. когда отображенными оказываются повторяющиеся элементы представлений (ситуаций) и, следовательно, ситуационная ограниченность снимается» [10, с. 165]. Ученый обращает внимание на то, что «выделение повторяющихся элементов представлений само по себе, вне знаковой системы, невозможно», иллюстрируя тезис примером: можно представить небо ясное или хмурое, но нельзя представить небо вообще [10, с. 165].

Предложенные В.В. Мартыновым типы семиологических объектов можно рассматривать в качестве этапов семиозиса. Учитывая вышеупомянутый тезис о том, что в языке сохраняется наследие сиг-

нальной системы, характерной для животных, мы считаем, что к таким реликтам относятся междометия и звукоподражания. В связи с этим обратимся к идеям Фердинанда де Соссюра. Его постулат о произвольности языкового знака действительно может быть применен к большинству семиологических объектов, являющихся на данном этапе развития языка произвольными символами в терминах Ч. Пирса. В то же время Ф. де Соссюр исключает из рассмотрения мотивированные по своей природе звукоподражания и междометия, считая, что «звукоподражания не являются органическими элементами в системе языка», и далее отмечая, что «звукоподражания и междометия занимают в языке второстепенное место» [11, с. 102]. Вместе с тем, ученый указывает, что они «утратили нечто из своего первоначального характера и приобрели свойство языкового знака вообще», и признает, что «их символическое происхождение отчасти спорно» [11, с. 102].

Рассуждая об относительной произвольности звукоподражаний и междометий, Ф. де Соссюр, на наш взгляд, имел в виду то, что со временем их мотивированная природа «маскируется» или утрачивается. Однако такая трактовка взглядов ученого не получила широкого распространения, поскольку некоторые его последователи стали рассматривать звукоподражания как изначально произвольные знаки-символы. В данном случае мы солидарны с мнением профессора А.П. Журавлева, который считает, что идея произвольности представляется удобной для описания системы языковых знаков, однако «речь идет не о выборе удобного способа описания, а об установлении характера отношений между содержанием и формой знака» [12, с. 148]. Р.О. Якобсон также обратил внимание научного сообщества на проблему иконичности в языке: «Любая попытка рассматривать языковые знаки как всецело конвенциональные “произвольные символы” ведет к неадекватному положению вещей. Иконичность играет существенную и необходимую, хотя и явно подчиненную, роль на разных уровнях языковой структуры» [13, с. 323]. Э. Бенвенист, комментируя высказывания Ф. де Соссюра о звукоподражаниях и междометиях, справедливо отмечает, что произвольность знака не является абсолютной, поскольку «здесь произвольность существует лишь по отношению к объекту или явлению материального мира и не является фактором во внутреннем устройстве знака» [7, с. 94].

Мотивированность проявляется в намерении создать из звуков, имеющихся в арсенале языка древнего человека, наиболее точное соответствие звуку окружающего мира. Следовательно, это не та первичная немотивированная произвольность языкового знака, о которой писал Ф. де Соссюр. Это относительная произвольность иного, мотивированного рода. Как следствие, в разных языках звукоподражания часто звучат по-разному. Критики звукоподражательной теории происхождения языка выдвигают этот факт в качестве одного из первых аргументов «против», забывая, что язык – система динамическая. Древние, первичные звукоподражания просто могли не дойти до нас или изменились, не сохранив первоначального вида, и перешли в статус знаков-символов, окончательно утратив мотивировку. Вместе с тем, сходный характер образования и использования звукоподражаний во многих языках свидетельствует о древности данного явления. Язык изменяется, изменяется его фонетическая и фонологическая система, следовательно, изменяются и те ограничения, которые оказывают влияние на появление новых единиц иконического происхождения. Это приводит к различиям в акустической оболочке звукоподражания, но сама его суть, сам его механизм не изменяется. Можно в качестве аргумента против звукоподражательной теории говорить о том, что собачий лай в разных языках звучит по-разному (в русском – *гав-гав*, в корейском – *멍멍* [мэнь-мэнь] и *왈왈* [вал'-вал'], в персидском – *واق واق* [vāgh-vāgh], *وق وق* [vagh-vagh] и *هاب هاب* [hāp-hāp]), поэтому никакой мотивированности не существует. Но при этом нельзя не обращать внимания на весьма очевидный факт: механизм формирования этих звукоподражаний идентичен, в основе их образования лежит один и тот же звук (или его ситуативные варианты, например, агрессивный/неагрессивный лай взрослой собаки/щенка), просто он пропущен через разные фонологические системы, не совпадающие между собой. Так, например, в современном корейском языке нет звука [в], он заменяется в словах звуками [п/б] или [м]. Следовательно, звукоподражания относительно произвольны, но мотивированы.

Таким образом, переход от одного типа семиологических объектов к другому представляет собой сложный непрерывный процесс семиозиса, связанный, в том числе, и с проблемой утраты мотивированности по мере нарастания коммуникативного эффекта. Поскольку данный процесс не дискретен, во-первых, следует рассмотреть факты, связанные с языком животных, языками традиционных культур и детской речью, ведь они, как отмечает А.Н. Гордей, «свидетельствуют о том, что язык, вероятно, возник из звуковых симптомов ..., а прерогатива в обслуживании акта коммуникации древних людей принадлежит междометию» [14, с. 37]. Во-вторых, необходимо дать характеристику переходным этапам семиозиса.

2. Данные биоакустики, антропологии и онтолингвистики. Язык высших животных представляет собой интерес, поскольку может считаться отправной точкой, с которой начался глоттогенез. Как справедливо указывает В.П. Морозов, «язык животных – сложное понятие и не ограничивается только звуковым каналом связи» [15, с. 13]. Он включает в себя разнообразные телодвижения и позы, оскалы и жесты, запахи и звуки. Однако нас интересует именно его акустическая составляющая, поскольку в

отличие от остальных проявлений языка животных, она не требует зрительного контакта для осуществления коммуникации [15, с. 13–15]. В.П. Морозов опирается на мнение академика Л. А. Орбели, который обращал внимание на то, что при переходе от первой сигнальной системы ко второй, отличающейся способностью к абстрактному мышлению и речи, должны были быть промежуточные этапы, так как она (вторая сигнальная система) не могла возникнуть спонтанно [15, с. 191]. Советский и российский приматолог Л.А. Фирсов считал, что подобной промежуточной стадией является этап «довербальных понятий», наблюдаемый у высших обезьян (шимпанзе). Он проявляется в способности решать ряд сложных интеллектуальных задач: распознавать объекты, добывать пищу, общаться [15, с. 191]. В контексте изучения звукоподражаний весьма интересной представляется способность к *вокальной мимикрии*, свойственной многим высшим животным. На наш взгляд, именно она может считаться предпосылкой к появлению звукоподражаний в языке людей.

Многочисленные описания случаев вокальной мимикрии мы находим в работе В.П. Морозова. Автор приводит сведения о способностях к имитации звуков у дельфинов, которые могут копировать слова и фразы человеческой речи [15, с. 120]. Ярким примером является тюлень Гувер (1971?–1985, США, Бостон), который мог имитировать ограниченное число слов и выражений, например, «How do you do?» («Как поживаете?») [15, с. 17]. Способностью к артикуляции человеческого типа обладают некоторые виды птиц [16, с. 29], часто в раннем возрасте [15, с. 83]. Специалисты особо отмечают «успехи» попугаев и пересмешников [15, с. 82–89; 16, с. 29]. У последних способность к имитации сохраняется на протяжении всей жизни. Несмотря на то, что они обладают характерной для своего вида песней, эти птицы вплетают в неё и звук, которые слышат вокруг, и фрагменты чужих песен [15, с. 83]. В.П. Морозов приводит такой пример: «Утром рыбаков разбудили звуки сорочьего стрекотания и тьяканья лисицы. Оказывается, рыбу клевала сорока и при этом иногда тьякала по-лисьи, очевидно, пытаясь отпугнуть таким способом конкурентов» [15, с. 83].

Учитывая всё вышесказанное, небезосновательной представляется позиция Г.Е. Корнилова, который указывает на неправомочность суждений А.Г. Спиркина о том, что древний человек обладал более развитыми способностями к подражанию, чем другие животные, в частности обезьяны, и аргументирует свою позицию тем, что у обезьян в коллективе-стаде количество сигналов превышает 100 единиц, при этом шимпанзе могут усвоить до 140 жестов [17, с. 52]. В то же время, если отобрать из бесписьменных языков «общие для всех народов понятия, не связанные с позднечеловеческой наукой, культурой, историей и т.п., то их количество не превысит даже двух сотен» [17, с. 52]. Весьма точным является замечание автора о том, что «способность к механическому звукоподражанию свойственна животному миру вообще и любое такое подражание первоначально лишено основных качеств человеческой речи, хотя несомненно и является материальной предпосылкой появления будущих единиц языка» [17, с. 52]. Н.И. Жинкин также указывает, что гамадрилы могут имитировать произнесенные людьми звуки, при этом в их «арсенале» насчитывается от 18 до 40 вариантов звуковых сигналов, свидетельствующих об изменении предметной ситуации [18, с. 37].

Исходя из рассмотренных фактов, можно сделать вывод о том, что между вокальной мимикрией в языке животных и появлением звукоподражаний в речи людей действительно существует преемственность. В поддержку этой идеи высказывались Н.И. Ашмарин [19], А.С. Спиркин [20], А.М. Газов-Гинзберг [21], Г.Е. Корнилов [17] и др. В частности, А.М. Газов-Гинзберг и Г.Е. Корнилов считали весьма убедительной следующую идею А.С. Спиркина, с которой мы также согласны: «Унаследованные от животных предков звуки и послужили основным материалом, или биологической предпосылкой, формирования звуковой речи человека. Призная генетическую связь между человеком и животными, мы вообще не можем себе представить иного источника звукового материала языка. Вторым, дополнительным источником возникновения звукового материала для формирования и дальнейшего развития речи послужили многочисленные звуки других животных, а также звуки природы» [20, с. 27]. Третьим источником развития звукового материала речи автор считает разнообразные изменения звуков, при этом отмечая, что последний является следствием двух первых [20, с. 27]. Таким образом, язык животных и их способность к вокальной мимикрии стала одной из предпосылок к формированию человеческого языка у наших далеких предков.

Видимо посредством вокальной мимикрии у древнего человека выработалась способность к установлению сходства между звуками, которые он сам мог издавать, и звуками действительности. С помощью имитации древний человек вступал в контакт с окружающим миром, пытался осуществить коммуникативный акт, отражение чего мы видим в сакральном смысле звукоподражаний для первобытных обществ и традиционных культур, что отмечают многие исследователи. Этот вопрос затрагивает А.И. Германович в своей докторской диссертации «Междометия и звукоподражательные слова русского языка» [22]. Автор ссылается на немецкого историка Карла Бюхера (1847–1930), который отмечал магический, заклинательный характер женских трудовых песен и первобытной поэзии, апеллируя при этом к наблюдениям французского филолога Андре Мазона (1881–1967), видевшего, как индианка во время

изготовления глиняного горшка «всё время голосом подражала звону хорошо обожженной посуды, чтобы сосуд её удался и не треснул при обжиге» [22, с. 49–50]. А.Н. Германович также приводит данные этнографов о женщинах индейского народа Зуни, поющих для стимуляции роста бобов и дынь песни, подражающие скрипу мельничного жернова [22, с. 50]. Автор ссылается и на исследования русского фольклориста А.Н. Афанасьева, который отмечал языческий характер обрядовых подражаний и звукоподражаний у славян, например, в обряде гадания по крику ворон «воронограй» [22, с. 50].

В статье «О статусе звукоизобразительных слов в языке» лингвиста Живки Колеввой-Златевой представлен обзор работ ряда западных исследователей [23, с. 40–41]. Американский языковед Дженис Наколлс утверждает, что в примитивном обществе звуку приписывается сверхъестественная сила, в основе которой лежит убеждение о существовании взаимосвязи между движением, дыханием и речью. Он отмечает, что звук, по мнению членов подобных социумов, позволяет слиться с природой и окружающим миром, призывать добрые силы и изгонять злые, восстанавливать порядок и гармонию [24, с. 226–228]. Немецкий языковед Криста Килиан-Хатц, занимавшаяся изучением языка кхое (Намибия), пишет о его носителях следующее: «Звуки и шумы природы окружающего мира воспринимаются в явной антропоморфической перспективе, как «высказывания» и «цитаты» животных и объектов мира» [25, с. 162].

Фольклорист А.Н. Варламов приводит факты использования звукоподражаний в разных сферах жизни эвенков: во время охоты (звукоподражания играют роль «звукового капкана»), в оленеводстве (для перемещения стада и управления его психологическим состоянием), в фольклоре (звукоподражательные запевы) [26, с. 292–294]. Ученый сравнивает русское *гав-гав* с аналогами из языков эвенков (*нёнг-нёнг*) и якутов (*хунг-хунг*) и указывает, что особенности определенного языка обуславливают различия в восприятии и воспроизведении звуков, однако не менее значимым фактором являются культурные различия, в частности, социально-экономическая среда: русские и якуты чаще используют собаку для охраны подворья, а эвенки – для охоты, что находит отражение в звукоподражаниях в каждом из языков. В русском и якутском языках фиксируется «издаваемый собакой-сторожем лай на подворье», а в эвенском – «голос лающей на зверя собаки, слышный вдали» во время охоты, так как «в среде эвенков собаки редко лают вблизи жилища» [26, с. 290]. Вместе с тем, несмотря на культурные различия, якуты и эвенки используют практически идентичное звукоподражание хрусту снега (якутск. *хычир-хычир*, эвенкийск. *кочир-кочир*) [26, с. 290–291].

В связи с этим отметим, что канадский философ и филолог М. Мак-Люэн выделил три этапа развития цивилизации с точки зрения характера коммуникации: дописьменный, письменный и современный («глобальная деревня» с электронными средствами коммуникации) [27, с. 32–33]. Первый этап – это первобытная дописьменная «культура уха» (термин М. Мак-Люэна), восприятие и понимание мира в которой осуществляется с помощью устных средств: «Общеизвестно, что цивилизованные люди отличаются неразвитостью и грубостью чувственного восприятия, по сравнению со сверхчувствительностью представителей устных культур. Ибо глазу в смысле тонкости далеко до уха» [27, с. 41]. Автор поясняет это появлением фонетического алфавита, который «приводит к разрыву между глазом и ухом, между семантическим значением и визуальным кодом, и поэтому только фонетическое письмо создает условия для перехода человека из племенного мира в цивилизованный, дарит ему глаз вместо уха» [27, с. 40].

Факты детской речи также свидетельствуют о том, что с распадом звукового сигнала (звукоподражания или междометия) на обозначения индивида и его признака начинается долгий процесс формирования знаков. Прежде чем распасться на субъект и акцию, слова-предложения проходят через этап переносов по сходству и смежности. Приведем важное замечание А.Г. Спиркина по данной проблеме: «Следует иметь в виду и то обстоятельство, что слова современного языка отстоят от своей колыбели на сотни тысяч лет, претерпев на своем долгом пути несметное количество переносов с одного предмета на другой ... и было бы просто чудом, если бы в зрелом облике большинства звукоподражательных слов мы могли узнать природную наивность раннего детства» [20, с. 31]. Далее автор приводит наблюдение Ч. Дарвина своего внука. Когда ребенок начал говорить, он называл утку словом *квак* (видимо, пытаясь подражать кряканью – А.А.). В силу специальной ассоциации ребенок стал так обозначать и воду, затем – всех птиц и насекомых, а также все жидкие вещества. Наконец, он начал называть так все монеты, поскольку однажды на одной из них увидел изображение орла [20, с. 31–32].

Проанализируем наблюдение Ч. Дарвина. Перейдя от первичных междометных выкриков и междометий к этапу звукоподражаний, ребенок начал использовать иконический сигнал для обозначения утки. Его акустическая оболочка мотивирована звучанием утино кряканья, но при этом относительно произвольна, так как является не имитацией, а семиологическим объектом, сформировавшимся с учетом фонетической системы родного языка. Далее у ребенка происходит процесс активного познания мира, формируются новые стереотипы в модели мира, для которых ребенок ищет новые обозначения, но сталкивается с фундаментальной проблемой: возможности языка (особенно языка детей) ограничены и не позволяют обозначить все явления действительности. Ребенок находит решение в ассоциациях, т.е. вычленении у разных объектов окружающего мира сходных свойств, на основе которых происходит пере-

нос по сходству или по смежности. Поскольку *квак*-утка плавает в воде, вода стала также обозначаться как *квак*-вода. Утка умеет летать, так же как и другие птицы и насекомые, следовательно, ребенок их обозначает *квак*-птица или *-насекомое*. Одним из главных свойств *квак*-воды, как и других жидкостей, является их жидкое агрегатное состояние. На основе этого сходства возникает *квак*-жидкость. *Квак*-утка, как и другие птицы, покрыта перьями. На монете изображена пернатая *квак*-птица (орёл). «Орлиная» монета похожа на все остальные монеты своей формой. Так возникает *квак*-монета (рисунок 1).

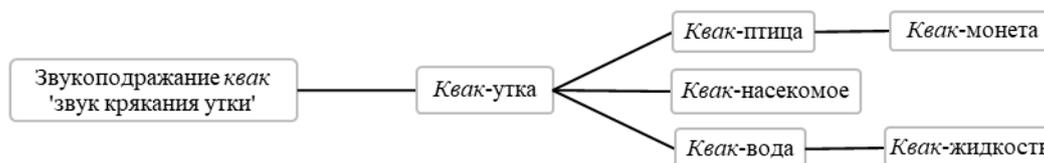

Рисунок 1. – Развитие семантики слова *квак* в речи ребенка

На схеме видно, каким образом «маскируется» звукоподражательная природа знака в онтогенезе, а, следовательно, мы имеем полное основание предполагать, что в филогенезе процесс маскировки был схожим¹. Кроме того, дети также проявляют способности к вокальной мимикрии. Услышав, как капля конденсата попала на горячую газовую конфорку и начала испаряться, ребенок (Зарина, 1 год и 7 месяцев) произнес *ных*, имитируя звук. Родители ранее это слово в общении с ребенком не использовали, поэтому внешнее влияние исключено. Далее Зарина стала отвечать *ных-ных* на вопрос «что делает кастрюля?» или «как говорит кастрюля?», имея в виду кипящую в кастрюле воду. После этого у звукоподражания *ных* появилось новое значение («пар»), когда ребенок наблюдал в ванной комнате клубы пара от горячей воды².

3. Этапы семиозиса: от симптомов к сигналам и знакам. К симптомам может быть отнесен любой произвольный нечленораздельный выкрик, являющийся реакцией на какой-либо стимул. В этом вопросе мы опираемся на результаты диссертационного исследования А.Н. Гордея, который обратил внимание на сходство языка животных и междометий [14, с. 37]. Ученый выделяет две группы междометий: эмоциональные (выражение аффектов) и императивные (выражение императивов как одной из разновидностей директивов в теории речевых актов)³. Мы согласны с мнением ученого о том, что «междометия можно рассматривать как ту стадию использования звука, которая предшествовала созданию языка», однако при этом стоит учитывать, что современный язык не произошел «исключительно из междометий», так как «с развитием мышления от аутистического к логическому на основе звукоподражания, синекдохи, распада полисемии и т.д. параллельно возникали другие лингвистические носители коммуникативной информации» [14, с. 39].

Вслед за А.Н. Гордеем, в произвольном нечленораздельном выкрике мы усматриваем предпосылку для возникновения междометий как части языковой системы. Эмоциональные междометия функционально близки аффективным сигналам животных, что выражается в их «эгоцентричности». Подобные слова служат для выражения наших эмоций и состояний и основываются на отношениях смежности, поскольку являются реакцией и не сообщают фактов об окружающем мире. Междометные выкрики являются симптомами до тех пор, пока в них не появляется коммуникативный эффект, т.е. пока говорящий не начинает намеренно их использовать для передачи сообщения другому лицу. Когда интенция прояв-

¹ В лингвистике существует мнение, согласно которому ребенок в своём языковом развитии повторяет стадии развития человеческого языка. На наш взгляд, правильную трактовку проекции биогенетического закона Геккеля – Мюллера на проблему языка дал И.Н. Горелов, который отмечал, что главным отличием процесса возникновения языка и становления его у индивида необходимо считать следующее: в филогенезе перед индивидом (или неким коллективом индивидов) стоит задача изобрести «средства выражения сконструированного в его мозгу содержания, а в онтогенезе речевой деятельности ... индивид получает уже готовый знак языка» [16, с. 27]. По мнению автора, между двумя этими случаями есть некоторая общность, заключающаяся в конструировании «некоторого содержания, которое под влиянием потребности общения становится предметом обозначения во внешнем акте звуковой речевой деятельности» [16, с. 27–28]. И.Н. Горелов считает подобную общность относительной, поскольку «давно известный тезис Э. Геккеля “онтогенез повторяет филогенез” не может быть принят буквально», и далее указывает: «Через сопоставление онто- и филогенетических данных мы пытаемся создать более или менее удовлетворительные основания для интерпретации наблюдаемых фактов и для гипотез относительно наблюдаемого» [16, с. 28]. Можно сделать следующий вывод: ребенок не проходит всех стадий становления и развития языка у древнего человека, но при этом допустимо рассматривать этапы развития речи ребенка в качестве некоторых из этапов развития человеческого языка.

² Из наблюдений за дочерью (Аскари Зарина, 04.12.2017 г.р.) в июле 2019 г.

³ Более подробно о группах междометий см. кандидатскую диссертацию А.Н. Гордея [14, с. 66–78].

ляется, иными словами, когда возникает направленность сообщения на внешний мир, симптом становится сигналом, сохраняющим при этом отношения смежности. Кроме того, как отмечал Д.О. Кудрявский, важнейшую роль в процессе перехода играет членораздельность не только речи, но и мысли [28, с. 58], способствующая формированию системы звуков и фонем. Сигналами являются также и императивные междометия, связанные с целеполаганием и волеизъявлением [14, с. 75–78], однако они возникают значительно позже эмоциональных, поскольку для них характерна коммуникативность.

Рассмотрим пример симптома и сигнала. В ситуации, когда человек прокашливается, чтобы устранить дискомфорт от длительного использования речевого аппарата, кашель является симптомом-протомеждометием. Когда лектор кашляет намеренно, в том числе произнося междометие *кхе-кхе*, чтобы успокоить расшумевшихся студентов, действия преподавателя являются сигналом, поскольку демонстрируют его недовольство ситуацией. Таким образом, междометия – сигналы-индексы, в основе которых лежит смежность (отношения типа стимул → реакция, причина → следствие).

Принципиальное отличие звукоподражаний от междометий заключается в направленности на познание действительности. Звукоподражания рисуют окружающий внешний мир, в то время как междометия передают порывы внутреннего мира как реакции на мир окружающий. Однако два этих типа семиологических объектов связаны между собой, поскольку возможны переходы междометий в звукоподражания и звукоподражаний в междометия, на что указывает А.Н. Гордей [14, с. 121–124]. Так, например, когда лексическая единица обозначает смех человека – это междометие, однако если же лексическая единица обозначает ситуацию, при которой один человек имитирует смех другого человека – это звукоподражание, поскольку второй человек выступает в качестве звучащего объекта действительности, в чем мы видим наследие вокальной мимикрии.

С развитием речевых способностей на основе вычлененных в ходе вокальной мимикрии звуковых элементов формируются звукоподражания. Это уже не просто имитация звуков, это иконический сигнал, обозначающий некую ситуацию. Человек способен донести собеседнику некоторый объем информации, заложенный в звукоподражании, однако с помощью звуков и на основе сходства происходит попытка стереотипизации акустической, оптической или иной воспринимаемой ситуации, а не конкретного индивида или его признака. Вместе с тем, значение звукоподражания весьма размыто, поэтому первые звукоподражания не могли обладать номинативностью.

Исследователи обращают внимание на ряд сходных черт у звукоподражаний в разных языках, среди которых стоит особо отметить «конкретность, картинность, близость к представлениям, а не понятиям» [29, с. 28]. Д.В. Бубрих видит причину этого в том, что они связаны с наглядно-образным мышлением, поскольку «обобщающая сила изобразительных слов чрезвычайно мала», ведь «для них нет просто ходьбы, а есть бесчисленное количество всяких способов хождения»; «нет, например, просто битья, а есть бесчисленное количество всяких способов битья»; «для них нет просто падения, а есть бесчисленное количество всяких способов падения» [30, с. 91]. Следовательно, звукоподражания выражают не понятия, а представления. В связи с этим Н.Б. Киле приводит весьма интересное наблюдение касательно таких слов: «Слова эти конкретны, однако отсюда вовсе не следует, что их значения лишены обобщенности. Все они представляют собой отвлечения от ... конкретных ... предметов, их признаков и действий» [29, с. 30]. Звукоподражания не обладают развитой способностью обозначать однородные явления по их основному признаку, но при этом они могут вызывать представление о совокупности признаков некоего явления [29, с. 30]. Конкретность русского звукоподражания *бу-бух* проявляется, во-первых, в том, что носитель не будет его использовать для описания звука ветра, во-вторых, в том, что его семантика уточняется контекстом. Обобщенность значения проявляется в объединении целого комплекса разнородных явлений, которые могут выступать в качестве источника звука: удар, взрыв, выстрел, гром и др. Таким образом, при отсутствии контекста звукоподражание как отдельное высказывание описывает некую отвлеченную ситуацию, передает некий образ, понятный человеку, не называя при этом конкретного субъекта, действия или объекта.

Возникновение номинативности связано с денатурализацией звукоподражаний. Синкретический сигнал (термин М.В. Беляева) [31, с. 83], или имитатив (термин Г.Е. Корнилова) [17, с. 60], обладающий способностью представлять как индивида, так и признака индивида, и напоминающий слова-предложения в речи детей [32, с. 84], передается из поколения в поколение [33, с. 336], вследствие чего идет постепенное движение от языка эпохи имитативов к антиимитативам [17, с. 181], т.е. происходит денатурализация семиологического объекта и переход от сигналов-индексов и иконических сигналов к протознакам с затемненной мотивировкой и произвольным знакам. По мнению Б.В. Якушкина, три семиотических этапа отражают переход от пантомимы к членораздельной речи [32, с. 133]. Так как увеличивающееся разнообразие ситуаций в жизни древнего человека требовало большего обобщения в сознании, для их описания возникла необходимость сочетания значимых звуков, которые ставились все более абстрактными, что привело к появлению членораздельных предложений [32, с. 136].

Поскольку этот процесс не дискретен, то должен быть некий переходный этап, на котором знак уже относительно произволен, но еще мотивирован. Поясним данный тезис примером. Человек слышит звук капающей воды. Он, возможно, способен точно воспроизвести данный звук, однако у него уже формируется некоторая фонологическая система праязыка. Чтобы элемент был включен в формирующуюся систему, он должен соответствовать требованиям данной системы, одним из которых является соответствие фонетическим нормам. Следовательно, древний человек с помощью имеющихся в его языке средств пытается воспроизвести звук природы. Элемент, полученный в ходе этого сложного процесса пропускания звука окружающего мира через фонологическую систему языка, в некоторой степени произволен, поскольку не является точным соответствием реальному звуку. Тем не менее, акустическая форма сигнала мотивирована звучанием некоего объекта, однако при передаче данного элемента из поколения в поколение мотивировка затемняется. Когда накапливается определенное число подобных элементов-имитативов, происходит распад синкретических сигналов на тавтологические выражения, позволяющие называть индивидов и их признаки без привязки к ситуации (*гром гремит громко*) [31, с. 83]. Так формируются правила протограмматики и части языка [2]. Кроме того, в результате формирования антиимитативов и денатурализации возникает знак, для которого характерны номинативность, внеситуативность и неопределеннозначность [10, с. 30].

Неопределеннозначность является неотъемлемым свойством не только знака, но большинства звукоподражаний. В.В. Мартынов, автор идеи *неопределеннозначности* языкового знака, обращает внимание на важный факт: «Еще Декарт отмечал, что определение значений слов избавит человечество от половины его заблуждений, а современные философы-семантисты утверждают, что ото всех. Носителю языка подобная позиция представляется излишне драматизированной, поскольку ежечасное и ежеминутное проявление неопределеннозначности языка проходит незамеченным» [10, с. 30]. В неопределеннозначности звукоподражаний кроется их образность и древность, так как за звукоподражаниями скрываются не понятия, а представления, т.е. ситуации или события. Сразу отметим, что существует ряд звукоподражаний, в частности, большинство обозначений криков животных, которые обычно однозначны вне контекста (русск. *мяу* в значении ‘звук, издаваемого кошкой’). Однако, например, перс. *جیک جیک* [jik-jik] используется для обозначения звука, издаваемого небольшой птицей (воробьем, цыпленком и т.д.), поэтому вне контекста можно установить лишь общее значение (‘звук, издаваемый небольшой птицей’). Еще более сложной задачей является определение вне контекста значения персидского звукоподражания *ببع* [ba'-ba'], которое обозначает как ‘звук, издаваемый овцой/бараном’, так и ‘звук, издаваемый индюком’ [34].

Одно звукоподражание применимо к разным ситуациям, которые могут быть объединены по определенному признаку или набору признаков. Так, для звукоподражания *бу-бух* таким признаком будет ‘неоднократный, продолжительный глухой звук’. В мире существует огромное количество звуков, которые могут быть охарактеризованы подобным набором признаков. Видимо, в период, когда у древнего человека шел интенсивный процесс познания действительности, активно формировалась и модель мира. Однако его языковые способности еще не позволяли каждому стереотипу модели мира поставить в соответствие определенный языковой знак, поскольку их число было сильно ограничено [2]. Следовательно, включались механизмы переноса по сходству или по смежности.

Допустим, что *бух-бух* (в данном случае это не русское звукоподражание) – древнее звукоподражание, возникшее вследствие попыток первобытного человека изобразить звук повторяющихся ударов деревянной палкой или камнем о твердую поверхность. Словарный запас древнего человека ограничен. Услышав раскаты грома, наш далекий предок сопоставлял их со звуком удара палки о дерево и приходил к выводу об их сходстве. Соответственно, в силу ассоциации он начинал так же называть и звуки раскатов грома (или наоборот, процесс мог начинаться с подражания грому, а лишь затем ударам палкой), т.е. происходил перенос по сходству (метафоризация). Этим иконическим сигналом обозначалась не только образная ситуация. Звукоподражание *бух-бух* являлось имитативом или синкретическим сигналом, у которого наблюдался процесс полураспада корня, отраженный в тавтологических выражениях [10, с. 152], поэтому оно могло быть субъектом или объектом (*удар, гром*), акцией (*ударять, греметь*), признаком субъекта или объекта (*громовой, ударный*), признаком акции (*громко, ударно*) и т.д. Значение такого семиологического объекта актуализируется лишь в контексте. В этом проявляется неопределеннозначность звукоподражаний не только в языке древних людей, но и в современных языках. Например, в персидском языке звукоподражания могут играть роли подлежащего, сказуемого, дополнения, определения и обстоятельства [35, с. 19–20].

Не случайно в этимологических словарях пометки «возможно звукоподражательное/звукосимволическое» свидетельствуют о пределе для дальнейших изысканий происхождения слова. Например, персидское звукоподражание *جز و وز* [jez-o-vez] первоначально означало ‘звук обжаривания в масле’, однако в современном персидском языке стало использоваться и в значении ‘жалобная просьба, стон, плач’ [34]. Несметное число переносов по сходству и по смежности создает препятствия для поиска этимона, ведь если бы любая жидкость в языке называлась *квак* (как в примере с внуком Ч. Дарвина), то звукоподража-

ние *квак* мы бы могли восстановить только после того, как установили этап *квак*-воды и, далее, этап *квак*-утки. По такой схеме происходит переход между видами звукоподражаний: от чистого звуковыражения, т.е. членораздельного подражания звуку, через этапы звукообраза с доминированием звукового элемента и звукообраза с доминированием образного элемента к чистому звукоизображению, т.е. членораздельному подражанию процессам, движениям, световым, цветовым, статическим и иным явлениям и качествам окружающей действительности [36, с. 10–12]. В связи с этим продолжает быть актуальным мнение С.В. Воронина о том, что маскировка звукоподражательной природы слова в процессе его денатурализации является главной причиной недостаточной проработанности дескриптивных этимологий [37, с. 150–151] (т.е. звукоподражательных – звуковыразительных и звукоизобразительных).

Подытоживая вышесказанное, представим процесс развития семиологических объектов в виде схемы (рисунок 2).

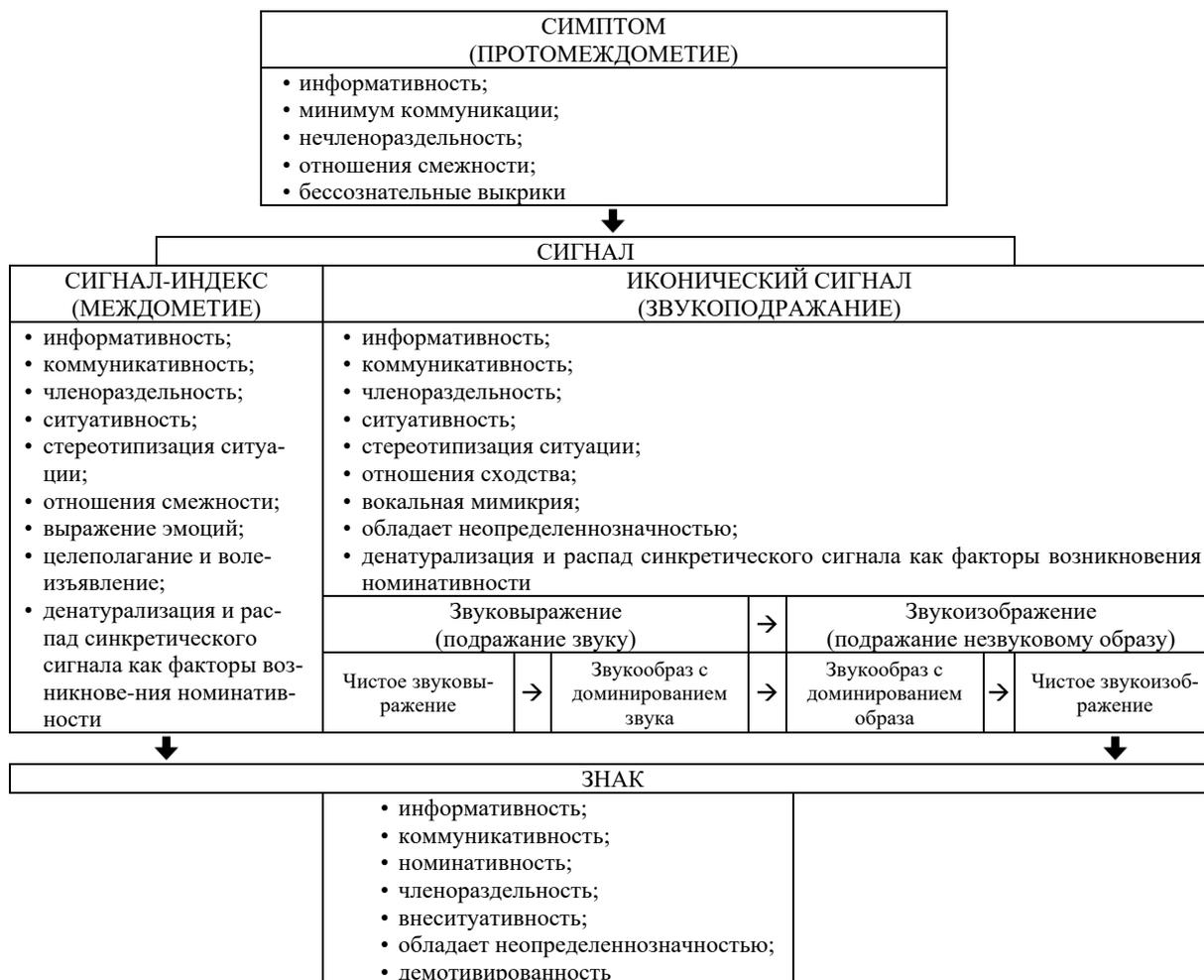

Рисунок 2. – Процесс развития семиологических объектов

Заключение. Отправной точкой для семиологических объектов естественного языка являются симптомы в виде междометных выкриков, связанные с внутренним миром человека и основывающиеся на смежности. Далее, по мере нарастания коммуникативной составляющей, возникают сигналы, основывающиеся на смежности, т.е. сигналы-индексы. Благодаря вокальной мимикрии появляются иконические сигналы, т.е. сигналы звукоподражательного типа, для которых характерны ситуативность

и отношение сходства. При этом трудно установить, что возникло раньше: сигналы-индексы как наследие симптомов или иконические сигналы как наследие вокальной мимикрии. Важнейшую роль в процессе формирования сигналов сыграла членораздельность. Вследствие распада синкретических сигналов на тавтологические выражения происходит утрата ситуативности и появляется номинативность. Возникновение антиимитативов на основе имитативов с сопутствующей этому процессу демотивацией приводит к формированию относительно произвольных знаков. Появление знаков-

антиимитативов, по всей видимости, связано, в том числе, и с переходом от чистых звуковыражений как подражаний звучащим объектам и явлениям с помощью звуков, к звукоизображениям – подражаниям незвучащим объектам и явлениям с помощью звуков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уфимцева, А. А. Знак языковой / А. А. Уфимцева // Лингвистический энцикл. сл. / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – С. 167.
2. Гордей, А. Н. Теоретическая грамматика восточных языков [Электронный ресурс] : лекц. курс / А. Н. Гордей. – Минск, 2007. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
3. Скаличка, В. Исследование венгерских звукоподражательных выражений / В. Скаличка // Пражский лингвистический кружок : сб. ст. / Сост. и ред. Н. А. Кондрашова. – М. : Прогресс, 1967. – С. 277–316.
4. Мечковская, Н. Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура: Курс лекций : учебн. пособие для студ. филол., лингв. и переводовед. факультетов высш. учеб. заведений / Н. Б. Мечковская. – 2-е изд., испр. – М. : «Академия», 2007. – 432 с.
5. Пирс, Ч. С. Что такое знак? / Ч. С. Пирс ; пер. с англ. А. А. Аргамаковой // Вестн. Томс. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. – 2009. – № 3(7). – С. 88–95.
6. Уфимцева, А. А. Знаковые теории языка / А. А. Уфимцева // Лингвистический энцикл. сл. / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – С. 167–169.
7. Бенвенист, Э. Общая лингвистика : пер. с франц. / Э. Бенвенист ; под ред. Ю. С. Степанова. – М. : Прогресс, 1974. – 447 с.
8. Греймас, А. Ж. Семиотика. Объяснительный словарь теории языка / А. Ж. Греймас, Ж. Курте // Семиотика: семиотика языка и литературы : сб. ст. ; пер. с англ., франц. и исп. яз. / сост. и общ. ред. Ю. С. Степанова. – М. : Радуга, 1983. – С. 483–550.
9. Комлев Н. Г. Словарь новых иностранных слов: С переводом, этимологией и толкованием / Н. Г. Комлев. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1995. – 143 с.
10. Мартынов, В. В. В центре сознания человека / В. В. Мартынов. – Минск : БГУ, 2009. – 272 с.
11. де Соссюр, Ф. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр ; пер. с франц. яз. / под ред. А. А. Холодовича. – М. : Прогресс, 1977. – 695 с.
12. Журавлев, А. П. Фонетическое значение / А. П. Журавлев ; Мин-во высш. и сред. спец. образования РСФСР. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. – 160 с.
13. Якобсон, Р. Язык в отношении к другим системам коммуникации / Р. Якобсон // Якобсон, Р. Избранные работы : пер. с англ., нем., фр. яз. / Р. Якобсон ; Предисл. В. В. Иванова, сост. и общ. ред. В. А. Звегинцева. – М. : Прогресс, 1985. – С. 319–330.
14. Гордей, А. Н. Междометие как минимальная коммуникативная единица : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А. Н. Гордей. – Минск, 1992. – 174 с.
15. Морозов, В. П. Занимательная биоакустика / В. П. Морозов. – 2-е изд., доп., перераб. – М. : Знание, 1987. – 204 с.
16. Горелов, И. Н. Проблема функционального базиса речи в онтогенезе : учеб. пособие / М-во просвещения РСФСР. Челябин. гос. пед. ин-т. – Челябинск : [Челяб. пед. ин-т], 1974. – 116 с.
17. Корнилов, Г. Е. Имитативы в чувашском языке / Г. Е. Корнилов. – Чебоксары : Чуваш. книж. изд-во, 1984. – 184 с.
18. Жинкин, Н. И. Язык – речь – творчество : Исслед. по семиотике, психолингвистике, поэтике : (Избр. труды) / Н. И. Жинкин. – М. : Лабиринт, 1999. – 364 с.
19. Ашмарин, Н. И. О морфологических категориях подражаний в чувашском языке / Н. И. Ашмарин. – Казань : Издание Академического центра ТНКИ, 1928. – 165 с.
20. Спиркин, А. Г. Происхождение языка и его роль в формировании мышления / А. Г. Спиркин // Мышление и язык / Акад. наук СССР. Ин-т философии ; под ред. Д. П. Горского. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1957. – С. 3–72.
21. Газов-Гинзберг, А. М. Был ли язык изобразителен в своих истоках? / А. М. Газов-Гинзберг // Акад. наук СССР. Ин-т народов Азии. – М. : Наука, 1965. – 183 с.
22. Германович, А. И. Междометия и звукоподражательные слова русского языка : автореф. дисс. ... д-ра филол. наук / А. И. Германович ; Моск. ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Симферополь, 1961. – 59 с.
23. Колева-Златева, Ж. О статусе звукоизобразительных слов в языке / Ж. Колева-Златева // Slavica : Annales Instituti Slavici Universitatis Debreceniensis. – 2008. – XXXVII. – С. 33–53.
24. Nuckolls, J. B. The Case for Sound Symbolism / J. B. Nuckolls // Annual Review of Anthropology. – 1999. – Vol. 28. – P. 225–252.

25. Kilian-Hatz, C. Universality and Diversity : Ideophones from Baka and Kxoe / C. Kilian-Hatz // Ideophones / F. K. E. Voeltz, C. Kilian-Hatz (Eds.). – Amsterdam : John Benjamins Press, 2001. – P. 155–163.
26. Варламов, А. Н. Специфика историзма в фольклоре эвенков : дисс. ... д-ра филол. наук : 10.01.09 / А. Н. Варламов ; Калм. гос. ун-т. – Элиста, 2011. – 430 с.
27. Мак-Люэн, М. Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры / М. Мак-Люэн ; пер. с англ. яз. – Киев : Ника-центр, Эльга, 2004. – 432 с.
28. Кудрявский, Д. Н. Введение в языкознание / Д. Н. Кудрявский ; предисл. В. М. Алпатова. – Изд. 3-е, доп. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 144 с.
29. Киле, Н. Б. Образные слова нанайского языка / АН СССР. Сиб. отд-ние. Ин-т истории, филологии и философии. – Л. : Наука, Ленингр. отд., 1973. – 189 с.
30. Бубрих, Д. В. К проблеме изобразительной речи / Д. В. Бубрих // Ученые записки Карело-Финского университета. – 1948. – Т. 3, Вып. 1. – С. 85–94.
31. Беляев, М. В. Проблема грамматики (методологические основы грамматического изучения языка) / М. В. Беляев // Ученые записки Сталинградского государственного педагогического института. – 1939. – Т. 1. – С. 71–103.
32. Якушкин, Б. В. Гипотезы о происхождении языка / Б. В. Якушкин ; отв. ред. Г. В. Степанов. – М. : Наука, 1984. – 137 с.
33. Бурлак, С. Происхождение языка: факты, исследования, гипотезы / С. Бурлак. – М. : Corpus, 2011. – 462 с.
34. واژه باب = Vajehyab [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.vajehyab.com/>. – Date of access: 28.04.2019.
35. Аскари, А. С. Морфологические, семантические и синтаксические особенности звукоподражаний персидского языка / А. С. Аскари // Вестник МГЛУ. – 2019. – №4 (101). – С. 14–21.
36. Аскари, А. С. О разграничении звукоподобия и звукоподражания / А. С. Аскари // Вестник МГЛУ. – 2019. – №3 (100). – С. 7–14.
37. Воронин, С. В. Основы фоносемантики / С. В. Воронин. – 2-е изд, стер. – М. : ЛЕНАНД, 2006. – 239 с.

Поступила 24.09.2019

ONOMATOPOEIAS IN THE CONTEXT OF SEMIOLOGICAL TYPOLOGIZATION

A. S. ASKARY

The article attempts to determine the place of onomatopoeias in the semiological typologization, developed by Soviet and Belarusian linguist V. V. Martynov, deals with signals-indexes, iconic signals and signs, defines transitional stages of semiosis, taking into account the information about vocal mimicry of higher animals and the role of onomatopoeias in primitive and traditional societies, studies the process of denaturalization and demotivation of signs basing on the results of researches by G. Y. Kornilov, M. V. Belyaev, A. M. Hardzei.

Keywords: *semiological typologization, iconicity, onomatopoeia, transitional stages of semiosis, V. V. Martynov.*

УДК 81'367.52: [811.581]

**ОБСТОЯТЕЛЬСТВО МЕСТА В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ:
ВИДЫ, СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ И ПОЗИЦИИ В ПРЕДЛОЖЕНИИ****А.С. ЧЕКУЛАЕВА***(Белорусский государственный университет, Минск)
nastassia888@gmail.com*

Данная статья посвящена вопросу исследования обстоятельства места в китайском языке. Автор подробно описывает два вида обстоятельства места: статическое (отвечает на вопрос «где?») и динамическое (отвечает на вопрос «куда?», «откуда?»). Рассмотрено средство обозначения пространственной ориентации в китайском языке – директив (方位词), который может выступать в двух формах: односложной и двусложной (сложной). Сложный директив может быть образован четырьмя способами. Описаны пять способов построения локатива (处所词) – существительного с пространственной семантикой; проанализирован инкорпоративный комплекс направления движения с точки зрения его структуры, вариантов построения (шесть вариантов) и специфики инкорпорации прямого дополнения и обстоятельства места. Проанализированы все возможные позиции двух видов обстоятельства места в китайском предложении, сделан вывод о схожести местоположения в структуре предложения.

Ключевые слова: статическое обстоятельство места, динамическое обстоятельство места, предложение наличия, предложение местонахождения, директив, локатив, глагол передвижения, глагол направления движения, инкорпоративный комплекс направления движения.

Введение. Исследования обстоятельства места в китайском языке можно разделить на два направления: лингвистические и лингводидактические. С точки зрения лингвистики, внимание ученых сконцентрировано на специфических вопросах, косвенно касающихся обстоятельства места: анализ пространственных отношений в сопоставительном аспекте [1; 2], глаголы перемещения [3], предлог 在 [4] и предлоги пространственных отношений [5], грамматические способы выражения места [6], локатив как средство выражения пространственных отношений [7] и др. В лингводидактическом аспекте данная тема представлена либо в виде узконаправленных исследований (например, средств выражения пространственных значений [8]), либо в исследованиях по грамматике китайского языка [9 – 11]. Отсутствие в русскоязычной литературе исследований, посвященных детальному и комплексному рассмотрению обстоятельства места в китайском языке, обусловило научную новизну настоящей статьи.

Актуальность исследования выражается в необходимости упорядочения форм репрезентации обстоятельства места в зависимости от его вида, а также в потребности выявить специфические свойства данного члена предложения в китайском языке.

Практическая значимость статьи заключается в том, что полученные автором результаты могут быть использованы как при дальнейших лингвистических исследованиях членов предложения в китайском языке, так и в лингводидактической практике в процессе преподавания китайского языка как иностранного.

Целью настоящей статьи является комплексный анализ обстоятельства места в китайском языке.

Поставленная цель предполагает решение ряда задач:

- 1) рассмотреть средство обозначения пространственной ориентации в китайском языке – директив, его виды и способы образования;
- 2) проанализировать способы построения локатива;
- 3) охарактеризовать виды обстоятельства места в китайском языке: статическое и динамическое;
- 4) выделить позиции статического обстоятельства места в китайском предложении;
- 5) рассмотреть два типа предложения со статическим обстоятельством места: наличия и местонахождения;
- 6) охарактеризовать структуру и специфику инкорпоративного комплекса направления движения;
- 7) выделить позиции динамического обстоятельства места в китайском предложении.

Методы исследования: моделирование, синтаксический анализ предложения.

Материалом послужили предложения, отобранные методом случайной выборки из Корпуса китайского языка (Института прикладной лингвистики Министерства образования КНР <http://corpus.zhonghuayuwen.org/>).

Основная часть. Прежде всего необходимо рассмотреть средства обозначения пространственной ориентации в китайском языке. В качестве таковых выступает 方位词 (букв. «существительное-направление»). Исследователи по-разному переводят этот термин на русский язык: «директив» [9, с. 14]

или «послелог» [10, с. 235]. На наш взгляд, перевод «директив» является более уместным, поскольку отражает сущность данного понятия: от англ. *direction* – «направление»; эта часть речи обозначает *направление движения* или *местонахождение* индивида в пространстве, а также уточняет «позицию чего-либо по отношению к данному предмету» [11, с. 217].

Директивы делятся на две группы: односложные директивы (单纯方位词) и сложные директивы (合成方位词), или двусложные [11, с. 218]. Однако в некоторых случаях целесообразнее говорить о двух этапах свертки элементов синтагмы: 椅子上面 («на верхней поверхности стула») → 椅子上¹ («на стуле») → 椅上 («на стуле»²).

Выделяют 4 способа образования сложных директивов:

1. Морфема 之 или 以 + директив (之后 «сзади; после»; 以前 «перед, прежде»).
2. Директив + «локативные суффиксы» [6] 边, 面, 头.

В таблице 1 представлена сочетаемость директивов с локативными суффиксами.

Таблица 1. – Сочетаемость односложных директивов с локативными суффиксами [6]

Послелог на китайском языке	Перевод на русский язык	头 [tóu] оконечность	面 [miàn] поверхность	边 [biān] бок	间 [jiān] промежуток
里 [lǐ]	в, внутри	✓	✓	✓	
外 [wài]	вне, снаружи	✓	✓	✓	
上 [shàng]	наверху	✓	✓	✓	
下 [xià] ³	внизу	✓	✓	✓	
右 [yòu]	справа		✓	✓	
左 [zuǒ]	слева		✓	✓	
前 [qián]	спереди	✓	✓	✓	
后 [hòu]	сзади	✓	✓	✓	
对 [duì]	напротив		✓		
旁 [páng]	сбоку			✓	
中 [zhōng]	посередине				✓
内 [nèi]	внутри				
东 [dōng]	восток	✓	✓	✓	
南 [nán]	юг	✓	✓	✓	
西 [xī]	запад	✓	✓	✓	
北 [běi]	север	✓	✓	✓	

3. Противопоставление директивов (前后 «вперед и позади», 里外 «внутри и снаружи»).

4. Другие варианты: 底下 «внизу», 头里 «вперед», 当中 «посреди; в середине».

Односложные и сложные директивы, «сочетаясь с морфемами, словами и словосочетаниями, способны образовывать темпоративы, локативы» [12, с. 68]. «Директивы указывают как на пространство, так и на время; присоединяясь к существительным, они образуют локативные и темпоративные словосочетания» [9, с. 15]. О.М. Готлиб определяет локативы (处所词) как «существительные, имеющие пространственные значения» [9, с. 14]. Темпоративы (时间词) выражают «временную отнесенность или временной отрезок» [9, с. 14].

Рассмотрим способы построения локатива (处所词) [6; 11, с. 217–219].

1. Сочетание существительного с постпозитивным директивом. Поскольку в китайском языке «большинство существительных не содержит в себе идею места» [6], требуются дополнительные средства для обозначения ориентации в пространстве: директивы в постпозиции, или так называемые послелог. В качестве примера рассмотрим синтагму 桌子上面 «на столе»: существительное 桌子 «стол» и сложный директив 上面 «на» (букв. «верхняя поверхность»). Как мы упоминали ранее, в данном случае допускается двухуровневая элиминация элементов синтагмы: 桌子上面 → 桌子上 → 桌上. Второй уро-

¹ Элиминация локативного суффикса 面 [miàn] «поверхность».

² Элиминация суффикса существительных 子 [-zi].

³ Если «верхний предмет больше нижнего» [11, с. 218], то употребляется директив 底下 [dǐxia]: 妈妈刚洗好头, 披散着头发坐在树底下 (冰心《冰心全集第四卷》) (букв. Мама, только что вымыла голову, сидела под деревом с распущенными волосами (Бин Синь «Полное собрание сочинений Бин Синь, том 4»)).

вень свертки допускается в разговорной речи для существительных, оформленных суффиксом 子: 椅子 («стул»), 桌子 («стол»), 本子 («тетрадь»).

2. Сочетание показателей дистанции 这儿 / 这里 («здесь») и 那儿 / 那里 («там») с личным местоимением или существительным. Например, 黑板那儿 («(там) у доски»); 你这儿 («(здесь) у тебя»); 王老师那儿 («(там) у учителя Вана»). Такой способ применяется в следующих ситуациях:

- 1) в качестве локатива выступает одушевленное лицо;
- 2) говорящий не знает, конкретного местоположения предмета или индивида;
- 3) для говорящего не имеет значения конкретное местоположение предмета или индивида.

Сравним две синтагмы: локатив 桌子上 («на столе») четко указывает на то, что предмет находится на столе; локатив 桌子那儿 («(там) у стола») обозначает лишь приблизительное местоположение, не огораживая конкретной ориентации, под столом или сбоку от стола. Следует отметить, что в данном случае не допускается элиминация элементов синтагмы.

3. Топонимы. Географические названия сами по себе являются локативами, поэтому они не требуют оформления директивами. Исключение составляют ситуации, когда речь идет о конкретной ориентации относительно сторон света 上海南边 («на юге Шанхая») или близости к объекту 明斯克附近 («рядом с Минском»).

4. Существительные, обозначающие названия помещений: 大学 («университет»), 企业 («предприятие»), 博物馆 («музей»), 图书馆 («библиотека») и др. Такого рода существительные-локативы, как и топонимы, как правило, употребляются самостоятельно. Но также «могут иметь после себя послелоги и локативы, подобно обычным существительным. Смысл предложений при этом не меняется» [6]. Приведем пример использования локатива 图书馆 («библиотека») с директивом 里 и без него. 两人虽然同入一座大学, 却不在一个专业; 因此, 图书馆里常相见 ... (《孤村》刘绍棠) (букв. «Хотя оба вместе поступили в один университет, но учились на разных специальностях; поэтому часто виделись в библиотеке ...»), («Одинокая деревня», Лю Шаотан). 于是, 我常整天蹲在图书馆, 以躲避与她见面 (《朵朵玫瑰》朱云影) (букв. «Поэтому я часто весь день напролет сидел, скрючившись, в библиотеке, избегая встречи с ней», («Букеты роз», Чжу Юньин)).

5. Универсальный локатив 地方 («место») с развернутым определением. Например, 每逢节日来临, 在群众聚会的地方, 他们都要出场比试比试 (《欢歌妙舞颂友谊》臧玲玲) (букв. «С наступлением каждого праздника там, где собирался народ, они всегда выходили мериться силами» («Радостная песня и чудесный танец восхваляют дружбу» Цзан Линлин)).

В русскоязычной лингвистической и лингводидактической школе принято разделять два вида обстоятельства места в китайском языке: статическое и динамическое. Рассмотрим более подробно местоположение в предложении каждого из них.

Статическое обстоятельство места (СОМ) отвечает на вопрос «где?» [11, с. 217]: 桌上有一壶茶 (林语堂《风声鹤唳》) (букв. «На столе стоял чайник чая» (Линь Юйтан «Ветра шум и крики журавлей»)).

Средством ввода СОМ в китайское предложение выступает служебное слово 在 (переводится как «находиться в»). В китайском языке СОМ может занимать три позиции в предложении:

1. Между подлежащим и сказуемым.

Схему предложения можно представить в следующем виде:

П+在СОМ (里) + СК + ПД,

где П – подлежащее; СОМ – статическое обстоятельство места, оформленное при необходимости постпозитивным директивом; СК – сказуемое; ПД – прямое дополнение.

Например, 第二次相见的时候, 他在公共汽车站接我 (《相见, 仅仅四次...》肖虹) (букв. «Когда мы увиделись во второй раз, он встретил меня на автобусной остановке» («Встретились, всего лишь четыре раза...», Сяо Хун)). Статическое обстоятельство места 在公共汽车站 («на автобусной остановке») не оформлено директивом, поскольку подразумевается, что существительное 公共汽车站 («автобусная остановка») является локативом.

一天, 我偶然在报纸上看到父亲的名字, 便第二次上了成都 (《纸船儿漂》周昌义) (букв. «Однажды я случайно в газете увидел имя отца и сразу же во второй раз отправился в Чэнду» («Бумажный кораблик плывет», Чжоу Чанъи)). В данном случае использование постпозитивного директива 上 («на») является желательным, ввиду того, что существительное 报纸 («газета») не может самостоятельно выступать в качестве локатива (в литературной речи).

2. Перед подлежащим.

Схема предложения:

(在) СОМ (里) + П + СК + ПД.

Во второй позиции перед подлежащим СОМ, как правило, не оформляется при помощи 在. Например, 教室里传出融洽的笑声 («“做个好歌手, 做个好人”» 何小娜) (букв. «**В аудитории** раздался дружный хохот») («Чтобы стать хорошим певцом, надо быть хорошим человеком», Хэ Сяона). Однако можно найти примеры употребления 在 в начале предложения: 在教室里混文凭, 现在我爸爸已给我把工作找好了, 等我一毕业就上班。(《歧路亡羊》库页诗) (букв. «**В аудитории** вперемешку лежали дипломы, сейчас отец уже нашел мне работу, как только я закончу учебу, сразу же пойду работать») («На развилке дорог потерять барана» Ку Еши)).

3. После сказуемого.

Схема предложения:

П + СК + 在СОМ (里).

Третья позиция возможна при соблюдении следующих условий:

- 1) роль сказуемого играет односложный глагол;
- 2) не допускается использование прямого дополнения после сказуемого или статического обстоятельства места.

Например, 人们都住在洞里, 他们叫它窑洞 (《马兰花》张淑琴) (букв. «Все люди жили **в пещере**, они называли ее ядун») («Цветок ириса», Чжан Шуцин)).

Если необходимо поставить прямое дополнение, как правило, оно выносится перед сказуемым при помощи 把: например, 我沾着唾液, 把一个大写的“爱”字写在桌子上 (《莲子》吴丽嫦) (букв. «Смачивая слюной, я **на столе** написал большой иероглиф «любовь»») («Семена лотоса», У Личан)).

Однако данная позиция не является императивной, если в качестве сказуемого выступает односложный глагол: 我们都在那条街上住 (《油》郑惠泉) (букв. «Мы все жили **на той улице**») («Масло» Чжэн Хуэйцюань)). Несмотря на то, что в данном примере сказуемое выражено односложным глаголом 住 «жить, проживать», статическое обстоятельство места стоит в первой позиции: между подлежащим и сказуемым.

Говоря о позиции СОМ в китайском предложении, следует различать два типа предложений:

1. **Предложения наличия** – «структура таких предложений соответствует ходу мысли в сообщении: место является исходной точкой сообщения, заранее известной обоим собеседникам; затем сообщается, что в этом месте что-то есть, что-то имеется в наличии. Иначе говоря, мысль реализуется по схеме: «от места – к предмету» [11, с. 219]. Например, в предложении 这里是菲菲的小书房, **桌上有台小电脑** (《请睁开你的眼睛》张赶生) (букв. «Здесь находится небольшой кабинет, **на столе имеется** маленький компьютер») («Прошу, открой свои глаза» Чжан Ганьшэн)) сказуемое выражено глаголом 有 «иметь(ся)» и стоит после СОМ 桌上 «на столе».

2. **Предложения местонахождения** – «сказуемое в таких предложениях выражено переходным глаголом 在 «находиться (там-то)», за которым всегда следует обстоятельство места» [11, с. 227]. Вышеуказанный пример предложения наличия **桌上有台小电脑** (букв. «**на столе имеется** маленький компьютер») можно перестроить в предложение местонахождения: 小电脑**在桌上** (букв. «маленький компьютер **находится на столе**»). Заметим, что не все предложения местонахождения могут быть перестроены в предложения наличия: например, предложение местонахождения 我在中国 (букв. «Я **нахожусь в Китае**») не может быть перестроено в предложение наличия.

Динамическое обстоятельство места (ДОМ) отвечает на вопрос «куда?», «откуда?» [11, с. 404]: 罗暉的话也把我吓了一跳, 我立刻跑进**实验室**去。(《无中生有》王晓达) (букв. «Слова Ло Хуэя меня тоже напугали, и я тотчас же **вбежал в лабораторию**») («Бытие рождается из небытия» Ван Сяода)).

Прежде чем перейти к описанию местоположения ДОМ в предложении, остановимся на так называемых «глаголах направления движения» [11, с. 387], без которых невозможен ввод ДОМ в предложение.

Большинство китайских глаголов, обозначающих передвижение в пространстве (назовем их условно **глаголы передвижения**), не содержат семантики направления: например, 跑 «бежать», 走 «идти», 站 «стоять», 坐 «сидеть».

Для того, чтобы отобразить семантику направления, после глагола передвижения необходимо поставить **глагол направления движения**. В зависимости от значения и грамматической функции глаголы направления движения делятся на две группы [11, с. 387]:

1. Глаголы, обозначающие **ориентацию в пространстве**:
 - 1) антонимическая пара 上 «поднять(ся)» – 下 «спустить(ся)»;
 - 2) антонимическая пара 进 «войти»⁴ – 出 «выйти»;

⁴ В ряде случаев модификатор I группы 进 «войти» может быть заменен на модификатор 入 «входить, проникать»: 凌木兰望了爸爸一眼, 赶紧**跑入**内室去拿雨衣。(《明朗的天》曹禺) (букв. «Лин Мулан, бросив взгляд на отца, поспешно **вбежала** во внутреннюю комнату за дождевиком») («Погожий день» Цао Юй)).

Как видно из данных таблицы 2, семь модификаторов I группы могут сочетаться с любым из двух модификаторов II группы. Исключение составляет модификатор I группы 起 «подняться», который употребляется исключительно в сочетании с модификатором II группы 来 «прийти» [11, с. 388].

В русском языке модификаторам I группы соответствуют префиксы [11, с. 387]: например, *прибежать*, *убежать*, *выбежать*, *забежать*, *подбежать*, *отбежать* и т.д. Аналогов модификаторов II группы в русском языке не существует. Семантику ориентации относительно говорящего можно выразить при помощи слов *туда* и *сюда*, однако в большинстве случаев она остается в имплицитной форме. Сравним два примера [11, с. 389]: 别进去! «Не входите (туда)!» (говорящий находится вне пределов локуса) и 别进来! «Не входите (сюда)!» (говорящий находится в пределах локуса).

Инкорпоративный комплекс направления движения может использоваться в нескольких вариантах. Проиллюстрируем на примере инкорпоративного комплекса 走进来 («войти (сюда)»).

1. В полной форме:

走进来 [глагол передвижения (ГП) + модификатор I группы (M1) + модификатор II группы (M2)]

走进门来, 不少人一边跟他打招呼, 一边用好奇的眼光打量他推着的那辆自行车 <...> (《比翼鸟螺旋》刘雪屏) (букв. «Немало людей, которые *входили* в дверь, с ним здоровались и в то же время бросали любопытные взгляды на его велосипед <...> («Неразлучные супруги» Лю Сюэбин)).

2. Элиминация глагола передвижения:

进来 [модификатор I группы + модификатор II группы]

"你老兄胆子可真不小, 竟敢穿这种东西**进**车间**来**!" (《编外工长》高中艺) (букв. «Ты, брат, даешь! Набрался смелости *войти* в цех в таком виде!» («Внештатный мастер» Гао Чжунъи)).

3. Элиминация глагола передвижения и модификатора II группы:

进 [модификатор I группы]

一**进**门就看见了老石, 他微微一挺身, 收敛了笑容, 板着脸问: "你是....." (《油》郑惠泉) (букв. «Как только я *вошел* в дверь, то сразу увидел старину Ши. Он слегка выпрямился и, сдержав улыбку, спросил с каменным выражением лица: "Ты ...» («Масло» Чжэн Хуэйцюань)).

4. Элиминация глагола передвижения и модификатора I группы:

来 [модификатор II группы]

"**快**来这儿看啊!" (《绿色古堡里的新居民》彭懿) (букв. «Быстрее *подойди* сюда посмотри» («Новые жители зеленого замка» Пэн И)).

5. Элиминация модификатора I группы:

走来 [глагол передвижения + модификатор II группы]

一个中年人大步**走**来 (《神秘的事件》黄胜利) (букв. «Человек средних лет *пошел* широкими шагами» («Таинственное дело» Хуан Шэнли)).

6. Элиминация модификатора II группы:

走进 [глагол передвижения + модификатор I группы]

想着, **走**进屋子, 他用难过和负疚的目光看了一眼马村长。(《我爱松花江》安危) (букв. «Погруженный в свои мысли, он *вошел* в комнату, мучимый угрызениями совести, он бросил тоскливый взгляд на деревенского старосту Ма» («Я люблю реку Сунгари» Аньвэй)).

Особенностью инкорпоративного комплекса направления движения в китайском языке является то, что внутри его структуры могут вставляться другие члены предложения: прямое дополнение и динамическое обстоятельство места.

Пример инкорпорации прямого дополнения: 我**拿出烟来**, 抽出一支, 递给他 (《离异》吴若增) (букв. «Я *вытащил* сигареты, вынул одну и передал ему» («Развод» У Жоцзэн)) – внутри инкорпоративного комплекса **拿出来** («вынуть») вставлено прямое дополнение **烟** («сигареты»).

Пример инкорпорации динамического обстоятельства места: 可是没等爸爸回答, 她就欢呼着**跑进屋里去了** (《春光大厦》王晓达) (букв. «Однако не дождавшись ответа отца, она *вбежала* в комнату, издавая приветственные возгласы» («Гостиница «Чуньгуан»» Ван Сяода)) – внутри инкорпоративного комплекса **跑进去** («вбежать (туда)») вставлено динамическое обстоятельство места **屋里** («в комнату»). Следует отметить, что локатив, выступающий в роли динамического обстоятельства места, не всегда имеет при себе директив. Так, в предложении 孙女儿毕竟是黄花闺女, 说完, 害羞着**跑进自己的卧室去了** (《芙蓉酒》胡乃武) (букв. «Внучка как-никак была девушкой, закончив говорить, она в смущении *убежала* в свою спальню» («Лотосовое вино» Ху Найу)) динамическое обстоятельство места **自己的卧室** («своя спальня»), вставленное внутри инкорпоративного комплекса **跑进去** («вбежать (туда)»), не оформлено директивом.

Рассмотренные выше примеры касаются инкорпоративного комплекса в полной форме (вариант 1). При элиминации одного из компонентов инкорпоративного комплекса не всегда возможна вставка прямого дополнения и динамического обстоятельства места. В таблице 3 представлены все возможные варианты инкорпорации прямого дополнения и динамического обстоятельства места.

Таблица 3. – Инкорпорация прямого дополнения и динамического обстоятельства места в структуру различных вариантов инкорпоративного комплекса направления движения

Варианты инкорпоративного комплекса	Прямое дополнение	Динамическое обстоятельство места
1. Полная форма: 搬进去 «внести» 取出来 «вытащить» [ГП + M1 + M2]	取出 苹果 来 «вытащить яблоко»	搬进 屋子里 去 «внести в комнату (туда)»
2. Элиминация ГП: 出来 [M1 + M2]	невозможна!	出 屋子里 来 «выйти из комнаты (сюда)»
3. Элиминация ГП и M2: 进 [M1]	–	–
4. Элиминация ГП и M1: 来 [M2]	–	–
5. Элиминация M1: 拿来 «взять» [ГП + M2]	拿 苹果 来 «взять яблоко»	невозможна!
6. Элиминация M2: 走进 [ГП + M1]	–	–

В 3, 4 и 6 вариантах структура инкорпоративного комплекса распадается, поэтому вставка прямого дополнения и динамического обстоятельства места невозможна. При элиминации глагола передвижения невозможна вставка прямого дополнения, при элиминации модификатора I группы – динамического обстоятельства места.

Теперь остановимся подробнее на позициях ДОМ в китайском предложении.

1. Перед сказуемым.

В позиции перед сказуемым простое ДОМ вводится при помощи предлогов: 从 «из», 往 «в направлении к ...», 向 «по направлению к ...» и др. Сложное ДОМ, обозначающее исходный и конечный пункты передвижения, оформляется при помощи следующих предложных пар: 从...到... («от ... до...»); 从...往... («из ... в...») и др.

Пример простого ДОМ: 他**从衣袋里**取出几包医生开的药放在桌上 (《凡尘》鞠显友) (букв. «Он *из кармана* вытащил несколько лекарств, выписанных врачом, и положил на стол») («Мирская суета» Цзюй Сяньйюу).

Пример сложного ДОМ: 公公**从炕上往下**跑, 婆婆也一下子出溜到炕沿边 (《新春大喜》远千里) (букв. «Дед соскочил *с кана вниз*, бабка тоже вдруг соскользнула с края кана») («Поздравляем с новым годом!» Юань Цяньли).

2. Внутри инкорпоративного комплекса.

ДОМ вставляется внутрь инкорпоративного комплекса после модификатора I группы. Варианты инкорпорации ДОМ представлены в таблице 3. Например, в предложении 姜学礼说着就**跳下车去** (《幼年》骆宾基) (букв. «Цзян Сюэли, разговаривая, *спрыгнул с телеги*») («Детство» Ло Биньцзи) внутрь инкорпоративного комплекса 跳下去 («спрыгнуть») вставлено динамическое обстоятельство места 车 («телега»), не оформленное директивом. Приведем еще один пример вставки ДОМ внутрь инкорпоративного комплекса (при элиминации глагола передвижения): 今天果然早些**回家来**, 母亲还睡在床上 (《处女地》马宁) (букв. «Сегодня действительно пораньше *вернулась домой*, а мать все еще спала в кровати») («Целина» Ма Нин) – внутрь инкорпоративного комплекса 回来 («вернуться») вставлено динамическое обстоятельство места 家 («дом»), не оформленное директивом.

3. После сказуемого.

Схема предложения: П + СК + ДОМ. Данная позиция ДОМ возможна в следующих случаях:

1) СК выражено двусложным глаголом [глагол передвижения + модификатор I группы] (инкорпоративный комплекс б – элиминация модификатора II группы): 她顺手打我两个耳光, 气愤**跑进屋子里**

(《车》王朱) (букв. «Она заодно дала мне две пощечины и, разгневанная, **вбежала в комнату**») («Телега» Ван Чжу)) – в данном примере отсутствует модификатор II группы, поэтому ввиду неполноты инкорпоративного комплекса, ДОМ ставится после СК.

2) СК выражено односложным глаголом [модификатор I группы] (инкорпоративный комплекс 3 – элиминация глагола передвижения и модификатора II группы): 上车以后, 她就选最后一排座位坐上 (《桥》谭谈) (букв. «Сев в автобус, она сразу же села на место в самом последнем ряду») («Мост» Тань Тань)).

3) СК выражено односложным глаголом [модификатор II группы] (инкорпоративный комплекс 4 – элиминация глагола передвижения и модификатора I группы): "你去医院?" (《寒夜》巴金) (букв. «Ты пойдешь в больницу?») («Холодная зимняя ночь» Ба Цзинь)).

4) Если СК выражено односложным глаголом, не выражающим направление движения, ДОМ может присоединяться посредством служебного слова 在 [11, с. 415]: 酒杯掉在地上了, 椅子翻了 (《虹》茅盾) (букв. «Бокал упал на пол, стул опрокинулся») («Радуга» Мао Дунь)).

Заключение. Средством обозначения пространственной ориентации в китайском языке являются директивы (方位词), которые могут выступать в двух формах: односложной и двусложной (сложной). Существует четыре способа образования сложных директивов.

Сочетаясь с существительными, директивы образуют локативы (处所词) – существительные с пространственной семантикой. Можно выделить пять способов построения локативов.

В китайском предложении локатив играет роль обстоятельства места. Обстоятельство места бывает двух видов: статическое («где?») и динамическое («куда? откуда?»).

Средством ввода в предложение статического обстоятельства места в китайское предложение является служебное слово 在. Статическое обстоятельство места может занимать три позиции:

- 1) между подлежащим и сказуемым;
- 2) перед подлежащим;
- 3) после сказуемого.

Третья позиция после сказуемого возможна при наличии двух условий:

- 1) сказуемое выражено односложным глаголом;
- 2) прямое дополнение после сказуемого или статического обстоятельства места отсутствует.

Различают предложения наличия и местонахождения; предложения наличия всегда могут быть трансформированы в предложения местонахождения, предложения местонахождения не всегда могут быть трансформированы в предложения наличия.

Динамическое обстоятельство места возможно в предложениях, где сказуемое выражено инкорпоративным комплексом направления движения (в одном из шести вариантов). Его особенностью является то, что внутри данной структуры могут вставляться другие члены предложения: прямое дополнение и динамическое обстоятельство места. Динамическое обстоятельство места может занимать те же позиции, что и статическое обстоятельство места: перед подлежащим, между подлежащим и сказуемым, после сказуемого. Специфической позицией для динамического обстоятельства места является вставка внутри инкорпоративного комплекса. При этом, так же, как и в случае со статическим обстоятельством места, если сказуемое выражено односложным глаголом, не выражающим направление движения, динамическое обстоятельство места может присоединяться посредством служебного слова 在.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван, Сяоцян. Сопоставительный анализ способов выражения пространственно-статических отношений в русском и китайском языках / Сяоцян Ван // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. – № 8 (1). – С. 20–33.
2. Мэн, Ся. Когнитивно-семантический анализ пространственных отношений в русском и китайском языках при употреблении предлогов «в» и «на» / Ся Мэн // Вестн. РУДН. Сер. Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2011. – № 4. – С. 56–62.
3. Цзинь, Тао. Психолингвистический портрет глаголов перемещения (на материале русского и китайского языков) / Тао Цзинь // Вопросы психолингвистики. – 2014. – № 2 (20). – С. 42–55.
4. Малышева, А. В. Предлог 在 в современном китайском языке / А. В. Малышева // Гуманитарные исследования. – 2018. – № 4 (21). – С. 68–72.
5. Кошкин, А. П. Некоторые морфологические и синтаксические особенности предлогов пространственных отношений китайского языка / А. П. Кошкин // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер. Филология. Искусствоведение. – 2012. – № 28(282). – С. 95–100.
6. Шатравка, А. В. Грамматические способы выражения места в современном китайском языке / А. В. Шатравка // Общество и государство в Китае: сб. ст. / Ин-т востоковедения РАН; редколл.: А. И. Кобзев [и др.]. – М., 2014. – С. 850–854.

7. Ван, Сяоцян. Локативы как ведущий способ выражения пространственных отношений в современном китайском языке / Сяоцян Ван // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – № 7(2). – С. 74–85.
8. Яо, Цзяжу. Средства выражения пространственных значений в русском и китайском языках / Цзяжу Яо // Вестн. РУДН. Сер. Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2016. – № 4. – С. 150–155.
9. Готлиб, О. М. Практическая грамматика современного китайского языка : учеб. пособие для вузов / О. М. Готлиб. – М. : АСТ: Восток – Запад, 2007. – 288 с.
10. Курдюмов, В. А. Курс китайского языка. Теоретическая грамматика / В. А. Курдюмов. – М. : Цитател-трейд : Вече, 2006. – 576 с.
11. Задоевко, Т. П. Учебник китайского языка / Т. П. Задоевко, Ш. Хуан. – М. : Цитадель, 2002. – 768 с.
12. Чжу, Мэйцю. К вопросу о разграничении обстоятельственных конструкций / Мэйцю Чжу // Вестн. Северного политех. ун-та. – 1993. – № 5(4). – С. 67–72.

Поступила 12.12.2019

ADVERBIAL OF PLACE IN THE CHINESE LANGUAGE: TYPES, WAYS OF EXPRESSING, POSITIONS IN THE SENTENCE

A. CHEKULAeva

This article is devoted to the study of adverbial of place in the Chinese language. The author describes in detail two types of adverbial of place: static (answers the question “where?”) and dynamic (answers the question “where?”, “where from?”). The article describes the means of designating of spatial orientation in the Chinese language – directives (方位词), which can appear in two forms: monosyllabic and two-syllable (complex). A complex directive can be formed in four ways. Five ways of constructing a locative (处所词, a noun with spatial semantics) are described; the author analyzed the incorporative complex of the direction of movement in terms of its structure, construction variants (six variants) and the specifics of incorporating direct object and adverbial of place. The author examined all the possible positions of the two types of adverbial of place in the Chinese sentence, concluding that the location is similar in the structure of the sentence.

Keywords: *static adverbial of place, dynamic adverbial of place, directive, locative, предложение местонахождения, verb of movement, verb of the direction of movement, incorporative complex of the direction of movement.*

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

МІЖНАРОДНАЯ КАНФЕРЭНЦЫЯ «МОВА, ЛІТАРАТУРА І КУЛЬТУРА Ў АДУКАЦЫЙНАЙ ПРАСТОРЫ БЕЛАРУСІ І КІТАЯ»

(Мінск, 26–27 верасня 2019 г.)

26 верасня 2019 г. у Нацыянальным інстытуце адукацыі адбылося адкрыццё міжнароднай канферэнцыі «Мова, літаратура і культура ў адукацыйнай прасторы Беларусі і Кітая», арганізатарамі якой сталі Лабараторыя гуманітарнай адукацыі згаданага інстытута і Цяньцзінскі ўніверсітэт замежных моў. З кітайскага боку канферэнцыя прайшла пры падтрымцы Інстытута еўрапейскіх моў і культур, Цэнтра даследаванняў Беларусі, Цэнтра Якуба Коласа. Дарэчы, на сённяшні дзень у Кітаі існуе 11 цэнтраў вывучэння беларускай мовы і культуры.

Мадэратар канферэнцыі Г.М. Валочка (д-р пед. навук, галоўны навуковы супрацоўнік лабараторыі гуманітарнай адукацыі) расказала, што нагодай правядзення навуковага форуму сталі дзве вялікія падзеі: 2019 г. абвешчаны годам адукацыі Беларусі ў Кітаі і 90-годдзе Нацыянальнага інстытута адукацыі. Нацыянальны інстытут адукацыі на сённяшні дзень – гэта мультыпрофільная ўстанова адукацыі, цэнтр развіцця педагагічнай навукі і адукацыйнай практыкі Рэспублікі Беларусь. У ім выдзецца навукова-даследчая дзейнасць, навукова-метадычная дзейнасць па выданні вучэбных дапаможнікаў, навукова адукацыйная дзейнасць (падрыхтоўка навуковых супрацоўнікаў вышэйшай кваліфікацыі ў аспірантуры і дактарантуры), выдаюцца часопісы «Педагогическая наука и образование» і «Вестник адукацыі». З 2014 г. Нацыянальны інстытут адукацыі ўваходзіць у Еўразійскую асацыяцыю ацэнкі якасці адукацыі, у межах праграмы «Адзін пояс, адзін шлях» развівае эканамічныя і міжнародныя адносіны, заснаваныя на ўзаемаразуменні.

В.Ф. Русецкі (д-р пед. навук, дацэнт Нацыянальнага інстытута адукацыі) распавёў пра вопыт супрацоўніцтва Нацыянальнага інстытута адукацыі і ўстаноў навукі і адукацыі Кітая, адзначыўшы, што ў Кітаі маецца вялікая зацікаўленасць у вывучэнні культуры Беларусі. Так, напрыклад, у Цяньцзінскім універсітэце замежных моў паспяхова дзейнічае Цэнтр даследаванняў Беларусі, там усталяваны помнік Якубу Коласу – помнік першаму беларусу ў Кітаі. Менавіта там як запрошаны прафесар выкладае беларускую мову Г.М. Валочка.

У Хучжоў існуе міжкультурны цэнтр Азербайджана, Казахстана, Украіны і Беларусі, разам з якім Нацыянальны інстытут адукацыі выдае часопіс «Міжкультурныя даследаванні» (на рускай, кітайскай і англійскай мовах), і дзе ў 2020 г. плануецца выданне даследавання «Беларусь сёння». Універсітэт адукацыі Ганконга арганізуе заняткі для беларускіх настаўнікаў кітайскай мовы, ужо прайшло 14 адукацыйных школ. Пра шэраг мерапрыемстваў можна прачытаць на сайце нацыянальнага адукацыйнага партала, на старонцы «Беларусь – Кітай: традыцыі і сучаснасць», у прыватнасці пра праведзены конкурс «Мост у будучыню». Плануецца выданне спецнумару часопіса «Педагогическая наука и образование», прысвечанага году беларускай адукацыі ў Кітаі.

Шы Лін, дырэктар інстытута Канфуцыя ў Мінскім дзяржаўным лінгвістычным універсітэце, распавяла пра сацыяльныя функцыі гэтай установы, гісторыю дзейнасці ў Беларусі. Створаны ў 2011 г. кітайска-беларускі адукацыйны цэнтр, выпусціў ужо каля 10 тыс. слухачоў. Па свеце такіх цэнтраў больш за 500. Інстытут Канфуцыя ў Мінскім дзяржаўным лінгвістычным універсітэце у 2013 г. атрымаў званне лепшага. Сярод вынікаў дзейнасці можна згадаць мемуарандум аб супрацоўніцтве Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта і Паўднёва-Заходняга ўніверсітэта Кітая, рэгулярна праходзіць кітайска-беларускі адукацыйны форум, Інстытут Канфуцыя супрацоўнічае з 13 вучэбнымі ўстановамі Беларусі.

Пра моўныя інвестыцыі Кітая ў Беларусь разважала Лі Інін (PhD, прафесар Цяньцзінскага ўніверсітэта замежных моў, дырэктар Інстытута еўрапейскіх моў і культур). Сёння беларуская мова як спецыяльнасць бакалаўрыята існуе ў некалькіх універсітэтах Кітая. У Цяньцзінскім універсітэце вывучаюцца 33 замежныя мовы, 29 з якіх вызначаны прыярытэтнымі – мовы краін, блізкіх да Кітая. Гэта своеасаблівае лінгвістычнае забеспячэнне знешнепалітычнай стратэгіі па збліжэнні з культурамі, якія вывучаюцца, з якімі Кітай плануе кантактаваць на розных узроўнях. Лі Інін было адзначана выкарыстанне лінгвістыкі для вырашэння пытанняў знешняй палітыкі. Што да Беларусі, то ў Цяньцзінскім універсітэце адбыўся фестываль беларускай культуры, прайшло азнаямленне з беларускім культурным кодам праз арнамент і традыцыйныя строі. У задачы Цэнтра Якуба Коласа, што лакалізаваны там жа, уваходзіць падтрымка педагогаў-беларусістаў у Кітаі, стварэнне хрэстаматыі па краіназнаўстве Беларусі, ліквідацыя прабелаў у полі іміджавай інфармацыі пра Беларусь.

Чжао Сін (канд. пед. навук, выкладчык Першага Пекінскага ўніверсітэта замежных моў) былі раскрыты асаблівасці развіцця беларускай мовы як замежнай у Кітаі. Дарэчы, у працяг размовы пра лінгвістычную стратэгію Кітая, у Пекінскім універсітэце замежных моў вывучаюць 101 мову, у тым ліку беларускую як спецыяльнасць бакалаўрыята. Беларуская мова належыць да так званых «малых моў», якія, як патлумачыў дакладчык, мала выкарыстоўваюцца ў міжнародных зносінах. У студзені 2019 г. у Пекінскім універсітэце быў адкрыты Цэнтр вывучэння Беларусі.

Пра дыялог беларускай і кітайскай культур у вучэбных дапаможніках новага пакалення на беларускай мове распавяла В.У. Зелянко (д-р пед. навук, дацэнт Нацыянальнага інстытута адукацыі, намеснік дырэктара інстытута па навукова-даследчай рабоце). Выступоўца падкрэсліла, што ўмовы для эфектыўнага дыялогу культур – гэта ўласнае пражыванне фактаў культуры. Былі прадстаўлены два дапаможнікі для 5 і 9 класаў, аналізаваўся моўны і культуралагічны дыялог «па вертыкалі» (у ходзе гісторыі), і «па гарызанталі» (кантакты з іншымі народамі).

Працяг абмеркавання шэрагу актуальных пытанняў надалей адбыўся ў шасці сесіях:

- «Вывучэнне мовы, літаратуры і культуры ў іх спецыфіцы і ўзаемадзеянні ва ўстановах Беларусі і Кітая»;
- «Лінгвакультуралагічная інтэрпрэтацыя тэксту ў працэсе навучання»;
- «Моўная карціна свету і праблемы міжкультурнай камунікацыі»;
- «Пераклад як від міжкультурнай камунікацыі»;
- «Навучанне мовам і літаратуры ў дыялогу культур»;
- «Сучасныя падыходы да стварэння падручнікаў (вучэбных дапаможнікаў) па беларускай / кітайскай мове, літаратуры, мастацтве, культуры».

Трэба адзначыць высокую інфармацыйнасць дакладаў канферэнцыі, такія мерапрыемствы сапраўды вырашаюць задачу эфектыўнай міжкультурнай камунікацыі і супрацоўніцтва.

*канд. філал. навук, дац. С.М. Лясковіч
(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт)*

**IM SPANNUNGSFELD GOETHES:
ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВА В ПОЛЕ ПРИТЯЖЕНИЯ ГЁТЕ**

(Москва, 25-26 ноября 2019 г.)

25-26 ноября 2019 г. в Москве проходила Международная научная конференция, приуроченная к 270-летию со дня рождения И. В. Гёте и призванная осветить широкий круг литературно-эстетических, философских, духовных, творческих проблем, связанных с именем великого немецкого классика. Конференция была подготовлена Отделом литератур Европы и Америки новейшего времени, Отделом теории литературы, Отделом классических литератур Запада и сравнительного литературоведения Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, а также кафедрой социальных и общегуманитарных дисциплин Высшей Школы сценических искусств (Москва), при участии Комиссии по изучению творчества Гёте и культуры его времени при Научном совете по культуре РАН, Научно-исследовательской лаборатории «Изучение национально-культурных кодов русской идентичности в контексте европейской ментальности на рубеже XX–XXI веков» Института филологии и журналистики ННГУ им. Н.И. Лобачевского и при поддержке *Goethe Institut* (Москва) и службы академических обменов DAAD.

В рамках конференции предполагалось обсуждение следующего круга вопросов:

- «всемирный образ Гёте»: рецепция на Западе и Востоке в контексте новейших исследований отечественного и зарубежного литературоведения;
- концепт «Weltliteratur» в парадигме современного гуманитарного знания;
- традиционные и современные подходы к изучению творческого наследия Гёте; сюжеты классика в интерпретациях XX и XXI века;
- «подвижный образ мира» в философских и естественнонаучных штудиях Гёте;
- «театральное призвание» Гёте: веймарский классицизм на сцене и за кулисами;
- «русский Гёте»: история отечественной «гётеаны»; истоки и перспективы развития исследовательской мысли; история и современность русских переводов Гёте;
- Гёте на языках визуальных искусств (кино, живопись, книжная графика);
- Гёте и музыка.

Открытие конференции состоялось в Каминном зале ИМЛИ РАН с приветственных слов от дирекции ИМЛИ (академик А.Б. Куделин). Далее выступил доктор филологических наук, директор Института русско-немецких литературных и культурных связей, зав. кафедрой немецкой филологии им. Т. Манна в РГГУ, вице-президент Российского союза германистов, профессор Д. Кемпер (ФРГ), за ним – президент Российского союза германистов, доктор филологических наук, профессор В.Г. Зусман (Нижегород); затем было зачитано обращение к участникам конференции вице-президента Общества Гёте в Веймаре (*Goethe-Gesellschaft Weimar*) доктора Йохана Гольца (Германия), в заключение с приветственным словом выступила председатель Гётевской комиссии в Москве, доктор филологических наук, профессор Г.В. Якушева.

Предваряющий вводный доклад, охватывающий, по сути, важнейшие направления работы конференции и выводящий проблематику на актуальные вопросы современности, сделал академик РАН и научный руководитель ИМЛИ РАН Александр Борисович Куделин. Фактически этот доклад развивал некоторые идеи его же исследования «Литературные взаимосвязи Запада и Востока в XIX веке и формирование концепции «Мировая литература»¹. Выдающийся российский ученый-арабист, один из лучших знатоков арабо-мусульманской истории, литературы и культуры, вообще культуры Востока, А.Б. Куделин многие работы посвятил истории взаимодействия народов и культур Востока и Запада от древнейших времен до наших дней, продолжая и развивая труды и научные идеи крупнейших российских и мировых ученых. В данном докладе он – насколько позволяло время – на примере анализа «Западно-восточного дивана» И. В. Гёте, убедительно показал, с какой тщательностью великий поэт подходил к изучению средневековой восточной культуры, особенно поэзии, изучая лучшие труды ученых-востоковедов, в течение нескольких лет овладевая арабским языком и пытаясь понять ритмику, метрику и духовное наследие крупнейших средневековых поэтов и адаптировать по мере возможности это художественное богатство для немецкого читателя своего времени. Именно работа над «Западно-восточным диваном» в широком общественном и литературном контексте резко возросшего интереса к Востоку в эпоху романтизма подтолкнула Гёте к размышлениям о концепции мировой литературы, над которой он не переставал думать до конца своей жизни.

Доктор филологических наук, профессор А.А. Гугнин (Полоцкий государственный университет, Беларусь) в докладе «Некоторые проблемы современного изучения и издания И. В. Гёте» стремился ком-

¹ Куделин, А. Б. Литературные взаимосвязи Запада и Востока в XIX веке и формирование концепции «Мировая литература» / А. Б. Куделин. – СПб. : СПбГУП, 2011. – 36 с.

плексно рассмотреть важнейшие аспекты современного состояния гётеведения: как Гёте издается в России, как его творчество изучается, и как его произведения переводятся на русский язык. В докладе сделана попытка обобщить собственные размышления² и актуализировать их с точки зрения сверхзадачи данной конференции, которая видится в том, чтобы не только подвести некоторые важнейшие итоги наших усилий освоить огромное наследие великого писателя, но и выявить определенные лакуны и пробелы в работе, особенно такие, которые не под силу «закрыть» одному специалисту, поскольку они требуют не только личного энтузиазма исследователей Гёте, но и напряженного труда слаженного коллектива переводчиков, издателей, редакторов, отчетливо осознающих всю сложность и важность стоящих перед ними задач.

Приведём весьма показательный пример. В предвоенном собрании сочинений в 13 томах (1932–1949) были богатейшие комментарии, где раскрывались текстологические аспекты, приводились варианты переводов, фиксировалась история текстов в русской культуре. В послевоенные годы при общем упадке серьезного литературоведения соблюсти этот высокий уровень было, конечно, очень трудно, почти невозможно. Но хотя бы уж не делать в новых изданиях явных и непростительных ошибок, заглядывать время от времени в старое издание! Но увы! В единственном после войны – и заметно «оскопленном» – десятитомном собрании сочинений, изданном в 1975–1980 гг. в издательстве «Художественная литература», знаменитые «Зезенгеймские песни», стоящие у истоков «взрыва» немецкой лирики в эпоху «Бури и натиска» и написанные – как уже давным-давно в мировом и отечественном литературоведении выяснено³ – юным Гёте в сложном «соавторстве» со своим другом-соперником Ленцем, приписаны одному Гёте. И тщетно Вы будете пытаться хоть что-то понять из комментария – никаких маломальских объяснений по этому поводу там не приведено. А ведь подобные примеры, мягко говоря, неточностей в издании можно приводить еще и еще... Это ли не повод для литературоведов (в том числе и германистов) предъявить претензии не только к издательствам и Госкомиздату, но и к самим себе...

При публикации «Западно-восточного дивана» составители тоже упрощают проблему: все стихотворения в «Книге Зулейки», написанные от ее лица, приписываются Марианне фон Виллемер, хотя на самом деле ситуация гораздо сложнее, о чем мы сейчас можем прочитать в комментариях А.В. Михайлова к этому произведению⁴. Перечень недостатков десятитомника легко продолжить, и это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что уважение к великому классику в целом у германистов не возросло, а снизилось. Если что-то сохраняется и развивается, то это развитие идет за счет энтузиастов-одиночек, которых А.В. Михайлов частично упоминает в своей концептуальной статье⁵.

А как же обстоит дело с изучением Гёте? На съездах российских германистов (просмотрены почти все ежегодники и отчеты) постоянно говорится об успехах (и это, наверно, правильно), но бросается в глаза отсутствие обобщающих трудов о Гёте, которые можно было бы поставить в один ряд с двухтомником Карла Отто Конради и вышедшей год тому назад в русском переводе книгой Р. Сафрански, опубликованной в Мюнхене в 2013 г.⁶ О Конради говорить не будем, поскольку автор данной публикации был ответственным редактором, частично переводчиком и написал к этой книге предисловие. Хорошая, добротная, честная и очень полезная книга. При тираже в 50 000 экземпляров все германисты (и не только германисты) могли ее прочитать.

А о книге Р. Сафрански необходимо сказать хотя бы коротко. Несмотря на то, что ее тираж всего 1000 экземпляров, германисты, можно полагать, все же знакомы с ней. С Р. Сафрански автор познакомился в 2007 г.

² Я не только размышлял, но и практически участвовал в развитии российской гётеаны: к примеру, был научным редактором и автором предисловия к двухтомнику: Конради, К. О. Гёте. Жизнь и творчество / К. О. Конради; предисл. и общ. ред. А. А. Гугнина: в 2 т. – М.: Радуга, 1987.

³ См.: Розанов, М. Н. Поэт периода «бурных стремлений» Якоб Ленц: его жизнь и произведения / М. Н. Розанов. – М.: Унив. тип., 1901. – 582 с. Но об этом еще раньше писал А. Бельшовский в книге, которая есть и в русском переводе: Бельшовский, А. Гёте, его жизнь и произведения: в 2 т. / А. Бельшовский. – СПб.: Л.Ф. Пантелеев. – 1898–1908.

⁴ Гёте, И. В. Западно-восточный диван / И. В. Гёте; изд. подгот. И.С. Брагинский, А.В. Михайлов. – М.: Наука, 1988. – 895 с. На это издание, подготовленное востоковедом и германистом, неоднократно ссылаются и А.Б. Куделин.

⁵ Здесь необходимо упомянуть статью А.В. Михайлова «Zum heutigen Stand der Germanistik in Russland. Ein vorläufiger Bericht» («О современном состоянии германистики в России. Предварительный обзор»), опубликованную в ФРГ в 1995 г. и в 2018 г. воспроизведенную по-немецки, а также в русском переводе Г.И. Данилиной. Ей же принадлежит и очень грамотное послесловие к этой статье, которое должно пояснять некоторые ее особенности, вытекающие из факта обращенности текста к немецкому читателю в условиях первого (бурного) периода «перестройки» и с учетом степени информированности немецкого читателя о состоянии российской германистики вообще. Замечательно, что эта концептуальная статья крупнейшего германиста сейчас стала более доступной. См.: Жизнь в науке: Ал. В. Михайлов – исследователь литературы и культуры / Коллективная монография. Отв. ред. Л.И. Сазонова. – М.: ИМЛИ РАН, 2018. – 624 с.

⁶ Safranski, R. Goethe: Kunstwerk des Lebens: Biographie. – München: Carl Hanser Verlag, 2013. – 750 S.; Сафрански, Р. Гёте: жизнь как произведение искусства / Р. Сафрански; пер. с нем. К. Тимофеевой. – М.: Дело, 2018. – 703 с.

на презентации его книги о Шиллере, которую переведил. Возникла дискуссия о переводе названия: *Schiller oder Die Erfindung des deutschen Idealismus*. Некоторые переводчики предлагали перевести название как «Шиллер или Изобретение немецкого идеализма», но в содержании книги никакого *изобретения* не прослеживается, хотя сам Р. Сафрански некоторое время колебался, потому что не знал русского языка. Его колебания можно объяснить как особенность западноевропейского рационального мышления. Но в российском сознании идеализм Шиллера изначально воспринимался как романтический, а романтическое всегда ассоциировалось с чувствами, энтузиазмом духа, но никак не с рационализмом и изобретательством. Тогда Рюдигера Сафрански удалось убедить. Но с книгой о Гёте дело, кажется, обстоит несколько сложнее. Название книги *Kunstwerk des Lebens* было переведено следующим образом: «Жизнь как произведение искусства». То есть акцент сделан на *жизни*. Сафрански едва ли не на каждой странице подчеркивает и разъясняет, что Гёте жил не столько для того, чтобы радоваться и наслаждаться жизнью, любуясь ей как искусством, сколько воспринимал жизнь как важнейший стимул для творчества и никогда не позволял себе увлечься собственно жизнью настолько, чтобы она стала заслонять творчество, вытеснять его, мешать ему. Он мог убежать от жизни, но не мог убежать от творчества. Но как это передать по-русски? «Искусство жизни, преображенное в творчество». Или как-то еще (например, «Творчество как искусство жизни»). Искусству жизни Гёте тоже упорно учился, потому что он сначала инстинктивно, а потом и умом стал понимать, насколько это важно для творчества. Полной гармонии жизни и творчества, о которой он мечтал, ему достичь так и не удалось. Иначе как понять его позднее признание Эккерману о том, что «он всю жизнь ворочал огромный камень, который так и стал на место...» Если Гёте вставал перед неизбежным выбором между жизнью и творчеством, то он в конечном итоге всегда выбирал творчество. Как это ни странно, но немало людей именно это не могут понять и принять в Гёте.

Далее на пленарном заседании были прослушаны следующие доклады: Е.А. Тахо-Годи (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва) «Из истории отечественной "Гётеаны": А.Ф. Лосев о литературно-философских идеях И.В. Гёте»; Л.И. Сазонова (ИМЛИ РАН, Москва) «А.В. Михайлов о Гёте»; Н.Т. Пахсарьян (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва) «Трактовы гётевской концепции "Weltliteratur" в современном французском литературоведении»; В.Г. Зусман (НИУ ВШЭ, Нижний Новгород) «Гений и место. Гёте и собор в Страсбурге»; Ю.Б. Орлицкий (РГГУ, Москва) «"Римские элегии" Гёте: особенности гекзаметра в русских переводах»; В.А. Пронин (ИСИ, Москва) «Страсти по Фаусту». Регламента докладчикам не хватало, но будем надеяться, что все статьи будут целиком опубликованы в запланированном сборнике.

*д. филол. наук, проф. А.А. Гугнин
(Полоцкий государственный университет)*

После небольшого перерыва работа конференции продолжилась в нескольких секциях, каждая из которых была посвящена обсуждению определенного круга вопросов. Так, участники первой секции сконцентрировали свое внимание на философских основах гётевского мировосприятия и его влиянии на дальнейшее развитие философской мысли (секция «Философия сюжетов, жизни и языка»). В этой секции были прочитаны следующие доклады: П.А. Васинева (РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург) «Философский диалог Гёте и ранних немецких романтиков: рецепция и преодоление идей»; В.Н. Базылев (МГЛУ, Москва) «Гёте и философия антиязыка»; О.Н. Кулишкина (СПбГУ, Санкт-Петербург) «И. В. Гёте и В.В. Розанов»; Е.В. Робустова (ВШСИ, Москва) и Ф. Бергальо (НИУ ВШЭ, Москва) «Под прицелом психоанализа: личность Гёте сквозь призму его итальянских странствий»; О.О. Столяров (ИМЦ, Москва) «Феномен Необычайного в творчестве И. В. Гёте».

Поднимаемые на страницах гётевских произведений проблемы поэтического творчества, интертекстуальность творений немецкого классика стали предметом обсуждения в секции «Теория творчества, тексты и интертексты». Первым на ней был заслушан доклад А.Л. Вольского (СПбГУ, Санкт-Петербург) о проблематизации творческой фантазии в драме И. В. Гёте «Торквато Тассо». Обсуждение гётевской теории поэтического творчества продолжила в своем докладе доцент Дагестанского государственного университета Ф.Х. Исрапова («Сонеты» Гёте как теория поэтического творчества»). И.А. Эбаноидзе (ИМЛИ РАН, Москва) предложил слушателям обратиться к эссе Х. Ортеги-и-Гассета «В поисках Гёте», написанному по случаю столетней годовщины со дня смерти писателя (1932), чтобы вместе с испанским философом попытаться найти ответ на вопрос, чем же Гёте может быть интересен для сегодняшнего дня («Эссе Х. Ортеги-и-Гассета "В поисках Гёте" и его значение для теории литературного творчества»). Представительница белорусского научного сообщества, германист и выдающийся знаток «Ганаха», профессор Белорусского государственного университета, Г.В. Синило акцентировала внимание собравшихся на гётевской духовной интерпретации одной из самых поэтических и таинственных книг Библии – знаменитой Песни Песней. Выступавшая вслед за ней профессор Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского Т.А. Шарыпина продолжила разговор об интертекстуальности, обратившись

к гётевской трактовке античной культурной традиции на примере сюжета об Ифигении («Метаморфозы Ифигении: от Еврипида к Гёте и Фолькеру Брауну»).

Обсуждение истории развития фаустовской темы в мировой литературе – проблемное поле большинства докладов, заслушанных на секции под названием «Фаустиана». Неподдельный интерес и оживленную дискуссию вызвало выступление А.Е. Махова (ИМЛИ РАН, Москва) о семантической наполняемости пространственной метафоры в заключительных строках «Фауста» («"...Тянет нас вверх": топос в последней строке "Фауста"»). О непрекращающемся диалоге современных писателей (русских, немецких, латиноамериканских) с автором «Фауста» свидетельствует ряд докладов, посвященных рецепции сюжета об искателе абсолютных истин и его договоре с дьяволом: Д.Д. Николаев (ИМЛИ РАН, Москва) «"Фауст" и драматургия русского зарубежья 1920 – 1930-х гг.»; М.Ф. Надъярных (ИМЛИ РАН, Москва) «Из истории латиноамериканской фаустианы»; аспирант Ю.А. Лагутенко (СГУ, Сыктывкар) «Фаустология К. Жакова. На материале "Ниеганелла. Сказание о зле"».

Еще более насыщенным оказался второй день конференции, продолжившей свою работу в стенах Высшей Школы сценических искусств (ВШСИ). После приветственного слова руководства вуза – ректора ВШСИ, заслуженного работника культуры России А.Е. Полянкина и проректора по научной работе Д.Н. Трубочкина – началась работа по секциям, освещающим самый широкий круг проблем, связанных с именем немецкого классика. О тематическом разнообразии обсуждаемых вопросов говорит уже название секций: «Гёте и музыка», «Театр, кино и визуальные образы», «Русский Гёте», «Гёте в немецком художественном сознании».

Самой многочисленной по количеству заслушанных докладов стала секция «Прочтения и переводы – пространство интерпретации и диалога». Открыла работу секционного заседания Е.В. Бурмистрова-Еннерт (СПбГИК, Санкт-Петербург). В своем выступлении она обратила внимание научного сообщества на существующие до сих пор проблемы перевода на русский язык стихотворных изречений Гёте. О.А. Радченко (МГЛУ, Москва) познакомил присутствующих с существенными отличиями в трактовке темы дружбы и любви в поэтическом сборнике Хафиза Шарази «Диван» и в гётевском «Западно-восточном диване», написанном в подражание персидским газелям. В продолжение фаустовской темы, ставшей предметом детального обсуждения в первый день конференции, прозвучал доклад Е.И. Зейферт (ИФФИ РГГУ, Москва) «Фауст Юрия Левитанского».

Широта жанровой палитры гётевского поэтического гения нашла своё отражение в тематике докладов, представленных для обсуждения в рамках работы данной секции. Вниманию слушателей было предложено выступление молодой исследовательницы Е.О. Сиротиной (МГЛУ, Москва) «Деформация и приращение смысла в крылатых выражениях И. В. Гёте», и возможность познакомиться с результатами исследования более крупных произведений Гёте зрелого периода. Так, рассуждения Б.А. Максимова (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва) в докладе «"Их сердца открывались навстречу друг другу": о специфике и границах психологизма в романе Гёте "Избирательное сродство"» были подкреплены многочисленными примерами, позволившими автору продемонстрировать риторическую природу гётевского слова, отличающую его от набирающего в это время популярность романтизма.

Диалогия Гёте о Вильгельме Мейстере привлекла внимание сразу нескольких исследователей. Выступление Д.А. Беякова (МГЛУ, Москва) было посвящено сопоставительному анализу образов главных героев воспитательных романов XVIII и XX века – гётевского Вильгельма Мейстера и манновского Ганса Касторпа («Вильгельм Мейстер и Ганс Касторп – два полюса художественного мира немецкого романа воспитания»). Доклад же белорусской исследовательницы Л.И. Семчёнок, напротив, был сконцентрирован преимущественно лишь на одной из вставных новелл романа «Годы странствий Вильгельма Мейстера». Докладчица уделила особое внимание рассмотрению семантических сдвигов, предпринятых Гёте при переводе французской истории о безумной скиталице на немецкий язык. По мнению исследовательницы, смещение смыслопорождающих центров рассказа оказало влияние на жанровую природу повествования и сделало возможным его включение в художественный мир романа («"Безумная скиталица" И. В. Гёте – ангел или демон? К вопросу о жанровой специфике новеллы»).

Не секрет, что роман Гёте «Поэзия и правда» занимает особое место в творческом наследии писателя. Свойственная классику склонность к самомифологизации стала отправной точкой в выступлении П.В. Абрамова (ВШСИ, Москва). В своем докладе он обратил внимание собравшихся на ключевые точки в развитии жанра автобиографии, оказавшие существенное влияние на немецкого автора («Автобиографический космос Гёте – диалог с предшественниками: Кардано, Челлини, Руссо»).

В программе конференции были заявлены и другие секции: «Гёте и музыка», «Театр, кино и визуальные образы», «Русский Гёте», «Гёте в немецком художественном сознании».

Л.И. Семчёнок
(Полоцкий государственный университет)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Трацяк З.І.</i> Рэцэпцыя матыва «вяртанне» ў беларускай прозе XX ст.	2
<i>Иоскевич М.М.</i> «Мертвый мир» царской империи в белорусских романах на революционную тематику	6
<i>Вялюга С.А.</i> Новы герой у беларускім рамане пачатку XX ст. (па творах «Сокі цаліны» Ц. Гартнага і «Запіскі Самсона Самасуя» А. Мрыя)	10
<i>Брынина Е.С.</i> Поэтика художественной детали в трилогии И. Мележа «Полесская хроника»	14
<i>Дисковец А.В.</i> Пьесы Е.В. Чирикова в контексте русской драматургии первой трети XX в.	18
<i>Hussam Assaad.</i> Depiction of the 20 th Century Fragmentary Society in W. Faulkner's <i>As I Lay Dying</i>	24
<i>Лабовкин Д.А.</i> Мотив бегства в романе Дж. Апдайка «Кролик, беги», рассказах «Туз в рукаве» и «Завтра, завтра, завтра и так далее»	32
<i>Гордейнок Т.М., Линкевич А.В.</i> Тема объединения Германии в романах К. Хайна	39
<i>Кузнецик Е.В.</i> Мотив памяти в романе К. Хайна «Трутц»	44
<i>Альшевская А.С.</i> Формы репрезентации антропоморфных образов-представлений	49
<i>Ли Лунь.</i> Роль и функции художественного перевода в XXI веке	58

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Горицкая О.С.</i> Конкуренция лексических вариантов в русской речи белорусов (по данным эксперимента)	63
<i>Василенко Е.Н.</i> Лингвистический аспект правового статуса «языка вражды»	71
<i>Солодовникова Т.В.</i> Прагматика дискурса социальной, политической, и коммерческой рекламы в аспекте языковой ситуации в Республике Беларусь	77
<i>Ковалькова Т.В.</i> Способы языковой репрезентации социального имиджа промышленных предприятий	81
<i>Чалова О.Н.</i> Актуальное состояние жанровой системы научной коммуникации в поле институционального дискурса	86
<i>Егоров Н.В.</i> Способы взаимодействия адресанта и адресата в научно-популярном дискурсе	90
<i>Сидорович З.З., Букач А.В.</i> Ономастическое пространство в трилогии Анны Берсеновой «Подруги с Малой Бронной»	96
<i>Рыжкович А.Ч.</i> Фразеологические темпоральные предложные единицы: списочный состав, структура, семантика (на материале русского языка)	104
<i>Новогран Ю.Н.</i> Лексические расхождения в составе фразеологизмов, общих для русского, белорусского и английского языков	108
<i>Чударь А.Н.</i> Синтетические диминутивы в австралийском, новозеландском и южноафриканском английском: структурные особенности	115
<i>Потапова Н.Л.</i> Лексические трансформации как способ преодоления интерференции при переводе научных текстов по математике	122
<i>Аскари А.С.</i> Звукоподражание в контексте семиологической типологизации	126
<i>Чежулаева А.С.</i> Обстоятельство места в китайском языке: виды, способы выражения и позиции в предложении	137

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Міжнародная канферэнцыя «Мова, літаратура і культура ў адукацыйнай прасторы Беларусі і Кітая», Мінск, 26–27 верасня 2019 г. (<i>С.М. Лясковіч</i>)	146
Международная научная конференция «Im Spannungsfeld Goethes: литература и искусства в поле притяжения Гёте», Москва, 25–26 ноября 2019 г. (<i>А.А. Гугнин, Л.И. Семченко</i>)	148